П. И. КОВАЛЕВСКИЙ

2

ПСИХИАТРИЧЕСКИЕ ЭСКИЗЫ ИЗ ИСТОРИИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

П.И. Ковалевский (1849–1923) – выдающийся русский психиатр, профессор, ректор Варшавского университета, основатель первого в России психиатрического журнала «Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии». В двухтомнике публикуется уникальная серия исследовательских очерков, каждый из которых анализирует наследственность, анатомо-физиологические и психические характеристики крупнейших исторических деятелей. Художественность, тонкая историческая наблюдательность и глубина научных обобщений делают книгу П.И. Ковалевского интересной для самого широкого круга читателей.

Содержание:

НАВУХОДОНОСОР, ЦАРЬ ВАВИЛОНСКИЙ
МАГОМЕТ
ОРЛЕАНСКАЯ ДЕВА
ХРИСТИНА, КОРОЛЕВА ШВЕДСКАЯ
ЭММАНУЭЛЬ СВЕДЕНБОРГ
НАПОЛЕОН I И ЕГО ГЕНИЙ
ЛЮДВИГ, КОРОЛЬ БАВАРСКИЙ

- П. И. Ковалевский
  - НАВУХОДОНОСОР, ЦАРЬ ВАВИЛОНСКИЙ
  - МАГОМЕТ
    - ГЛАВА I
    - ГЛАВА II
    - ГЛАВА III
    - ГЛАВА IV
    - ГЛАВА V
    - ГЛАВА VI
    - ГЛАВА VII
    - ГЛАВА VIII
    - ГЛАВА IX
    - ГЛАВА X
    - ГЛАВА XI
    - ГЛАВА XII
  - ОРЛЕАНСКАЯ ДЕВА
    - ГЛАВА I
    - ГЛАВА II
    - ГЛАВА III
    - ГЛАВА IV
    - ГЛАВА V

- ГЛАВА VI
- ГЛАВА VII
- ГЛАВА VIII

- ХРИСТИНА, КОРОЛЕВА ШВЕДСКАЯ
- ЭММАНУЭЛЬ СВЕДЕНБОРГ
  - ГЛАВА I
  - ГЛАВА II
  - ГЛАВА III
  - ГЛАВА IV
  - ГЛАВА V
  - ГЛАВА VI
  - ГЛАВА VII
  - ГЛАВА VIII
  - ГЛАВА IX
  - ГЛАВА X
- НАПОЛЕОН I И ЕГО ГЕНИЙ
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
- ЛЮДВИГ, КОРОЛЬ БАВАРСКИЙ

П. И. Ковалевский
Психиатрические эскизы из истории. Том 2

НАВУХОДОНОСОР, ЦАРЬ ВАВИЛОНСКИЙ

Одним из важных признаков душевного заболевания является бред. Очень часто содержание бреда служит важным пособием для определения той или другой формы душевного заболевания.

С другой стороны, содержание бреда, в свою очередь, часто обусловливается современными общественными событиями. В военное время события войны часто служат предметом бреда; в мирное время те или другие выдающиеся обстоятельства современной жизни в свою очередь отражаются на содержании бреда душевнобольных. Я убежден, что по историям болезни больных домов умалишенных можно с большой точностью написать историю волнений и переживаемых умственных колебаний данного общества и даже государства.

Особенно веские доказательства нашему положению мы находим в жизни средних веков. Это было время суеверий, фанатизма, религиозной нетерпимости и инквизиционных застенков. В душевнобольных людях того времени видели одержимых злым духом или же святых. Первых сотнями и даже тысячами предавали всесожжению на костре, вторым поклонялись. Первые были демониаки, вторые – праведники.

В зависимости и связи с этим убеждением и верованием в одержимость душевнобольных злым духом мы находим повествования о том, что весьма многие душевнобольные действительно проявляли бред об одержании их дьяволом. Бесчисленное множество демониаков еще более поддерживали в окружающем обществе убеждение о действительном одержании их злым духом.

Рядом с одержимыми мы встречаем в средние века множество оборотней, т. е. людей, считавших себя превратившимися в волка, собаку, быка, льва и проч. Эти оборотни сами считали себя зверьми и соответственно тому бросали обычный свой образ жизни и вели жизнь, свойственную тому животному, в которое они были обращены.

Окружающие и близкие им люди в свою очередь считали их не людьми, а оборотнями, причем, по их мнению, кожа таких больных только сверху представлялась человеческой, внутрь же она обращена шерстью, свойственною тому или другому животному. Поэтому бывали случаи, что кожу таких оборотней изрезывали полосками по частям, ища у них под кожей шерсть того или другого животного. Если же, изрезав всего человека, все-

таки не находили шерсти, то это значило, что дьявол скрыл свою печать, а страдалец считался виновным, осуждался и подвергался казни огнем или водой.

Мы повторяем, в средние века особенно была развита болезнь превращения оборотней в волка, собаку, вола и пр. В то время она являлась часто, едва ли не эпидемически и обусловливалась невежеством, суеверием, народным убеждением и общим для того времени религиозным фанатизмом.

В настоящее время тоже приходится наблюдать таких больных. Правда, явление это по заведениям для душевнобольных довольно редко, но тем не менее, встречается даже в чистом виде. Так, я лично наблюдал превращения в собак, волков, лошадей, быков, петухов и проч., но все-таки эти явления весьма редки.

Гораздо чаще ныне встречаются частичные превращения, когда больной человек воображает, что у него ноги стеклянные, и потому он не может ходить, или руки золотые, и он не может работать, или голова серебряная, и он не может думать и т. д. В крайних степенях это болезненное состояние доходит у больных до изменения в больном сознания собственной личности, когда больной признает себя в данный момент за другого человека, чем он был до болезни. Прежде он был допустим, Петров, а ныне он Гаврилов. Больной, положим, Петров, но это не «он»: «он» был, а теперь «его нет» и т. д. Вообще и ныне превращения людей бывают нередки, но теперь они, в силу изменившихся народных воззрений, имеют несколько иной характер.

В древние времена превращения людей в животных были делом очень частым и обычным. Такое превращение совершалось по соизволению богов за непомерную человеческую гордыню. Так, Овидий повествует, что дочери Прэта, возмечтав, что они красивейшие в мире женщины, красивее даже Юноны, были богами наказаны за свою гордость и превращены в коров, питались растениями и были излечены пастухом. Спутники Улисса были обращены в оленей, Эфигения – в змею, Лаокоон – в волка и т. д.

Мы могли бы привести много примеров превращения людей в животных в мифические и древние времена, но мы остановимся на наиболее разительнейшем из этих случаев, именно на Навуходоносоре, царе Вавилонском.

Навуходоносор (III), царь Вавилонский, был сын Навуходоносора II, или Набопаланассара царя Вавилонского, или Халдейского. На престол он взошел в 1399 г. от сотворения мира и в 601 г. до рождества Христова; царствовал же он 43 г. Когда Навуходоносор взошел на отцовский престол, то он был еще в поре юношеской свежести сил и, сделавшись «царем царей»,

проявил такую энергию, что пророк Иеремия уподобляет его льву, неодолимо низлагающему всех противников, и орлу, быстрыми полетами настигающему добычу…

Его царствование было поистине славно. Победив и завоевав соседние народы, Навуходоносор занялся украшением и укреплением Вавилона. Подобно всем восточным завоевателям, Навуходоносор, победив тот или другой народ, забирал из него наилучших членов и уводил их в Вавилон. Так он сделал и с евреями. Победив иудейское царство, на второй год своего воцарения, Навуходоносор забрал славных, крепких, молодых и обученных мастерствам и искусствам людей и увел их в Вавилон. С помощью этих и других рабов и пленников Навуходоносор оградил Вавилон стенами и крепостями, окружил глубокими рвами, насадил в нем рощи и украсил, насколько возможно было его украсить для того времени. Говорят, что висячие сады, приписываемые историей Семирамиде, были насажены тоже Навуходоносором III и только народные предания, не знающие меры для излюбленных лиц, приписали их Семирамиде.

Укрепив так Вавилон невиданной дотоле на востоке твердыней и украсив его так, что даже воображение восточного тирана не могло более ничего придумать, Навуходоносор, естественно, возгордился своей личностью. Подумал он о себе: нет на свете никого могущественнее его и нет на свете никого богаче и славней его.

Однажды Навуходоносор видел сон, страшный и поражающий; но в чем он состоял – Навуходоносор не помнил, и ужаснулся дух его и сон его отступил от него… Тогда приказал Навуходоносор позвать к себе всех обаятелей, волхвов, чародеев и халдеев и приказал им, чтобы они как самый сон ему воспроизвели, так и представили бы на него толкование. *Аще убо не возвистите ми сна и сказания его, в пагубу будете и домове ваши разграбятся.*

Положение вавилонских мудрецов было отчаянное. Нужно было не только истолковать сон, забытый царем, но и воссоздать его. И отвечали халдеи царю: нет на земле такого человека, который бы разгадал слово царя, и только одни боги могли бы исполнить волю царя, так как они живут не во плоти.

Ввиду такого ответа халдеев и волхвов царь приказал умертвить всех мудрецов вавилонских. В числе этих мудрецов были и четыре иудея: Даниил, Анания, Азария и Мисаил, выведенные из иудеев Навуходоносором после разорения Иерусалима.

Тогда Даниил просил царя *якоже время, дасть ему* и тогда он возвестит царю и сон и толкование его. Царь согласился. Тогда

Даниил, Анания, Азария и Мисаил начали молиться Господу Богу Иегове и просить его, *да не погибнут Даниил и друзи его с прочими мудрыми Вавилонскими. Тогда Даниилу во сне нощию тайно открылся…*

Благословив имя Господа Иеговы, Даниил отправился к Навуходоносору и сказал ему:

И видел ты, царь, стоящее пред тобою тело; было оно необыкновенно высоко и образ его страшен. Голова этой фигуры была золотая, руки и грудь – серебряные, живот и бедра медные, голени железные, частью же глиняные. И вот отвалился от горы камень, упал на ноги статуи и уничтожил их до конца. Тогда перемешалось все вместе и золото, и серебро, и медь, и железо и превратилось все в прах, – ветер же рассеял и самый прах. А камень все рос и рос в гору и наполнил всю землю.

Это есть сон. Толкование же его следующее: Ты, царю, царь царей, ему же Бог небесный царство даде крепкое, и державно и честно… и поставил тя властелина всеми. Ты еси глава златая. После тебя царство будет другое, меньше твоего, – это означает серебро. Медь означает царство третье. И будет царство четвертое, крепкое, как железо. Ноги же, состоящие из железа и глины, означают, что царство это разделится и будет смешано. И как железо и глина не могут соединиться прочно, так и царство это погибнет от розни. И во дни царей тех восставит Бог Небесный царство, еже во веки не рассыплется.

И поклонился Навуходоносор Даниилу и восхвалил Господа, Бога богов, и Господа господ ей и Царя царей. Одарив Даниила, Навуходоносор поставил его первым в царстве; а Ананию, Азарию и Мисаила поставил над делами страны Вавилонской.

Сильнейший, могущественнейший и славнейший на земле, Навуходоносор возгордился своею славою, своею силою и своим могуществом. Думая только о себе, он забыл Бога. Зная только себя, он поставил златую статую и приказал ей поклоняться всем подданным его и всем рабам его.

Сознание собственного величия и могущества резко отразилось и в надписях, которые Навуходоносор оставил после себя на построенных им храмах. Вот одна из них: «Я соорудил жилище моего владычества, местопребывание моего могущества в Вавилоне… Я соорудил великую стену кругом его и построил неразрушимый дом. Да будет он оставаться цел в Вавилоне, да будет мой род жить в нем, умножаться и получать дани царей земных…»

И наказал Господь Бог гордыню Навуходоносора.

Аз, Навуходоносор, обилуяй бех в дому моем, сон видех и видение главы моя, на ложи моем зрех. Такой сон видел царь.

И вот древо посреди земли. Высота его касается небес, вширь же оно покрывает землю. Листья его прекрасны, плод его многочислен и служит он пищей всем. И ютятся под этим деревом все дикие звери, в ветвях же и листьях все птицы небесные. И питается этим деревом вся плоть. Но вот сошел с неба Бодрый и Святый и мощно возгласил: срубите это дерево и отрубите все ветви его, отрясите листья его и рассыпьте плод его: да исчезнут звери из-под него и птицы из-под ветвей и листьев его. Только пусть корни его остаются в земле. И да пребывает оно в железных и медных оковах между злаком, травою и со зверьми дикими. Сердце его от человек изменится, и сердце зверино дастся ему и седмь времен изменятся над ним. Да узнают все живущие, яко Вышний владеет царством человеческим и ему же восхощеть даст е…

Вновь явился Даниил толкователем царского сна и сказал Навуходоносору: «Господин, лучше бы было, если бы твой сон пал на ненавидящих тя и сказание его на врагов твоих. Древо, которое ты видел, великое и крепкое, вершиною касающееся небес, а ветвями покрывающее всю земли, коего прекрасные листья и обильные плоды служат покровом и пищею для всех зверей и птиц – это ты, царю. Ты возвеличился еси и укрепил: и величество твое возвеличися и досяже небес и власть твоя до концов земли. Повеление же Всевышнего срубить то дерево, отсечь его ветви и распилить то дерево до корней, корни же оставить в оковах среди травы, злаков и росы со зверьми дикими, пока не пройдет в этом состоянии семь лет – означает волю Всевышнего над тобой. Изженуть тя из человеческого общества и будешь ты жить среди диких зверей, и как вол будешь питаться травою и тело твое оросится росою небесною. В таком состоянии пробудешь ты семь лет, пока не познаешь, яко Вышний владеет царством человеческим и ему же восхощет дасть е. Тоже – чтобы корни дерева все-таки остались в земле, означает, что царство твое не отнимется от тебя, а будет возвращено тебе, когда ты познаешь власть небесную. Вот почему, царю, прими совет мой: искупи грехи твои милостями и неправды твои щедротами убогим, да будет Господь долготерпелив к твоим грехам.

Но Навуходоносор не покаялся и предсказание Даниила исполнилось через двенадцать месяцев.

Прошло двенадцать месяцев со сна Навуходоносора. И вот в гордыне своей Навуходоносор, взирая на Вавилон, изрек: «Как велик этот Вавилон, который я создал в державе крепости моей и в честь славы моей…»

Но не успел Навуходоносор окончить слов своих, как услышан был голос с небес: «Тебе говорится, Навуходоносор:

царство твое отнимется от тебя, и изгнан ты будешь из человеческого общества, и будешь ты жить с дикими зверями, и, как вол, будешь ты питаться травою; в таком состоянии пробудешь ты семь времен, пока не познаешь, яко Всевышний владеет царством человеческим и ему же восхощет, дает е».

В тот же момент слово Господне исполнилось над Навуходоносором. Он бежал из человеческого общества, скитался, как зверь, питался, как вол, травою, и орошался небесною росою, пока на нем не выросли волосы, как у льва, и ногти не отросли, как у птиц.

По окончании назначенного времени возвратился ум Навуходоносору. И возвел он очи свои на небо, и благословил Всевышнего, и восхвалил Живущего во веки, яко власть Его власть вечна и царство его в роды родов.

После этого Навуходоносор вновь царствовал и величие изобильнее приложилось к нему.

Так повествует библия о состоянии Навуходоносора, царя Вавилонского.

Состояние, в котором находился семь времен Навуходоносор, царь Вавилонский, известно в науке под именем *ликантропии.* Под именем ликантропии и кинантропии разумеется такое болезненное душевное состояние, при котором человек чувствует себя превратившимся в волка или собаку. Такой человек чувствует себя волком, воображает себя волком, думает, как подобает волку, и поступает, как дикое животное.

При этом на первом плане происходит поражение сознания собственной личности человека.

Сознание собственной личности человека образуется на основании представлений настоящего момента жизни человека и представлений, образовавшихся в течение всей предыдущей жизни и из сочетания и логического соотношения этих двух отделов представлений. Таким способом образуется сознание собственного я.

В основе представлений прошлого лежат следы от прежде бывших в нашем сознании ощущений; в основе представлений настоящего момента лежат ощущения, воспринимаемые нами в настоящий момент посредством органов чувств о внешнем мире и о состоянии нашего собственного организма.

Если доносимые до нашего сознания ощущения в настоящий момент правильны количественно и качественно, то и та часть сознания личности, которая зиждется на них, будет вполне правильна и разумна. Точно то же должно сказать и о той части сознания, которая создается на основании следов прежде бывших ощущений и представлений: если эти следы будут количественно

и качественно правильны, то и сознание личности будет правильно и разумно.

Но для большей точности и правильности образования сознания необходимо, чтобы между этими двумя отделами сознания существовало взаимоотношение, проверка и поправка.

Например, бывают случаи, когда руки становятся нечувствительными. При этом болезненном состоянии должно произойти, во-первых, отсутствие ощущений о существовании рук и, во-вторых, отсутствие всех тех осязательных ощущений, которые мы воспринимаем при помощи рук. Отсюда должно последовать выпадение представлений в нашем сознании о существовании рук и выпадение всех тех представлений, которые образуются в нашем сознании при содействии осязания наших рук. Отсюда далее весьма естественно может возникнуть в нашем сознании представление, что у нас нет рук, что мы лишились рук, что руки у нас отрезаны.

Поправкой такому ошибочному представлению служат другие органы чувств, а именно зрение. Видя наши руки целыми, мы приходим к тому выводу, что, значит, с нашими руками произошла такая перемена, вследствие которой мы не ощущаем ни рук, ни тех воздействий внешнего мира, которые обычно ощущаются при помощи осязательных органов наших чувств.

Второй поправкой для пробела в области ощущений, вследствие данного выпадения, служат представления прежнего времени, в силу которых мы знаем, что руки у нас есть, что их у нас не резали, что они подвергались ушибу, вследствие которого может явиться нечувствительность, и что если таковая есть, то она именно и является следствием ушиба и последующих изменений в восприятии. Таким образом, контроль со стороны прежде образовавшихся у нас представлений является весьма важным пособием для сохранения равновесия в сознании личности как в здоровом, так и в болезненном состоянии.

Разъединение между этими двумя отделами сознания способствует образованию ошибочных и ложных представлений о личности. Так, я лично наблюдал такой случай. Душевнобольная подверглась мозговому кровоизлиянию, причем у нее отняло параличом половину тела с уничтожением чувствительности в ней. Отсюда у нее возникло сознание, что рядом с нею лежит другой человек. Сторона здоровая, с непораженной чувствительностью, это она сама, а сторона парализованная и нечувствительная – это чужой человек, и больная постоянно жалуется на этого чужого, – зачем он лежит здесь.

Очевидно, контроль в сознании личности данной больной был резко нарушен. В одной части тела она имела ощущение,

таким образом осталось сознание, что это она; в другой части тела ощущений не было, таким образом являлось представление о чем-то чужом, постороннем, ей чуждом. Сознание прошлого в данном случае не приходило на помощь и сознание настоящего, отделенное и оторванное от прошлого, дало ошибочное представление о раздвоении личности.

Бывают случаи, когда, вследствие разъединения между этими двумя областями сознания, у больного образуется ложное представление о двух людях: о прежнем человеке и о теперешнем человеке. Прежний человек, когда сознание было единое и представление правильное, это «он», а нынешний человек – с измененными ощущениями и представлениями и с раздвоенным сознанием – это «я». Между «ним» и «мною» нет ничего общего. И это в действительности так: прежний человек правильно составлял представления, правильно сочетал их с прошлыми представлениями, а потому и правильно мыслил и имел соответственное представление о себе. Нынешний человек неправильно ощущает, имеет неправильные представления, не может сочетать этих представлений с прежними и потому имеет в своем сознании представления о человеке, живущем настоящими болезненными представлениями, и о человеке прежнем, который имел в основе своей иные ощущения и представления. Но этот второй человек для настоящего чужой, иной, иногда даже враждебный. Отсюда в сознании этого человека живет представление о «нем» и о «себе».

Поэтому такой больной все обстоятельства прежней жизни приписывает одному лицу, а нынешние другому лицу.

В редких случаях возникает при этом представление о небытии собственной личности. Так, однажды я застал больного, который сидел на постели и горько плакал. «О чем вы плачете?» – «Как же мне не плакать, когда я умер». У этого больного была полная кожная нечувствительность.

Таким образом, в некоторых случаях душевных заболеваний в основе изменения сознания собственной личности лежит разъединение сознания обстоятельств настоящего времени и обстоятельств прошлого времени и жизни, отсутствие контроля подобного сочетания, изменения в области представлений, образующихся в данный момент.

При ликантропии (обращении в волка), кинантропии (обращении в собаку) и вообще при образовании оборотня в животное происходит изменение сознания личности. Все прошлое, вся прежняя жизнь, все прежние представления отделяются от настоящего и образуют отдельный, отчужденный самостоятельный мир, не имеющий ничего общего с настоящим,

да и настоящее миросозерцание не желает иметь ничего общего с прежним.

Таким образом, ликантроп и кинантроп живет только лишь представлениями настоящего, без проверки их знаниями и сведениями прошлого времени. Каковы будут доставляемые действующему в этот момент сознанию сведения, такое составится у этого человека и представление о собственной личности.

Помимо вышеуказанных расстройств сознания, обыкновенно у ликантропов существуют уклонения и в области органов чувств: нечувствительность или уменьшенная чувствительность, извращение воспринимаемых ощущений (иллюзии) и ложные ощущения или субъективные (галлюцинации). Особенно эти уклонения чувствительности у ликантропов часто поражают кожные чувства: осязание, чувство прикосновения, давления, болевое и проч.

Если у такого больного отсутствуют осязательные ощущения, то у него, естественно, явится мысль об изменении или внешнего мира, который теперь уже не действует на поверхность тела данного человека так, как он действовал прежде, или об изменении собственной личности. Гораздо чаще случается, что такие больные приходят к заключению об изменении внешнего мира. Это особенно часто бывает в тех случаях, если остальные органы чувств человека здоровы, доносят его сознанию о неповрежденное™ собственного тела и собственное сознание не представляет данных для суждения об изменении собственной личности.

Но бывают случаи, когда рядом с осязательною нечувствительностью являются ошибочные и неправильные ощущения осязательного характера. Бывают, например, случаи, когда больные, не воспринимая прикосновения руками, ногами и прочими предметами внешнего мира, вместе с тем ощущают, как будто у них на этих частях тела лежит пух, или волосы, или на них льется струя теплой воды и проч. При таком положении дела у больного легко может образоваться ошибочное представление, что на поверхности его тела вырастает пух, или шерсть, или волосы и проч. Правда, путем органа зрения больной разубеждается в своем ошибочном ощущении; но не должно забывать того, что, во-первых, проверка органом зрения совершается от времени до времени, а ощущение роста волос или пуха присутствует постоянно, а во-вторых, и то, что болезненные ощущения в нашем сознании отражаются несравненно энергичней и сильней, чем обычные, почему мало-помалу болезненное ощущение начинает брать перевес над здоровым и

больше и больше внедряет в сознание больного представление об изменении обычных кожных покровов в покрытые пухом, волосом, шерстью и проч.

Гораздо хуже дело обстоит, если к иллюзиям органа осязания присоединяются ошибочные и ложные ощущения со стороны органа зрения; когда, например, к ощущению роста на коже пуха, волос, перьев и проч. присоединяется видение на этих местах пуха, перьев, волос и проч., когда больной видит, что на тех частях тела, где ощущает рост волос, он видит, что волосы действительно растут, хотя бы на деле их не было, а это ощущение являлось зрительной галлюцинацией. В этих случаях больной стоит близко к признанию себя за оборотня в птицу, зверя и проч. Если при этом у него твердо стоит опыт прошлого, если при этом сознание прежних представлений действует во всей силе, то оно борется с сознанием настоящего положения и больной долго еще крепится, чтобы не остановиться окончательно на мысли о превращении в волка, собаку, гуся и проч. Если дело идет о человеке образованном, знающем о невозможности превратиться в волка, а также о нелепости мысли о существовании ведьм и проч., то такой человек очень долго будет противодействовать стремлению болезненного сознания остановиться на мысли о превращении в птицу или зверя. Совершенно иное положение бывает в тех случаях, когда подобным образом заболевает простолюдин, верующий и в ведьм, и в оборотней и проч. В последних случаях превращение в больном совершается очень легко, быстро и прочно. У таких людей даже и по выздоровлении сохраняется убеждение, что они действительно превращались в волка, собаку, гуся и проч. Неудивительно, поэтому, что и в средние века существовала масса оборотней, так как тогда даже образованное общество не только верило в возможность превращения в зверей, но и приписывало это или Божественному наказанию, или одержанию злым духом и потому подвергало таких лиц пыткам, истязаниям, наказаниям и истреблению.

Таким образом, если нечувствительность и иллюзии органа осязания одновременно с иллюзиями и галлюцинациями зрения падали на почву плодотворную, то у таких людей легко развивалось представление о превращении их в оборотня в волка, собаку и проч. Если же все эти болезненные явления происходили у человека образованного, умственно крепкого и чуждого предрассудков, то и тогда сопротивление болезненному состоянию длилось недолго, ибо общий болезненный процесс, давший жизнь вышеназванным болезненным явлениям, вместе с тем потрясающе влияет и на остальные центры мыслительной

деятельности, почему сознание настоящего мало-помалу берет перевес над сознанием прошлого и водружает болезненное представление об изменении личности.

Так образуется болезненная картина, известная под именем ликантропии, или превращения в волка и других животных. Для этого требуются следующие болезненные условия: 1) потрясение всей нервной системы каким-нибудь болезненным процессом, 2) изменения в чувстве осязания в виде нечувствительности или измененной чувствительности, ощущения об изменении поверхности тела в виде роста на ней волос и проч., 3) изменения в восприятии органа зрения, поддерживающие ошибочные ощущения со стороны органа осязания, 4) существование у человека предрассудков, суеверий и отсутствие надлежащих разумных знаний о природе человека и животных, 5) недостаток контроля со стороны прежних знаний и разъединение сознания настоящего состояния с сознанием прошлого. При этих условиях у человека легко может образоваться болезненное сознание о превращении в волка, собаку, птицу и проч.

Разумеется, мы могли бы эти пять условий разбить на более мелкие и частые подразделения. Во дни оны народ Израильский был народ божий. Жил он одною семьей и имел одного отца – господа бога Иегову, Отца Всемогущего, Награждающего праведных и 'Карающего непокорных. Жил Израиль праведно и господь Иоегова его хранил, питал и ограждал от иноплеменных. Отпадал Израиль от господа своими нечестивыми делами и господь его оставлял: тогда наступал мор, голод, нашествие иноплеменных и междоусобные брани.

Тогда вновь Израиль вспоминал своего всемилостивого и бесконечно любвеобильного отца, господа Иегову, каялся, приносил жертвы, становился на путь истины, и господь его прощал. Прощал и возвращал все блага мира. Но Израиль, как и всякий человек, был легкомыслен и, получив дары земные, забывал о небесном и Своем Грозном Судии. Тогда вновь нападали на Израиля тяжкие испытания, более же всего нашествие иноплеменных.

Так было и во времена первосвященника Самуила.

Сношения избранного народа с его Иеговою происходили при посредстве главного служителя божия, хранителя религиозных заветов, первосвященника. Днем и ночью, в видении и во сне Праведник Божий получал откровения Иеговы и передавал их избранному народу. Были то милостивые и нежные отеческие благоволения к любимому народу, были то и суровые речи грозного судии.

Первосвященник Самуил стал стар, и народ судили его

сыновья. Но сыновья Самуила не были подобны своему отцу. Они предались корыстолюбию, брали взятки и нарушали правду.

Забыли сыновья Самуила заветы Бога и пример отца и судили греховно, по человечеству. Забыл и Израиль о своем царе царствующих и господе господствующих и захотел избрать себе царя из своей среды, подобно другим народам.

И пришли старейшины израильские к Самуилу и сказали ему: вот ты состарился, а сыновья твои не ходят по путям твоим. Поставь же над нами царя, который, подобно тому, как это водится у других народов, судил бы нас, правил нами и вел наши войны. Не понравились эти слова Самуилу. Тем не менее, помолился он Господу и Господь-Иегова сказал ему: «Исполни то, чего требует народ. Не тебя они отвергли, а меня. Они не желают, чтобы я был их царем…»

И избрал Господь Израилю царем Саула, сына Кисова из колена Вениаминова.

Обстоятельства, предшествовавшие избранию, состояли в следующем: у Киса, сына Авиилова, пропали ослицы. И сказал Киса сыну своему Саулу: возьми с собой одного из слуг и ступай ищи ослиц. Саул был молодой и видный юноша, настолько высокого роста, что от плеча и вверх он был выше всего народа. Обошедши, по приказанию отца, безуспешно несколько округов, Саул решил обратиться к «человеку божию» Самуилу с просьбою указать ему, где обретаются пропавшие ослицы отца.

Самуил был в это время в Цуфе, куда он прибыл для благословения жертвоприношения, предпринимаемого народом на горах.

Несчастья, стоны и страдания народа божия от иноплеменных, особенно от филистимлян, достигли Господа. Он внял их мольбам, и за день до прихода Саула в Цуфь господь открыл Самуилу о назначении им на царство Саула из колена Вениаминова: «Завтра я пошлю к тебе человека из области Вениаминовой, и ты помажешь его вождем над моим Израилем, и он спасет их от руки филистимской: ибо я призрел на народ мой и стон его взошел ко мне…»

Когда Саул взошел в город, то на пути встретил Самуила и спросил его: «Скажи мне, прошу тебя, где здесь дом прозорливца?»

В это время господь Иегова открыл Самуилу, что это и есть будущий царь Израиля.

Самуил отвечал ему: «Прозорливец – я. Иди сегодня за мною на пиршество, а завтра утром я отпущу тебя и скажу тебе все, что в мыслях у тебя, об ослицах же не беспокойся, они нашлись».

После этого Самуил взял Саула и слугу его, ввел их в покой и

дал им первое место между приглашенными, которых было тридцать человек, и угощал его отборными яствами.

На другой день утром, с появлением зари, Самуил взял Саула и пошли они из города. На черте города Самуил услал слугу Саула вперед, сам же с Саулом остановился.

Засим Самуил взял сосуд с елеем, вылил елей на голову Саула, поцеловал его и сказал: «Видишь, что Иегова помазал тебя вождем над наследием Своим. Когда уйдешь теперь от меня, то встретишь двух человек близ гробницы Рахилиной, и они скажут тебе, что ослицы нашлись и отец твой, забывши об ослицах, беспокоится о тебе. Потом, когда пойдешь к дуброве Фаворской, то встретятся тебе там три человека, идущие к богу в Вефиль, один несет трех козлят, другой три хлебных лепешки, третий мех вина. И спросят они тебя о здоровье и поднесут тебе хлеба, которые ты возьми из рук их. После того ты придешь на холм божий, где стоят караулы филистимлянские, и когда войдешь в город, то встретишь сонм пророков, спускающихся с возвышенности, а впереди их псалтырь, и тимпан, и трубы, и кифара, – сами же пророки будут пророчествовать. И найдет тогда на тебя дух Иеговы, и ты будешь пророчествовать с ними и *станешь иным человеком.* Когда все это исполнится с тобою, то тогда можешь делать все, что тебе будет угодно, ибо с тобою будет бог…»

С этого момента *бог дал Саулу другое сердце,* и в тот же день исполнилось все, предсказанное Божиим человеком.

Особенно всех поразило то обстоятельство, что Саул начал пророчествовать. Как сказал Самуил, в тот же день Саул встретил сонм пророков. *Тогда нашел на него дух божий и стал он пророчествовать среди них.* Пораженные этим обстоятельством люди, близко знавшие Саула, восклицали: «Что приключилось с сыном Кисовым? Еда и Саул во пророках…»

Между тем Самуил созвал народ, и сказал он сынам Израиля: «Так говорит Иегова, Бог Израиля: Я вывел Израиля из Египта и избавил вас от всех царств, притеснявших вас. А вы теперь пренебрегли богом вашим, который избавил вас от всех бед и скорбей ваших и сказал ему: царя поставь над нами. Так предстаньте же теперь перед Иеговою по коленам вашим и по родам вашим».

И избрал Иегова господь на царство Саула, сына Кисова из колена Вениамина; народ же кричал: да живет царь! После этого Саул пошел в Гивы и за ним пошли те из народа, которых сердец коснулся Бог.

Вскоре после этого амалекитянин Наас вышел войною на Израиль и расположился у Иависа. Жители города просили у

Нааса мира, но тот соглашался на условии, чтобы у всех жителей города выколоть правый глаз. «Через что положу бесславие на всего Израиля». Очень опечаленные жители просили отсрочки семь дней, соглашаясь после этого на все, если у них не найдется избавителя. После этого жители осажденного города разослали послов по всем городам еврейского царства, прося защиты.

Так достигли послы и Гивы, где жил Саул. Узнав о несчастии сограждан, гивяне подняли вопль и плачь. В это время Саул шел с поля. «Что с народом, что он плачет?»

Как только он получил разъяснение, *дух божий нашел на Саула и разгорелся сильно гнев его.* Взявши пару быков, он рассек их на куски и через послов разослал их во все пределы израильские, извещая, что так поступлено будет с быками каждого, кто не пойдет за Саулом и Самуилом.

Страх Иеговы обнял весь народ и вышли все, как один человек.

Собрав триста тысяч мужей израильских и тридцать тысяч иудейских, Саул послал в Иавис сказать, что завтра он явится им на помощь. Узнав об этом, жители Иависа обрадовались и послали сказать Наасу: «Завтра мы пойдем к вам и вы поступите с нами, как вам угодно». Между тем ночью перед рассветом Саул проник в середину лагеря аммонитян и истребил их совершенно. После этого Саул, Самуил и весь народ отправились в Галгалы, для обновления воцарения Саула, и Саул очень веселился здесь со всем народом израильским.

Самуил стал стар и пожелал уйти на покой. И вот в своем слове к народу, между прочим, он сказал:

– Если будете бояться Иеговы, и служить ему, и слушать его слов, и не станете противиться повелениям Иеговы, то и вы и царь ваш, который царствует над вами, будете водимы Иеговою, богом вашим. Если же не будете слушать слов Иеговы и станете противиться повелениям Иеговы, то рука Иеговы будет против вас, как была против отцов ваших.

Таким образом и ныне, хотя Израиль и избрал себе царя, верховным владыкою являлся Иегова, царь же представлялся только лишь исполнителем велений господа Иеговы, избравшего и излюбившего народ свой, Израиля.

Прошло два года со времени воцарения Саула, и сын его Ионафан напал на филистимские караулы и разбил их. Об этом поступке узнал весь Израиль и возвеселился.

Но и филистимляне не желали оставить этого дерзкого поступка безнаказанным. Несметные полчища филистимлян двинулись на Израиль и стали лагерем в Махмасе. Страх и ужас обуял израильтян. Они прятались в пещеры, чащи лесов, скалы,

укрепления и рвы; а некоторые из евреев переправились за Иордан и бежали в страну Гадову и Галаадскую.

Саул находился в Галгалах, куда стекался к нему народ. Саул ожидал жертвоприношения Господу, дабы после того двинуться на врага. Но вот прошло назначенных Самуилом семь дней, а он не явился для жертвоприношения. Видя, что народ падает духом и разбегается, Саул потребовал назначенные жертвы и сам совершил жертвоприношение.

В это время прибыл Самуил. Саул вышел ему навстречу, чтобы приветствовать его. Но Самуил сказал ему:

– Что ты сделал?

– Я видел, что народ разбегается от меня, а ты не приходил к назначенному времени, меж тем как филистимляне собрались в Махмасе. Тогда подумал я: теперь придут филистимляне на меня в Галгалы, а я еще не вопросил Иеговы и потому решился принесть всесожжение, – сказал Саул.

– Худо поступил ты, что не исполнил повеления Иеговы, бога твоего, которое было дано тебе; ибо ныне Иегова навсегда упрочил бы царствование твое над Израилем. Теперь же царствование твое не продлится долго. Иегова найдет себе человека по сердцу своему и повелит ему Иегова быть вождем над народом Своим, так как ты не исполнил того, что было приказано тебе Иеговою.

Как мог ты сделать лукавое пред очами Иеговы?… Ужели приятнее для Иеговы всесожжения и жертвы, нежели повиновение слову его?… Итак, за то, что ты ослушался слова Иеговы, он отринет тебя от царствования… Ныне отнимает Иегова царство израильское от тебя, чтобы отдать его ближнему твоему лучше тебя. И не ошибется и не раскается вечный Израилев, потому что не человек он, чтобы раскаяться ему.

После того потребовал Самуил Агага, царя Амалекитского, и сказал: «Как отнимал меч твой детей у жен, так мать твоя пусть лишена будет сына», – и разрубил Самуил Агага пред Иеговою. И отошел Самуил в Армаем. После этого он не видал уже Саула до смерти своей, хотя не переставал о нем плакать.

И сказал Иегова Самуилу: «Доколе плакать тебе о Сауле, если я отверг его от царствования над Израилем? Наполни рог твой елеем и ступай к Иесею Виофлиемлянину, потому что я избрал себе царя между его сыновьями». Этим избранником оказался младший сын Иесея Давид. Самуил взял рог с елеем, отправился в дом Иесея и помазал на царство Давида. И почил Дух Иеговы на Давиде с этого дня и впоследствии.

От Саула же отступил Дух Иеговы и *возмущал его злой дух* от Иеговы. И сказали Саулу рабы его: *«Вот злой дух возмущает тебя.*

Пусть господин наш прикажет рабам своим, предстоящим пред тобою, поискать человека искусного в игре на арфе, дабы он, бряцая по ней, успокаивал тебя, когда злой дух станет возмущать тебя».

И отвечал Саул: «Найдите такого человека и пришлите его ко мне». Такой выбор пал на Давида, сына Иесеева, помазанника Иеговы. Давид очень понравился Саулу, и тот сделал его своим оруженосцем. И случалось, что когда дух находил на Саула, то Давид, взявши арфу, играл, тогда отраднее и лучше становилось Саулу и отдыхал он: дух злой отступал от него».

Самым злейшим врагом Израиля были филистимляне. Несмотря на то, что Иегова действительно был с Израилем, несмотря на то, что евреи теперь постоянно оставались победителями, а филистимляне бывали разбиты, они вновь и вновь нападали на Израиль. Теперь филистимляне употребили новый прием: став с многочисленным войском против Израиля, они предложили поединок между филистимлянином и евреем. Кто победит, того и армия будет считаться победителем. Из филистимлян выступил гигант Голиаф, необыкновенного роста и силы и вооруженный чрезвычайно богато и надежно. Несколько раз выходил он перед своим войском с оскорбительными речами против израильтян, но никто из израильтян не решался с ним состязаться.

Наконец, такой храбрец нашелся между евреями и это был отрок Давид. Заметив Давида, Голиаф презрительно посмотрел на него, так как тот был юн, белокур и красив лицом. Давид не был вооружен как воин. Он шел против Голиафа с пращою и мешком, в котором было пять камешков.

«Что ты идешь с палкою против меня, – сказал Голиаф, – разве я собака?»

И отвечал Давид: «Ты идешь против меня с копьем и щитом, я же иду на тя во имя Господа Бога Саваофа, Бога ополчения Израилева. И предаст тя Господь в руце мои и убию тя…»

И действительно, Господь Израиля помог Давиду. Он убил Голиафа. Войска филистимлян бежали и были истреблены и посрамлены евреями.

И приказал Саул Давиду быть при нем неотлучно. Сын Саула Ионафан очень полюбил Давида и заключил с ним союз дружбы и братства. Возвращаясь победителем с войны с филистимлянами, Саул был окружен песнями и плясками с тимпанами и кимвалами еврейских дев, радостно встречавших своего царя-освободителя. Но неприятны были те песни для Саула, ибо в них было следующее место: Саул победил тысячи, а Давид десятки тысяч (тьмы). Эти неосторожные слова заронили в душу Саула недоброе

семя, так что он произнес: «Ну теперь Давиду недостает только царства». *И би Саул подзирая Давида от дни оного…*

Однажды случилось так, что злой дух *сильно мучил Саула, и он неистовствовал.* По обыкновению, Давид, желая успокоить царя, играл на арфе. В руке Саула было копье. И бросил Саул копье в Давида с целью пригвоздить его к стене, но Давид дважды счастливо отклонился. Тем не менее, зависть мучила Саула и присутствие при нем Давида было ему тягостно, *яко господь би с ним, а от Саула отступи.*

Мучимый подозрительностью и завистью по отношению к Давиду, Саул назначал его на такие военные должности, где бы ему грозила опасность смерти, желая таким образом отделаться от этого человека. Но Давид успевал на всяком пути своем, ибо Иегова был с ним.

Теперь главных забот Саула было две: борьба с неприятелем, победы над которым одерживал преимущественно Давид, и преследование Давида» Последнее, однако, разрушалось всеобщей любовью окружающих к Давиду, особенно же любовью Иоанафана, сына Саулова, и защитой господа бога Иеговы. Насколько Иоанафан любил Давида, доказывается тем, что за защиту Давида перед лицом Саула сам едва спасся от копья, брошенного в него отцом. Жесток был Саул с другими лицами, защищавшими и дававшими возможность укрыться Давиду от него. Так, за то, что священнослужитель Ахимелех снабдил Давида хлебом и оружием, Саул приказал убить его, и весь род его, и восемьдесят пять других священнослужителей; священный же город Нове, в котором они жили, опустошил мечом от мужчины до женщины, от отрока до младенца, и вола, и осла, и овцу предал мечу.

Другой раз Давид бежал в Раму к Самуилу. Узнав об этом, Саул послал слуг своих схватить Давида и привести к нему. Когда слуги пришли и увидели сонм пророков, прорицающих и Самуила, стоящего впереди их, то дух божий сошел на слуг, и они сами стали пророчествовать. То же сталось и со вторыми, и с третьими послами. Тогда Саул сам отправился в Раму. Не доходя до Рама, на Саула нашел дух, и он начал пророчествовать; в Раме же *совлече ризы своя и прорицаше пред ними, и весь день тот и всю ночь метался он нагой.*

Так преследовал Саул Давида в городах, пустынях, скалах и пещерах. Были случаи, что Саул не раз попадал в руки Давида, причем последний легко мог бы избавиться от своего преследователя; но Давид никогда не осмеливался поднять руки на помазанника Божия, ибо он помазанник Иеговы.

Много раз случалось и то, что Саул приходил в себя;

возвращал к себе Давида, проявлял свою любовь к нему, отдал ему свою дочь Мелхолу и любил его как сына: *благословен ты, сын мой, подлинно ты будешь иметь большой успех и великую силу.* Но затем злой дух вновь овладевал Саулом, и он вновь начинал искать смерти Давида.

Вновь филистимляне восстали войною на Израиль. Самуил был уже мертв. Никто не мог сказать Саулу, какой исход будет битвы. Тогда Саул обратился к Эндорской волшебнице, требуя от нее вызвать дух Самуила. Волшебница исполнила волю царя.

– Для чего ты потревожил меня? – спросил Самуил.

– Трудно мне очень, – отвечал Саул. – Филистимляне воюют со мною, а Бог отступил от меня и ничего не отвечал мне ни через пророков, ни во сне.

– Для чего же ты спрашиваешь меня, когда Иегова отступил от тебя и стал врагом твоим. Иегова исполнит то, что говорил чрез меня. Иегова отнимет из рук твоих царство и отдаст его ближнему твоему Давиду. За то, что ты не послушал повеления Иеговы и не излил лютого гнева его на Амалика, ныне над тобою Иегова исполнит тот приговор. И предаст Иегова Израиля, вместе с тобою, в руки филистимлян. Завтра ты и сыновья твои будете со мною, а самый стан израильский передаст Иегова в руки филистимлян.

Тогда Саул вдруг пал всем телом своим на землю, потому что сильно испугался слов Самуила; к тому же и силы не стало в нем, ибо весь тот день и всю ночь он не ел хлеба.

Сражение с филистимлянами, согласно предсказанию, было несчастным для евреев. Филистимляне победили, евреи были разбиты. Сыновья Саула Ионафан, Авинадав и Малкинда были убиты. Сам Саул был ранен. Изнемогая от физического, особенно же от нравственного страдания, Саул приказывал оруженосцу, чтобы тот докончил его; но оруженосец не решился на это. Тогда Саул взял меч и пал на него. Так покончил жизнь первый царь Израилев.

Отличенный господом Иеговою и поставленный им во главе избранного народа, Саул не оправдал надежд, возложенных на него, и не исполнил велений и заветов, предписанных ему богом Иеговою через первосвященника. И отступил от него дух божий, и овладел им дух зла.

Когда овладевал им дух зла, страшные муки испытывал царь. Его страдания были слишком явные, его мучения были видимы для всех. Не находил он себе покоя и метался днем и ночью. Посоветовали ему приближенные найти человека, искусного в музыке, да успокоить его и облегчить страдания. И нашли такого человека, и облегчал он его. Но когда дух зла слишком овладевал

Саулом, то он не щадил ни любимого отрока своего Давида, ни сына своего Ионафана. Не находил себе покоя царь от этого духа зла. Он создал себе мнимых врагов в лице преданных ему лиц и искал их смерти, преследуя их в пустыне, и в горах, и в пещерах. Отступал от него дух зла, и Саул опять испытывал в своем сердце раскаяние, ласку и любовь. Бывали минуты, когда царь срывал с себя одежду, оставался нагим и метался в таком виде часами… Измученный и истерзанный физически и нравственно, Саул покончил жизнь самоубийством.

И в наши дни дух зла иногда овладевает людьми. И в наши дни находятся люди, которые теряют доброту и любовь, счастье и радость, мир и спокойствие, надежду на благость Божию и привязанность к жизни. Душа таких людей теряет доброго духа и одержима становится духом зла. Такое ужасное, такое мучительнейшее нравственное и душевное состояние носит у нас название *предсердечной тоски* (anxietas praecerdialis) и составляет одно из проявлений душевных страданий.

Состояние тоски вообще не принадлежит исключительно области психопатии. Оно встречается и в здоровом состоянии. Такова тоска при потере или отсутствии любимого и дорогого человека, при различных потерях имущественных, при нравственных потрясениях и неприятностях и проч.

Отличительная черта этого состояния в здоровом положении лица состоит в том, что оно является вследствие какой-либо *внешней причины,* ближайшей или отдаленной – это все равно.

Правда, бывают случаи, когда подобный внешний толчок на первый раз незаметен и как бы отсутствует, это, например, при бездеятельной жизни, когда человек, говорят, умирает от скуки и тоски. Но, строго разбирая жизнь такого человека, мы должны будем прийти к заключению, что она выходит неудавшейся, бездеятельной, несчастной, следовательно, такой человек при бездеятельной и бессодержательной жизни поневоле воспроизводит все неприятности и неудачи прежней жизни. Эти-то воспроизводимые неприятности, разочарования и неудачи и служат внешней причиной тоски данного лица. Таким образом, выходит, что во всех случаях в *здоровом состоянии человека тоска имеет внешний толчок* и внешнюю причину.

Вторая отличительная черта тоски психически здорового человека та, что *напряженность* и степень развития ее находятся в прямом отношении с вызвавшей ее причиной. Чем сильнее и важнее причина, тем сильнее и напряженнее будет тоска, причина слабая и маловажная вызывает и маловажную тоску. Наконец, при здоровом состоянии душевной жизни человека *продолжительность тоски* находится опять-таки в зависимости от

силы причины, произведшей эту тоску, и большей или меньшей повторяемости ее, – влияние причины прекращается, прекращается и тоска. Далее, в состоянии тоски мы замечаем и у здоровых людей изменения в пульсе и дыхании. Пульс становится частым и слабым, дыхание поверхностным и учащенным. Лицо бледное и напряженное, руки холодны и синеваты.

Словом, состояние тоски психически здорового человека подводится под общее положение рефлексов: сила эффекта равняется вызвавшей его силе импульса. Разительнейшим примером наивысшей степени предсердечной тоски в здоровом состоянии служит тоска царя Давида при потере им сына Авессалома.

Авессалом искал смерти отца своего Давида и пошел на него войной. Сражение кончилось не в пользу Авессалома, и Авессалом бежал. Во время бегства лесом длинные волосы Авессалома зацепились за дерево, мул из-под него выскочил, и Авессалом погиб, вися на дереве.

Узнав об этом, Давид заперся в своих покоях и горько плакал, восклицая:

«Сыне мой, Авессалом, сыне мой, сыне мой, Авессалом! Кто мне даст смерть вместо тебя? Аз вместо тебя. Авессалом, сыне мой, сыне мой, сыне мой Авессалом!»

В самом деле, что может быть выше тоски, какую испытывает сердце отца при смерти сына, предпочитая даже получить смерть от руки этого сына своего, нежели видеть его мертвым…

Такая же точно тоска, какую каждый из нас испытывает в здоровой жизни, под влиянием тех или других внешних условий, бывает и при душевно болезненном состоянии человека. Состояние тоски душевнобольного не есть что-либо особенное, – оно берется из жизни и служит продолжением и усилением того, что мы испытываем в здоровом состоянии.

Состояние тоски преимущественно наблюдается у меланхоликов, затем при белой горячке (delirium tremens), хроническом алкоголизме (alcoholismus chronicus), истерике, падучей болезни, общей нервозности (neurositas) и проч.

Тоска при психозах может являться или общею, распространенною по всему организму, или неопределенною, или же она ограничивается одним каким-нибудь местом. В последнем случае она может выбирать разнообразные места, преимущественно область сердца, почему она и называется предсердечною тоскою. Кроме того, она избирает области: надчревье (epigastrium), середину живота, низ живота, середину груди, лоб, ту или другую часть головы и пр. Появляясь в том или другом месте, она выражается в виде невыносимого, крайне

болезненного и мучительного давления или сжимания, с явным влиянием на всю душевную и телесную жизнь человека.

Напряженность тоски может быть весьма разнообразна, почему и влияние ее на отправления организма может быть различно.

Первое отличие болезненной или предсердечной тоски от тоски здорового человека заключается в силе и напряженности обнаруживания ее. Можно сказать приблизительно, что *предсердечная тоска,* или тоска психопата, начинается такой напряженностью, какой оканчивается тоска здорового человека. Или иначе: minimum предсердечной тоски больного человека равняется maximum'у напряжения тоски здорового человека.

Второе отличие предсердечной тоски от тоски здорового человека состоит в том, что предсердечная тоска является почти исключительно вследствие внутренних органических причин, причем внешние поводы могут служить только *содействующими,* способствующими условиям к легчайшему, скорейшему появлению приступа. Следовательно, патологическая тоска появляется чисто от личных условий, субъективно, тогда как у здорового человека она объективна, от внешних причин.

Третье. Если тоска у больного человека без внешнего повода, то, естественно, мы не можем наблюдать известного соответствия сочетания между причиной и следствием, импульсом и эффектом. Быть может, внутренний импульс такого страдальца и соответствует проявлению тоски, тем не менее, для внешнего постороннего глаза тоска его является необоснованной и беспричинной. В большинстве случаев душевнобольные приписывают свою тоску тому или другому внешнему влиянию, подыскивают, так сказать, внешнюю причину, но при этом замечается явное несоответствие между представляемой причиной, с одной стороны, и напряженностью и продолжительностью тоски, с другой стороны. С первого взгляда уже бросается в глаза несоответствие между импульсом и эффектом.

Тоска психопата, превышая силой напряженности, необоснованностью и несоответствием импульса и эффекта тоску здорового человека, превосходит ее и своею продолжительностью. Она может длиться часы, дни, недели, месяцы и годы, хотя острые состояния ее бывают непродолжительны.

Состояние тоски относится к отделу нарушений в области самочувствия и страсти, следовательно, это есть один из видов аффектов.

Раз появившаяся тоска не остается без влияния на другие области душевной деятельности, только влияние ее будет

находиться в зависимости от напряженности тоски.

Напряженность тоски приблизительно можно разделить на три степени: первая – слабая, вторая – более усиленная и третья – сильнейшая, доводящая больного до приступов буйства и потери сознания. Разумеется, деление это чисто произвольное и приблизительное. Влияние этих трех разновидностей тоски различно.

Если состояние тоски не особенно сильно, то больной является очень раздражительным, суетливым, нигде не находит себе места, придирчив, сварлив и беспокоен. Всякая малость производит на него влияние и вызывает сильное воздействие. Свои поступки он мало обдумывает и действует под влиянием моментальной вспышки гнева. Этот период отличается усилением рефлексов.

Второй период, когда тоска достигает средней напряженности, обнаруживает влияние несколько иное. Накопившееся болезненное ощущение тоски не позволяет больному обращать внимание на те или другие внешние впечатления, почему чувствительность при этом бывает понижена и анестезирована. Рядом с этим нередко являются иллюзии и галлюцинации зрения и слуха, отличающиеся своею неподвижностью, однообразием и постоянством, вследствие чего внутренняя тоска и раздражительность еще более усиливается. Вследствие такого сосредоточия тоски и усиления внимания на ней представления данного лица становятся неясными, неотчетливыми, течение их крайне медленное, окраска представлений мрачная и печальная, в полном согласии с настроением духа.

Сочетание представлений неправильное, представления сочетаются только с теми следами ощущений, которые поддерживают общий печальный фон и соответствуют настроению духа. Если почему-либо данные представления сочетаются с представлениями веселого и приятного свойства, то последние уже не вызывают приятного чувства, а, напротив, еще более усиливают чувство неприятного и тоски (психическая дизестезия).

Ложные ощущения и галлюцинации способствуют образованию ложных представлений, а замедленный ход представлений способствует образованию фиксированных идей и насильственно навязанных представлений. Как произвольные, так и непроизвольные движения крайне ослаблены и задержаны, рефлексы понижены.

Наконец, наступает третий период, когда тоска достигает наибольшей высоты, acme тоски. Это-то состояние и подходит

вполне под состояние аффекта. В большинстве это состояние развивается уже на подготовленной почве.

Больной до невероятия раздражителен. Лицо выражает отчаяние, взгляд боязлив, блуждающий, сердцебиение усилено, дыхание затруднено и поверхностно, пульс мал и част, лицо бледное или красное, конечности синеваты, движения быстрые и порывистые; мысли спутаны, неясны и представляют хаотический беспорядок; в полном развитии припадка течение мыслей как бы прекращается, и вся картина завершается сценой самой ужасной жестокости, направленной против себя, или окружающих, или даже против неодушевленных предметов. Страдалец теряет всякую сообразительность. Действует чисто рефлекторно. Он не обращает внимания ни на время, ни на место, ни на обстоятельства, при которых совершает преступление. Жертвой буйства становится первый попавшийся предмет. Если нет никого из окружающих или больной почему-либо на других не может излить неистовую боль, то он разражается над самим собою. Больная Бергмана сама вырвала себе глазные яблоки из глазниц. Наш больной, связанный по рукам, три раза подряд в течение 3–4 секунд откусил себе части языка. Вырывание на себе волос, ужасное царапанье лица, самоубийство, убийство, поджог и проч. – самые обыкновенные явления при acme тоски. Тотчас после преступления больной чувствует себя как бы облегченным, нередко ничего не помнит или смутно помнит о самом совершенном деянии.

МАГОМЕТ

ГЛАВА I

Проложить границу между нормой и душевной болезнью весьма трудно, если не невозможно. Многие лица, признаваемые душевно здоровыми, сплошь и рядом оказывались людьми душевнобольными, а лица, признанные специалистами людьми душевнобольными, в обществе считались душевно здоровыми. Естественно, что все эти смешения порождают недоразумения, неудовольствия и даже более серьезные и неприятные последствия. Тем не менее, несмотря на очень значительные успехи за последнее время в области клинической психиатрии, подобные недоразумения возможны, и будущее, мы уверены, не лишено их, в свою очередь. Для того чтобы доказать возможность недоразумений, я позволю себе привести только один факт, описанный профессором Ball, который наглядно покажет возможность пребывания среди общества людей с гражданскими правами, обладающих не вполне нормальными умственными способностями.

В Нейшателе жил нотариус. Это был человек вполне здравомыслящий, умный делец, честный, всеми уважаемый и религиозный. Дожил до глубокой старости и ни в ком не возбуждал на свой счет никаких подозрений. После его смерти наследники между различными бумагами нашли пакет с следующим документом:

> «Контракт товарищества (Contract de societe). Между Всемогущим Господом Богом, Вечным, Всеблагим и Премудрым с одной стороны и мною, нижеподписавшимся, Isaak Vuagnaux, его жалким всеподданным и ревностным обожателем с другой стороны был заключен и скреплен контракт товарищества, содержание коего следующее:
>
> Пункт 1. Это товарищество имеет целью торговлю напитками.
>
> Пункт 2. Мой многоуважаемый и многомилостивый товарищ соблаговолит, как участник в капитале, излить свое благословение на наше предприятие, какой мере он лучше рассудит с его отеческой точки зрения, и исполнение неизменных велений его вечной премудрости.
>
> Пункт 3. Я, нижеподписавшийся, Isaak Vuagnaux, обещаю с своей стороны в вышеупомянутое товарищество приглашать вносить капиталы, которые

будут необходимы, делать все сделки по платежам в подвале, производить куплю и продажу, ведение книг, счетов и, одним словом, посвящать мое время, мою работу и мои физические и нравственные силы на преуспевание и успех этого дела по совести и чести.

Пункт 4. В книги будут занесены операции по делу: суммы, внесенные в дебет и кредит счета, будут получаться соразмерно доле интереса, считая по 31 декабря каждого года, когда счета будут приостанавливаться.

Пункт 5. Вознаграждение будет распределено пополам, между моим Высоким и Всемогущим Товарищем и мною, и т. д».

Весь этот контракт заканчивается передачею на бедных суммы в 7327 франков и 35 сантимов.

Спрашивается: это был душевно здоровый или душевнобольной человек? А таких людей мы нашли бы и в нашем обществе немало. Все это люди милые, хорошие, добрые, но только немножко «странные, чудаки, самодуры», – этими и тому подобными кличками члены общества желают выделить этих людей из среды себе подобных.

В последнее время изобретено новое слово – «психопат». Название «психопат» и «психопатка» даются всем тем лицам, которых прежде называли чудаками, странными, самодурами и т. п. Но слово «психопат» само по себе столь же мало значит, как и слово «чудак». Введение этого слова в употребление в обществе показывает только одно: некоторое право за врачами-специалистами на получение в свое ведение и наблюдение людей, именуемых психопатами. Такой успех представляет большой шаг вперед в развитии общества и его взглядов. Он показывает на проникновение в общество научных сведений, доверие к науке, доверие к тем лицам, кои создают это учение. Такой шаг стоит большого труда. Если действительно это так, то долг специалистов не останавливаться на этом и стараться заинтересовать общество в том же направлении, ибо правильное понимание душевных уклонений имеет весьма серьезное значение и в деле политики, и в деле религии, и особенно в деле правильного понимания и отношения к проявлениям общественной жизни. Чего стоит правильный взгляд на положение и признание наших несчастных душевнобольных?

Чем недостаточнее и неправильнее будет понимание нашим обществом сущности душевных заболеваний, тем меньше расчета на правильное, разумное и человечное их призрение. Чем яснее и

определеннее будут эти знания у общества, тем снисходительнее и участливее оно будет относиться ко многим оправдательным приговорам суда, поставленным на основании научно-медицинских экспертиз в судебных разбирательствах. Да существует много и других жизненных сторон, где разумный взгляд и правильное понимание душевного здоровья и душевной болезни будут весьма полезны и для общества, и для тех несчастных его членов, о которых идет речь.

Но если мы даже оставим в стороне вопрос о пользе от этих знаний, о тех практических последствиях, кои получаются от правильного понимания душевных уклонений, то существует еще одна сторона дела, присущая мыслящему существу, – любознательность и стремление к пониманию тех сторон жизни, которые зачастую остаются для нас темными, неясными, загадочными и в обычной жизни, и в политике, и в религии, и во многих других областях душевной жизни человека.

При рассмотрении вопросов душевной патологии в применении к общественной практике лучше всего останавливаться на исторических личностях и на исторических событиях. Они всем образованным людям более или менее известны, почти во всех возбуждают интерес своею неясностью и темнотою и побуждают ум к проникновению в сокровенное и, главное, остаются для всех безобидными.

В самом деле, сколько таких темных и непонятных вопросов вокруг нас, где психология лица и толпы, несомненно, в событиях играет столь же серьезную роль, как и климат, географическое положение, физические условия существования и проч. Этот личный элемент и его значение в истории, на мой взгляд, в настоящее время привлекает к делу меньше, чем это следовало бы, так как в очень многих событиях прошлого объяснение темного и непонятного мы нередко найдем в правильном освещении душевного состояния героя и окружающей его толпы.

Нисколько не посягая на какое бы то ни было участие в изменении данного направления в исторических изысканиях, позволительно будет заметить, что к тому натурализму, который еще недавно особенно царил в историческом методе, нужно было бы добавить несколько больше психологического элемента, который в иных случаях, я убежден, окажется очень не лишним. Для примера мы возьмем момент появления и развитие ислама и главного его творца – Магомета. Насколько прежние историки в этом лице видели много сверхъестественного, чудесного, необыкновенного, настолько новые стремились свести все на самые простые и естественные условия жизни, усматривая в жизни Магомета не только человека заурядного и простого, но

даже во многих случаях притворщика и обманщика.

Вполне соглашаясь с тем, что в данном лице не было ничего сверхъестественного, нельзя, однако, отказать Магомету в том, что это был человек необыкновенный, стоящий далеко выше толпы и властно повелевающий ею, хотя это был и больной человек.

Такие случаи возможны и та же история дает нам подтверждение наших слов. Никто не станет отрицать гениальных способностей Цезаря, Наполеона I, Достоевского, Петрарки и многих других, хорошо знакомых нам исторических лиц, тем не менее, природа не помешала им быть эпилептиками. Таким образом, одна и та же мать дала им одною рукою – их гений, а другою – эпилепсию. Быть может, в жизни и деятельности этих людей очень многое объясняется именно этим сочетанием. Да это так было и на деле. А что это может быть так, видно будет на одном историческом лице – Магомете, который, несомненно, был и гений, и эпилептик.

ГЛАВА II

Магомет был сын счастливой Аравии.

Аравийский полуостров представляет сочетание беспредельных песчаных пустынь, скалистых гор, диких бесплодных мест с местами необыкновенно живописных оазисов с источником воды и жизни, плодовыми деревьями и зеленою травою. Но так как оазисы были только лишь ничтожными точками в безбрежном песчаном море, то жизнь страны была слишком бедна, однообразна и бессодержательна.

Временами и эта страна заселялась и становилась местом культуры и цивилизации; доказательством этому служат развалины городов с прекрасными дворцами, водопроводами и проч. в южной части Аравии. Но это было давно, еще до Рождества Христова, и длилось очень недолго. В общем же Аравия оставалась одинаковою, как в день сотворения мира, так и во времена Магомета, так и теперь. Побережья страны несколько заселялись, северная часть, примыкающая к Иудее и другим, более людным странам, также немного заселялась, средина же Аравии была пустынна, таинственна и мрачна.

Песчаная пустыня и скалистые горы были одинаково неблагоприятны для постоянного заселения страны, географическое положение еще более ухудшало жизнь скитальца. Страшный зной и палящий жар накаляли как песок, так и скалы и делали жизнь невыносимой. Отсутствие малейшей тени и капли воды убивало все живое на земле. Самый воздух раскалялся, разрежался, был прозрачен и измучивал глаз путника дивными и заманчивыми миражами. Измученный жаждою, опаляемый солнцем, утомленный, расслабленный и голодный путник вдруг усматривал дивный мираж: вот-вот перед его глазами прекрасный благоустроенный город, с чудными постройками, садами, фонтанами и источниками. Последние силы путник напрягает, чтобы скорее достигнуть тихого пристанища. Но видение лишь манило путника и не давалось ему. Это был только мираж…

Зато как прекрасны там ночи. С последними лучами солнца наступала ночь, и тропический жар сменялся прохладой. Миллиарды звезд высыпали на небе и освещали землю, как солнце. Но путник не двигался с места. Абсолютная тишина, математически правильно очерченный горизонт, дивный небесный купол, миллиарды звезд, неописуемо ярких и блестящих, вследствие разреженности и усиленной прозрачности раскаленного воздуха, незримые ароматы, проникающие от смолистых растений отдаленных оазисов… – все это очаровывает

и гипнотизирует путника. Как он ничтожен, бессилен, мал по сравнению со всем величием небесного и земного! Много ли он больше и могучее против той песчинки, которая у него под ногами? О, кто ты, создавший все, управляющий всем и поддерживающий все?… Наблюдая такое величие изо дня в день, видя правильные перемены на небе и земле, наблюдая рождение, болезни и смерть, человек невольно создавал идею о ком-то всемогущем и о своем личном ничтожестве перед ним.

Бедность обстановки, ничтожество жизненных интересов, беспомощность существования, величие небесного, порядок и неукоснительность бытия невольно наводили дикого жителя на мысль о высшем существе и вообще располагали к созерцательной жизни. Насколько содержательность образов, смена представлений и бытовых интересов жизни оседлой в таких случаях располагают к фантазии и воображению, настолько пустыня с вышеуказанной обстановкой располагает к жизни созерцательной и отвлеченной философии. Таковы все номады. Таковы были и арабы.

Но каково бы ни было миросозерцание, оно вело арабов к двум роковым выводам: к представлению о Боге-творце и представлению о полном личном ничтожестве. Единственный вывод из этих двух представлений – смиренная покорность высшей воле. Как прекрасно это выражено словами библейского страдальца, потерявшего все: и стада животных, и рабов, и здания, и даже собственных детей: «Бог дал и Бог взял, – да будет благословенно имя Божие». Такие слова мог сказать только араб. В этих словах вся его религия, – умейте только правильно сформулировать ее, и араб весь на ваших глазах.

Этот-то дикий полуостров населяло семитическое племя арабов, очень близкое и родственное и по языку, и по природным качествам, и даже по месту жительства с евреями. Происхождение этого народа, по преданию, таково: Авраам, не имея долго детей от Сарры, с ее разрешения, взял себе в жены служанку, Агарь, от которой у него родился сын Измаил. Когда, впоследствии, у Сарры тоже родился сын, то Агари пришлось оставить дом патриарха. Она взяла сына, Измаила, и отправилась с ним на юг, в ту страну, которая ныне известна под именем Аравии. Легенда о происхождении жителей Аравии – арабов – от Измаила поддерживается отчасти и тем обстоятельством, что жители соседней с Иудеей Северной Аравии назывались евреями измаильтянами.

Когда Агарь шла с своим малюткой Измаилом по пустынной новой стране, то она и сын были страшно истомлены и мучимы жаждой. Измаил умирал. Еще несколько мгновений и его бы не

стало. Мать молилась Богу о спасении, и Господь услышал молитву матери. Ангел Господень явился, ударил посохом по каменной скале, у которой сидела Агарь, и оттуда заструился источник воды живой. Здесь-то и поселилась Агарь со своим сыном. Источник этот и ныне указывается и составляет святыню арабов.

Когда, спустя некоторое время, Ибрагим (или Авраам) захотел проведать Агарь и Измаила, то он пришел к ним и в честь их спасения устроил здесь жилище Богу, Каабу. И Бог был милостив к своему верному Ибрагиму и, в знак своей любви к нему, послал ему с неба на землю камень, который Ибрагим и заложил в основание Каабы. В то время камень этот сиял необыкновенным блеском, но, по мере того, как человек грешил, камень этот тускнел, темнел и ныне стал совершенно черным, как и совесть людская. Но настанет день, день страшного суда, когда камень вновь воссияет и своим светом вновь озарит весь мир. И до сих пор каждый правоверный почитает главною задачею своей жизни побывать в Мекке, обойти семь раз Каабу, семь раз поцеловать черный камень и семь раз испить из источника воды. Источник этот чист, вода его прозрачна, она весело и живо течет по каменистому дну, журча и издавая звук, похожий на «зем-зем», почему и самый источник носит название *Зем-Зем.*

Здесь-то поселилась Агарь. Здесь стоит главный пункт арабского народонаселения. Здесь устроилась Мекка. Здесь родился великий пророк правоверных, Магомет. Здесь он похоронен. Здесь его гроб. Сюда стекаются все мусульмане на поклонение святыне. Сюда каждый правоверный, пять раз в сутки, при совершении молитв, поворачивает свое лицо.

Поселившийся здесь Измаил стал родоначальником великого племени и великого народа, заселившего не только Аравию, но и другие страны. Воистину исполнилось слово ангела Агари: «Умножая, умножу семя твое и не сочтется от множества; се ты во чреве имееши и родиши сына и наречеши имя Исмаил, яко Господь услыша смирение твое: се благослових его и возращу его и умножу его зело: на десять язык родить и дам его в язык велий».

ГЛАВА III

Итак, арабы, по преданиям, происходят от Авраама, через сына его Измаила. Потомки Измаила расселились по всей Аравии и по образу жизни и занятиям делились на два класса – кочующий и торговый. Торговый жил преимущественно по взморью и населял те небольшие городки, которые там имелись, кочующий был разбросан по всему лицу Аравийской земли. Весь этот народ не представлял чего-нибудь целого, единого, напротив, он был разбит на отдельные, немногочисленные роды, которые все вместе объединялись только двумя обстоятельствами: тем, что они заселяли Аравийский полуостров, и тем, что они говорили на одном языке. Может быть, в прежнее время и вера у них была одна, но если это и было так, то слишком уж давно.

Аравийские племена жили порознь, отдельно и ничего общего между собою не имели. Все члены одного племени во главе имели одного старшего в роде, воле которого повиновались во всем том, что касалось интересов племени. Родоначальник, или патриарх, в племени имел только нравственное превосходство над остальными членами племени и являлся председателем совета, состоящего из всех членов племени, совершенно между собою равноправных. Власть в роде переходила по смерти старшины к другому, старейшему в роде.

Жизнь в бесплодной пустыне, населенной враждебными силами, и человеческими и звериными, могла быть безопасной лишь при взаимной поруке друг за друга отдельных членов рода. Поэтому преданность роду или племени у бедуинов, или кочующих арабов, была беспредельна и безгранична. Здесь именно была жизнь одного для всех и всех для одного. Обида, нанесенная кому-нибудь из членов племени, была обидой племени, и потому все племя вооружалось в защиту и на месть за потерпевшего своего члена. Отсюда вытекает непрерывная кровавая борьба отдельных племен и постоянное истребление друг друга.

Была к тому и другая причина. Бедуин – кочевник, т. е. воплощенный бедняк. Его занятие скотоводство. Земледелие и торговля составили занятие очень небольшой части оседлого населения. Самое скотоводство было и не разнообразное, и не обильное. Лошадь и верблюд – вот скот бедуина. Очень небольшие оазисы, разбросанные по песчаной пустыне, не позволяли их иметь в большом количестве. Высыхание источников заставляло бедуина постоянно кочевать с места на

место. Поэтому бедуины не могли питаться только скотоводством. Вторым источником их существования был грабеж. Они грабили караваны, грабили путешественников, грабили соседей. Разбой и грабеж были средством к существованию араба и составляли коренное условие их жизни и бытия. Бедуины были воинственны по природе, к тому их вынуждала непрерывная кровная племенная месть и необходимость существования. Не награбил – не поел. Таким образом, исконно, веками, бедуин жил вольной птицей. Он не сеял, не жал, а существовал тем, что посылал ему Аллах. Послал Аллах – хорошо, не послал – да будет воля его. Иначе: ограбил – хорошо, не удалось – так угодно Аллаху. Но это постоянно вело к тому, что или он убивал кого-нибудь, или его убивали. Поэтому жизнь бедуина в его глазах была ниже всякой цены. Все от воли Аллаха: и пища, и целость, и жизнь. Да будет воля его! Только он один над всем. Бедуин был фаталист до последней степени. Это свойство, с одной стороны, создало в его характере полную безропотность и покорность судьбе, а с другой – полную независимость и личную самостоятельность. Над бедуином нет власти, нет силы, нет воли, кроме его личной силы, власти и воли. Аллах? – то другое дело. Он знает, что делает… Патриарх племени и племя? Но это я. Я частица его и потому племя так думает, как я, и я так думаю, как племя. Этим обусловливается независимость, гордость, самосознание и признание собственного достоинства и полнейшая свобода действий, насколько она стоит в его личных интересах и интересах племени.

Арабы редко находились под чужою властью, да едва ли это и было возможно. Прежде всего властвовать над ними не было особенного интереса, так как они были бесконечно бедны, а затем бедуин – это, собственно, величина неуловимая: сегодня он здесь, завтра – в другом месте. Несмотря на то что бедуин по природе своей существо хитрое и самое опасное в данной местности, условия его беспомощного существования выработали в нем прекрасное чувство – долг гостеприимства. Странник, хотя бы он был самый страшный враг, в доме или палатке бедуина – гость божий и потому он неприкосновенен и находится под защитой и охраной хозяина. Это нисколько не мешает, при встрече с дорогим гостем в другой момент, вне своих владений, ограбить и убить его.

Таким образом, живущий как птица небесная, не обремененный хозяйственными и государственными заботами, живя бездеятельною жизнью, бедуин имел много свободного времени. Пораженный величием, законообразностью и мощью окружающего, а равно сознавая свое полное ничтожество в общем

бытие, араб много думал о Боге. Он всю свою жизнь проводил в размышлении о высшем существе и его мировом величии. Бедуин был философ по призванию и по необходимости. Ему даже не о чем было и думать. Поэтому араб любил Бога, любил потому, что он всюду видел его присутствие в его создании, он постоянно мечтал о нем, он только и жил мыслью о нем.

Считая свое происхождение от Ибрагима или Авраама, бедуин имел веру от него. Это была вера в единого вечного Бога, сотворившего Адама, пославшего потоп, определившего для продолжения рода человеческого Ноя и т. д. Но так как арабские предания были устными, то они подвергались многим измышлениям и искажению, но сущность оставалась одна.

Арабы признавали Бога единого. Он жил на небе. Он жил повсюду и во всем, но у него была резиденция и на земле, это было именно в Каабе в Мекке: там, где праматерь Агарь отдыхала, там, где праотец Измаил был спасен, там, где ангел открыл источник Зем-Зем, там, где находится черный камень. Туда бедуин стремится к своему вещественному богу, находящемуся в Каабе. Кааба стала храмом идолов, устроенным, по мнению арабов, по образцу чертогов божиих на небе. Здесь каждое племя имело своего бога – идола, которому они и поклонялись. А так как арабских родов было целые сотни, то и идолов вокруг Каабы и в ней набралось более четырехсот. Этим способом единобожие постепенно превратилось в идолопоклонство. Племена по временам сливались одно с другим, поглощали друг друга и перемешивались, таким образом для каждого племени начало появляться несколько богов и несколько идолов. Естественно, что успех того или другого племени приписывался покровительству его бога, а потому данному богу начинали поклоняться и другие племена, что еще более укрепляло многобожие. В конце концов арабы – и по преданиям, и по существу, и по природе монотеисты – теперь стали многобожниками и идолопоклонниками.

Мекка стала средоточием федеративной религии. Восемь месяцев в году арабы разбойничали, занимались грабежом, странствовали с места на место и были в воинственном настроении, зато четыре месяца у арабов считались священными, – в это время они не имели права ни грабить, ни воевать. Эти месяцы посвящались молитве и путешествию в святое место – Каабу. В это же время купцы спешили производить свои обороты. Так, со всех сторон замкнутого Аравийского полуострова тянулись к Мекке караваны. Одни караваны шли только в Мекку, другие тянулись через Мекку за пределы Аравии. Мекка была пунктом, где должны были останавливаться все караваны, как чисто местные, так и иноземные, идущие из

Абиссинии и других стран в Персию, Индию и обратно.

Естественно, Мекка была не только святыней, но и очень бойким торговым местом. Было время, когда в ней насчитывалось до 100 000 народонаселения, которое занималось очень оживленною и обширною торговлею. Было очень интересно владеть этим жизненным ключом. Кто владел Меккой и Каабой, тот владел всей Аравией, хотя при этом приходилось много лавировать, чтобы угодить всем племенам и их родоначальникам.

В данный момент, во время появления Магомета, Меккою владели корейшиты. Мекка стоит в песчаной ложбине, вдали от моря, окруженная обнаженными, бесплодными холмами. Предметы потребления, даже хлеб, доставлялись сюда из других мест. Мекка стала ярмаркой на всю Аравию и, следовательно, главным складочным местом товаров между Индией, Сирией, Египтом и даже Италией. Образ правления в Мекке был отчасти республиканский: десять выборных лиц от племени управляли Меккой и Каабой.

Кроме Мекки были у арабов и другие города, как Ятриб, Окат и проч. В эти города арабы собирались для торговли и литературных состязаний, причем лучшие поэтические произведения вышивались золотом и вешались в Каабе. Таким образом, Мекка являлась не только религиозным и торговым центром, но и центром просвещения.

При встречах друг с другом в городах и в пути в мирные месяцы арабы имели и духовное общение, причем, разумеется, беседы велись преимущественно религиозного содержания. Должно сказать, что постепенное искажение первоначального арабского монотеизма и переход его в многобожие был не по духу арабам, и они охотно прислушивались к религиозным толкам, особенно монотеистического характера. Будучи в душе независимыми, арабы были также веротерпимы и по отношению к другим. Этим объясняется, что в Аравии селится множество сект иудейских и христианских и пользуется здесь полною свободою вероисповедания.

Да и сама Кааба заключала в себе не только идолов арабских народностей, но и статуи Пресвятой Девы, Божественного Младенца и проч. Поэтому весьма естественно, что иудейство, христианство и христианские секты не только не были изгоняемы из Аравии, но охотно выслушивались арабами, и некоторые из последних принимали христианство, иудейство и различные ереси, смотря по тому, кому что больше нравилось и больше было по душе; разумеется, все это ложилось на почву прежней идолопоклоннической религии и представляло чрезвычайное смешение того и другого.

Восприятие всех этих учений арабами было тем легче и естественнее, что в основе как арабского вероучения, так и всех разновидностей иудейского и христианского вероучений лежало одно – вероучение патриархов.

ГЛАВА IV

Наиболее симпатичными для арабов были те вероучения, кои исповедовали единого Бога, тем более эти вероучения годны были для восприятия их арабами, что и арабы были, по существу, монотеистами. Особенно понятны и симпатичны арабам стали еврейские и христианские секты.

Самые имена еврейские легко были пригнаны к языку и жизни арабов; так, Авраам назывался Ибрагимом, Ной – Нугом, Моисей – Музою, Аарон – Гаруном и проч.

Ближе же всех к арабскому миросозерцанию стояли ганифы, так как их учение было самое простое и вместе с тем представляло чистейшее изложение единобожия. По-видимому, люди, близкие к Магомету, были именно ганифами, как, например, Варак, Зеид и др.

Таково было религиозное состояние арабов и жителей Аравийского полуострова к тому времени, когда должен был явиться, по вероучению иудеев и иудействующих, пророк. А он должен был явиться и очистить веру бедуинов, ибо она представляла слишком большое смешение – от грубого идолопоклонства до чистейшего христианства. Арабы в религиозном отношении были не удовлетворены. Более умные и пытливые из них искали истины, менее развитые готовы были следовать ей. Но эта новая религия должна быть их религией, религией, подходящей к их простоте, неразвитости, бедности, независимости, полной покорности высшему, недосягаемому и их чувственности. Эта религия должна была исходить из их существа, жизни и условий природы и бытия.

До сих пор арабы почти вовсе не имели своей религии. Была Кааба, были идолы. Для каждого племени были свои кагины – пророки, которые пользовались особым благоволением богов, получали от них откровения и передавали их людям.

Когины вели уединенную аскетическую жизнь, лечили болезни, считались людьми сведущими и мудрыми, давали советы и делали предсказания. Все это было слишком просто и, видимо, не удовлетворяло духовной потребности номада. Потребность исправленной религии сознавалась и чувствовалась, почему многие из более развитых арабов искали истины, хотя не всегда и находили ее. Нужно было, чтобы эта истина была арабская. Явился араб, который познал эту истину, открыл ее своим братьям и стал вполне заслуженно их пророком и главою. Это был Магомет.

ГЛАВА V

20 апреля 57 1 г. по Р. Х., в Аравии, в Мекке, в племени корейшитов, в роде Гашимитов, у Абдулы Муталиба родился сын, Магомет. Отец немного не дожил до рождения сына. Он был в пути с караваном в Ятриб, заболел и там же умер. Немного он оставил своему сыну наследства: пять верблюдов, козье стадо и рабыню. Говорят, что Магомет происходил из знатного рода Касаи, возвратившего своему племени власть над Меккою, а через это до некоторой степени и над всей Аравией. Этому противоречит бедность родителя Магомета. Впрочем, много ли нужно арабу, чтобы стать счастливым и довольным! Один верблюд. А у отца Магомета их было пять да еще стадо коз…

Вследствие смерти отца Магомет остался на попечении у матери, и так как мать Магомета не отличалась особенным здоровьем, то отдала сына на вскормление в деревню, что дозволяли себе делать только люди состоятельные. К детским годам Магомета относят событие, не лишенное для нас интереса. Когда мальчику было шесть лет, он однажды играл со сверстниками. Вдруг явился архангел Гавриил, распорол Магомету грудь, очистил его внутренность, а затем оросил водою источника Зем-Зем – и все зажило. Перепуганные дети убежали с криком: Магомет убит, убит! Моментально бросилась туда няня, Халима, и нашла Магомета *распростертым на земле, в судорогах и бледным как смерть.* Бытописатель лично видел рубец на груди Магомета от раны архангела Гавриила. Да и в Коране говорится: «разве я не раскрыл тебе грудь…» Няня так испугалась этого случая, что немедленно отвезла Магомета матери. Тогда мать спросила: «разве ты боишься, что то был дьявол?»

Кормилица отвечала: «да».

– Не бойся. Это был Бог. Когда я носила Магомета во чреве своем, то мое тело светило. настолько, что я видела дворцы в Восга.

По смерти матери, Магомет, будучи еще мальчиком, поступил в семью старшего в роде, деда Абдель-Муталиба. Говорят, Магомет был любимцем и баловнем своего деда, который, однако, недолго пользовался счастием присутствия внука. Дед скоро умер, и Магомет перешел к следующему старшине рода, дяде Абу-Талибу. Видно, действительно, финансовые дела Магомета были не слишком блестящи; ибо ему пришлось заняться делом очень низким, по воззрениям того времени, – пасти стада.

Подросши, Магомет сопровождал дядю, Абу-Талиба, с его

торговыми караванами, то в качестве погонщика, то в качестве работника, то в качестве мелкого приказчика. Случалось и так, что Магомет ходил с чужими караванами. При этом он видел много нового. Встречал новых людей, беседовал с ними, прислушивался ко всему и жадно воспринимал все, что его интересовало и соответствовало его душевному настроению.

Будучи расторопным, смышленым, бойким, умелым и опытным в торговых делах, Магомет удачно вел дела богатой вдовы Хадиджи, заслужил ее доверие, внимание и вскоре любовь. Товарищи называли Магомета al amin – человек правды и верности, правдивым во всем, что он говорил и что думал. Он молчал, когда нечего было говорить, если даже говорил, то умно, искренно и всегда ясно освещал вопрос.

Магомет был среднего роста, довольно нежного сложения, с выразительным лицом, окаймленным густою черною бородою, с большими, черными, выразительными глазами и очень обильным количеством волос, ниспадающих на его плечи.

Магомет и Хадиджа полюбили друг друга и женились. Недешево дался этот брак Магомету. Богатая семья Хадиджи дерзко и грубо приняла в свой круг бедного работника, и Магомет долго еще жил у своей жены в качестве управляющего, а не владельца имущества. Несмотря на женитьбу, Магомет продолжал караванные путешествия. Неделями и месяцами он оставался наедине с собою, природой и невидимым Богом. Многое он за это время передумал, о многом поразмыслил. А на размышление его наводило также многое. Отправляясь с товарами, Магомет встречался и с иудеями, и с христианами, и с иудействующими и с различными христианскими сектантами. Вероучение этих людей очень его интересовало – тогда как собственная религия его не удовлетворяла. Возвращался Магомет домой – и здесь постоянно шла беседа о религии. Люди, близкие к Хадидже, ее родственники, Варак, Зеид и др., по-видимому, были проникнуты идеями иудействующих и здесь нередко читалась библия. Все это западало в восприимчивую душу Магомета и оставляло в ней след. А затем, опять оставаясь наедине, в пути, он все это обдумывал, приводил в порядок и создавал свою собственную систему, систему, подходящую к его, араба, характеру жизни, природе и прежним воззрениям. Эта система была у него смутною, не вполне сформированною, но она зарождалась, развивалась и постепенно расширялась. Сколько раз он останавливался на мысли о неправоте многобожия, идолопоклонства и прочее. Сколько раз он мыслил о необходимости просветить и своих темных соотечественников. Видел он и то, что многие из его близких сознают необходимость

и потребность обновления вероучения. Но где та вера, которая была бы наилучшей? Ни одна из готовых формул религии не удовлетворяла номада-бедуина. Христианство было для него слишком мягким, сложным и отвлеченным, иудейство слишком ограниченным. Магомет чувствовал необходимость обновления и духовной переработки.

Предания указывают много случаев близких отношений Магомета и к христианам, и к иудеям, и к различным сектантам. Называли и имена его друзей. Так ли это было на деле – кто знает? Верно то, что сношения эти были, и Магомет учился многому и научился многому. Но, восприняв это многое, он его усвоил, переработал и создал свое. Это *свое* не имело строгой цельности. Все, что у Магомета было, было только дар Божий, а образование его было самое примитивное. Он едва умел читать и писать.

Вместе с этим в своих путешествиях Магомет прислушивался и ко многому другому. Он наблюдал жизнь и нравы людей; изучал нужды и интересы страны, заводил знакомства и старался узнать как свою родную страну, так и близлежащие. Так провел Магомет 15 лет в супружестве с Хадиджой, во взаимной любви и в заботах о делах и детях. Большую часть года он проводил в путешествиях, но наступал Рамазан и Магомет отправлялся в горы, где в пещере горы Хира проводил время в посте, молитве и благочестивых размышлениях. В этот момент, вероятно, больше всего Магомет занимался размышлениями о новом вероучении.

Слишком впечатлительный, крайне восприимчивый и увлекающийся идеями вероучения, Магомет, по-видимому, был очень фанатичен в исполнении моления и постов и это ему даром не проходило. У Магомета начали появляться галлюцинации. Так, ему казалось, куда бы он ни посмотрел, что перед ним один и тот же предмет. Другой раз он слышал голос, зовущий его: «Магомет, Магомет!» Магомет оглядывался, присматривался в ту сторону, откуда шел голос, но ничего не видел. Еще иногда он слышал, как каждый камень говорил ему: «благо тебе, посланник божий!»

Магомет был человек мягкий, добрый, ласковый, кроткий и уступчивый. Его внешние приемы, манеры и речи были необыкновенно привлекательны, проявляя уважение и любезность к окружающим. Со всеми он был одинаково ласков и доступен, сострадателен к убогим и несчастным, прост и умерен в образе жизни, лично чинил себе одежду и обувь, большой друг детей. Его домашний обиход отличался крайней простотой: ячменный хлеб и вода составляли его обычную пищу; случалось, что по целым месяцам на его очаге вовсе не разводили огня (Карлейль). При встрече с знакомыми он всегда приветствовал их, не ожидая

от них поклона; подавая руку, не отнимал ее первый. Богатству большого значения не придавал, а имея его, помогал бедным. Таковы отзывы о характере и личности Магомета. Много думавший о новом вероучении, он, в силу природной застенчивости и боязливости, никогда не выступил бы с проповедью перед целым народом. Самое большое, что бы он сделал, – это сам исповедовал бы свою новую веру; но он никогда не нашел бы решимости предстать перед народом с свидетельством истины и начать открытую войну с косностью и предрассудками. Во всяком случае, это не был человек воинствующий и агрессивный, и должно было случиться нечто особенное, сверхъестественное побуждение, чтобы заставить такого человека выйти из своей обычной колеи и начать действовать энергично, безбоязненно, открыто и даже вопреки желаниям большинства.

ГЛАВА VI

Когда Магомету было сорок лет, он имел первое божественное откровение, подействовавшее на него крайне потрясающе и бросившее его роковым образом на служение Богу. Это было на Хире, во время поста и молитвы. Магомет усердно постился и проводил в молитве дни и ночи. Здесь он всецело был предан мысли о Боге и новой вере.

– Вдруг охватило меня как бы во сне и напало смутное ощущение. Кто-то приблизился ко мне и сказал:

– Читай!

– Нет, не могу, – я ему отвечал.

Затем тот же некто сдавил меня так, что я думал, что умираю, и повторил, слова:

– Читай!

И опять я отказался.

Снова меня сдавило, и я услышал явственно:

– Читай! Во имя Господа твоего, творящего и сотворившего человека из кровинки, – читай! Господь твой всемилосерд. Он даровал знания посредством пишущей тростинки. Он научил человека тому, чего он не знал.

Тогда я прочитал и видение исчезло. Я проснулся. И было со мною так, как бы сии слова были начертаны в моем сердце.

Страшно потрясенный и крайне взволнованный, Магомет прибежал к Хадидже, весь дрожа и прося, чтобы она прикрыла его.

– О, Хадиджа, что случилось со мною!

Магомет передал обо всем происшедшем и прибавил: «я боюсь за себя». Тогда Хадиджа отвечала ему:

– Не бойся, будь бодр. Аллах никогда не сделает несчастным. Милостью Аллаха, ты верен своей семье, ты поступаешь по правде, ты помогаешь в нужде, ты отзывчив на доброе, ты гостеприимен к страннику и помогаешь людям, впавшим в несчастие.

Затем Хадиджа послала за Вараком и передала ему о происшедшем. Варак, выслушав рассказ, воскликнул:

– Если это так, то на Магомета сошел Ну мое (дух Божий), тот самый, который почил на Моисее; теперь Магомет пророк нашего народа… О, если бы я дожил до того времени, когда люди будут преследовать тебя…

– Неужели люди будут преследовать и меня? – воскликнул Магомет.

– Да, – сказал Варак, – никогда не было, чтобы человек,

принесший то, что ты, не имел врагов.

Все это так повлияло на Магомета, что он сразу поседел (Ireland) и долго не мог успокоиться. Часто Магомет бродил по скалистым пустыням и горам. Тоска, уныние, страх и отчаяние нападали на него. Были и такие мысли, что он не рад был своей жизни и готов был покуситься на нее. Магомет впадал в сомнение и не мог решить, как все это разгадать.

Но вот прошло некоторое время. Магомет имел второе откровение. На него снизошло свыше явление без слов. Оно исполнило его сердце давно желанным убеждением. Одновременно с этим он почувствовал головокружение. Потрясенный, как бы в лихорадке, он спешит домой и просит Хадиджу: «Заверни меня… Совершилось…» Затем он услышал слова:

– О, ты, завернутый, встань! Зову тебя, истинно так… Господа Бога твоего, да слава Его… одежды твои, – очисти их!.. Господа Бога твоего чти неизменно… (Мюллер).

Предания говорят, что с этих пор припадки повторялись, за ними следовали откровения. «Застигнутый пароксизмом, Магомет падал в изнеможении на землю; затем начинались судороги, глаза дико вращались, лицо становилось бледным и покрывалось потом. Это ангел посетил его, говорили веровавшие в него. И действительно, после каждого припадка пророк возвещал новое откровение» (проф. М. Н. Петров). В то же время, когда Магомет получал откровения, говорит Ireland, он впадал в коматозное состояние, точно после сильного опьянения, бледнел и губы его шевелились, будто он говорил… Однажды он упал так стремительно и сильно на колени Зеида, что тот опасался, как бы Магомет не сломал ему колен. По временам он издавал звук, похожий на крик молодого верблюда.

Все это так повлияло на Магомета, что он несколько изменился. Он стал менее деятельным, мало занимался своими делами, мало выезжал из Мекки, Он уединялся, избегал людей и много думал.

Что же открывало ему божественное откровение и в чем состояла новая вера Магомета?

Проповедь его была очень простая и вера его была очень несложная и уже известная многим живущим.

На свете есть только один Бог – Аллах, Господь. Он сотворил мир и его поддерживает. Ему одному подобает поклоняться и отречься от идолопочитания. Магомет его пророк. Ему поручено предостеречь людей и возвестить им, что наступит воскресение мертвых и страшный суд, на котором каждому воздастся по заслугам его. Кроме исповедания веры, главнейшие обязанности

человека: молитва в определенные сроки, честное отношение к ближнему и милостыня бедным (Мюллер).

Все это истины, давно известные и подробно изложенные как в христианстве, так и в иудействе. Да Магомет и не выдавал их за что-нибудь новое. Он сам заявляет, что его учение – учение первых патриархов. Его вера – вера первых патриархов. Его откровения – откровения первых патриархов. То, что Господь открыл Адаму, то же он повторил и Ною, и Аврааму, и Моисею, то же открывает он и ему – Магомету, ибо люди забыли Единого Бога и уклонились от Его святых заветов. И теперь Бог напоминает им через своего избранника, его – Магомета.

Это учение сначала принято было очень немногими. В него уверовали: Хадиджа, Али и раб Сеид. Оно имело много общего с учением ганифов, почему некоторые из ганифов также присоединились к Магомету и стали его последователями.

Теперь Магомет твердо убежден, что он является избранником и посланником Божиим. Эта сила убеждения и искренность веры в себя и в свое учение, как божественное учение, были причиною тому, что Магомет – человек мягкий, нерешительный выступил открыто, не боясь и не стесняясь, ибо он шел для Бога и по Божию велению. Мало-помалу Магомет исповедовал свое учение, но на первое время у него последователей было мало. Только люд бедный и неимущий шел к нему, да и то в небольшом количестве.

Но прежде чем окончательно выступить с проповедью, Магомет решил поведать о том своему роду. Для этого он созвал всех гашимитов. Он пригласил их на собрание и объявил им об откровении и посланничестве. Последствия этого были очень печальны. Они ожидали какого-нибудь сообщения о серьезном деле, торговом предприятии, набеге и т. п. Поэтому заявлением Магомета все они возмутились и пришли в негодование. Один из дядей, Абу-Лахаб, не выдержал и закричал:

– О, чтоб тебе удавиться! Так это ты за этим и созвал нас!

Все ушли смеясь и бранясь. Сын Абу-Лахаба был сговорен с дочерью Магомета, но после этого неприятного происшествия дядя взял свое согласие назад. Но красавица Рокайя не засиделась в девах. На ней скоро женился Осман Ибн-Аффана из рода Омайядов, который вместе с тем стал ярым приверженцем и защитником учения Магомета. Еще раньше последователем Магомета стал знаменитый Абу-Бекр.

Несмотря на такую неудачу в своем роде, Магомет не унывал. Родоначальник гашимитов, Абу-Талиб, не был приверженцем учения Магомета, но он и не ссорился с Магометом, оставаясь по-прежнему его защитником и покровителем.

Так мало-помалу подвигалась проповедь Магомета. Он нападал на идолов и проповедовал веру в Единого Бога.

Несмотря на то что у Магомета последователей было очень немного, его проповедь, однако, не нравилась очень многим, и именно гражданам Мекки и Каабы. Главным пунктом, против которого восставал Магомет, было многобожие и идолопоклонство. Эта проповедь была решительно против интересов корейшитов. Все их богатство, власть и благополучие зиждились на том, что Мекка служила центром всех богов Аравии. Все бедуины и жители оседлых частей Аравии смотрели на нее как на главный религиозный, а затем уже торговый и политический пункт. Отнимите у Каабы идолов, перенесите их в другое место, и все бедуины направятся туда же. Туда же пойдут и караваны и богатства… Таким образом, у Мекки может ускользнуть религиозная власть, а вместе с нею и торговое преобладание, и политическое, и самое благосостояние. Ввиду этого Магомет являлся не столько врагом богов, сколько врагом и разбойником для самих меккинцев; он вел прямо к разорению и унижению самое племя и грозил ему близкой и серьезной гибелью.

Однако нападать на Магомета сразу меккинцы не решались. Прежде они обратились к Абу-Талибу, как начальнику рода гашимитов, дабы тот повлиял на Магомета. Абу-Талиб позвал Магомета и начал его уговаривать. Но не таков был Магомет, чтобы его можно было отговорить от дела, которое он считал делом божиим и себя его исполнителем и проповедником.

– Если бы они давали мне солнце в правую руку и месяц в левую – с тем, чтобы я оставил это дело прежде, чем Бог даст ему победу, или я погибну за него, то я не оставил бы его, – заявил Магомет.

– Проповедуй все, что хочешь, сын брата моего; я ни за что никогда не покину тебя, – сказал Абу-Талиб. Абу-Талиб любил Магомета и никогда не позволил бы обидеть его.

Таким образом, меккинцам не удалось отбить Магомета от рода и лишить его покровительства и защиты гашимитов; хотя род не верил учению Магомета и не признавал его призвания, тем не менее, исконный долг лежал на роде – защищать своего члена. Не желая вступать в родовую борьбу с гашимитами, меккинцы должны были принять свои меры против Магомета и его последователей.

Прошло 10 лет проповеди Магомета, а последователей у него насчитывалось всего только несколько десятков, да и те состояли из рабов и людей бедных. Вот меккинцы и обрушились прежде всего на рабов. Господа этих несчастных начали их теснить,

обижать и делать всевозможные неприятности. Тогда Абу-Бекр выкупил этих рабов и тем избавил их от истязаний… Меккинцы прибегли к другой мере: они отказались иметь общение с последователями Магомета. Их не допускали в Каабу, не покупали у них товаров, не продавали им предметов насущной необходимости, смеялись над ними, издевались, да и самая жизнь их не всегда была вне опасности. Тогда Магомет поселился на окраине Мекки, в доме дяди своего Абу-Талиба, где также, для взаимопомощи, поселились и многие из последователей Магомета, остальная же часть его учеников бежала в Абиссинию. Это было в 615 г. по Р. Х. Корейшиты просили негуса Абиссинии выслать последователей Магомета, но тот не исполнил их просьбы.

Однако проповедь Магомета мало двигалась вперед. Магомет сознавал, что если он избранник божий для проповеди слов Его, то должно же найти какой-нибудь путь к более успешной деятельности. И вот он придумал пойти на уступку корейшитам. Магомет решил признать главнейших богов Каабы. В самом деле, на небе, кроме Единого Бога, есть еще ангелы, святые и проч. Не будет большой бедой, если он за некоторыми богами признает кое-какое значение. Явившись в Каабу, он открыто заявил, что считает Лата, Уззу и Манаха великими заступниками перед Аллахом. Этим актом признания Магомет сразу примирился с корейшитами и дело его поставлено было более прочно. Его последователи, бывшие в Абиссинии, теперь свободно возвратились в Мекку.

Но, выиграв этою уступкою в одном отношении, Магомет проиграл в двух отношениях: 1) его сторонники были огорчены, увидев допущение многобожия и идолопоклонства, что грозило отпадением его главных союзников, и 2) собственная совесть Магомета еще более возмущала его и он решился отречься от своего признания идолов. В один прекрасный день Магомет явился в Каабу и торжественно заявил: «Бог один в себе самом завершенный, он не родил и не родился и никогда не было на свете существа ему подобного».

Дела Магомета опять пошли худо. Несмотря на то, что число сторонников его увеличилось, несмотря на то, что к нему присоединились могущественные деятели, как Хамза, Абу-Бекр и др., – последователей Магомета было все-таки довольно мало. Им пришлось искать защиты даже у своих врагов. Сам Магомет нашел себе пристанище у враждебного рода махцумитов и спасался только их силою. В эту пору присоединился к последователям Омар. Этот могущественный человек очень сильно поднял двух последователей Магомета. Они стали

появляться на улицах, посещать Каабу и даже публично проповедовать. Магомет открыто нападал на правителей, обличал их в гордыне и доказывал их ничтожество пред Господом. Разумеется, этот вызывающий тон не прошел даром для последователей Магомета. С конца 617 г. жители Мекки прекратили с ними все общественные сношения, отказали им в праве брачных союзов, исключили из участия в караванной торговле и, таким образом, объявили Магомета и его последователей вне закона. Такое тягостное положение длилось два года. Дольше терпеть его становилось невозможным. В 619 г. последователи Магомета вновь переселились в Абиссинию.

Теперь на Магомета обрушились и другие несчастья. Умерла Хадиджа, его верный друг и мудрый советник, умер старшина рода Абу-Талиб, очень любивший Магомета и всегда защищавший его. Проповедь в Мекке, очевидно, оставалась бесплодною. Нужно было подумать о распространении учения вне Мекки. Магомет отправился в Таив, но там его проповедь закончилась весьма неудачно. Магомета осмеяли, избили и едва не убили. Только благодаря случаю Магомет остался жив и бежал в Мекку.

Но в Мекке было не лучше. Своим учением он успел вооружить против себя идолопоклонников, успел оттолкнуть и ганифов. Нашлись книжники, которые стали изобличать Магомета в незнании писания и в смещении откровений ганифского писания и персидских преданий. Напрасно Магомет ссылался на то, что его учение то же, что было открыто патриархам: Адаму, Ною, Аврааму и др., и что его учение – самое верное, потому что ему последовало самое недавнее, не искаженное еще откровение… Все его уверения остались тщетными.

А тут еще вышло осложнение со старейшиной рода. Вместо умершего Абу-Талиба старшиной рода стал Абу-Лахаб. Между Абу-Лахабом и Магометом еще раньше вышла неприятность; но теперь Абу-Лахаб, ставши начальником рода, объявил Магомету, чтобы тот ничего не опасался и жил, как при Абу-Талибе, так как он берет его под свое покровительство. Вскоре, однако, именитые люди успели поссорить Абу-Лахаба с Магометом и Магомет остался одиноким.

Магомет пал духом. Он стал терять веру в успех своего дела, – терять веру в себя. Магомет начал думать о том, чтобы перенести свою проповедь куда-либо вне Мекки. Случай скоро тому поблагоприятствовал.

ГЛАВА VII

На праздничные торжества у Каабы собирались арабы со всех мест Аравии. Магомет пользовался этим случаем распространять свое учение. Он ходил между прибывшими, высматривал, выслушивал и, если находил благоприятную почву, старался обратить в свою веру. Так Магомет набрел на кучку арабов из племени Хазрадж. Это племя занимало первенствующее место в Ятрибе. Племя Бену-Хазрадж имело по соседству несколько еврейских племен, с которыми оно жило в мире и согласии. Евреи, разумеется, не преминули сообщить своим соседям сведения о своем вероучении о Едином Боге и ожидаемом Мессии. Хотя это учение к арабам и не привилось, тем не менее, о нем знали. Этих-то хазраджцев теперь встретил Магомет, отвел их в сторону и поведал им свое учение. Ятрибцы поддались учению. Они припоминали учение иудеев о пришествии Мессии и стали рассуждать между собою: «Не это ли тот самый пророк, о котором сказывали нам иудеи, что время его уже близко и что, когда он восстанет, они пойдут за ним и побьют всех враждебных им арабов и истребят их, как „были истреблены в древности неверные племена Ад и Ирам. Не лучше ли теперь нам предупредить их и первыми пристать к пророку?“

Затем они обратились к Магомету и сказали ему:

– Земляки наши самые сварливые и разрозненные из всех народов, и потому мы уже хотели покинуть их. Но вот, быть может, истинный Бог соединит нас всех через тебя. Поэтому мы вернемся в город наш и положим дело твое перед глазами соплеменников наших и вложим в уши их веру, принятую от тебя. И если истинный Бог в соединении приведет их к тебе, не будет человека во всей земле сильнее тебя.

Ятрибцев было шесть. Они обещали на будущий год в это же время прибыть на это место.

Прошел год, и ятрибцы явились, но уже уверовавших в учение Магомета было 12. Они засвидетельствовали, что принимают учение Магомета, или *ислам,* и дали клятву не признавать другого Бога, кроме Единого, не веровать, не прелюбодействовать, не умерщвлять своих детей, не сочинять и не распространять клеветы и быть послушными посланнику Божию во всяком добром деле.

На это Магомет им сказал:

– Если вы это исполните, то рай наверно будет принадлежать вам; если же согрешите, то от Бога зависит наказать вас или помиловать.

Отпуская новообращенных, Магомет отрядил с ними Мусаба, человека испытанного и преданного вере и Магомету, дабы он наставлял их в коране и общей молитве.

> «Вскоре после этого Магомет в восхищении видел видение. Неведомая сила, которую он признавал за архангела Гавриила, подняла его с ложа и вывела из дому. Он увидел волшебного коня Эль-Борана (молния) и, сеч на него, в одно мгновение очутился в Иерусалиме, около дома молитвы. Здесь он нашел сонм пророков и среди них Авраама, Моисея и Иисуса Христа. Он молился вместе с ними. Затем ему подносят три чаши: одну с водою, другую с вином и третью с молоком. Он слышит чей-то голос, говорящий: если он возьмет воду, то потонет вместе с общиной своей, если возьмет вино, то будет блуждать с общиной своей, если возьмет молоко, то пойдет правым путем с общиной своей. Магомет выбрал чашу с молоком. После того он проходит через семь небес и достигает лицезрения Самого Бога, от которого получает для мусульман заповедь пятидесяти молитв. Но на обратном пути у ворот каждого неба он встречал одного из великих пророков, который внушал ему, что мусульмане не вынесут такого большого числа молитв и чтобы он просил Бога сократить их. Так он и сделал и, при выходе из последнего неба, число молитв свелось к тем пяти, которые установлены в коране»
>
> *(Вл. Соловьев).*

Прошел еще год. На праздник 622 г. пришло уже 75 обращенных в ислам. К ним явился Магомет вместе со старшим в роде – Абассом. Видя такое доверие к своему учению в Ятрибе, Магомет решил переселиться в Ятриб. Нужно, однако, чтобы новая семья Магомета приняла его по обычаям страны, причем столь же торжественно должен был сдать его и прежний род. Для этого-то и явился Магомет с Абассом.

Абасс спросил от имени гашимитов и Муталиба, присутствующих из племени Хазраджа и Ауса, желают ли они принять к себе Магомета как своего родного. Ятрибцы изъявили полное согласие. Абасс объявил Магомета отпущенным от племен и свободным от обязательств по отношению к своему роду. Тогда Магомет потребовал, чтобы ятрибцы поклялись, что они будут защищать его от всякой беды, даже с оружием в руках, как они защищают своих жен и детей. После данной клятвы Магомет

избрал 12 мужей – 9 из племени хазраждей и 3 из аусов – для заведования общиной и для дальнейшей проповеди вероучения. Отпустив последователей, Магомет оставался еще в Мекке. Вскоре после этого в Ятриб перебралось большинство меккинских последователей Магомета, в Мекке же при Магомете остались только Абу-Бекр и Али.

Любовь и преданность последователей Магомета к своему учителю и его учению были необыкновенно трогательны. Как «мохаджиры», переселенцы из племени корейшитов, так и «ансары» – уроженцы Ятриба и других племен, были преданы Магомету до фанатизма. Они терпели ради него гонения и муки, покидали родину, имущество и семьи, были его телохранителями и неустрашимейшими солдатами армии. А телохранители Магомету теперь были нужны.

Корейшиты доведались, что Магомет желает покинуть Мекку и перенести деятельность в Ятриб. Это вовсе не было в их интересах; поэтому одиннадцать человек корейшитов дали клятву убить Магомета. Магомету предстояла двойная опасность: и в Мекке его ожидала смерть, и на пути в Ятриб его ожидала смерть. Только благодаря Али и Абу-Бекру Магомету удалось уйти из Мекки и благополучно прибыть в Ятриб.

Это произошло в 622 г. по Р. Х. Недалеко от Ятриба Магомета неожиданно встретили как магаджиры, так и ансары. Магомет вошел в Ятриб, как в свой родной город, и с тех пор этот город, в честь пророка, стал называться Мединой. Год переселения Магомета в Медину считается первым годом магометанского летосчисления.

ГЛАВА VIII

С этого момента Магомет становится не только проповедником и пророком, но и великим политиком. Трудно даже и сказать, в чем больше проявился его гений.

Вскоре по прибытии в Ятриб, или Медину, Магомет дал своим последователям устав, которым магометане совершенно выделяются от арабских идолопоклонников и язычников, и положил прочное религиозно-политическое основание новой религии, новому народу – мусульманам, или исламитам. На основании этого нового закона все верующие, как корейшиты, так и хазраджиты и другие племена Ятриба, магаджары и ансары, составляют один неразделенный и равноправный народ. Магомет не делит своих последователей на племена, а теперь существуют только правоверные и неверные. Правоверные должны жить в мире, забыть вражду и раздоры и помогать друг другу. Кровавая месть между племенами была уничтожена, а решение споров и тяжб приносится на усмотрение Бога и его пророка.

Правда, была группа людей, которые в отношении к правоверным представляли некоторое неудобство и затруднение: это те жители Медины, которые не были последователями Магомета, но и не враждовали с ним. Кроме того, существовали еще люди, с которыми Магомету по необходимости приходилось ладить. Они жили в Ятрибе и около, в значительном количестве. С ними приходилось считаться – и Магомет считался. В своих указаниях последователям *киблы* он назначил ее не в Мекке, а в Иерусалиме. Киблою называется место, куда правоверный во время молитвы должен был становиться лицом. И вот, желая подкупить иудеев, Магомет принял их пророков: Адама, Ноя, Авраама, Моисея и др., киблою признан Иерусалим. В свою очередь, и иудеи признали его пророком, посланным Богом для просвещения язычников, подобно тому, как Моисей был послан народу израильскому. Иудеи дали согласие жить с магометанами в мире, в тяжебных делах между иудеями и магометанами принимать решение Магомета, в войне – помогать деньгами.

Старался ладить Магомет и с христианами и сектантами, предоставляя им те или другие права и положение.

Вскоре последователей Магомета стало очень много. Теперь он был не только провозвестником слова божия, но и властителем и повелителем. Всякий, вступающий в ислам, становится добровольным подданным Магомета. Магомет мало-помалу становился распорядителем всей Медины.

Почувствовав свою силу, Магомет невольно проявил

хищнический бедуинский инстинкт. Имея около себя приверженцев, считавшихся уже сотнями, людей беспредельно преданных Богу и Магомету, Его пророку, Магомет решился совершить набег. Да и пора уже было об этом подумать, потому что магаджары не имели никаких средств к существованию. Пора было и Мекке показать, что Магомет жив и Магомет сила. Посланы были разведчики, которые разыскали небольшой караван. Караван был разбит и добро разграблено. Правда, это была частица, только раззадорившая аппетит… Скверно было и то, что грабеж был произведен в священный месяц. Но Магомет и здесь нашел оправдание: Бог скорее простит грабеж, нежели идолопоклонство, а потому грабеж и нападение на идолопоклонников позволительны и в священные месяцы. Страшно это разозлило меккинцев, но это было только началом скверного.

Вскоре Магомету донесли, что идет меккинский караван с огромнейшими богатствами, охраняемый 950 арабами, под предводительством Абу-Сафиано, злейшего врага Магомета. Магомет не долго думал. Собрал около трехсот всадников из своих приверженцев и быстро напал на караван. Сражение было необыкновенно жаркое. Мусульмане проявили чудеса храбрости и всю силу мусульманского фанатизма. Охрана каравана была разбита и караван захвачен. Магометане возвратились в Медину с богатствами и рабами.

Теперь Магомет чувствовал за собою не только нравственную, но и физическую силу. Число его последователей росло, и ему нечего было заискивать у иудеев. Да что-то и не ладился с ними союз; уже раньше между Магометом и иудеями вышли недоразумения. Иудеи изобличали Магомета в незнании их священных преданий. На это Магомет заявил, что не его учение не верно, а иудейское, ибо библия есть только частица божественного учения, а коран – целое. В отместку же за дерзость иудеев Магомет отменил киблу – Иерусалим и восстановил прежнюю – Мекку. На то были у него и другие расчеты: требовалось восстановить значение Мекки, ибо он предвидел в недалеком будущем тот момент, когда Мекка будет в его руках.

Теперь, почувствовав на своей стороне и военную силу, Магомет решил посчитаться с евреями. Благо их племена жили врозь, как и племена арабские. На этот раз Магомет напал на племя Бену-Кейнока. Еврейское племя было уничтожено и добыча мусульман была очень обильна. Вскоре и остальные еврейские племена были уничтожены.

Но мусульманам грозила другая беда. Меккинцы собрались отмстить мусульманам. Магомету донесли, что против него идет

целая армия в 10 тысяч воинов под предводительством Абу-Сафиано. При всем усилии Магомет мог противостать с тремя тысячами воинов. Битва окончилась очень печально для мусульман. Сам Магомет был ранен. Тем не менее, меккинцы ограничились только разгромом мусульман и возвратились обратно домой, назначив через год вновь помериться силами с мусульманами.

Прошел год, и Абу-Сафиано явился с новыми силами. Магомет и теперь не мог рассчитывать на победу в открытом поле и прибег к новой военной тактике – окопам рвами. Этот способ защиты не был известен бедуинам и не был благоприятен для нападающих, а потому, простояв достаточно долгое время с войском, Абу-Сафиано возвратился в Мекку ни с чем.

Теперь Магомет занялся развитием своих сил и укреплением правоверных. Через два года он уже сам признал возможным предпринять поход на Мекку. Правда, дело и теперь до сражения не дошло, но Магомет был сила и с ним меккинцы заключили перемирие на десять лет.

Магомет сознавал, однако, что еще не наступил момент покорения последнего сопротивления Мекки. Нужно было еще увеличить и укрепить войско. Единство религиозное в магометанстве влекло за собою одно весьма важное последствие – политическое объединение всех племен Аравии. И вот Магомет направляет свои действия на области Центральной Аравии – Неджида и Иемамы. Это была чистая и неприкосновенная страна бедуина. Нападая на отдаленные племена, Магомет присоединял их к себе или истреблял. Успех покоряет слабых и усиливает сильных. Удача Магомета привлекала к нему хищников из пустынных степей. Силы Магомета росли. Победы давались легко. Область его владений расширялась.

Теперь можно было подумать и о Мекке. И Магомет подумал. В начале весны 628 г. Магомет видел сон, и сон тот вещал ему, что он совершил хождение в Мекку и что ему переданы будут ключи Каабы. Об этом сне Магомет поведал своим правоверным и приказал собираться в поход. Под знаменем пророка собралось более 10 тысяч всадников. Мекка о сопротивлении не могла и мечтать. Купеческая Мекка сдалась. Абдуль-Азис, дядя пророка, и Абу-Сафиано первые приняли ислам.

Последовал торжественный въезд Магомета в священный город. Сидя на верблюде, Магомет семь раз объехал Каабу и семь раз прикоснулся посохом к священному камню. Засим он вошел в Каабу и торжественно объявил: нет Бога, кроме единого Бога. Идолов не стало.

Итак, еще восемь лет назад Магомет бежал из родного

города, гонимый, позоримый и беспомощный, а ныне он смело мог воскликнуть: «О, Аллах, Аллах, ты исполнил свои обеты, даровал рабу твоему победу и покорил язычников!» Ушедши жалким проповедником, Магомет через восемь только лет явился великим повелителем. Мекка была у ног его.

Теперь Магомету оставалось сделать в Аравии немногое. Племя за племенем сдавалось почти без боя, и скоро он стал обладателем всей Аравии. Под его мощною рукою создалась могущественная всеарабская держава, которой суждено было покорить едва ли не весь мир. Карлейль был совершенно прав, говоря: «великий человек является всегда точно молния с неба; остальные люди ожидают его, подобно горючему веществу, и затем воспламеняются его пламенем». Пламя ислама разлилось рекою по всему миру… И в Магомете исполнялось пророчество, данное Измаилу: «и все благословив его, и возвращу его, и умножу его зело: дванадесять языки и дам его в язык велий…»

После этой важнейшей победы Магомет прожил не много. Перед смертью ему удалось испытать величайшее счастье – видеть венец торжества своих прижизненных деяний. Это было торжественное шествие пророка в Мекку из Медины на поклонение святыне. Шествие сопровождалось несметною толпою мослимов, собравшихся со всех областей Аравии узреть и приветствовать своего пророка и повелителя правоверных и принять участие в этом торжественном шествии во главе с повелителем. Магомет совершил все священные обряды. Со всею торжественностью он посетил священные места, исполнил все требования и принес жертвы. Строгим соблюдением древних обрядов Магомет хотел ясно показать, что основанная им вера не есть что-либо новое, а только лишь обновленное и очищенное арабское богопочитание. Это – та же религия праотца Авраама, родоначальника аравийских народов, строителя Каабы и учредителя меккинского паломничества.

Магомет совершил великую историческую задачу. Он дал своему народу такую веру в Бога, которая наиболее соответствовала его природе, историческому развитию, преданиям и условиям жизни. Это поистине была народная душа, оживотворенная верою в единого Бога, творца всего и самого исповедника. Своим последним путешествием на поклонение в Мекку Магомет примирил свою веру с историческими и местными началами и, сходя в могилу, он успел наложить на нее последнюю национальную печать.

Магомет умер 8 июня 63 2 г.; но его вера только начинала жить. Она росла, развивалась и покоряла мир. И долго она будет еще жить, пока не уступит вере более живой, мягкой, любящей,

всепрощающей, освященной самопожертвованием и всеобщим миром. Имя же Магомета не умрет, пока будет жить мыслящий человек.

Умирая, Магомет сказал: «Сражайтесь с неверными, пока всякое противление исчезнет».

Но человек получил и другой завет: «Обнаживший меч от меча погибнет». Тот же Богочеловек оставил нам и другую заповедь: «Новую заповедь даю вам: любите друг друга и болыпия любве никто же имать, да положит душу свою за други своя». Вот тот меч, который погубит «обнаживших меч».

ГЛАВА IX

Магомет – плут, лгун, обманщик. Он измыслил видения и откровения для того, чтобы морочить людей и пользоваться их легковерием. Он проделывал какие-то экстазы, чтобы придать больше значения своим выдумкам.

Магомет – человек святой, стоявший в прямом общении с Богом. Он имел божественные видения и божественные откровения, и это уже одно показывает, что он святой.

Вот две крайности, которые мы слышим о Магомете, По нашему мнению, Магомет был ни лгун, ни обманщик, ни святой. Видения и откровения его тут ни при чем. Эти видения и откровения Магомета – явления самые естественные и даже нередко встречавшиеся, встречаемые и имеющие встречаться.

Три прижизненных явления Магомета могут быть легко объяснены на основании современных научных данных: его видения, его припадки, его откровения.

Видения Магомета с сообщением ему божественного учения – это галлюцинации зрения и слуха. Под именем галлюцинаций разумеются ощущения, возникающие в нашем сознании не вследствие внешнего раздражения действительно существующими предметами, как это бывает со всеми обычными ощущениями, а вследствие внутреннего самостоятельного раздражения центра органа чувства, причем возникающее в центре органа ощущение относится во внешний мир, как бы предмет при этом виделся в действительности. Так, один южный житель шел через парк и увидел пасущихся ослов; он хотел похлопать одного из них по спине и очень удивился, когда рука его не встретила ничего. Ослы эти явились снова перед ним, и он несколько раз делал бесполезную попытку тронуть их (Griesinger). Один эпилептик часто видел следующее: на него нападала тьма, в этой тьме возникала игра красок, из которой выделялся образ старика. Этот старик был одет в широкий плащ, имел развевающиеся волосы и гулял по берегу моря. На море плавала лодка, а в лодке сидел человек. Вся картина была окрашена в ярко-красный цвет, за исключением старика, лодки и человека в ней сидящего (Hay).

Я мог бы привести бесчисленное множество примеров галлюцинаций как из литературы, так и из собственной практики, и все они свидетельствовали бы одно, что это ощущения ложные, не имеющие во внешнем мире для себя соответствующего раздражения и происходящие в центре органов чувств, или вследствие непосредственного раздражения центра, или

вследствие возбуждения или импульса из области представлений. Все эти ощущения имеют ту особенность, что они не представляют чего-либо нового в нашем сознании, а только лишь воспроизведение следов прежде бывших ощущений. Правда, возникающие галлюцинаторные ощущения могут отличаться от действительных, они могут представлять самые причудливые и невероятные сочетания различных прежних следов ощущения и потому давать сочетания образов и звуков как бы новых и дотоле не виденных и не слыханных, но, по существу, элементы этих образов будут прежние, ранее существовавшие. Особенно мало отклоняются от действительности те галлюцинации, которые возникают под влиянием импульсов из области представлений. Обыкновенно при этом воспроизводятся те образы, звуки и гармонии, о которых человек думает, рассуждает, которые он психически переживает. Тогда и самые видоизменения галлюцинаторные являются отражением тех особенностей, которые образуются в области нашего мышления. В этом случае галлюцинации, или субъективные видения и гармонии, возникают как бы под влиянием самовнушения. Мысли и мечты человека воплощаются в образах и гармонии. Но так как человек может мыслить только тем материалом, который он воспринял из внешнего мира, то и воспроизводить он их может только в образах внешнего мира, придавая им тот или другой оттенок сознательно или бессознательно, какой складывается в данный момент в нашем мышлении.

Все вышесказанное не означает, однако, того, что человек по произволу может создать галлюцинации. По произволу человек может создавать образы воображения и фантазии; эти образы могут быть очень живы, ярки и рельефны, как, например, у художников и композиторов, но эти образы отличаются от галлюцинаций как по происхождению, так и по проявлению.

По проявлению отличаются образы воображения от галлюцинаций тем, что галлюцинаторные образы гораздо рельефнее и отчетливее образов фантазии и воображения. Далее, образы галлюцинаций возникают без всякого усилия и напряжения с нашей стороны, тогда как образы воображения и фантазии требуют с нашей стороны значительной затраты личной энергии.

Наконец, между ними существует слишком серьезная разница и в происхождении: образы фантазии и воображения возникают по нашему произволу, они являются тогда, когда мы хотим, и исчезают по мановению нашего желания; образы галлюцинаций являются непроизвольно, без нашего ведома, часто против нашего желания, существуют, сколько хотят, и исчезают, когда хотят.

Словом, это проявление нашей жизни совершенно непроизвольное и не подчиняющееся ни нашему хотению, ни нашему решению. В галлюцинациях могут отражаться образы нашей фантазии и воображения, но столь же непроизвольно, как при проявлении негатива отражается образ действительного предмета. В этом случае центр органа чувства является негативом как предметов внешнего мира, так и предметов нашей фантазии и воображения. Проявление же этих отражений отличается тем, что в нормальном ощущении оно проявляется по нашей воле и желанию, в галлюцинации же по каким-то внутренним – анатомическим, или химическим, или молекулярным, неизвестным нам – условиям жизни органа чувства.

Для нас важно то, что содержание галлюцинаций может зависеть от содержания нашего мировоззрения, но появление и возникновение галлюцинаций стоит вне нашей воли и составляет болезненное состояние центров органов чувств.

Причиною галлюцинаций служат все обстоятельства, ставящие центры органов чувств в неправильные условия существования: усиленный приток крови, малокровие, изменения сосудов, питающих органы чувств, изменения самого существа мозга, новообразования и другие болезненные процессы, крайняя возбудимость органов чувств, изменения состава крови занесением ядовитых веществ – отравления и самоотравления и проч. Жизненные условия, влияющие вызывающим образом на галлюцинации, будут: умственное и физическое переутомление, болезни, связанные с высокой температурой, и заразные болезни, истощение организма, усиленное моление, продолжительные строгие посты, резкие переходы в тропический жар и полярный холод, общее настроение человека, жизненные события, политические и религиозные движения, фанатизм и проч.

Спрашивается, будет ли галлюцинант душевнобольной или душевно здоровый человек? Принято считать, пока человек способен давать себе отчет в том, что его галлюцинации обманы чувств, болезненные явления и он исправляет данную ошибку прежним опытом и другими органами чувств, до тех пор он здоровый человек, когда же человек не может уже понимать обман восприятия и принимает эти ложные ощущения за действительные – он стал душевнобольным. Но из этого общего положения должно сделать значительные исключения. Прежде всего есть много душевнобольных, которые вполне сознают болезненность своих галлюцинаций, открыто заявляют об этом и просят указать им меры для избавления от их назойливого болезненного состояния. Во-вторых, есть и душевно здоровые люди, которые верят в истину их ложных ощущений, принимают

их за действительные и поступают соответственно их галлюцинациям.

Последнее явление часто наблюдается у людей простых, невежественных, необразованных и суеверных. Не имея понятия о возможности происхождения этих явлений вследствие болезни, они логическим признанием принимают их за действительность. Особенно много этому благоприятствует невежество, суеверие, убеждения больного в возможности данного явления, политическое и религиозное течение, фанатизм и настроение окружающей среды.

Все эти жизненные обстоятельства могут влиять не только на отдельное лицо, но и на целые массы, возбуждая массовые галлюцинации. Так, во время франко-прусской войны один сапожник Страсбурга, смотря в свое окно, видел дерущихся и сражающихся французов и немцев в то время, когда у Страсбурга не было ни тех, ни других. Целые полки нападали один на другой. Кровь лилась всюду. Это сапожника страшно поразило, и он сказал о видении другому лицу. Другое лицо тоже увидело сцену сражения, но именно только в одну, известную, часть окна, а в другие нет. То же сражение видели сотни и тысячи лиц… Verga передает следующий случай. В деревне Carano, расположенной в итальянских Апеннинах, с народонаселением невежественным, очень религиозным и фанатичным, одна женщина на холме увидела Мадонну – Мадонну, одетую в черное платье, плачущую, окровавленную и с грозною речью на устах к народу. Женщина была поражена и поспешила сообщить об этом соседкам. Население всполошилось. Десятки, сотни и тысячи людей потянулись к холму и видели Мадонну. Пошли целые процессии с пением духовных песен и церемониями. Духовенство пользовалось случаем. Только экстренные военно-полицейские меры уничтожили сборища и прекратили существование массовой галлюцинации. Это было всего только 20 лет назад.

Все это нам показывает, что данное религиозное и политическое настроение, суеверия и события дня данного общества могут вызывать не только у отдельных лиц, но и у целых народных масс галлюцинации. Но, разумеется, все эти условия в возникновении галлюцинаций играют второстепенную роль и вызывают галлюцинации в таком только случае, если органы чувств к тому подготовлены. При таких обстоятельствах люди, не будучи душевнобольными, могут верить в действительность галлюцинаций и исполнять все требования и приказания их.

Обращаясь к Магомету, мы видим, что он имел видения и слышал голос, поучающий, наставляющий и повелевающий.

Несомненно, это были галлюцинации зрения и слуха. Преданный всей душой Богу, живущий мыслями только о Боге, проводящий всю жизнь в размышлении, Магомет, весьма естественно, имел и соответственные тому галлюцинации. Ему являлись архангелы Гавриил и Михаил и приказывали именем Божиим. Ангел передавал приказания о том, о чем Магомет сам постоянно думал, – о делах веры и почитании Бога. В силу своих убеждений Магомет считал вполне возможным появление таких посланников Божиих. Такие ангелы являлись же патриархам и передавали им повеления Бога. Ныне жители Аравии нуждались в обновлении религии и потому, естественно, Бог мог послать своего ангела вестником веры и богопочитания. А так как он, Магомет, особенно много думал о новом богопочитании, то почему же не послать этого вестника именно к нему, Магомету.

Таким образом, у Магомета были галлюцинации зрения, слуха и осязания, и, по своему воспитанию и убеждениям, Магомет не только принял, но не мог не принять, должен был принять эти галлюцинации за действительность, уверовать в них и исповедовать их учение.

Возникновение таких галлюцинаций у Магомета было вполне возможно. В то время Магомет был на Хире. Это был месяц молитв и покаяния. Магомет постился и молился дни и ночи. Все это привело его в истощение, что вполне способствует появлению галлюцинаций; а постоянное сосредоточение на религиозном мышлении дало и облик галлюцинациям, и содержание их речей.

Таким образом, религиозные размышления, частые беседы с иудеями и христианами, сознание необходимости религиозного обновления для арабов, постоянное пребывание в картинах и образах фантазии о сообщении Богом вероучения, продолжительные, утомительные молитвы, не менее утомительное бдение и истощающие посты могли породить галлюцинации, и именно известного содержания – религиозные галлюцинации; а эти религиозные галлюцинации, в свою очередь, должны были закрепить в Магомете веру в свое посланничество и небесное назначение.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что делал Магомет. Его вера в видение и откровение была искренняя вера, его убеждения в своем избрании были искренними убеждениями и его проповедь была чистая и искренняя проповедь.

Видения и откровения Магомета являются не логическим актом, образовавшимся на основании мышления, а органическим, явившимся самостоятельно в центрах его органов чувств. Если логическое мышление путем новых доводов может быть поколеблено, сдвинуто и разрушено, то в Данном случае у

Магомета на помощь мышлению явились органические отправления органов чувств, не устранимые ни мышлением, ни соображением. А так как эти органические отправления вполне совпадали с убеждениями и содержанием мышления, то его убеждения суммировались и приобретали значение непоколебимого патологического убеждения, когда человек отдает свою жизнь и идет на все возможные истязания и мучения мужественно и непоколебимо.

В данном случае было все за Магомета: и среда, и обстановка, и веяние времени, и общественные течения, и его личное мышление и убеждение, и болезненное состояние органов чувств. Поэтому говорить о какой-либо лжи, выдумке и обмане со стороны Магомета нет никакого основания, ибо все деяния Магомета находят себе полное оправдание в его болезненных явлениях, которые у него, несомненно, существовали.

Но и этого еще мало.

ГЛАВА X

Магомет страдал какими-то припадками. Он терял сознание, падал в судорогах, лицо становилось бледным, на лбу выступал пот, припадок сопровождался диким криком, после припадка на него нападал какой-то экстаз. Иногда состояние экстаза с видениями и откровениями наступало после головокружения. Эти припадки имеют особенно важное значение, так как с ними тесно связано само откровение.

Подобные припадки в науке известны уже очень давно и относятся к болезненному состоянию, известному под именем эпилепсии.

Эпилепсия такое болезненное состояние, которое выражается припадками, длящимися несколько минут, с промежутками здорового состояния от нескольких дней до нескольких лет.

Болезнь эта присуща детскому и юношескому возрасту. Чаще всего она является в возрасте от 5 до 15 лет, реже к 16–20 годам и еще реже позже. Бывают и такие случаи, когда болезнь, пробыв некоторое время в детстве, затем прекращается, а в зрелом возрасте, при неблагоприятных жизненных условиях, возвращается вновь.

Припадки эпилепсии длятся от 2 до 5 минут и реже 10–20 минут. При всем том в течение даже этого кратковременного припадка различают три периода: период предвестников, судорожный период и послеэпилептическое состояние. Период предвестников длится недолго, несколько секунд – минут. В большинстве случаев он состоит из галлюцинации органов зрения, слуха, осязания и проч. Очень часто эти больные имеют видения, слышат голоса, ощущают по телу как бы восхождение ветерка. По последнему ощущению – ветерка (aura) и самый период предвестников принято называть *авра,* хотя бы больной и не ощущал этой галлюцинации осязания.

Какова бы ни была авра, она столь слаба сравнительно с самой картиной припадка, что в большинстве случаев просматривается и припадок наступает как бы внезапно. Больной с диким, нечеловеческим криком падает на землю, причем во всем теле появляются судороги. Лицо становится бледным, багровым или красным, глаза скошены, на лбу и теле выступает пот; человек теряет сознание и остается нечувствительным ко всему окружающему. Так длится припадок 3–4 минуты. Затем все стихает, больной впадает в изнеможение и сноподобное состояние. Проходит еще несколько минут, и человек опять в себе. Сначала припадки появляются изредка, раз в год, затем все

чаще и чаще и, наконец, почти ежедневно.

По мере учащения припадков они становятся слабее и короче; но у большинства людей они отражаются на умственных способностях, низводя людей, по истечении 15–20 лет часто появляющихся припадков, к ослаблению умственных способностей. Это наиболее частая форма болезни. Но существуют и другие формы эпилепсии.

Эпилепсию делят на телесную и душевную. Телесная – это та форма, когда во время припадка поражается только организм, душевная же жизнь выводится из круга деятельности, что выражается бессознательным состоянием; душевная эпилепсия состоит в том, что во время припадка к явлениям телесной эпилепсии присоединяются болезненные проявления в душевной области в виде бреда, экстаза, сумеречного состояния и проч.

Телесная эпилепсия делится на два отдела: большую эпилепсию, или судорожную, картину которой я до некоторой степени уже представил, и малую эпилепсию, состоящую в головокружении и потере сознания, длящейся от нескольких секунд до нескольких минут (1–2).

Как большая, так и малая эпилепсия могут сопровождаться душевной эпилепсией; но могут быть, и в огромном большинстве случаев бывают, без душевной эпилепсии.

Самый чистый вид душевной эпилепсии – это эпилептическое буйство. Длится оно очень недолго, от нескольких минут до нескольких часов, но зато представляет страшную и ужасную картину разрушения. Больные переживают ужасающие, потрясающие галлюцинации и такой же бред и под влиянием их совершают страшные преступления, зверским образом убивая самых близких и дорогих людей или людей невинных, совершенно незнакомых, случайно попавшихся им под руку. О Геркулесе передают следующее: однажды он совершал жертвоприношение Юпитеру. В это время глаза его перекосились и налились кровью, по бороде потекла пена, на лице явилось судорожное перекашивание. Он начал раздеваться и производил движения, как бы он с кем-нибудь дрался. После этого Геркулес стих, и думали, что он успокоился; однако он схватил оружие и бросился на отца, жену и детей; жену и детей убил, отца же если не убил, то только потому, что ему помешали. После этого он упал и заснул.

Если рассказ Еврипида и Сенеки верен, то это чудеснейшее буйство Геркулеса может служить прекрасным примером эпилептического буйства.

Душевная эпилепсия может проявляться перед припадком судороги или головокружения как бы вместо эпилептической

авры, или после судороги или головокружения – в послеэпилептическом состоянии, или заменяя его, или судороги могут быть среди буйства.

Но кроме этой формы душевной эпилепсии, она может проявляться весьма разнообразно: в виде грандиозных галлюцинаций, автоматических действий, сноподобного состояния, экстаза и т. п.

В числе других проявлений душевных уклонений нередко наблюдается болезненная эпилептическая религиозность. Эта религиозность проявляется как в эпилептических припадках, так и в промежутках между ними в обычной жизни.

Вопрос о болезненной религиозности эпилептиков давно интересовал науку, и в ней набралось уже достаточное число работ. Таковы в этом направлении исследования: Pivion, Raab, Toselli, Skay, Howden'a, Norbury и др. Замечено уже давно, что болезненная религиозность сильно развита бывает у людей, расположенных к судорожности, и особенно у эпилептиков. Pivion говорит, что если бы тщательно пересмотреть процессы средневековых конвульсионеров, то у многих из них мы могли бы найти эпилепсию.

Loeb и Raab указывают на то, что эпилептики нередко имеют галлюцинации религиозного содержания, и приводят тому примеры. Больные видят Бога, Матерь Божию, ангелов, святых и проч., ведут с ними речи, получают приказания и т. д. Эти галлюцинации могут появляться то в послеэпилептическом состоянии, то взамен приступа, в виде его эквивалента.

Гораздо, однако, сложнее и интереснее проявление религиозного экстаза. Больные находятся как бы в сонном состоянии. Является масса галлюцинаций, особенно зрительных и слуховых. Все это постепенно меняется и различно сочетается. Галлюцинации смешиваются с бредом. Больной входит в общение с Богом, Иисусом Христом и проч., ведет речи, испытывает особенное блаженство и особенное счастье. Все окружающее они сознают, но в совершенно извращенном виде. Все это смешивается с их видениями и составляет хаотическое целое. Являются галлюцинации общего чувства: больным кажется, что они возносятся на небо, находятся в раю, проходят небеса, присутствуют при страшном суде, исследуют ад и т. п. Toselli по этому поводу говорит следующее:

> «Религиозный бред и молитвенная экзальтация, являясь после припадка, настолько характерны, что уже по одному религиозному бреду можно поставить диагноз эпилепсии. Более часто это состояние при неполных

формах эпилепсии, в классических же формах эпилепсии судорожный припадок часто заменяется приступом мании с религиозным бредом. Она развивается после короткого периода меланхолической подавленности, быстро достигает высшего напряжения, продолжается 1–7 часов, а затем переходит в состояние утомления, разбитости и подавленности. Память относится различно к этому приступу: она отсутствует только в редких случаях, когда припадок душевного возбуждения начался еще во время общих судорог, и всегда бывает сохраненной, если судорожные явления не охватывают всего организма или же слишком кратковременны. При этом больные вспоминают все особенности бреда, пережитые иллюзии, ошибки суждения и опасные попытки. Воспоминание возвращается не сразу, а постепенно, иногда под влиянием разумно поставленных вопросов. Религиозно-эпилептический бред представляется очень разнообразным в течение короткого времени и всегда сохраняет характер чувственного бреда. В расстройстве мышления иллюзии и галлюцинации играют очень большую роль, фиксированные идеи и мономании отсутствуют. Во время припадка некоторые больные получают повеления от Бога, чувствуют, что у них является пророческий или реформаторский дух, слышат приказания, побуждающие их к актам неслыханной жестокости, называют себя сынами божьими. У многих наблюдаются иллюзии мускульного чувства, и больные испытывают, как они отделяются от земли, несутся на небо, где созерцают различные чудесные видения. Другие жалуются на уколы, ушибы и мучения, включительно до страданий Христа на кресте».

«Религиозная экзальтация заменяет иногда и приступ малой эпилепсии».

«Религиозное чувство может быть усилено не только сейчас после припадков, но и в промежутках между ними. В заведениях для душевнобольных эпилептики часто отличаются набожностью и усердием к религиозным обрядам и молитве, что часто стоит в противоречии с их нравственностью… Религиозность эпилептическая не всегда выражается одинаково и иногда заменяется экстазом и религиозным бредом»

(Toselli).

Howden приводит несколько случаев религиозного бреда у эпилептиков и поддерживает то же учение о религиозном чувстве у эпилептиков.

По его мнению, эпилепсия не создает религиозного чувства, а только видоизменяет его, поэтому религиозная экзальтация предполагает уже ранее существующее религиозное чувство. Религиозное чувство эпилептика не влияет, однако, на нравственные начала эпилептика.

Мне лично приходилось наблюдать более тысячи эпилептиков, и, на основании личного опыта, я могу сказать следующее: религиозное чувство может быть усиленным у эпилептиков, но это не есть слишком частое явление. Религиозное проявление эпилепсии может выражаться в форме религиозных галлюцинаций, религиозного бреда, религиозной мании и религиозной экзальтации. Все эти проявления могут быть как в связи с припадком эпилепсии, так и их эквивалентом и в промежутках между припадками. Иногда религиозность резко проявляется в период наступления слабоумия, когда эпилептик в этой религиозности старается найти утешение в несчастии и надежду на спасение. Совершенно верно, что религиозность эпилептика не всегда стоит в согласии с его нравственностью, но, несомненно, между этими лицами есть и люди высоконравственные.

Я позволю себе привести два случая религиозных галлюцинаций и религиозной экзальтации, бывших под моим наблюдением.

I. Крестьянин, холост, православный, 40 л., красильщик, малограмотен. Отец и мать его пьяницы. Припадки судорожной эпилепсии начались на шестом году. В последние годы у него начали замечаться некоторые странности в религиозном отношении. Будучи богомазом, он много ходил по монастырям. Здесь он любил молиться Божией Матери. При этом «ему становится так жалко, так жалко, что аж за душу хватает, а чего – и сам не знаю». Иногда и дома на него нападала эта жалость о Божией Матери, и он начинал плакать, молиться и затем переходить в восторженное и восхищенное состояние… Больной полагал, что на земле ходит Христос. Он так думает и так чувствует. Сам больной, нищий, но святой человек; поэтому Спаситель ему завидует и несколько недоволен на него. Зависть эту он частью предполагает, а частью чувствует, – как? этого он не может выразить. Больной в одно и то же время и Василий Великий, и Григорий Богослов, и Иоанн Златоуст. Он сам

Василий, отец его был Григорий, но почему он Иоанн – этого выяснить не может. Данный случай очень напоминает случай Blumenstock, в котором больной считал себя Христом, Девой Марией и Духом Святым.

Еще ярче проявление религиозной экзальтации было во втором случае, причем оно связано было, видимо, с припадками эпилепсии.

Больной, диакон, эпилептик, представил мне собственную рукопись, которую я привожу целиком.

«8 мая 1861 года явился ко мне неизвестный пустынник, лет, по-видимому, около 60, и предложил мне вопрос: „видел ли я третьего дня сон?“

– Видел.

– Какой?

– Страшный пожар; пламя шло с той стороны, куда была обращена моя спина, и в то время, как и меня обхватило, я проснулся.

– С какой стороны? – Я указал.

– В это время я послан был к тебе.

– Откуда, позвольте узнать?

– Из Симбирска.

– Но ведь вы не могли пройти этого расстояния в такой короткий срок!

– Я был в то время в Ливнах.

– Это другое дело. Чем же я заслужил это посланничество?

– Ты хорошего отца хороший сын!

– Да, отец мой был хороший человек, но я вовсе на него не похож ни по жизни, ни по нравственности.

При этом я исчислил все дурные поступки, утаив, впрочем, все, что было слишком неказисто. Каково же было мое изумление, когда он сам начал досказывать утаенное и недосказанное! Потом он начал сопоставлять все дурные поступки с хорошими, и оказалось, что перевес остался за последними.

Здесь разговор перешел на посторонние предметы, причем странник обнаружил большую ученость, начитанность, познания и логику. Он свободно рассуждал о таких предметах, которые были для меня terra incognita. Вдался в рассказы из времен апостольских, причем произвел мою родословную от Корнилия Сотника (фамилия больного была Корнилиев). Затем он ушел, приказал мне переменить белье, причем

сам выбрал единственную отцовскую рубаху для меня, и пойти к вечерне.

Какое-то благоговение и трепет наводило на меня присутствие этого человека. Туман помрачил мои мысли, и указание свыше управляло моими деяниями. Я был в состоянии откровения и внушения свыше.

После вечерни, возвращаясь домой, у ворот своего двора, я опять встретил того же странника и на просьбу его – благословить его – я отказал, так как, будучи диаконом, не имел на то права. Затем мы пошли в комнату. Вошедши в комнату, странник взял сосуд с маслом и налил масла в лампаду, причем лампада сама собою зажглась и комната наполнилась благоуханием. Странник сказал:

– Теперь ты веришь, что для меня возможны чудотворения по изволению Божию?

Затем многими восторженными религиозными разговорами довел меня до того, что я окончательно уверовал в его сверхъестественное посланничество от Бога. Опять объял меня страх и трепет благоговения пред лицом божественного посланника. Благодать Божия нисходила на меня, и я ощущал, что внутри меня действовала сила Божия.

Далее странник сравнил меня с Авраамом, а мою веру – с верою Авраама и повелел мне единственную дочь мою принести в жертву Богу, по образцу Авраама.

– Но где же я возьму овна? – спросил я. Тогда странник стал на колени, обратил руки назад к солдатскому ранцу, висевшему у него на спине, и сказал: «вот тебе телец вместо овна», и велел мне раздеться донага. Я это исполнил, положил ему на шею свою рубаху, а на нее свою четырехлетнюю дочь и поразил складным ножом указанного тельца вместо овна, левою же рукой держал свою дочь. Затем он обратился ко мне и сказал: «теперь иди на двор и зови людей; скажи им на малороссийском диалекте, что тебя какой-то литвин уговорил зарезать твою дочь». Это я исполнил беспрекословно: с ножом в одной руке, с дочерью в другой я выскочил на двор и начал кричать. Тогда прибежали люди, надели на меня рубаху, дочь отняли и отдали хозяевам, а меня связали; затем фельдшер пустил мне кровь из руки, поставил горчичники, и в 12 часов ночи я заснул; *на другой день был совершенно в здравом уме».*

Обстоятельства «жертвоприношения» были подтверждены мне одним доктором-очевидцем.

ГЛАВА XI

Обращаемся к Магомету. Предание говорит, что когда ему было шесть лет, то ангел Гавриил захотел его очистить, после каковой операции няня застала его «в судорогах и бледным как смерть». Шесть лет – это возраст наиболее частого проявления припадков эпилепсии с судорогами и смертельной бледностью. Весьма естественно, что припадки эпилепсии у пророка начались именно в это время. Засим в течение долгого времени не имеется сведений о припадках. У Магомета. Только в 40 лет они появляются вновь. Это совершенно возможно. Интереснее всего то, что такие перерывы часто наблюдаются именно в тех случаях, когда впоследствии развивается душевная эпилепсия. В этот большой промежуток времени Магомет занимается торговлей, женится, ведет высоконравственную жизнь и особенно усиленно предается религиозной мечтательности. Религия арабов его не удовлетворяла. Он занялся изучением религий и учением о едином Боге. Много тут было всевозможных толков, вероучений, но они не вполне подходили под его требования. Одни из них были слишком высоки и не вполне доступны для его простой души, другие слишком запутаны, третьи не согласовались с хищною натурою бедуина. Словом, он сознавал, что растение не приходилось к почве. Нужно было достать такой росток, который бы удачно привился именно на арабской почве; а для того нужно было, чтобы учение шло от араба.

И вот Магомет сам начинает из различных вероучений создавать то наипростейшее, которое наиболее было бы доступно и могло понравиться и привиться к слишком неразвитой, детской и хищной душе бедуина.

Магомет чувствует всю тяготу великого дела. Он вполне сознает свое бессилие. Но он верит в Бога и всей душой молит Его, да ниспошлет Он и ему своего ангела с вестью веры и откровения, как он посылал его другим патриархам: и Адаму, и Ною, и Аврааму, и Моисею, и Христу. Усердно молится Магомет Господу. Строго соблюдает посты. Все время своих путешествий он в умственной беседе с Богом о вере и богопочитании. Дома он, в свою очередь, в среде людей, душевно преданных неведомому Богу, – Богу, которого они ищут и не могут найти. Особенно он сильно изнуряет себя молитвою и постами в месяцы покаяния, когда он поселился на горе Хира.

И вот, путем истощения, утомления и умственного напряжения, Магомет доводит себя до возврата эпилепсии. Припадки возобновились, но только теперь в худшей форме. К

судорожным припадкам присоединились галлюцинации, религиозная экзальтация и восхищение. Эти припадки появлялись у Магомета двояко: то в виде судорог, то в виде головокружения. И те и другие припадки сопровождались зрительными и слуховыми галлюцинациями. В этих галлюцинациях воплотились давно переживаемые Магометом образы, происшествия и мысли. В них явился ангел Гавриил с целью диктовать Магомету те мысли и то учение, о котором он постоянно думал, с которым он неразлучно жил и которому он отдал жизнь. Но теперь это учение шло от Бога. Магомет искренно и глубоко верил в это. Верили в это и близкие Магомету люди. Разве Аврааму, Моисею, Иисусу и др. Господь не посылал ангела своего! И разве не с тем же учением посылал ангел. Ведь это не для Магомета, а для народа. Ведь народ израильский, те же потомки Авраама, получали заповеди от Бога, почему же арабам – потомкам Авраама от другого сына – не иметь такого же откровения… Магомет являлся только сосудом, в который изливалось это откровение Божие. Это была трость, коею писалось откровение свыше.

Магомет верил в это откровение и теперь весь отдался ему. Гонения, брань, насмешки, издевательства, угрозы, даже лишение жизни не могли бы теперь остановить Магомета в предпринятой им миссии. Религиозная экзальтация находила на него и с припадками и без припадков. Особенно велика стала его миссия с того момента, когда с делом веры и религии пришлось соединить и политику, и знание характера народа, и государственную жизнь. К глубокой вере Магомета пришел на помощь его недюжинный, гениальный ум. Исходив всю Аравию, ознакомившись с народными характерами на всех их ступенях, познав натуру и бедуина и араба купца, гениальный ум Магомета создал простейшую религию, в которую он сумел ввести и политику – вполне по духу и по натуре хищного, воинственного, независимого, вольного, как птица, и фатально преданного Творцу бедуина. Своим гением Магомет умел понять то, чего не сумели и уразуметь купцы Каабы: вместо разделяющего племена идолопоклонства он дал веру в единого Бога, объединяющую все племена и создающую стройное целое, покорившее весь мир.

И в это время Магомет имел припадки и видения. Иные припадки были сложны и соединялись с галлюцинациями мускульного чувства, когда Магомет чувствовал отрешение от земли, полет на небо, путешествие в небесные области. В другой раз припадки были маленькие, начинались криком молодого верблюда и заканчивались потом.

Эти припадки не повлияли, однако, на умственные способности Магомета. До последних дней жизни он оставался

гением и таковым имя его останется навсегда. Эпилепсия и гений – явление в Магомете не единичное. Таковыми были Цезарь, Наполеон I, Петр I и др.

ГЛАВА XII

Ясным нам представляется и успех учения Магомета. По существу, у арабов были остатки и предания веры патриархов. Если арабы и отклонились от единого Бога, если они стали идолопоклонниками и язычниками, то только лишь по неведению. По преданиям, по условиям жизни, по своему характеру, по природным условиям бедуины были, скорее, поклонники единого Бога. Близкое соседство иудеев, христиан и различных сектантов, постоянное сношение с ними, нередкие беседы и проповеди, недовольство и неудовлетворенность своими идолами – все это подготовляло почву для успехов новой веры, но только такой веры, которая была бы по натуре бедуину: возможно простейшая и по мере возможности чувственная, деспотическая и удовлетворявшая животным и хищническим наклонностям дикаря бедуина. Магомет сумел это подметить, сообразить, приспособить и провести. Все дальнейшее совершилось само собою.

Магомет имел видения. Да ведь и другие пророки имели видения. Магомет имел откровения, и другие пророки имели то же. Магомет писал эти откровения под диктовку ангела или Господа, и другие делали то же. Да и могло ли быть с Магометом иначе? Скорее всего – нет. Напротив, вся обстановка возникновения откровения и вероучения таковы, каковы должны были быть и по преданиям от древних дней, и по примеру у соседних братских народов.

Магомет искренне верил в божественность откровения своего учения и готов был запечатлеть истину его своею смертью. Это великий стимул для веры со стороны желающих верить. И Магомету верили. Бросали дома, род и отечество и переселялись в чужую землю, ибо туда шел их глава и посланник Божий. Учение Магомета пало на добрую почву, возросло могучее дерево и дало многочисленные плоды.

Великий успех учения Магомета состоял в том, что он сумел проникнуть в дух народа, соединить политику и религию, применить их к особенностям нации. Пока будет существовать нация и пока не изменятся ее черты под влиянием цивилизации и более мягкого человеколюбивого учения, до тех пор имя Аллаха и Магомета будет знаменем и кличем для многих миллионов людей.

ОРЛЕАНСКАЯ ДЕВА

ГЛАВА I

Осматривая умственным взором события средних и начала новых веков, мы невольно поражаемся, с одной стороны, сильным массовым истреблением человеческого рода, а с другой – чрезвычайно низкою и небрежною оценкою человеческой жизни и человеческой личности, особенно если эта личность принадлежала к низшему или среднему классу народонаселения. Люди ломали себе голову и ухищрялись над способами терзания и уничтожения себе подобных и были удовлетворены, когда homo sapiens массами плавал и тонул в своей крови, задыхался в дыме и пламени костров и погибал в мучениях и стонах застенков. Народные и исторические герои возвышались на грудах человеческих жертв, и тем выше и славнее были герои, чем выше и огромней были эти груды-могилы… Человеческая кровь лилась всюду, лилась ручьями, реками и едва ли не морями… Это было время криков и стонов, застенков и костров, кулачного права и насилия… Сплошь и рядом можно сказать, что степень величия героев стояла в прямом отношении с количеством пролитой ими крови, ибо все живущее всюду вокруг себя видело только кровь, кровь и кровь… Но что ужаснее всего, так это то, что все эти ужасы и жестокости нередко производились во имя Создателя, во славу Божию, per gloriam Dei.

И вот на всем этом кровавом и заполненном кострами и застенками горизонте наш взгляд магнетически привлекается, невольно останавливается и сколько-нибудь успокаивается и отдыхает на имени Девы Орлеана. Это необыкновенно привлекательной и чистый оазис. Это умилительно тихое пристанище для исстрадавшейся души, блуждающей по дебрям и лесам средневековых исторических событий. Сколько в этой личности чистоты и непорочности, невинности и бескорыстия, детскости и непритязательности, любви и самоотвержения, мужества и отваги, долготерпения и сострадания… Это редкий образец принесения своей личности на алтарь родины для искупления человечества. Трогательно, что это совершил только человек. Еще трогательнее, что это совершила женщина, это совершил ребенок. Невинный и непорочный лик Девы Орлеана есть действительно луч света в темном царстве данной эпохи. Уже это обаяние личности невольно приковывает к себе взгляд мыслящего человека и заставляет от времени до времени остановиться над данным пунктом и хотя сколько-нибудь отдохнуть душой от терзаний и жестокостей, наносимых друг другу людьми даже до дня сего…

Но, кроме того, личность Орлеанской Девы возбуждает к себе интерес и привлекает внимание очень многими условиями жизни и обстоятельств, сопровождавших бытие этой дивной девушки. Поселянка, необразованная, неподготовленная, – влияет на массы, двигает десятками тысяч, воздействует на аристократию ума и рода, царит над всем и всеми, управляет событиями и действиями, воодушевляет все живое, подвигает на войну, одерживает победы, сажает на престол короля и безропотно гибнет во имя любви к ближнему, беспредельной преданности к родине и per gloriam Dei majorem…

Исторический момент высокопривлекательный… В чем сила ее воздействия? Где кроются пружины, двигающие ее?… Каким способом она могла проявить такое обаяние, силу воздействия и мощь двигать горами?… Неужели только вера в свое призвание давала одухотворение ее обаянию?… Едва ли. Этого было слишком мало. С одной стороны, вера без дел мертва была бы, а с другой – если бы не было почвы, готовой воспринять проповедь Девы, если бы обстоятельства времени не были вполне благоприятны, то едва ли бы Жанна д'Арк совершила то, что она совершила, и едва ли бы потомство, весь образованный мир, по прошествии многих веков, был столь тщательно осведомлен об этой личности, как он осведомлен теперь. Много было благоприятствующих условий для совершения великого подвига Жанною, и в числе этих обстоятельств немалую роль играли и те болезненные проявления в области нервной системы, кои усматриваются у Жанны д'Арк, к числу которых должно отнести галлюцинации и отчасти дар предвидения. Если мы позволяем себе коснуться в печати этого милого и симпатичного лика Орлеанской Девы, то только потому, что некоторые проявления в ее жизни относятся к области психопатологии, В этом обстоятельстве лежит оправдание в появлении данной работы, причем да прощено мне будет, если я, для выяснения болезненных проявлений Жанны, позволю себе предварительно остановиться на изложении очерка жизни Орлеанской Девы, пользуясь для этого общераспространенными историческими сочинениями.

Я не буду подробно описывать истории Орлеанской Девы и позволю себе представить только ее жизненный очерк и частично коснуться тех условий, при которых жила и действовала Жанна, с единственною целью яснее оттенить болезненные проявления этой личности и отчасти даже их влияние и воздействие на ход событий успеха Жанны, а также ее падения и мученической смерти.

ГЛАВА II

Это было в начале XV столетия и происходило во Франции, в том ее уголке, который и доныне до некоторой степени составляет злобу дня, как для французов, так и для их соседей, в то время левых, а ныне правых, – Германии.

Франция… да что такое в то время была Франция? Самая несчастная страна в мире. Почти сто лет она была раздираема собственной междоусобицей. Неразумные и безумные правители делали все, чтобы разорить и опустошить страну, а злые правительницы стремились уничтожить самое имя Франции… Последние 30 лет царствовал сумасшедший Карл VI. О нем мы поговорим в отдельном очерке. Регентша Франции, супруга Карла VI, Изабелла Баварская, была та женщина, о которой народ и его предания при ее жизни говорили, что «жена погубила Францию», и та же мудрость и душа народная ждали, что явится дева, которая спасет Францию. Такое лестное мнение верноподданных о своей королеве, еще даже при ее жизни и управлении, ясно показывает, какова была Изабо и чего могла ожидать от нее Франция.

По смерти Карла VI, короля Франции, остался малолетний дофин Карл и регентша, его мать, Изабелла. Сорегентами Изабеллы были Людвиг, герцог Орлеанский, и Иоанн Бесстрашный, герцог Бургундский. Как и следовало ожидать, сорегенты враждовали между собою и регентша-мать примкнула к герцогу Орлеанскому. Явились сторонники герцога Орлеанского – арманьяки и сторонники герцога Бургундского – бургиньоны. Партии отстаивали свои интересы с оружием в руках, и страна была опустошаема родными неприятельскими станами. Французы гибли от руки бургиньонов и арманьяков. Государство давало детей и средства армии, чтобы последняя убивала отцов и матерей, братьев и сестер и разоряла поля и деревни, из которых сама происходила.

Иоанн Бесстрашный был вероломно убит дофином. Тогда Изабелла покинула арманьяков и перешла на сторону бургундцев, а дофин остался с арманьяками. Началась жесточайшая междоусобица. Королева Изабелла во всем государстве объявила своего сына, дофина Карла, подлым убийцею, снимала с верноподданных клятву верноподданничества и призывала их не служить королю. Сын не остался в долгу.

Если бы все это делалось только на бумаге, то все это было бы только гадко. Но вражда сопровождалась разорением областей, избиением мирных жителей, опустошением страны,

уничтожением городов и деревень. Страна разделилась на две враждебные партии, которые считали друг друга неприятелями и свои отношения проявляли ужасами войны и разорения. Страна была наполнена бродягами, мошенниками и разбойниками, которые то грабили мирных жителей по личному произволу, то составляли шайки, нанимались в войско той или другой стороны и опустошали ее именем того или другого короля, то опять шли своей волей в народ и грабили его своим именем. Не область шла на область, а деревня на деревню, семья на семью. Хроникеры того времени говорят, что «отец шел на сына, брат на брата». Это было поистине апокалиптическое время, ожидавшее пришествия страшного судии…

Но и этого было мало. Англия давно уже воевала и завоевала Францию. И никому до этого не было дела. Англичане поступали с французами так, как поступает победитель с побежденным. А если мы примем во внимание нравы того времени, то легко можем себе представить несчастное положение страны и ее жителей. Страна была разрываема и опустошаема и неприятелем, и собственными детьми.

Но и этого было мало. Желая скорее овладеть Францией и прочнее закрепить ее за Англией, английский король женился на дочери Изабеллы, Катерине. Дофин, Карл VII, объявлен был матерью лишенным престола, и королем назначен сын Катерины, младенец Генрих VI. Бургундцы соединились с англичанами и купно ополчились на арманьяков, стоявших за 14-летнего юношу-короля.

Совместными силами англичан и бургундцев арманьяки всюду были уничтожены. Вся Франция по Луару была в руках англичан. Верными Карлу остались Лотарингия и Шампань. Последний важный город Орлеан был давно осажден англичанами и бургундцами и изнемогал от тягостного существования. А Карл?… Он бежал в Бурж и в этом пограничном с Германией городке занимался чем угодно, но только не своим королевством, не своими делами и не войною. Праздная, беспутная и легкомысленная жизнь – вот были его занятия. Его войска были деморализованы. Его армия разбегалась. Государство рушилось. Доходы сокращались. Народ охладевал. Дела были плохи. Если находились области, города и села, верные Карлу, то не по личным его качествам и заслугам, а по вере в Бога и старой преданности Его помазаннику.

Тем не менее, область владений Карла все суживалась и суживалась и ему оставалось одно – бежать из своего государства, что он и собирался сделать с легкой душой.

Франция и французы покидались на произвол судьбы. Они

оставались беззащитными. Это было стадо без пастыря, без руководства и без охраны. Сама религия, раздираемая беспутствующими папами, тогда низко пала, и оставалась только вера в Бога, беспредельная любовь к отвлеченной Франции – своей родине и преданность королю, о котором народ имел представление, как о помазаннике Божием.

Эти три руководительные понятия были тем тверже и крепче в убеждении народа, чем народ был проще, темнее и отдаленнее от своего повелителя.

Обратимся к тому месту, где родилась Жанна Д'Арк. Это была деревушка Домреми, принадлежавшая к Реймскому округу и имевшая своим патроном св. Ремигия. Расположена она вблизи пограничного с Германией городка Вокулера, в далеко не оживленной местности, в Вогезах, где горные возвышенности придают ей романтический и несколько пустынный характер. Профессор Петров так характеризует население этой местности. В начале XV века этот край, по нравам и простоте жизни своего населения, принадлежал к самым патриархальным уголкам Европы, а по деревням и селам горных местностей уцелело еще многое из старокельтского быта. Жители были добрые и ревностные католики, но в их простых понятиях средневековое христианство, и без того довольно чувственное, приняло еще более вещественные, хотя и поэтические, формы, перемешавшиеся с остатками старых праотческих верований. Легенды о святых и предания о водяных и лесных духах принимались с одинаковою наивною верою, и подле самой деревни, где жила и выросла Жанна, часовня св. Катерины стояла рядом с «деревом фей».

Находясь на рубеже родины с соседней страной, жители данной местности отличались особенным патриотизмом и фанатической преданностью Франции. Если Средняя Франция делилась на Бургундию, Лотарингию и проч., если жители этих областей считали себя нормандцами, провансальцами, овернцами и проч., то жители пограничной черты признавали себя только французами и для них существовала только одна Франция. Защищая себя от пламенного натиска инородного соседнего элемента, эти жители являлись французами сугубо, любили Францию всей душой и преданы ей были без рассуждения, хотя бы только Франция существовала в их фантазии, так как на деле они ее не видели.

> «Патриотические чувства этих сторожевых людей французской земли в течение XV века достигли крайнего напряжения. То было смутное, тяжелое и опасное время.

> Много народных бедствий помнили и рассказывали старики: и нашествие заморских врагов, и мятежи крестьянские, и моровую язву, и крамолы вельмож, споривших за власть, как один король умер в плену у неприятеля, как другой с ума сошел и как жена помешанного, беспутная Изабелла, продала Францию англичанам… Англичане разграбили и забрали весь край от Луары до Рейна и своего короля поставили, да и тот король малый ребенок. Гнетут иноземцы и грабят невинный народ… Они захватили все города и крепости, побили последнюю рать французскую… остался Орлеан, если и Орлеан возьмут, то положат конец Франции».

Невинные жители данной местности всей душой были преданы своему королю и не подозревали, что это было полное ничтожество. С детской наивностью все несчастья родины они приписывали попущению и гневу Божию. Только милость Божия могла спасти их и вывести из этого несчастья. Отсюда вытекали надежда и упование на чудесную помощь свыше, отсюда выходили все те предания и поверья, которые распространились по стране, о чудесном спасении родины. На этом основана была легенда, что «жена погубила Францию, а дева спасет ее». На этом же, вероятно, основывалось и другое пророчество, что «избавительница родины, дщерь Божия, придет из пограничной Лотарингии, от Дубового леса»… Много и других преданий жило в народе. Да и не могло их не быть, ибо народ жил только надеждою на будущее, хранящееся в преданиях. Прошлое и настоящее были слишком безотрадны, и ему оставалась только надежда на будущее.

Великая была вера у этих пограничных детей в своего короля. Король в их глазах был помазанник Божий, осененный особенною Его благодатию, источник мира и правды, глава государства и народа. С королем Франция теряла все: независимость, единство, порядок и счастье. Разоренный и угнетенный большими и малыми феодалами, народ видел в короле свою защиту и охрану. Возвышение и укрепление королевской власти влекло за собою ограничение бесправия и разнузданности феодалов и начало свободы жизни народа. Ограничение аристократии расширяло права народа, обеспечивало ему неприкосновенность жизни и целость имущества. В короле народ видел защиту и поддержку против старших своих братии. Поэтому народ любил короля, не видя его, был предан ему заглазно, и готов был служить всем существом своим. И чем дальше народ стоял от власти, тем больше он чтил ее.

ГЛАВА III

Жанна д'Арк родилась в 1412 г. Отец и мать Жанны Жак и Ромея д'Арк, были простые, неграмотные крестьяне; сама Жанна пожизненно осталась неграмотною. Отец Жанны был суровый, деловой человек; мать – тихая, кроткая, богобоязненная женщина. У Жанны было три брата и одна маленькая сестра. Вся семья жила обычным сельским трудом и ничем особенным не отличалась. Дом Жака д'Арк был по соседству с церковью, что отчасти отразилось и на характере Жанны. Детство свое Жанна провела в семье, под влиянием матери и священника. Не многому могла ее научить мать: любить Бога, быть доброю к людям и послушною дочерью; тому же учил ее и священник. Жанна была здоровенькая, крепенькая и красивая девочка, и как только начала подрастать, то немедленно вступила в деловую жизнь: дома помогала матери по хозяйству, а в поле пасла овец. Общества сверстников-детей она не чуждалась, но отличалась тою особенностью, что была тиха, сосредоточенна, молчалива и задумчива. В свободную минуту дома она убегала в свой садик, прилегающий к церкви, или в церковную ограду и здесь любила проводить время в тиши и мечтах. В поле, находясь при овцах, она еще более жила созерцательною жизнью. Девочка была очень религиозна, любила ходить в церковь, молилась подолгу и усердно и строго соблюдала посты и воздержание от пищи. Иногда она не ела по дням. Мало-помалу из нее развилась простая, чистая, правдивая, богобоязненная девочка. Воспитанная под руководством церкви и непосредственным руководством доброй и мягкой матери, Жанна отличалась прямотой характера, любовью к ближнему, склонностью к самоотвержению, замкнутостью, нежностью, незлобием, непоколебимостью убеждений и стойкостью в смысле их защиты. Все эти черты характера освещались особенной склонностью к мистицизму, фантазированию и мечтательности.

По своим воззрениям Жанна была дочь своего времени. Она жила той жизнью, что и ее односельчане. Она была очень любознательна и очень любила прислушиваться к деловым разговорам взрослых. А чем жили ее односельчане? Каковы были их жизненные интересы? Что их наиболее занимало? К несчастью, война, война и война. Их родина Франция была раздираема внутренней и внешней междоусобицей. Англичане охватили почти всю Францию и превращают ее в свою провинцию. Бургундцы соединились с врагами отечества и разоряют страну заодно с ними. Во Франции объявлено два короля: английский –

Георг и законный – дофин Карл. Несчастный дофин терпит целый ряд поражений. Его родная мать издала указ о лишении его престола и отлучении. Его мать перешла на сторону врагов родины и вместе с ними разоряет ее и притесняет дофина. Ежедневно дофин теряет города и области. Шаг за шагом враги теснят его и отнимают его владения. У законного короля отняли почти все; остался только один Орлеан да часть Франции по ту сторону Луары. Дофин теряет друзей. Его армия разбегается, а деньги не притекают. Король без армии, без денег, без друзей и скоро будет без королевства. А что станется тогда с Францией?! Разве может быть королевство без короля?… Нет, не станет короля – погибнет и королевство. Франция перестанет быть Францией-королевством и превратится в провинцию Англии. Где наша защита? В ком и в чем наше спасение?…

А внутренние раздоры чего стоят? Деревня пошла на деревню, брат на брата… Домреми был предан арманьякам и стоял за Карла; а соседнее Максэ было предано бургиньонам и стояло за английского кандидата Георга и бургундского герцога. Часто деревни ссорились между собою. Начиналось с драки детей обеих деревень, а кончалось иногда и взаимным побоищем и разорением взрослых. Сколько раз сверстники Жанны, мальчики, делали набеги на Максэ и возвращались избитыми, оборванными и с другими следами воинских подвигов.

Жители ни одной минуты не были покойны и уверены в целости имущества и жизни. Шайки разбойников и грабителей, именовавшие себя то бургиньонами, то арманьяками, шатались из одной области в другую и все встречающееся предавали огню и мечу. При приближении таких шаек жителям оставалось одно: захватить из имущества что можно и бежать в темные и неприступные уголки окружающего леса, чтобы там спасти жизнь, а оставшееся дома – гибло… Жанна сама была живой свидетельницей одного такого набега шайки разбойников и грабителей, именуемой неприятельским войском. Она сама спаслась от смерти только быстрым бегством вместе с родителями и односельчанами… А разве не каждую минуту может повториться то же?…

Да, горе, горе всему живущему на земле… Горе и тебе, Франция, погубленная женою, гнусною Изабеллою… О, где та дева, которая должна спасти Францию! Что она медлит, что она не приходит?… Чаша весов переполнена и мера терпения дошла до края… Приди же, о дева, приди и спаси несчастную Францию, исстрадавшихся французов и разоренное Домреми… Ни на кого больше нет надежды… Нет ни короля, ни войска, ни помощи, ни защиты…

Да, дева придет, и скоро придет. Эта дева придет из лесов Лотарингии и спасет Францию, спасет Домреми… Только в Боге и его слугах теперь лежит защита, и только сверхъестественное может спасти Францию.

Такова была духовная пища жителей Домре-ми. Все это Жанна многократно слыхала и все это переживала воочию.

Этим самым легко определяется содержание грез и мечтаний Жанны д'Арк. Вся головка ее была переполнена мечтами о родине, ее бедствии, страданиях, разорении и унижении… о короле и помощи ему, ибо в том спасение и Франции… о Боге, только в Нем спасение родины и короля… о деве, которая должна быть этим завидным и счастливым орудием в руках Всемогущего Творца для спасения погибающих.

Об этом могла фантазировать невинная душа Жанны, и об этом она только и мечтала.

То время было временем веры и временем суеверий, предрассудков, таинственного и колдовства. Домреми был не лучше других мест. В лесу Домреми было таинственное дерево, а рядом ютились развалины старой часовни. Старый бук был местом обиталища фей – старая часовня была посвящена св. Катерине. Под «Веселым маем» феи плясали и играли – в часовне молились дети. Оба эти места были одинаково чтимы и молодыми, и взрослыми Домреми. Вера и суеверие ютились рядом и были одинаково почитаемы. Жанна любила и дерево фей, и часовню Катерины и Маргариты. То и другое в ее головке было одинаково таинственно, завлекательно, чудесно и свято.

Жанна любила посещать это место. Благо, оно было близко. В часовне она мела пол и следила за чистотой – под деревом фей она отдыхала, мечтала и фантазировала. Ее мечты были все те же и те же: спасение родины, возвращение короля, создание армии, восстановление Франции. И все это должна сделать дева, дева из лесов Лотарингии. Вот те леса, из коих должна выйти дева. Здесь те места, где должна родиться и возрасти избранница, назначенная веками для спасения родины. Эта дева должна быть девой по плоти и по духу. Она должна быть достойным сосудом Божиим для восприятия Его благодати и исполнения высшей миссии. Она должна отрешиться от грехов мира сего и отдать себя всецело богу войны. Небесные силы должны помочь деве, ибо только с их помощью она может исполнить свое назначение. Эта избранница должна быть достойною Избравшего ее и того дела, для которого она призвана. Ее армия должна была воспитана в страхе Божием и проявить жизнь чистую и праведную. Дева должна стать во главе армии и руководить ею на поле брани, и при осаде крепостей, и при занятии городов, и в

походе. Она должна быть всюду, она должна знать все, она должна руководить всем. Она впереди всех, а за нею король – надежда и спасение Франции. Нужно иметь необычайную силу, знание и мощь, чтобы все это вести и вершить. Силы небесные должны быть с нею, они ее поддержка и охрана. Святая Маргарита, изображенная в старой часовне в одеянии мужчины и с мечом, будет опорою этой девы, св. Катерина будет ее защитою. Тогда погибнет вражеский стан, его уничтожит дева. Она возвратит королю королевство, Франции – ее мощь и силу, народу – счастье и покой, а земле – радость.

В таких мечтах пребывала Жанна и в старой часовне, и под деревом фей, и в ограде церкви, и в своем огороде.

Сотни и тысячи раз все это возникало в ее детской головке. Днем и ночью все это проносилось перед ее очами. Со всем этим она сжилась, со всем этим она сроднилась. И св. Катерина и св. Маргарита стали ей близкими и родными. Архангел Михаил, опоясанный мечом и стоящий у окна церкви на иконе, стал также дорог для нее, ибо и его меч явится на защиту Франции, и он поможет ей. Война, войско, сражения, король, его свита, коронование – все это сцены, которые она переживала в своей головке много, много раз. Все эти сцены стали ей слишком знакомы и близки и даже составляли нераздельную часть ее. И дома, и в поле, и в работе, и при овцах, и в огороде, и в ограде церкви, и под деревом фей, и в старой часовне – всюду она с своей мечтой и с своей фантазией. Жанна жила двумя жизнями: обычной и своей внутренней, духовной.

И так как последнюю она сама создала, то она для нее стала и дороже, и важнее. Тем более что этот уголок ее жизни был самым сокровенным и никому не доступным. Это было sancta sanctorum ее чистой и непорочной души.

Таким путем Жанна создала себе особый мир, мир мечты, мир фантазии, мир духовный. Ее воображение и ее фантазия были напряжены до крайности. Отрешившись от всего земного, она предалась мечтательности. Образы ее фантазии были возвышенны, чисты и непорочны. Отсюда вытекала ее замкнутость, ее сосредоточенность, ее доброта, сострадание и самопожертвование. Бессознательно и невольно она сама себя возвела в сан девы-избранницы и посвятила на служение Богу, королю и родине. Она отрешилась от всего земного и жила своею духовною, небесною жизнью. С нею были св. Катерина, св. Маргарита, ее армия, ее боевая жизнь; но все это были только ее мечты.

Жанна очень любила колокольный звон. Подолгу она сидела, слушала его звуки и вникала в них. Она как бы старалась

вслушаться в эти звуки и понять их, – и понимала их язык. Да это вовсе не так и трудно. Когда вы едете по железной дороге, вслушайтесь в стук вагонов и начинайте разбирать эти звуки. Скоро вы заметите, что они не так уж бессмысленны и бессодержательны. Так вы можете услышать: «киса-киса, киса-киса, кись-кись-киса, кись-кись-киса» и т. д. Переведите на эти звуки другое слово, подходящее по слогам, и вы услышите в этих звуках ваше слово и т. д. То же можно слышать и в колокольном звоне, и в других ритмических с перерывами звуках. Ведь слышим же мы в звуках сокращения нашего сердца «тик-так», – слышим мы и в бое маятника часов «тик-так»… Подобные звуки можно слышать и в колокольном звоне, если только в него вслушаться с вниманием и захотеть навязать те или другие звуки, сознательно или бессознательно.

Жанна любила колокольный звон. Она слушала его с вниманием и сосредоточением. Она проникла в смысл его и понимала. Особенно легко подыскать звуки в темпе звона католического колокола. В нем она могла слышать, что только хотела. Это были голоса чистые, невинные, несуетные. В них она могла слышать и голос Бога, и голоса ангелов. В дальнейшем мы узнаем, что Жанна имела галлюцинации слуха, и между ними она указывает на следующую: «Fille de Dieu, va, va va! Je serai a ton aide…» Если разбить эту фразу на четыре части и произносить ее скандируя, как стихи, то она легко подойдет под темп католического колокольного звона. Могло случиться, что Жанна в мечте проходила эту фразу в то время, когда звонил колокол. Ритм фразы совпал с темпом звона, и Жанна услышала в звоне то, что произносила ее мечта. Таким образом, галлюцинацией стало то, что, в сущности, вовсе не было галлюцинацией, а только лишь мечтой, иллюзией.

Вскоре, однако, у Жанны явились настоящие галлюцинации. Это было в то время, когда ей исполнилось 12 лет. Раз летом, в самый полдень, Жанна была в своем саду. Вдруг она услышала голос: «Жанна, будь добродетельна, благоразумна и ходи в церковь». Голос шел от церковной ограды. Жанна вдруг оглянулась и увидела чудное сияние, а в нем человеческие фигуры. Но что это были за фигуры – она рассмотреть не могла. Видение было мимолетное и внезапно исчезло. Жанна была поражена и смущена; но глубоко затаила в своей душе совершившееся.

Спустя несколько дней Жанна имела новое видение. Теперь оно было продолжительнее и ясней. В чудном сиянии Жанна видела три фигуры: одну мужскую и две женских. То были: архистратиг Михаил, св. Маргарита и св. Катерина. Их

божественные лики имели тот самый вид, как она их видела в церкви на иконах.

Архистратиг Михаил сказал ей: «Жанна, ты должна переменить своей образ жизни и совершить важные деяния, так как Небесный Царь избрал тебя для спасении Франции, на помощь и поддержку королю Карлу, изгнанному из своих владений. Ты облечешься в мужскую одежду, возьмешь оружие и будешь предводительствовать войсками, – ты будешь управлять всем…»

«Государь, я бедная девушка и не умею ни скакать на коне, ни управлять солдатами».

«Св. Катерина и св. Маргарита помогут тебе…»

Видение исчезло.

Жанна была восхищена видением и очень огорчена его исчезновением; но возвратить его была бессильна.

С тех пор видения для Жанны стали обычны и часты. Являлись все старые друзья: архангел Михаил, св. Катерина и св. Маргарита и толковали о дорогом деле – спасении Франции. Это были крылатые ангелы с сиянием над головой. От них исходил дивный свет и чудное благоуханье. Она их видела, она их слышала, она чувствовала их присутствие по запаху, она к ним прикасалась. Нужно, однако, заметить, что видения у Жанны были реже, чаще же она слышала голоса и вела разговор.

Теперь Жанна была не одна. Она имела друзей. У нее были сообщники. С ними она советовалась. Им она открывала свою душу. Она получала от них указания, наставления и разъяснения.

Теперь Жанна была убеждена, что дева, избавительница Франции, – она. Она избрана Богом. Она назначена на дело спасения. Ей поручено было великое дело избавления Франции от нашествия иноплеменных и междоусобных браней. Но только это дело было не ее единственное дело, а дело ее и ее друзей, небожителей, почему Жанна не смела никому сообщать о своем откровении, пока ей не разрешат ее друзья.

Есть одно основание думать, что родители проникли в тайну голосов Жанны. Говорят, когда Жанне было 15 лет, то, по словам матери, отец Жанны видел сон, в котором ему было открыто, что его дочь пойдет во Францию с вооруженными людьми. Тогда Жак д'Арк сказал своим сыновьям, что он желает лучше видеть свою дочь мертвой, чем в столь необычайном положении.

ГЛАВА IV

С этих пор Жанна была глубоко убеждена, что она действует по соизволению Божию. Теперь у нее свой Повелитель, свой совет и свои голоса. Она им верит, как самой себе, ибо она их слышит и видит, как все остальное. Впоследствии, уже на суде, Жанна говорит своим судьям об этих видениях: «Я их видела глазами моего тела так же ясно, как вижу вас теперь…» Или: «Я так уверена в том, что их видела, как уверена в бытии Бога…»

С этих пор началось воспитание Жанны для назначенной цели советом голосов. Они открывали ей о положении родины, о всех несчастьях, о будущей армии и о будущей судьбе…

Так все шло три года.

Наступил момент осады Орлеана. Теперь пришел час, когда Жанна должна была действовать. Небожители объявили Жанне, что теперь именно ей надлежит выступить в мир. Она пойдет к королю, объявит о своем посланничестве, получит управление войском, освободит Орлеан и коронует дофина в Реймсе. Но прежде всего она должна отправиться в Вокулер к Бодрикуру, дабы тот представил ее в Шиноне королю.

Раз это веление Божие, Жанна должна была его исполнить, и она его исполнила.

Боясь встретить противодействие предприятию со стороны родных, а также насмешки и издевательства окружающих, Жанна должна была оставить свой дом тайно, не сказав о том ни отцу, ни кому другому. В своих мечтах о борьбе за родину она имела в виду только одно это дело и дальше для нее ничего не существовало, да, кажется, и сама для себя она не существовала и шла с видимым предчувствием, что назад она уже не вернется.

Поэтому Шиллер был прав, вложив в ее уста такие слова:

«Простите вы, холмы, поля родные,
Приютно-мирный, ясный дол, прости;
С Иоанной вам уж боле не видаться,
Навек она вам говорит: прости!
Друзья-луга, древа, мои питомцы,
Вам без меня и цвесть и доцветать;
Ты, сладостный долины голос, эхо,
Так часто здесь игравшее со мной,
Прохладный грот, поток мой быстротечный,
Иду от вас и не приду к вам вечно.
Места, где все бывало мне усладой,
Отныне вы со мной разлучены;

Мои стада, не буду вам оградой…
Без пастыря бродить вы суждены,
Досталось мне пасти иное стадо
На пажитях кровавые войны.
Так высшее назначило избранье…
Взовьется голубица
И налетит с отважностью орла
На ястребов, терзающих отчизну…
И побегут толпы островитян,
Затрепетав, как агнцы пред нею…
Господь с ней будет!
Бог всесильной брани
Пошлет свое дрожащее созданье.
Творец земли себя в смиренной деве Явит земле…
Зане Он Всемогущий!..»

ГЛАВА V

Жанна отправилась в Вокулер. Пустилась в путь она без друзей, без денег, без могучих покровителей – во имя Бога, родины и короля. Там явилась она к Бодрикуру с просьбою, чтобы он препроводил ее к королю в Шинон. Как и следовало ожидать, Бодрикур встретил Жанну насмешками и посоветовал ей возвратиться к своим родителям и занятиям.

«Я пришла от имени Господа, – сказала Жанна, – освободить Орлеан и венчать дофина в Реймсе королевскою короною. Пошлите меня к нему». Когда же ей заявили, что она напрасно оставила овечек и дом отца, то Жанна ответила: «Если бы у меня было сто отцов и сто матерей и все они были бы короли и королевы, я и тогда бы ушла. Конечно, мне лучше было бы сидеть за прялкой у матери; но надо, надо идти, потому что без меня никто не спасет королевства, – и я пойду, хотя бы мне пришлось дойти на коленях».

Но и эта сила веры не подействовала на Бодрикура. Зато она подействовала на простой народ.

Не такова была, однако, Жанна, чтобы первая неудача ее обескуражила. Жанна осталась ждать в Вокулере и была глубоко убеждена, что она своего добьется. И она была права.

Тогдашняя Франция была одинаково несчастна во всех ее частях. Она страдала всюду одними страданиями, жила одними несчастьями, думала одними мыслями, имела одни предания и оживлялась одними надеждами. Всюду была надежда только на Бога и на деву, которая должна была явиться, прийти и спасти Францию.

Теперь эта дева пришла. Весть о появлении девы моментально разнеслась по всему Вокулеру. Народ взволновался. Целыми толпами повалил он смотреть на деву и был поражен ее вдохновенным видом, ее страстными убеждениями, ее решимостью и готовностью отдать свою душу за друга своя. Молва не ограничилась Вокулером. Она вышла из Вокулера, пошла по окрестностям, пошла по всей Франции. В Вокулере стало неспокойно. Народ начал слишком увлекаться девой и ее проповедью.

Бодрикур узнал обо всем этом, произвел негласное дознание (как теперь принято говорить) на месте родины Жанны о ее личности, родителях и проч. и получил самые лучшие сведения. А между тем народ волновался. Явился подъем духа. Явились охотники стать за деву и последовать ее призыву. Пришлось Бодрикуру задуматься. Теперь он уже сам позвал деву. Еще и еще

раз порасспросил ее и решил сам стать на ее сторону.

Раз решение составлено, Бодрикур пошел дальше. Он одел Жанну в мужской костюм, дал ей коня, снабдил свитою и отправил к королю.

Теперь началось для Жанны триумфальное шествие. Явилась дева. Явилась избавительница Франции. Завиделось спасение. Народ пошел за девой. Явились рыцари, готовые защищать деву во имя спасения Франции и водворения короля. В это же время Жанна виделась с герцогом Лоренским и произвела на него хорошее впечатление.

Итак, Жанна отправилась к королю. Однако пытки и испытания ее далеко еще не кончились. Двор изнеженный, двор развращенный, преданный разгулу напоследок, видящий полное свое падение, мечтал об одном – прокутить последнее и затем уйти из пределов королевства… Да и было отчего предаться отчаянию. Войско было побито и разбежалось. Жалкие его остатки не получали жалованья и питались грабежом. Жалованья никому не платили потому, что никто не платил, да и некому было платить налогов и податей; те же крохи, которые случайно получались, раскрадывались и проматывались царедворцами. Король кутил и не отставал от своих приближенных в разврате и безделье.

И в друг теперь является какая-то дева, которая требует от короля, чтобы он шел с армией к Орлеану, а оттуда в Реймс, чтобы там короноваться. Не достойно ли это смеха! Армии нет, денег нет, желания сражаться нет, а тут говорят: ступай и сражайся… Да еще кто говорит: какая-то полоумная девчонка, явившаяся из диких лесов. Разумеется, ни короля, ни приближенных не убедишь ни пророчеством о деве лесов, ни приказаниями невидимых духов, ни явлениями видений. Все это если не ложь, то во всяком случае бред…

В Шинон Жанна явилась 6 марта 14 29 г. Ей было 18 лет. Рассказывают, что Жанна была высока, стройна, с черными волосами, грациозна и обладала приятным голосом. Вообще она была не словоохотлива, нередко весела, хотя и слезы ей не были чужды. Она очень терпеливо выносила утомление, была прекрасной наездницей и хорошо владела оружием.

С приходом в Шинон началась новая волокита. Производят новое дознание на месте родины, назначают гласный суд в Пуатье, подвергают деву испытанию и наблюдению высшего духовенства. Дева всюду выходит чиста и невредима. Всюду ее спасает великая вера в Бога, детская чистота души, бескорыстная решимость отдать себя на служение родине и полная житейская невинность.

Жанну мог видеть всякий, кому было угодно. Ее видели духовенство, ученые, солдаты, жены и дети. Она часто беседовала с народом, и никто в ней не находил ничего дурного, – напротив, она обнаруживала много доброты, смирения, девственности, набожности и чистой наивности. Три недели она была на испытании и, по-видимому, сдала его очень удачно.

А молва о деве все растет и растет. Народ стекается. Войско прибывает. Являются рыцари. Армия увеличивается. Приливают деньги. Подъем духа усиливается. Слышатся требования вести народ на врага под знаменем девы. Дева спасет Францию…

Уверовал ли король в деву? Говорят – да. Едва ли… Говорят, что Жанну подвергли испытанию – действительно ли она обладает даром прорицания и откровения. Для этого, когда она в первый раз явилась к королю, при торжественной встрече Жанны, на престол посадили не дофина, а подставное лицо, дофин же был спрятан среди свиты, очень скромно одетый. Но Жанна не поддалась обману. Она узнала дофина среди толпы (никогда не видя его раньше) и преклонила пред ним колено. Мало того. Говорят, что в первую же встречу Жанна дала дофину знамение, по которому Карл бесспорно признал в ней дар провидения и божественное посланничество. Карл очень мучился мыслью о том, действительно ли он сын Карла VI и имеет ли он законное право на престол. Эта мысль очень тяготила дофина, хотя он никому ее не открывал. И вот Жанна с первых же слов заявила ему, чтобы он перестал напрасно мучиться, так как он имеет полное законное право на наследие от своего отца – короля. Это, говорят, слишком подействовало на Карла и он уверовал в Жанну.

Но если бы это было даже и так, то все-таки окружающим не помешало подвергнуть Жанну испытаниям и затянуть дело. Высшие сословия строили Жанне козни и всякие затруднения, пытались пользоваться ею как орудием своих личных расчетов, и если подчинялись ей, то только в силу неизбежных и неумолимых жизненных обстоятельств.

И на этот раз Жанна нашла поддержку в том народе, из которого она вышла. Она нашла поддержку в его страданиях, в его измученности, в его отчаянии, в его суеверии, в его надежде и уповании на помощь свыше и на явление девы.

Видя всеобщий подъем духа, король должен был открыто признать высшее посланничество Жанны. Он воспользовался случаем, признал деву и поручил ей армию и поход на Орлеан.

Жанна торжествовала.

Начались приготовления к походу. Но у каждого были свои приготовления: особые у царедворцев, особые у интендантов, если только тогда они существовали, – а вероятно,

существовали, – и особые у главнокомандующего – Жанны.

Жанна принялась за перевоспитание войск. Что такое было войско того времени, особенно же войско дофина? Это был сброд наемной сволочи, выросшей среди пожаров, грабежа и резни. Все, что не имело пристанища, шло в армию. Все, что не любило работать, шло в армию. Армия дофина не получала жалованья – не было денег; но она жила, значит, жила на чужой счет, на счет грабежа. Так это и было. Награбленное чужое добро не было дорого, поэтому оно быстро прокучивалось. Армия – это был сброд оборванцев, кутивших, игравших в карты, бездельничавших, грабивших мирных жителей и не знавших ни Бога, ни совести, ни чести. Лагерь был переполнен непотребными женщинами, довершавшими общий разгул и разнузданность.

Жанна была чиста, непорочна и набожна. Она захотела пересоздать армию. Она изгнала из лагеря непотребных женщин и запретила им даже приближаться к лагерю. Она вывела пьянство и кутежи. Запретила картежную игру. Брань, клятвы и бесстыдные разговоры строго преследовались. Жанна попыталась даже отучить от клятв знаменитого полководца Лагира и много в этом успела. Жанна ходила в церковь и исповедовалась. Того же требовала и от воинов. «Каждый, желающий примкнуть к моему знамени, обязан исповедоваться перед священником и очищаться от грехов; все солдаты должны присутствовать на богослужении по два раза в день». Вот были требования Жанны, и они исполнялись. Явились священники, и это были не гулящие попики, а истинные пастыри, которые с успехом пасли стадо. Армия изменилась. Армия переродилась. В армии заводился порядок, дисциплина и воодушевление. А это главное, что требовалось для войска. Требуя от всех порядка и исправности, Жанна во всем служила тому образцом.

Наконец, сборы были кончены, и Жанна во главе армии двинулась на Орлеан.

Говорят, что перед выступлением Жанна проявила дар провидения. Она просила короля послать гонца в Фьербоа. Там в церкви св. Катерины, за алтарем хранится меч. Король послал в Фьербоа оруженосца. Оказалось, что в церкви за алтарем в земле действительно нашелся заржавленный меч. Этот меч был привезен, вручен Жанне, и она с ним не расставалась до осады Парижа. Одна из хроник заявляет, что дотоле Жанна в Фьербоа никогда не была.

Шествие Жанны с войском в Орлеан было торжественным шествием. Это был целый крестовый поход с духовенством впереди, с хоругвями и пением священных песен. Впереди войска шла Жанна. Она была в рыцарском одеянии, в берете, тунике,

длинном камзоле, рейтузах и при шпорах. На коне она сидела не хуже кавалериста, в руке – копье, в другой – знамя, у бедра – меч св. Катерины.

Орлеан был обложен английскими и бургундскими войсками. Вокруг города высились неприятельские укрепления. Жанна провела войска мимо неприятельских укреплений, шествуя впереди войска. Неприятель оцепенел и совершенно безмолвно следил за шествием девы и ее армии.

В «Journal of the siege of Orleans» помещено следующее описание вступления Жанны с войском, переданное очевидцем: «Она появилась вооруженная, верхом на белом коне. Перед ней несли белое знамя с начертанным на нем образом Божией Матери, с двумя ангелами по бокам, держащими каждый белую лилию в руке. Так вошла она в город. Слева от нее ехал батард Дюнуа, начальник орлеанских войск, роскошно вооруженный, а за ней следовало множество других благородных и высокорожденных дворян, рыцарей, офицеров и воинов. Ей вышли навстречу войска, граждане и женщины Орлеана, с факелами и с такой радостью и приветствием, как будто они видели самого Бога, нисшедшего к ним. Такая встреча обусловливалась тем, что орлеанцы слишком много уже настрадались, потеряли надежду на освобождение и более уже не думали ни о своей жизни, ни об имуществе. Теперь же вдруг они получили помощь. Осада была внезапно снята благодаря божественной благодати, ниспосланной на простую девушку, которую полюбили все: мужчины, женщины и дети. Кругом нее была давка, чтобы дотронуться до нее или только до лошади, на которой она сидела. Кто-то из несущих факел подошел так близко к знамени, что материя загорелась; при этом она пришпорила свою лошадь и так быстро повернула ее и потушила пламя, что все окружающие были удивлены ее военной, как будто привычной выправкой. Она торжественно прошла по всему Орлеану и с величайшими почестями. Дошла до казначея Орлеанского герцога, где ее приняли с величайшею радостью, так же как и ее двух братьев, рыцарей и двух приехавших с ними пажей».

Английская армия в то время отличалась необыкновенной выправкой, устройством, дисциплиной, храбростью, порядком и всеми остальными качествами прекрасной армии. Во главе ее стояли люди, известные стратегическими дарованиями и обладавшие знаменитыми в военном и гражданском отношениях именами. Но самое главное, что имела за себя английская армия, – непобедимость. Уже сто лет велась война у англичан с французами, первые знали только одно – побеждать. Воодушевляемая такими качествами и руководимая столь

доблестными и непобедимыми полководцами, как Тальбот, Фальстаф, Суффольк и др., армия англичан шла в бой с полной уверенностью в своей победе, и она побеждала. Английское войско было сыто, одето, обуто, всегда с жалованьем и военной добычей, а потому ему и легче было подчиняться дисциплине и с большей самоуверенностью оно относилось к себе.

Мы видели, что такое была французская армия: она обладала именно всеми обратными свойствами.

В настоящий момент роли переменились. Французская армия увеличилась в числе, в ней появились доблестные полководцы-патриоты, она снабжена была деньгами и довольствием, она стала строго дисциплинированной в твердой и непоколебимой руке Жанны, она была воодушевлена верой в Бога, надеждой на Жанну и любовью к отечеству и королю. Французская армия вправе была сказать: с нами Бог!

Такое воодушевление французской армии и обстоятельства, ее одушевлявшие, двигавшие на самопожертвование, храбрость и мужество, действовали на английскую армию очень подавляюще. Воины английской армии были, несомненно, детьми своего времени. Они верили так же в Бога, как и в сатану. Они признавали добрую и нечистую силу. И вот теперь, по их мнению, во французской армии завелась нечистая сила в лице какой-то девы, которая во главе армии, в латах и панцире, с мечом и знаменем выступает против них. С нами крестная сила!.. Англичане сколько угодно готовы драться и бить французов, но драться с колдуньей – да хранит их св. Георг. Англичане оторопели и растерялись. Именитые вожди потеряли над войском власть и влияние. Английская армия получила настроение к бегству, и она бежала.

В течение десяти дней пребывания девы в Орлеане дело было покончено. Быстрым натиском взяты были Жанной три английских бастиона, войско их было разбито – и осады Орлеана не существовало. Этот светлый день был 7 мая 1429 г. Жанна в бою всегда была впереди войска, вся закованная в блестящую чешую, со странным для врага и воодушевляющим для своих знаменем в руках и мечом, никого ни рубящим, но всех побеждающим. В глазах французов это была святая, в глазах англичан – колдунья. Ее окружали рыцари, она руководила ходом сражения. В разговоре о планах сражения и распорядке войск она выказывала полное понимание дела, при воинском кличе она всегда являлась на место сражения первою, на коне или пешая. Герцог Алансонский, сражавшийся вместе с Жанной и дружески относившийся к ней, говорит, что на войне она действовала так разумно и осторожно, как бы она была офицером, прослужившим

в армии 20–30 лет, особенно же она была искусна в артиллерийском деле. Подобный же отзыв дал и Дюнуа, защитник Орлеана, почему он глубоко верил в божественное посланничество Жанны. Не менее лестные отзывы дает о Жанне и Жак д'Олан, бывший по приказанию короля телохранителем Жанны. Будучи примером храбрости, благоразумия и самоотверженности, как любой воин, Жанна вместе с тем оставалась доброй, чистой, невинной, слабой девушкой. Получив под Орлеаном, при осаде одного из неприятельских бастионов, рану, она очень испугалась и плакала. Когда же она увидела, что войско, заметившее ее падение, смешалось, она собственноручно вырвала из раны стрелу, с неперевязанной раной бросилась на приступ, и крепость мгновенно была взята. Говорят, что Жанна предвидела эту рану и за день до получения ее писала о том королю. Детская душа Жанны была видна и в отношении ее к побежденному неприятелю. В числе других насмешников по отношению к Жанне со стороны англичан был капитан Гланздаль. Она лично слышала от него грубости и дерзости с крепостных стен. И тем не менее, Жанна горько плакала, когда увидела его утонувшим в Луаре. Таково же было ее отношение к остальным побежденным англичанам.

По взятии Орлеана Жанна лично отправилась за дофином и торжественно ввела его в Орлеан. Взрыв энтузиазма народа, при виде Жанны и короля, превосходил всякое описание. Это было начало победы французов над англичанами, возрождение Франции и посрамление Англии. Значение момента понимали все, от мала до велика. Понимал его и король. Король возвел Жанну в дворянское достоинство со всем ее родом по мужской и женской линии, наградил графским титулом и дал герб, близкий к королевскому: на чистом поле вертикально стоящий меч, острием вверх, на нем графская корона, а по бокам две лилии. Ее встреча с королем была очень почетная и трогательная. В честь Жанны высечена была медаль. Жанне писали хвалебные гимны и трактаты, в которых богословы доказывали истину ее призвания. Двор принял Жанну с необычайными почестями. К ней ехали иностранные рыцари и считали за честь стоять под ее знаменем. Девизы ее стали украшать знамена и оружие рыцарей.

Отличил Жанну и народ. Он наградил ее титулом *Орлеанской девы.*

Века идут. С ними меняются люди, а с меною людей забывается многое. Могло быть забыто дворянское достоинство, дарованное Жанне королем; могло быть забыто и графское ее достоинство, но имя *Орлеанской девы* останется вечным, пока будет Франция, пока будет на свете знание и просвещение.

Однако, несмотря на все воскуриваемые Жанне фимиамы, она ни на минуту не забывалась. Она по-прежнему осталась простою девушкою, льнула к простым людям, любила детей, заботилась о раненых и нищих, ходила часто в церковь.

Орлеан был взят. Нужно было спешить взять Реймс. Нужно было немедленно короновать дофина. Это была главная и важнейшая задача.

Теперь во Франции было два кандидата на короля: кто займет престол? Пока не был коронован ни тот, ни другой. При общем народном настроении можно было ожидать, что настоящим королем, королем, на стороне коего будут симпатии народа, будет тот, кто первый коронуется в Реймсе.

Реймс была древняя святыня Франции, где с V века короновались короли на царство. Здесь в 496 г. впервые Клодвиг был помазан на царство апостолом франков св. Ремигием. С тех пор Реймс стал историческим местом страны и реймский архиепископ был первым духовным герцогом и пэром королевства. Ему принадлежало исключительное право помазания королей. Вот почему представлялось столь важным возможно скорее короновать Карла, так как с этого момента его царствование явится освященным самим Богом. Это была заветная мечта Жанны. Это была главная задача ее похода. Орлеан и Реймс – вот пункты, которых она должна была добиться. Коронуется король – ее миссия кончена. Все остальное само собою приложится.

Пришли ли эта мысль Жанне в голову самостоятельно или это был отголосок народной мудрости, воплотившейся в голосах и советах небожителей, – это решить трудно, но мысль бесспорно политически верная и разумная.

Не сознавали этого только король и его камарилья. Достигнув Орлеана, они успокоились на этом и порешили дальше не трогаться. Да и как это идти в Реймс? Реймс был в руках англичан. На пути между Орлеаном и Реймсом было множество городов и крепостей, находившихся в руках англичан. На пути стояли непобедимые английские армии, с которыми нужно было сражаться и победить. Поэтому царедворцы принялись за старую песню – вести переговоры и дальше не двигаться. Эта песня была по сердцу и англичанам, ибо она давала возможность им несколько оправиться и стянуть войска, так как ход войны вступал в новое положение.

Жанна умоляла короля, убеждала царедворцев, взывала к их благоразумию, но все было напрасно. Тогда она прибегла к последнему, немаловажному доводу: «Спешите, потому что я не проживу больше года».

Несмотря, однако, на все противодействие придворных планам Жанны, король должен был сдаться непреклонной настойчивости ее. Жанна сказала вперед, войско было с нею, а народ боготворил ее. Король вынужден был подчиниться Деве.

Армия двинулась вперед, предшествуемая Девой. Люди всех сословий и званий спешили присоединиться к шествию. Армия росла по дороге, как горный поток. Жарго и Вожанси были взяты штурмом, бургиньонские города Труа и Шалон сдались без боя. Лучший английский полководец Тальбот был разбит. Это было победное шествие. Английские войска были уничтожены и бежали. Через восемь дней Дева Орлеана была в Реймсе. Явился туда и дофин.

Обряд коронования совершился. Это было великое торжество для Франции. Она стала вновь королевством. У нее нашелся король. Народ ликовал. Был доволен и король. Все находились в особом экстазе. Виновница торжества находилась в умилении. Совершилось. Ее миссия исполнена. Она благодарила Господа, совершившего все…

Это был верх торжества Девы Орлеана. Рыдающая Жанна бросилась к ногам короля и воскликнула: «Теперь исполнилась воля Божия; Орлеан освобожден, и ты, государь, помазан в Реймсе на царство».

Растроганный король публично спросил Жанну, что она хочет, так как он не может теперь отказать ей ни в чем. Жанна просила одного: освободить ее родную деревню, Домреми, от податей, и она была освобождена на вечные времена. Но, вероятно, у истории и политики слово «вечность» имеет не то значение, как у нас, простых смертных… Ныне Домреми платит подати…

Говорят, Карл VII предложил Жанне просить еще чего-нибудь, и она просила – отпустить ее домой, к отцу и матери. Миссия ее исполнена. Орлеан освобожден. Реймс взят. Король коронован. Он может продолжать дело сам, а Жанна просится отпустить ее к своим овечкам… Теперь она смело могла воскликнуть: «Ныне отпущаеши рабу твою, Владыко, по глаголу Твоему с миром, яко видеста очи мои спасение Твое, еже еси уготовал пред лицем всех людей…»

Насколько эта последняя просьба верна – трудно сказать; но она логична. До сих пор Франция стояла на краю гибели. Нужно было поднять народный дух. Нужно было совершить нечто сверхъестественное. Оно совершено. Франция возродилась. Армия создана и одухотворена, неприятель разбит и деморализован. Главное совершено, и теперь нужно вести дело только умно и осторожно. Для этого нужно войско и полководцы. Они были.

Сверхъестественное кончилось, начиналось обыденное. Дева смело могла уйти к овечкам…

И действительно, дальнейшие деяния Орлеанской Девы принимают самый ординарный вид и исход.

Но не так думал неспособный, ленивый и трусливый король. Ему Орлеанская Дева нужна была как особый призрак, пугающий неприятеля и служащий для него страшилищем. Король не согласился на уход Жанны и не позволил ей возвратиться к мирным занятиям.

Тогда нужно было пользоваться данным положением и немедленно двинуться на Париж. Но и этого король не хотел.

Помимо Жанны с неприятелем заключено было перемирие. Тут действовали и нерешительность одних, и трусость других, и зависть третьих, и злоба четвертых, и подкупность пятых, и множество других человеческих страстей, составляющих проявление низкого эгоизма и лишенных всего возвышенного и благородного.

Вопреки повелению короля, Жанна двинулась на Париж. С нею были рыцари, с нею были знаменитые и храбрые воины, с нею было славное войско, с нею был обожавший ее народ.

И на этот раз счастье было с Девой. Она стала у Парижа. Она осадила Париж. Но Карл был уже королем и потому думал, что он всемогущ. Раздраженный поступком Жанны и напуганный завистливыми и трусливыми советниками, Карл приказал армии прекратить осаду Парижа и отступить. С этим вместе он лишил армию продовольствия и денег. Армия отступила. Жанна осталась с горстью преданных людей. При взятии Компьена она была ранена и взята в плен.

ГЛАВА VI

Начинается третий акт драмы, акт самый тяжелый, самый мрачный, самый ужасный. Он имеет для нас много значения, и потому мы пройдем его коротко.

Жанна попала в руки бургундцев. Бургундцы были неприятели, но все-таки французы. На Жанну они смотрели как на ведьму, но это была все-таки француженка. Горе было бы, если бы Жанна попала в руки англичан. Помимо того, что для них она была ведьма, она принесла им несчастье, лишила успехов войны, опозорила добрую славу армии, лишила ее духа храбрости и несокрушимости. Казнить ее нужно, казнить примерно, дабы имя ее было опозорено и уничтожено.

Все это Жанна сознавала и потому очень боялась попасть в руки англичан.

Находясь в плену, Жанна стала опять тихою, кроткою, богобоязненною Жанною. Одного бы только хотела она – бежать к своей драгоценной армии и повести ее на смертный бой с врагами отечества. Поэтому она открыто отказалась дать слово не бежать и прямо заявила, что при первом удобном случае бежит.

Несмотря на то что Жанну крепко сторожили, заковали в цепи и строго охраняли, она нашла способ броситься с высоты 60 футов, находясь в заключении в замке Боревуар. Она сильно расшиблась, но не насмерть. Не желание покончить с собою было причиною ее отчаянного прыжка. Плен, заключение и издевательство над нею были тяжелы Жанне; но все это не могло побудить ее к самоубийству. Она была слишком кротка, нежна, чтобы решиться на это. Да будет воля Божия, – вот все, что она могла сказать… Иное дело родина. Жанна послана Богом воевать, и потому ей прощено будет всякое прегрешение в этом направлении.

Но не в интересах англичан было ни дать Жанне уйти, ни позволить покончить с собой. Вечный английский эгоизм ярко проявился и здесь, как всегда. Они были неумолимы к Жанне, они ей мстили жестоко и зло, ведь вся сущность их неудач лежала в ней, и потому ее участь была предрешена.

Поэтому англичане купили ее у герцога бургундского с тем, чтобы предать ее самой жестокой и позорной казни. Нужно было лишить ее честного имени и светлого ореола божественного посланничества. Нужно было доказать, что она еретичка и действовала не силою Божиею, а силою сатаны. Такая постановка дела затмит ее имя в глазах суеверных и непросвещенных французов. Нужно было Жанну передать не светскому, а

духовному суду. Нужно было заставить ее сознаться, что ее видения и голоса были наваждением злого духа. Нужно было послать ее на костер. Это ей даст смерть физическую и нравственную.

Нашлись охотники продать свою честь, свое имя, свою совесть и свою родину. Во главе этого суда стал епископ Кошон из Бове.

Жанну заковали в цепи, заключили в железную клетку, перевезли в Руан, засадили в тюрьму и приковали к стене. Это 20-летнюю девушку… Уж слишком она была страшна англичанам. К ней приставили пять грубых, дерзких и диких сторожей, которые проявляли по отношению к Жанне всю силу своего нахальства и пытались неоднократно лишить ее невинности.

Не лучше были и аристократы английские… И эти люди родовитости, ума и образования не побрезгали оскорблять закованную и униженную девушку. Один только Варвик тщательно заботился и охранял Жанну. Как он был глубоко потрясен ее падением в замке Боревуар и принял все меры предотвратить что-либо подобное! Как он хлопотал о ее выздоровлении после расшиба! Он сильно разгневался на Эстевиля, позволившего оскорбить Жанну и тем усилить ее лихорадочное состояние… Он не постеснялся с графом Стаффордом, желавшим пронзить мечом закованную Жанну… Эта добрая душа очень тщательно заботилась о Жанне и предотвращала все, что могло бы ослабить или убить Жанну… Ему нужно было во что бы то ни стало послать Жанну на костер, храни Бог, если бы она умерла иною смертью… О англичанин, это ты!..

Суд был медленный и неправый. Епископ Кошон подобрал людей достойных себя. Жанна лишена была всякого общения с людьми. В тюрьму к ней подослали доброго пастыря, который выдал себя Жанне за земляка, одинаково несчастного и заключенного с нею. Этот добрый отец должен был вкрасться в душу Жанны и на исповеди извлечь из нее сознание о видениях и духах, о которых на суде Жанна говорила очень мало. Но так как долг священника не позволяет открывать сообщенного на исповеди, то, во время беседы патера с Жанною, Кошон с его праведные судии подслушивали ее признание через пробуравленные в стенах отверстия…

Впрочем, с Жанной мало стеснялись. У нее не было адвоката, ей не сообщались заранее допросные пункты, допрос производился при закрытых дверях, ее ответы извращались, а то просто сочинялись и писались от ее имени.

Жанна покорилась своей участи. Отчаяние и горечь первых

ужасов заключения в ней улеглись. Она вся погрузилась в свой созерцательный мир. Ей опять явились видения и вели беседу с нею. К бургундцам Жанна относилась с презрением и омерзением, англичан ненавидела и страшно боялась.

Кошону и его праведным судьям, в случае удачного исхода процесса в смысле отречения Жанны от своего божественного паломничества, обещана была англичанами награда, в случае же неудачного – жестокая месть.

Тяжко было положение Жанны. Ее великое дело было кончено. Король, обязанный ей всем, и не подумал о ней в тяжкую годину. Друзья ее покинули. Народ забыл. Враги истязают, мучают и оскорбляют. Ни днем, ни ночью она не имеет покоя. Днем ее пытают лукавые судьи, ночью – подлые приставники… Жанна жаловалась комиссии на суровость и опасность своей солдатской тюрьмы, на бесчеловечное и наглое обращение стражи, но более всего на то, что ее лишают духовного общения с церковью, не позволяют посещать богослужения и принимать причастие… Все ее оставили, все ее покинули. Она беззащитная девушка в полном произволе своих злых и беспощадных врагов… «Боже мой, Боже мой, всякую оставил мя еси…»

А между тем лукавый синедрион Кошона соблазнял ее самыми заманчивыми обещаниями. Отрекись от божественности своих видений, сознайся, что ты была под наитием духа зла – и тебя переведут из тюрьмы солдатской в тюрьму духовную, позволят общение к церковью, допустят причастие, а главное – избавят от костра и заменят все церковным покаянием…

Единственным помышлением Жанны было – получить возможность поселиться где-нибудь в уединении и в тиши посвятить свою жизнь на служение Господу.

Жанна начала колебаться.

Кошон заметил колебание несчастной и разыграл недостойную сцену. На одном из кладбищ Руана устроили сцену. Духовенство в виде процессии отправилось туда и разместилось на приготовленных эстрадах. Привели туда и подсудимую.

Впереди сцены устроен был костер. Указывая на костер и стоящих там палачей, Кошон еще раз обратился с увещаниями поклясться и отречься от заблуждений. В то же время льстивый и лукавый патер, вкравшийся в доверие Жанны, увещевал ее послушать голоса церкви и покорится ее требованию.

Ladvenu так передает о состоянии Жанны при виде костра: «Когда объявлен был несчастной девушке род казни, которой она должна подвергнуться, то она горько заплакала и начала рвать на себе волосы: „Ах, как они ужасно поступают и как они меня

мучают! Неужели так предопределено, чтобы мое тело, всегда чистое, было сожжено и превращено в золу! Лучше бы они отрубили мне голову, чем быть сожженною!.. Если бы я была в церковной тюрьме и если бы моя стража состояла из людей церкви, я никогда не дошла бы до подобного несчастья!.. О, я призываю Господа, Великого Судию, свидетелем всех оскорблений, наносимых мне!..“

Силы жертвы за спасение отечества не выдержали. Она согласилась дать отречение, дабы заменить сожжение на костре церковным покаянием, и поставила знак на отречении…

Но это был не последний подлый поступок праведных судей с несчастной жертвой. Вместо обещанной церковной тюрьмы ее отвели в прежнюю обстановку, с прежними слугами.

Можно себе представить лютость Варвика, узнавшего, что Жанна купила себе освобождение от костра, хотя бы даже отречением от Бога и вечного спасения.

Но Кошон знал, что делал.

Оставшись в прежней тюрьме, Жанна ясно увидела подлый и бесчеловечный обман. Все прежние страдания возобновились и еще усилились укорами совести и голосов ее друзей за отречение. Жанна вновь возвратилась к своим мыслям. Она заявила судьям: «Мои святые сильно упрекали меня за малодушие, достойное гнева Божия и вечной погибели». Жанна вновь надела мужской костюм, который, вместе с отречением, судии обязали ее снять. Этого было достаточно, чтобы Жанна вновь послана была на костер.

31 мая 14 31 г. Жанна была сожжена на костре.

Жанна д’Арк была сожжена, но из ее пепла возродилась Орлеанская Дева.

ГЛАВА VII

Рассматривая душевную деятельность Орлеанской Девы, мы невольно останавливаемся на двух проявлениях, которые резко бросаются в глаза каждому мыслящему человеку: *видения* и *предвидение.*

Чтобы быть понятым в дальнейшем, я позволяю себе остановиться на краткой схеме душевной деятельности.

Душевная жизнь человека представляет собой чрезвычайно сложную картину явлений, и для того, чтобы более удобно и понятно разобраться в ней, ее делят на три области: познавательную, мыслительную и двигательную. К первой области относятся восприятия органов чувств, ко второй – проявления мышления и к третьей – действия и поступки.

Органом познавательной жизни служат наши органы чувств, из коих главных считается пять: зрение, слух, вкус, обоняние и осязание. В каждом из этих органов чувств мы отличаем три части: окончание нерва на периферии, проводник – самый нерв и начало – центр, находящийся в головном мозгу в подкорковых узлах. Окончанием органов чувств служат: для зрения – сетчатка глаза, для слуха – окончание слухового нерва во внутреннем ухе, для вкуса – слизистая оболочка языка и ближайших частей, для обоняния – слизистая оболочка носа и для осязания – кожа и наружные слизистые оболочки.

Каждый человек родится на свете решительно без всяких знаний. Вся сумма сведений, которыми обладает каждый из нас в течение всей жизни, воспринимается нашими органами чувств. Недостатки в одном каком-нибудь отделе познавательной области (слепота, глухота и проч.) влекут за собою соответственные недостатки и в области представлений или мышления.

Для того чтобы образовалось у нас какое-либо ощущение, требуется, чтобы данный предмет подействовал на окончание ощущающего аппарата: фигура – на сетчатку глаза, звук – на ухо, вкусовые вещества – на слизистую оболочку языка и проч. Этот процесс воздействия внешнего раздражителя на окончание органа чувства носит название впечатления. Когда такое раздражение концевых аппаратов нерва образовалось, то оно передается по данному нерву к центру ощущающего аппарата – в подкорковые узлы. Способность передачи раздражения по нерву от периферии органа к его центру носит название проводимости. Возбуждение центра органа чувства и образование в нем надлежащего явления носит название ощущения.

Таким образом, для образования того или другого ощущения в нашем сознании требуется: возбуждение периферического аппарата органа чувства или отпечаток предмета на нем – впечатление, проведение его по нерву к центру и усвоение центром органа.

Для того, однако, чтобы то или другое раздражение подействовало на периферию органа чувства, требуются некоторые обязательные условия, а именно: а) необходимо, чтобы раздражение было известной напряженности, так как слишком слабые раздражения не могут привести в действие орган чувства, а слишком сильные – его подавляют. Лучшим примером этого для зрения служат: недостаток освещения, мешающий нам надлежаще видеть предметы, и слишком сильный свет, ослепляющий глаз, для слуха – слишком слабые звуки и оглушительные звуки и т. п.; б) нужно, чтобы раздражение периферического аппарата органа чувства действовало на него известный (физиологически установленный) промежуток времени, ибо мимолетное раздражение не успеет оставить следа, а слишком продолжительное утомит орган; так, мелькнувший перед глазами предмет не будет нами определен, так как мы не успеем, за краткостью времени, его рассмотреть, а слишком долго длящийся звук может привести орган в утомление и сделать его неспособным к восприятию; с) нужно, чтобы наши органы чувств способны были принимать то или другое раздражение, чтобы они не были утомлены, надлежаще приспособлены, не отвлечены другими раздражениями, не были заняты деятельностью более сильных раздражений в других органах чувств и т. п.

Но если даже все вышеуказанные условия находятся в благоприятном положении для восприятия, то и тогда для точного и надлежащего восприятия данного раздражения и образования из него впечатления и ощущения требуется еще одно, особенно важное, условие с нашей стороны – внимание. Внимание – это есть простейшее проявление сознания, в силу которого мы выделяем из массы всевозможных раздражений то или другое внешнее воздействие, сосредоточиваемся на нем, дозволяем сделать надлежащий отпечаток, переводим его в центр органа чувства и формируем ощущение.

В каждый данный момент нашей жизни на наши органы чувств действуют десятки, если не сотни, всевозможных раздражений. Перед нашими глазами десятки предметов, которые посылают свои лучи на сетчатку наших глаз, десятки звуков, которые одновременно падают на периферию органа слуха, целый ряд обонятельных раздражений, действующих на слизистую оболочку носа, однако за раз мы видим только один

предмет, слышим один звук и т. д. Почему это так? Для того чтобы то или другое раздражение превратилось во впечатление и образовало ощущение, требуется выбор с нашей стороны, участие нашего сознания, обращение нашего внимания на него. Только при таких условиях впечатление переходит в ощущение и составляет часть нашего сознательного капитала. В противном случае раздражение или вовсе не оставит после себя следа, или оставит, на сетчатке, например, столь слабый след, что он не дойдет до центра сознания и не образует ощущения. Таким образом, ощущение уже есть проявление сознательное и составляет часть наших знаний и проявлений высшей душевной жизни.

При помощи органов чувств мы составляем себе картину внешнего мира со всеми ее проявлениями, доступными нашему восприятию или способности отражения на себе окончаниями или центрами органов чувств раздражения от предметов, вне нас существующих.

Спрашивается, таковы ли предметы в действительности, какими мы их видим? Это вопрос очень сложный, и мы не станем его разрешать в настоящий раз; но этот вопрос дает нам возможность ответить на него косвенно: всякий предмет, виденный нами раз, в нашем сознании остается таковым же, если только не произошло перемены в нем самом или в наших органах чувств. Пример. Данный стол с первого раза и всегда мы видели круглым, если же тот же самый стол почему-либо кажется нам иной формы, то одно из двух: или он изменился, или произошла перемена в условиях восприятия наших органов чувств.

Уклонения в восприятии наших органов чувств могут быть количественные и качественные. О количественных уклонениях в области органов чувств мною достаточно сказано в другом месте, и в данном случае я ограничусь изложением качественных уклонений в области органов чувств.

Качественные уклонения в восприятии наших органов чувств могут быть двух родов: иллюзии и галлюцинации. *Иллюзиями* называются такие ощущения, в которых впечатление от внешнего предмета передается органу чувства не в том виде, как оно есть в действительности, а в измененном. Например, вы смотрите на печь, а вам представляется стог сена, раздается скрип двери, а вы слышите рычание льва, пьете воду, а представляется чай или вино и т. п. В данном случае мы имеем: внешнего раздражителя, его воздействие на концевой аппарат органа чувства, впечатление от него на аппарате, проведение к центру ощущения – все это как в обычной жизни; но самое ощущение является измененным; следовательно, на пути от концевого аппарата к центру ощущения

восприятие изменяется и передается в сознание не в надлежащем, не соответствующем действительности виде. Это изменение ощущения и носит название *иллюзии.* Иллюзии – явление нередкое. Они присущи каждому человеку и случаются с каждым из нас чуть не ежедневно. Вечером вы идете по улице.

Темновато. Навстречу вам направляется ваш приятель. Вы очень довольны, улыбаетесь и беретесь за шляпу. Но в этот только момент вы разглядываете, что это вовсе не ваш приятель, и ничего подобного в нем нет. Ошибка восприятия. Иллюзия. Вам показалось, что в передней говорит ваша сестра или знакомый. Вы схватываетесь и мчитесь навстречу и в дверях наталкиваетесь на вовсе незнакомую вам личность. Ошибка слуха. Иллюзия. Вы едете по железной дороге и вслушиваетесь в стук колес. Ясно и отчетливо вы различаете: «не проснешься, не проснешься, не проснешься…» Вы улыбаетесь. Вполне сознаете, что это ваша фантазия. Ясно слышите: «стук-стук-стук-стук…» Но потом опять прислушиваетесь и слышите: «не проснешься, не проснешься, не проснешься…» Это опять ошибка слуха. Иллюзия. Таких ошибок мы могли бы набрать множество. Но эти ошибки восприятия обусловливаются в первых двух случаях внешними неправильными условиями восприятия, а в третьем – участием нашего воображения и фантазии; но во всех этих случаях ошибочное восприятие устанавливается нашим сознанием и быстро исправляется прежними нашими знаниями и опытом.

Галлюцинациями называются ощущения, образующиеся без внешнего раздражителя. Например, в темной комнате является внезапный свет и представляется видение лица, давно уже не существующего на свете или пребывающего в отдаленном месте; при полной тишине слышится пение, когда в действительности нет никого поющего, ни пения. Может случиться, что слышащий пение будет видеть и фантастического певца: тогда будет одновременно и галлюцинация зрения, и галлюцинация, слуха. В этих случаях нет внешнего раздражителя, нет впечатления на конечном аппарате органа, нет проводимости его по нерву, а только лишь возбуждение самого центра органа чувства. Если в случаях иллюзий мы имеем дело с ошибочными ощущениями, то в галлюцинациях – с ложными, не имеющими внешней основы ощущениями, с ощущениями без впечатлений, или с обманами чувств.

Галлюцинации могут касаться одного какого-либо органа чувства – зрения, слуха, обоняния и проч., или же нескольких органов чувств – зрения и слуха, зрения и обоняния и проч., или всех органов чувств одновременно. Касаясь парного органа чувства, галлюцинации могут быть односторонними, когда

человек имеет видение только одним глазом или слышит голоса только с одной стороны, или двусторонними, когда видение доступно обоим глазам, и проч.

Галлюцинации в одних случаях сознаются людьми как болезненные явления, следовательно, проверяются сознанием и принимаются как ложные ощущения, в других же случаях галлюцинации принимаются людьми как действительные ощущения и не исправляются сознанием. Это последнее является в двух случаях: а) когда у человека поражено сознание и он находится в состоянии душевной болезни и б) когда человек малообразован, суеверен, невежествен, слишком религиозно или политически фанатичен. Примерами последнего рода могут служить галлюцинации Магомета, Лютера и др.

Ощущения являются материалом для образования представлений. Представление есть способность нашей душевной деятельности восстанавливать образы тех ощущений, кои восприняты органами наших чувств. Представление – это первая единица нашей мыслительной области и из нее уже составляются все остальные умственные движения. Каковы воспринимаемые о внешнем мире ощущения, таковы же будут и представления. Ясные и отчетливые ощущения порождают ясные и отчетливые представления о предмете, ошибочные ощущения порождают ложные представления. Представления являются отправлением корковой области, и центрами их будут нервные клетки мозговой корки. Ясно, значит, что образовавшиеся в подкорковых центрах ощущения, при помощи особенных нервных проводниковых волокон и путей, передаются в корковые нервные клетки, где они перерабатываются в те психологические проявления, которые и выражаются представлениями.

Раз образовавшееся в нервной клетке представление по своей выработке не исчезает бесследно, а оставляет след. Повторность ощущений будет делать эти следы более ясными, более отчетливыми. Эта способность запечатления и сохранения представлений носит название запоминания. Особенность данных представлений состоит в том, что они легко могут быть восстановлены через больший или меньший промежуток времени, и это воспроизведение представления будет тем ярче и отчетливее, чем запоминание было яснее и тверже: способность воспроизведения образов представлений носит название воспоминания и составляет второй отдел памяти.

От обилия ощущений зависит и обилие представлений, а большее или меньшее богатство представлений служит залогом образования большего или меньшего ума.

Как могут сочетаться между собою ощущения, так точно

могут сочетаться между собою и представления. Сочетание однородных представлений способствует образованию представлений отвлеченных, или понятий. В свою очередь, представления и понятия также могут сочетаться друг с другом, и этот процесс их сочетания составляет процесс мышления, или суждения. Вывод из этих суждений будет являться в форме умозаключений, которые в окончательной форме влияют на наши поступки и действия.

Для полноты мы должны упомянуть еще об одном проявлении душевной жизни – о самочувствии и настроении духа. Всякое ощущение, а равно и представление, возникая в нашем сознании, вызывает в нас чувство приятного или неприятного. Образ дорогого для нас лица всегда сочетается в нашем сознании с приятным и добрым самочувствием и настроением духа, образ врага – с неприятным озлоблением и раздражительностью. Эта реакция нашего сознания и будет составлять самочувствие и настроение духа. Эти начальные проявления приятного могут постепенно развиваться и обобщаться в проявлениях добра и зла и служить основою человеческой нравственности.

Итак, наша душевная жизнь складывается из ощущений, представлений, понятий, суждений, умозаключений, самочувствия и настроения духа. Все это в конечном своем акте имеет влияние на наши поступки и действия.

Область движений составляется из действий и поступков. Разумеется, мы имеем в виду произвольные движения и поступки, т. е. такие, кои являются под влиянием нашей воли. Под волей мы разумеем равнодействующую двух сил: мыслительной и страстной, или самочувствия. Если обе эти силы стремятся к одному конечному пункту, то воля будет представлять сумму этих двух сил, если же они идут по разным направлениям, то воля является их диагональю.

Вот в микроскопическом виде психология человека.

Я позволю себе остановиться еще на одной особенности человеческой души. В личных особенностях человека, его индивидуализации, играет серьезную роль преобладание в умственной жизни образных представлений или отвлеченных понятий. У среднего человека равномерно сочетаются как те, так и другие. Но существуют личности, в которых особенно резко сочетаются отвлеченные представления и преобладает логическое мышление; у этих людей царит строгая логика, а воображение и фантазия находятся в подавленном состоянии. Существуют и другие люди, у которых особенно резко выражена образная жизнь. У них главную роль играют образные представления и

ощущения. Путем постоянного упражнения образность эта бывает столь велика, что она действует подавляюще на логику и мышление. Люди живут воображением. Действительные образы приходят в сочетания произвольные, небывалые и причудливые. Целые часы и дни такие люди живут своею созданною жизнью. Они придумывают необыкновенные истории, создают героев и толпу, порождают новую жизнь и вообще дают бытие новому миру, миру их личному, созданному ими, который для них столь дорог, как и мир действительный. Это и будет в собственном смысле мир воображения и фантазии.

Такому фантазированию способны предаваться люди нервные или же если от природы и не нервные, то живущие, развивающиеся и воспитывающиеся в обстановке к тому предрасполагающей, как: недостаток образования и знания, масса предрассудков, суеверий и преданий, отсутствие серьезных занятий, привлекающих ум к деятельности, внешняя обстановка, располагающая к мечтательности, жизненные события, способствующие поддержанию и развитию фантазии и воображения.

Рассматривая механизм душевной деятельности людей, склонных более к логическому мышлению и философствованию, мы замечаем, что у этих людей сочетание идей идет медленнее, мышление осторожнее, выводы осмотрительнее и строго логичные, из предшествующих посылок. Эти люди устойчивы во взглядах и довольно медлительны в мышлении. Их выводы последовательны, но вместе с тем образуются медленно.

Иные свойства души представляют люди воображения и фантазии. Не обремененные массою логических посылок, они гораздо быстрее и энергичнее оперируют в своем мышлении. Вводя в свой механизм мышления образные положения, они часто идут не по обычному пути мышления, а своеобразно, лично им присущим путем. Отдаваясь в мышлении образности и фантазии, они относятся к данному вопросу страстно. Поэтому их выводы часто выходят из ряда обычных, являются неожиданными, но зато жизненно верными, почему нередко носят на себе оттенок предчувствия и даже предвидения. Так как у этих людей воображение и фантазия царят над логикой, а логика их вообще не слишком объемиста и обременительна, то обычно их логика и мечтательность не расходятся друг с другом, а идут рука об руку; почему их действия и поступки, являясь подчас странными, своеобразными, необыкновенными и непонятными, являются вместе с тем глубоко убежденными и очень воздействующими на безразличную толпу.

Особенно влиятельными и господствующими речи и поступки

являются для толпы в тех случаях, когда толпа одинаково с ними невежественна, суеверна и живет при обстоятельствах, способствующих увлечению фантастическими поступками.

У людей с живым воображением, широкой фантазией и склонностью к мечтательности галлюцинации довольно частое явление.

ГЛАВА VIII

Обращаясь к жизни Жанны д'Арк, мы видим, что у нее были галлюцинации органов чувств: она видела архангела Михаила, св. Катерину, св. Маргариту – и прикасалась к ним. Таким образом, это были галлюцинации зрения, слуха, обоняния и осязания. Из рассказа Жанны можно усмотреть, что иногда она слышала голоса только с одной стороны, следовательно, возможно допустить, что галлюцинации у нее бывали иногда односторонними.

Кроме того, Жанна передает, что она слышала голоса во время звона колоколов. В этих случаях было одно из двух: или слуховые иллюзии, или воспроизведение голосовых звуков в колокольном звоне при содействии насильственного воздействия фантазии.

Принимая во внимание, что галлюцинации Жанны касались одновременно органов: зрения, слуха, обоняния и осязания, очевидно, галлюцинации были у нее сложные. Несомненно, однако, слуховые галлюцинации были резче выражены, чем галлюцинации зрения, и еще слабее были выражены галлюцинации осязания и обоняния.

В основе галлюцинаций лежало мистическое настроение Жанны, недостаточное образование, твердая вера в предрассудки, предания и суеверия, общее настроение политическое, общественное бедствие, крайне неспокойная жизнь и искреннее желание осуществления того, что случилось. Ближайшею причиною появления галлюцинаций, можно думать, было утомление молитвою и строгий пост.

Жанна глубоко верила в действительность своих галлюцинаций и предана была им до сожжения на костре. Была ли эта вера следствием расстроенного сознания душевнобольного или же проявлением суеверия и недостаточного умственного развития?

Несомненно, Жанна не была душевнобольною, и умственное состояние и сознание ее были вполне нормальными; если же она слепо и беспредельно верила в священное происхождение ее голосов и, соответственно тому, в свое божественное посланничество, то потому, что это совпадало с ее глубокою верою в Бога, Пресвятую Деву, ангелов и святых, с ее беспредельною любовью к отечеству, глубокою преданностью королю и безграничным желанием помочь общему несчастью. Не следует забывать, что Жанна – крестьянская девочка, жившая в захолустье еще в XV веке…

При таком взгляде на жизнь и видения нет ничего удивительного, что она смело шла и к царедворцам, и к королю, и в битву, и на суд, и на костер. Все, что ни делалось, делалось по воле Божией, а она Его слуга и избранница.

Более интересное и менее понятное явление в Жанне д'Арк – дар предвидения и предчувствия. История передает несколько фактов из жизни Жанны. Трудно определить, что в передаваемом было правдой и что вымыслом. Со своей стороны мы можем сказать, что такие явления предчувствия, несомненно, существуют. В основе их лежит частью та тонкая чувствительность, которая присуща лицам мечтательным и с живым воображением, частью область бессознательного, и ныне для нас мало выясненного и понятного. Высокая степень мечтательности, крайнее воображение и богатейшая фантазия, бесспорно присущие Жанне, много способствовали быстроте и живости сообразительности и проникновению в такие жизненные уголки, которые для строгой хладнокровной логики остаются непроницаемыми, остальное могло быть дополнено тою бессознательною деятельностью, которая и ныне нам малодоступна.

Мы не имеем основания утверждать, что Жанна была истерична, но тем не менее, несомненно, она обладала необыкновенно живою, чуткою и одухотворенною природою.

Ничего святого не было в видениях и предвидении Жанны, но она была свята своею жизнью и своими делами.

ХРИСТИНА, КОРОЛЕВА ШВЕДСКАЯ

Природа чрезвычайно разнообразна в своих проявлениях. Сплошь и рядом те или другие явления, тщательно изученные, считающиеся законообразными и закономерными, вдруг порождают изъятия и исключения, которые представляются резким противоречием и даже противоположностью основному закону своего бытия. Такие противоречивые явления, вероятно, существующие во всех областях знания, между прочим, наблюдаются и в медицине. Так, например, существует болезнь, которая известна под именем эпилепсии. Она характеризуется приступами судорог и бессознательным состоянием. А между тем есть случаи, в которых судорог не бывает, и есть случаи, в которых судороги протекают в сознательном состоянии; однако и те и другие случаи бывают явлениями эпилепсии. Существуют случаи еще более противоречивые. Сумасшествие, или душевная болезнь, есть страдание мозга, в котором на первом плане поражается ум. Это болезнь ума. А между тем существуют душевные болезни, в которых ум вовсе не поражается, и тем не менее, это все-таки будет болезнь души. Существуют чрезвычайно интересные случаи, когда такие больные мыслят правильно, логично, разумно, последовательно, а действуют как сумасшедшие и с полным правом признаются таковыми.

Не есть ли это противоречие данного явления в самом себе? И не есть ли это абсурд природы?… Едва ли!.. Едва ли природа дает абсурды. Абсурды являются недостатком наших знаний. Тщательное изучение явлений во многих случаях доказывает нам, что нередко то, что, по неведению, считалось абсурдным, при ближайшем рассмотрении оказывается естественным. И наступит момент бытия, когда абсурдов не станет. Но для этого человечеству нужно многое открыть и многое изучить. Изучение же идет очень медленно и самыми незаметными шагами. При этом фактическая сторона дела должна быть основою знаний.

В настоящем случае я желаю напомнить один исторический факт, который до некоторой степени является странным и изъяснение которого вполне откроется дальнейшим развитием науки. Таким странным жизненным фактом является жизнь Христины, королевы шведской. Это была женщина великого ума, блестящего образования, высокого положения; но ее действия и поступки представляют ряд странностей и деяний ненормального, душевно больного человека. Ее жизнь напоминает то состояние, которое французы называют словом folie d'actions. Эти люди умно мыслят и безумно поступают,

имеют прекрасные знания и поступают противно им, обладают высоконравственными теориями и проявляют в поступках и действиях полную безнравственность, могут весьма умно объяснять свои поступки и безрассудно совершать их.

Такова была и шведская королева Христина.

Отец Христины – шведский король Густав Адольф. Это был человек высокодаровитый, великий завоеватель и гениальный полководец, человек, одаренный несокрушимой силой воли и отваги. Искренно религиозный человек, он всю свою жизнь отдал борьбе за религиозные принципы и погиб в битве за протестантскую веру. Это был человек строгих нравственных правил и суровой жизни. Крайности сходятся, Густав Адольф и жена его были две крайности. Мать Христины, дочь курфюрста Иоанна Сигизмунда, была красавица, милое и грациозное существо, нежное, доброе и привязчивое до слабости. Вместе с тем она была пуста, поверхностна, с недалеким умом и неустойчивыми убеждениями. Она предавалась интригам и не брезгала для побед хитростью и обманом. Ее жизнь, поступки и деяния не пользовались симпатиями ни мужа, ни подданных. Трудно было найти больший контраст в душевной жизни людей, как эти два – муж и жена. Оба родителя с понятным нетерпением желали и ждали рождения сына, но, вопреки их желаниям, родилась дочь. Это и была Христина. Итак, Христина явилась плодом сочетания чрезвычайно противоположных элементов. В ней соединились дуб и роза, алмаз и глина, лев и двуутробка.

Изучение закона наследственности еще не дает нам указаний, что происходит при сочетании таких разнообразных элементов, и не является ли дальнейшая абсурдность жизни таких детей следствием совмещения несовместимого и сочетания несочетаемого.

Отец очень любил Христину и отдал всю свою душу на воспитание этого единственного ребенка. Он следил за ее развитием и воспитанием, направлял его и поддерживал по-своему. А хотел он воспитать в Христине мальчика. Поэтому ее обучали всему тому, чему надлежало обучать наследника престола. Ее учили гимнастике, плаванью, верховой езде и военным приемам. Часто отец брал Христину с собою при объездах государства, и та молодецки выдерживала все трудности и тяжести этих путешествий. Она принимала горячее участие в охотах, была лихим наездником и прекрасным стрелком. Словом, она вполне оправдывала любовь и надежды отца. Но это продолжалось недолго. Ей было шесть лет, когда умер отец.

Теперь Христина поступила на руки бесхарактерной матери и не менее бесхарактерной тетки. Обстановка, ее окружавшая, резко

изменилась. Воины, мудрые советники, верные служаки родины, окружавшие отца, сменились шутами, скоморохами, дурачками и придворными льстецами и прислужниками. Девочка то предавалась со всей необузданностью своим прежним занятиям, то была наказываема и засаживаема чуть ли не в карцер. Атмосфера была затхлая, и развивающийся цветок не находил себе ни почвы, ни воздуха. В десять лет Христине надоело все окружающее, и она всеми силами своей пылкой и мощной души накинулась на учение и книги. Не менее двенадцати часов в сутки она отдавала на изучение иностранных языков и математики. Она не имела у себя подруг и сверстниц и все время проводила в обществе своих пяти учителей – профессоров.

Говорят, что она с детства уже не любила женщин и избегала их общества. В семь лет Христина умела себя держать в придворном обществе и поддерживала разговор с учеными. В шестнадцать лет она владела шестью языками и любимым ее чтением были Фукидид и другие классики. В эту пору она была настолько умна и самостоятельна, что регентство убедило ее принять бразды правления в свои руки. Восемнадцати лет она держала речи к сенату, отдавала приказания министрам, давала направление политике королевства, была самовольна, самоуверенна, властительна и надменна… Вообще она не терпела опеки над собою. Чужие советы ей были неприятны, и несогласные с нею мнения нетерпимы, ее капризы должны были исполняться немедленно. Всю свою жизнь она, однако, отдавала государству, – она занималась внутренними делами, направляла дипломатию, поддерживала международные отношения и т. д.

В течение всего этого времени Христина была дочерью своего отца. Она любила звук пушечной пальбы, любила трудности и опасности походной жизни, любила величие и всю обстановку, неразрывно связанную с управлением делами государства или командованием великой армией. Ее любимыми собеседниками были выдающиеся государственные деятели, министры, полководцы и ученые. Наиболее привлекательным предметом беседы были воспоминания о славных делах отечества и воинских его успехах. Она принимала личное участие в спорах с лучшими людьми и отличалась начитанностью, пониманием, острым и глубоким умом и правильностью взгляда. Все это способствовало тому, что ее советники относились к ней с полным почтением, послушанием, преданностью.

До сих пор она творила все великое. Природа одарила ее блестящим умом, – она любила и изучала литературу, музыку и искусства, она была окружена выдающимися учеными и обладала полной возможностью развить как свои природные, так и

приобретенные дарования. Она с большим успехом провела благие перемены и достигла лучших результатов, нежели другие правители, и, говорят, принимала большое участие в деле прекращения тридцатилетней войны. Она обладала обаятельным обращением и блестящим разговором. Ее руки многократно искали лица, занимавшие высокое положение в Европе. Всякое желание ее всегда предупреждалось и по возможности точно исполнялось как министрами, так и народом.

До сих пор мужской ум отца царил в головке девушки и властвовал в ее натуре. Но должна была пробудиться женщина со свойствами матери. Это скоро и совершилось.

В двадцать-двадцать один год она стала капризна, изменчива и пуста, она стала увлекаться придворными интригами, завела фаворитов, задаривала их царскими подарками, стала более мелочною и во многом воскресила в себе мать. Но рядом с этим в ней проявились и великие свойства натуры отца. И так в жизни одного человека воплотились две несовместимые натуры и породили крайне взбалмошную и странную личность.

В делах государственных она стала лишать доверия людей честных и преданных и приближала недостойных и шарлатанов. Она раздавала большие суммы сомнительным личностям и тратила массу денег на покупку ненужных предметов, приносимых ими с советом купить. Театры и развлечения для нее стали выше и интереснее, чем дела государства. Сомнительного свойства лейб-медик теперь заменил при ней место канцлера государства и главного советника. Постоянные, часто неосмотрительные и неблагоразумные траты совершенно разорили финансы страны и поставили их в невозможное положение. Советы прежних преданных людей теперь принимались холодно и с пренебрежением.

Но и это все не удовлетворило молодую королеву. Ее стесняла внешность. Ее стесняла обстановка. Она искала свободы и независимости ни от кого и ни от чего. Поэтому она в 22 года объявила, что оставляет престол и уезжает из своей родины. Сказано – сделано. Она начала готовиться к отъезду, несмотря на мольбы министров и народа не делать этого.

Покончив приготовления, Христина в торжественном заседании произнесла блестящую речь, выражая свою признательность исполнителям ее воли, она указала на то, что все, что она сделала, было сделано благодаря им. После этого она сняла корону и объявила о передаче ее другому лицу. Затем она уехала в Италию.

Сбросив с себя официальные путы, Христина сразу пустилась в разнузданную жизнь. Она стала слишком веселой, слишком

свободной, слишком откровенной. Ее речи заставляли краснеть окружающих, а ее деяния заставляли молчать из уважения к полу. Немедленно по отъезде из Швеции она забыла веру своего отца и быстро переменила протестантизм на католицизм.

Вера, за которую ее отец сложил свою голову, была сменена с легкомыслием, достойным нигилиста, каковым и была Христина. Сама она сознавалась, что сделала это из любезности к стране, в которой поселилась, да и не придавала она никакого значения делам веры. Она жила без веры, без высокой нравственности, даже без любви к ближнему. Всюду, где она появлялась, правительство и народ относились к ней с уважением, как к представительнице видной державы, но Христина мало отвечала этому отношению. Она стала небрежна к своей внешности, к своему костюму и своему поведению. В Риме она умела повздорить с папой, который отнесся к ней крайне внимательно и сочувственно. Во Франции, изучая науку и искусства, она вместе с тем вела жизнь крайне легкомысленную, грубую и неприличную. Здесь она приговорила к смерти одного из своих приближенных и казнила. Говорят, что этот казненный, Мональдески, был жертвою ревности Христины… После нескольких лет такого авантюризма ей пришло в голову вновь занять престол Швеции. В это время король шведский умер. Христина стала искать престола. Больших денег это стоило ей и притом напрасно. Что она оставила добровольно, то уж трудно было вернуть. Ее постигла неудача.

Тогда она вновь вернулась в Рим. Здесь ее легкомысленный образ жизни пошел еще шире. Она постоянно вела ссоры и интриги то с папой, то с лицами, вовсе даже неизвестными.

Вскоре освободился престол польский. Христина пожелала занять его. Новые траты денег. Новые поиски. Но и это искательство осталось безрезультатным.

Самая странная и самая бесшабашная теперь началась жизнь у Христины. С одной стороны, она не разрывала с наукой и искусствами, причем она интересовалась музеями, библиотеками, местами важными в историческом отношении, собирала научные и художественные коллекции, устраивала ученые учреждения, она сама писала и ее сочинения составляют четыре солидных тома, с другой стороны, окружала себя авантюристами, проходимцами и людьми сомнительного достоинства и вела жизнь, несвойственную не только женщинам из царствующего дома, но и вообще женщине.

В последние годы своей жизни она написала следующее изречение: «я хочу жить настолько весело, насколько это возможно: смерть, приближение которой я чувствую, не пугает меня, – я жду ее без желаний, но и без страха». Она умерла 19

апреля 16 89 г. шестидесяти трех лет и передала свое состояние кардиналу Azzolina. Христина завещала самую скромную надгробную надпись на своем памятнике: Vixit Christina sanno sexaginta tres.

Такова была Христина, королева шведская.

Невольно является вопрос: с чем мы имеем дело? Со странностью… но это не ответ.

Несомненно, в образовании столь причудливого характера важнейшее влияние оказало сочетание двух крайне противоположных свойств отца и матери в одном человеке. Волевые наши поступки являются следствием двух сил: нашего ума и чувства; преобладание того или другого в тот или другой момент нашей жизни всецело отражается на наших действиях и поступках. Христина унаследовала великий ум отца и животную сторону матери. Даже отцовский ум действовал подавляюще на животную сторону жизни организма; но наступил момент, когда всплыла последняя. И вот началась борьба двух начал, совершенно противоположных и понижающих друг друга. Поэтому неудивительно, что у такого умного и интеллигентного человека проявились поступки безумные и несвойственные мыслящему человеку.

Помимо наследственности, нельзя не отдать должного и неправильно поставленному воспитанию. Неестественно мальчика заставить играть в куклы и заниматься кукольным домашним хозяйством, как и неестественно заставлять девочку вести образ жизни воина. Организм может выдерживать только до известной степени напряжение, после чего в нем получатся поступки и действия, противоречащие здравому понятию и характеризующие состояние folie d'actions.

В числе жизненных проявлений данной личности была также и ревность. Но так как многие неказистые стороны царственных персон скрываются от взгляда простых смертных, особенно в доброе время, то мы только и знаем то, что Христина была ревнива, какими же проявлениями выразилась эта ревность – для нас осталось неизвестным. Для более наглядного проявления ревности мы приведем другой случай из жизни простого смертного. Говорили же мы здесь о ревности потому, что ревность и паранойя сродни друг другу и паранойя нередко выражается в форме ревности.

Я позволю себе передать одну картинку ревности с натуры, еще недавно разыгравшуюся в одном из уголков нашего отечества.

Жил-был человек, положим, Николай. Это был молодой человек, лет 26, винокур. Происходя из отягченной семьи, так как

его мать была припадочная, он был хорошим человеком и дельным работником. Он был в деле исправен, точен и исполнителен. Трезвый, честный и обходительный, он был любим всеми. Не без греха он был по отношению к женскому полу, но это ни для кого не имело никаких последствий. Было и проходило.

Раз ему поручено было присмотреть за хозяйской дачей, расположенной в 18 верстах от завода. Там он встретил дочь полесовщика, скажем, Таню.

Таня была девушка 17 лет, симпатичная, милая, общая любимица, бойкая и веселая. Встретились эти два человека и полюбились друг другу. Полюбились друг другу и стали безраздельно близкими. Вскоре Николай возвратился на завод, а затем перебралась к нему и Таня. Любили они друг друга, насколько может любить молодая душа, всецело отдающаяся другому. Напрасно отец и мать звали Таню обратно домой. Она любила Николая всей душой, она ему была предана и готова перенести и позор, и одиночество, и все невзгоды.

Таня вела себя тихо, скромно и безупречно. Из дому она выходила только по делу. Ни с кем не зналась и никого не очаровывала. Любил Таню и Николай, и также любил ее всей душой. Но в эту душу закралось скверное чувство – ревность. И не за что было ревновать, а он ревновал. И не к кому было ревновать, он все-таки ее ревновал. Ревновал он ее к прошлому, хотя оно было чисто, светло и безупречно. Ревновал к будущему, хотя оно известно было одному Богу…

– Так-то оно так… Любит она меня теперь, это правда. А что как разлюбит? А что как покинет меня! А что как отдастся другому!..

То, что она бросила отца и семью, отдалась ему девушкою, жила незаконною жизнью, – все это не доказательство.

– Жениться! А что как она покинет меня. И этот дух зла денно и нощно терзал Николая, не давая ему покоя, изводил и доводил до потери сознания. Но он все-таки сдерживался в своем чувстве и не изливал Тане своей черной души.

Так шло дело несколько месяцев. Наконец Николай не выдержал. Решил услать ее домой, обзавестись своим хозяйством, а потом жениться на ней и зажить своим домом. А может быть, и бросить! Ведь она полюбовница…

Это обоюдное испытание. Николай вынес свою ревность из своей темной души и проявил на деле. Его прорвало, и он начал метать и рвать.

– Брошу… Отвяжусь… Будь она неладна. Измучает всего… Нет, не могу жить без нее… Возьму назад… Женюсь, привяжу, и

пускай тут живет, как затворница, как схимница, без людей, без света Божьего…

Такова была борьба Николая.

А Таня?… Таня любила тихо, скромно, глубоко, задушевно. Поплакала, погоревала и преклонилась перед судьбою… Гонят – пошла… Пошла она к отцу. Пожила у него, выносила позор и все тяжести жизни. А что же делать?

Спустя некоторое время она не выдержала. Попросила отца поехать к полюбовнику, и отец ее свез. С Николаем она, впрочем, в этот раз не видалась. Виделся только отец. Николай был взволнован. Обещал к ним приехать. Обещал жениться на Тане. Вернулись домой.

Но не выдержал и Николай. Ад ревности измучил его. Не в силах он был больше бороться.

Не мог он одолеть себя. Решил он поехать к Тане. Решил видеться с нею.

Была масленая, и он поехал к ней. Повидались, покатались и расстались. Приехал и другой раз. А сам все нет-нет да и думал: «Брошу Татьяну совсем, Бог с нею, до добра не доведет». Но совладать с собой не мог…

Пришел пост. Таня не выдержала. Соскучилась. Сама пришла к нему.

Не выдержал и Николай. Думал он жениться… Страшно, бесконечно страшно… А как изменит?!. Думал бросить. Не может… Нашел третье решение.

– Убью.

Беседуя с подругою, Николай ей выпалил, что он не может жить без нее, он не может допустить мысли, чтобы она досталась другому, он решил убить ее…

– Ну, что же, убей.

Николай бесконечно мучился. Никогда не пивший один, он теперь купил полбутылки коньяку и с чаем выпил. А мысль об убийстве Тани росла и росла. Кажется, чего нужно: она его, вся его, но одна мысль, что она может быть не его, приводила его в умоисступление.

Переночевали, а на другой день поехали к отцу.

Только и речи у них было, что о любви. Николай говорил, что он ее любит безумно, безгранично и беспредельно. Таня шептала, что она никогда не покинет его, что она вся и на всю жизнь его и никогда не покинет и не променяет его.

В этот день Николай и отец Тани выпили бутылку коньяку и две бутылки водки. Все было тихо, мирно и смирно. На другой день привезли еще две бутылки коньяку и кагору. Пили вновь. Непьющий Николай совсем охмелел. Что было в этот день, он

помнит смутно. С ним был револьвер, и вот он начал стрелять из него. Палил в стены, разбил зеркало, целился в икону святителя Николая, а когда мать Тани стала стыдить его, то он начал хулить икону. Раз Таня выходила в дверь. Николай выстрелил из револьвера, и пуля пронеслась мимо нее.

– А что, Танюша, испугалась?

– Как не испугаться!

Чем время шло дальше, тем Николай больше хмелел…

Николай говорил отцу Тани, что вот он женится на Тане и они станут настоящей родней, а между тем Тане говорил другое…

– Убью, Танюша, тебя, убью…

– Ну, что же, убей, двум смертям не бывать, одной не миновать.

– Зачем убивать, живи с нею или оставь ее.

– Как же я ее оставлю, если я люблю ее и не могу жить без нее…

Пришел вечер. Легли спать. Только и было речи, что «убью да убью тебя»…

– Не пил – ревность мучила, а выпил – дошел до безумия… Как я могу быть без Тани!.. Как она может достаться другому?… А Таня лежит тихая, покорная, безответная… Взял я револьвер, приложил его к груди Тани и говорю: «Убью тебя, не доставайся никому…»

– Ну, что же, убей… Мне себя не жалко… Убей сразу. А вот мне жалко тебя, что ты пойдешь за меня…

Так они все время лежали и шептались: он с револьвером, приставленным к ее груди, а она тихая, беспомощная и безответная…

Среди ночи с завода приехали товарищи Николая и стали звать его на завод. Так как ехать было рано, то гостям поставили самовар и вина. Николай выпил полстакана и опять пошел к Тане. Теперь они лежали одетые. Николай опять взял револьвер, приставил его к груди Тани, и они продолжали шептаться. Таня решила, что не покинет его и отправится с ним на завод.

– В каком платье я поеду?

– Ни в каком не придется.

Нажал револьвер больше, спустил курок, – и Тани не стало. Вскрикнула, вздохнула и скончалась.

Бросились все в их комнату.

– Ты убил Таню?

– Ну, что же, что убил… Ну и убил… Сам и отвечу за это, сам и похороню…

А сам целует еще теплые руки умирающей. Вид его был

совершенно трезвый и хладнокровный, только глаза мутноваты.

– Три исхода было для меня: жениться, бросить и убить. Жениться не мог. Одна мысль, что она может быть не моя, сводила меня с ума и я терял голову, да и что я за муж был бы… Мучитель… Бросить тоже не мог, – я любил ее, безумно любил и жить без нее не мог… Убить, ну и убил…

Восемь лет каторги.

Чувство ревности известно с очень давних времен. Оно старше человечества, ибо проявляется и в животном царстве. Оно в такой же мере присуще современному цивилизованному человеку, как и нашему дикому предку. Несколько меняются формы его проявления, но существо его все же остается тем же. Это чувство у нас на глазах и известно всем и каждому. А между тем, желая более тщательно изучить это чувство, мы не нашли такого количества ученых работ, каковое должно было бы соответствовать жизненному запросу. Мало того, чувство ревности часто смешивается с другими чувствами, очень мало с ним имеющими общего. Так, например, ревность ставят в родство с завистью, тогда как эти чувства едва ли имеют между собою что общего. «Не пожелай жены ближнего твоего…» эта мера предупреждения и пресечения могущей возникнуть ревности, но очень мало имеет прямого отношения к ревности.

Чаще всего ревность смешивают с любовью. Некоторые даже говорят, что ревность и любовь неразлучны между собою. Ревность есть оборотная сторона любви. Любовь без ревности – едва ли даже и любовь. Кто не ревнует, тот не любит. Некоторые ревность считают заслугою и проявлением горячей любви, даже колотушки ревнивого милы, потому что они служат доказательством горячей любви…

Однако едва ли правильно отождествлять эти два чувства. По нашему мнению, истинная идеальная любовь и ревность – это два чувства если и совместимые, то, во всяком случае, парализующие и ослабляющие друг друга.

Истинная, идеальная любовь есть высокое чувство симпатии, духовного тяготения и искренней сердечной привязанности к предмету, всегда соединенной с уважением, почтением, преданностью и готовностью поступиться своим *я* в пользу любимого человека. «Большея любве никтоже имат, да кто душу свою положит за други своя…» Это чувство вполне бескорыстно, непритязательно и не требует взаимодействия и благодарности от любимого существа. Уже добавление к этому чистому, светлому и высокому чувству страсти, особенно сексуальной страсти, понижает достоинство и качество чувства любви и потемняет его прямо пропорционально количеству примеси

страсти.

Примесь элемента страсти к истинной любви вносит в душевное состояние человека новый элемент – элемент побуждения к обладанию предметом, элемент эгоистический, требующий удовлетворения и взаимности от любимого к любящему.

Чрезмерная страсть, присоединяющаяся к любви, тушит альтруистическое чувство, часто потемняет светлую сторону идеального уважения и усиливает элемент эгоизма, обладания и самонасыщения. Удовлетворение страсти усиливает жажду ее, хотя и жажда удовлетворения стоит в полном соответствии с полнотою удовлетворения ее. Наилучшим примером тому служит страстная любовь Наполеона I к Жозефине.

Очень часто можно слышать мнение, что Наполеон I является прекрасным примером проявления ревности в своих отношениях к Жозефине. Это едва ли верно. В его письмах к ней есть чрезмерная, страстная любовь, но это не ревность. Силою своей ненасытной любви Наполеон превосходил всякого мавра и, будучи только корсиканцем, он напряженностью страсти мог бы удивить самого Отелло.

Это была любовь чувственная, страстная, ненасытная, животная, опьяняющая и затмевающая рассудок. Это была потребность полного и безграничного обладания и самоудовлетворения.

Разумеется, сила любви и страсти не у всех людей одинакова, и разность их во многом зависит от натуры, темперамента, возраста, воспитания, климата, расы, индивидуальных условий и т. д. Неодинакова, например, сила страсти у гоголевского Акакия Акакиевича и Наполеона I…

> «Любить любовью, в которой преобладает чувственность, это – постоянно пылать страстью и постоянно страдать от неутолимой жажды желаний, тогда как любить чистою, сердечною, идеальною любовью – это находить наслаждение в полном самоотречении, и даже скорбь, причиненная в этих случаях вам любимым существом, становится утешением, хотя и в то же время вы хотели бы, чтобы никто до вас и никто после вас не любил так, как любите вы. Это последнее явление и составляет ревность сердца»
>
> *(Бурже).*

Любить сердцем, любить истинной и идеальной любовью – значит заранее все простить тому, кого мы любим, – это афоризм

очень древний и очень верный. Присоединяющаяся животная страсть омрачает чистоту любви и вводит эгоизм в степени, прямо пропорциональной развитию страсти. Тем не менее, даже в этой животной любви, если к тому не дает повода любимый предмет, еще нет залога ревности. Чувство ревности начинается с появления нового духовного элемента – сомнения и недоверия к любимому лицу.

При появлении ревности может быть двоякая случайность: или любимый предмет дает повод к сомнению и недоверию, или он его не дает. Первое состояние будет более сложным, второе – проще. Мы остановимся только на том проявлении ревности, где любимый предмет не дает к тому повода.

Чувство ревности находит себе исход в сильной страсти человека – в боязни лишиться любимого предмета. Уже этот страх лишения показывает, что самое чувство любви у любящего человека существует в виде низшего сорта – принадлежности и обладания любимым предметом, а не чувства преданности и самоотвержения по отношению к любимому предмету. Самое тяготение к обладанию есть осквернение истинной любви, а появление страха и боязни потерять эту принадлежность, лишиться обладания любимым предметом еще более понижает чистоту и благородство истинной любви. Особенно сильным отягчением этому служит то обстоятельство, если любимый предмет не дает повода к сомнению. Ибо рядом с боязнью потерять обладание, со страхом лишиться принадлежности стоят сомнение, недоверие, подозрительность и другие подобные нечистые свойства и проявления души. Ревность может создаваться только на почве грубой животной любви, лишенной взаимного доверия и духовной связи. Кто любит свято, кто смотрит на любовь, как на чувство возвышенное и благородное, кто отдает любимому человеку мысль и душу и пользуется полной взаимностью, тот не может ревновать. Отсутствие ревности служит признаком и полного доверия и уважения к любимому человеку. Только таким отношением поддерживается святой элемент любви, тогда как ревность оскверняет любовь, подрывая ее прочность (Дескюре).

Поэтому я решительно не разделяю того мнения, что ревность есть высшее напряжение любви, даже страстная любовь не оправдывает этого чувства. Начало ревности есть понижение тонуса любви. Любовь и ревность – два элемента несовместимых. Они стоят в полном антагонизме, и победителем остается или любовь, или ревность.

Таким образом, любовь и ревность не родственные чувства. Истинная чистая любовь чужда чувства обладания и тяготения

над любимым предметом и полна чувства уважения, преданности, самоотвержения и самопожертвования. Присоединение животной страсти вносит элемент обладания предметом и требования взаимности, что в значительной мере понижает чистоту любви. Наконец, присоединение ревности вносит элемент сомнения, недоверия, неуважения и тем самым производит состояние, совершенно обратное чувству любви, – гнев и ненависть. Вот априорное отношение этих двух элементов душевной жизни.

Вполне развитая ревность есть заподозривание одного лица в растрате чужой собственности, а другого, или часто других, в покушении на похищение чужой собственности. Но раньше всего является вопрос: есть ли эта собственность?…

В огромном большинстве случаев основа ревности лежит в натуре самого человека. Есть такие люди, которые уже от рождения в этом отношении порочны и уже с детства носят в себе этот дефект сомнения, недоверия и подозрительности. Эти люди большею частью слишком нервные, слишком впечатлительные, лишенные равновесия, устойчивости и полноты жизненного идеала. Вечно кипучие, вечно гоняющиеся за удовлетворением и не находящие его, они, наконец, останавливаются на данном предмете, который заполняет их душу, их сердце, их мысли. Они останавливаются на нем, увлекаются им, или, точнее, своим чувством, порожденным любимым предметом в них. Какого рода и свойства это чувство – другой вопрос; но они полны им, счастливы и довольны. И вот у них, помимо их сознания, в силу их натуры, вдруг рядом с их любовью является другое чувство, порождающее мысль: «а что, как этот человек изменит мне, не будет мой, бросит меня, отдастся другому», хотя бывает нередко и так, что этот человек de facto не его и не принадлежит ему… Одно чувство, одна мысль, одно появление представления в сознании данного лица порождает такой холод в сердце, такой страх, такой ужас, что он невольно окаменевает и замирает на месте… Мало-помалу все это отходит, и человек успокаивается. Наличные качества и наличные данные жизни данного лица совершенно приводят в умиротворение внезапно возмущенную душу страдальца. На некоторое время все успокаивается и забывается.

Но семя сомнения брошено. Оно пало на добрую почву. Появляется и развивается росток. Мало-помалу ревнивец начинает присматриваться к любимому человеку и следить за всеми его поступками, за всеми изгибами его души и тела. Все это анализируется, все это разбирается до мелочей, все это рассматривается со всех сторон, рассматривается втихомолку, воровским способом, часто без всякого права на подобное

смотрение. При этом все слова и поступки любимого человека трактуются как с хорошей, так и с дурной стороны, и с дурной больше, чем с хорошей. Разумеется, все это не доставляет особенно приятных минут для ревнивца. Он при этом мучится и страдает. У него развивается крайняя до болезненности наблюдательность, усиленное прислушивание и присматривание, быстрое схватывание фактов и порождение вымыслов. Являются догадки и пополнение недосказанного. Иногда он внимательно в течение долгого времени вслушивается в разговоры подозреваемого, из них выхватывает то, что ему нужно и что создает целую систему и дает основу бреду. Является настоящий ад мысли и чувства. Приводятся доводы за и против. Развивается сомнение и возникает страшная борьба. То берет перевес недоверие, то опять побеждают чувства добрые и любовь. Но так как сомнение и недоверие, составляя проявление скрытой натуры страдальца, вытекают не из фактов жизни, а из больной природы человека, то они тем самым дают неверную, фальшивую и нелепую окраску самым чистым и невинным проявлениям души любимого существа и побеждают чувство добра и любви. Разумеется, ревнивец страшно страдает. Но он страдает не фактами жизни, а вымыслами своей фантазии и больного воображения, применяемыми к обстоятельствам жизни и действиям любимого лица.

Прекрасно это страдание души, в начальном периоде ревности, изобразил Шекспир в лице Отелло:

> Клянусь я всем, что только есть на свете,
> Мне кажется, жена моя невинна,
> И кажется, что не честна она;
> Мне кажется, что прав ты совершенно,
> И кажется, что ты несправедлив.
> Как чистый лик Дианы, так и имя
> Моей жены блистало чистотой;
> Но, как мое лицо, оно теперь
> Испачкано и чернотой покрыто…

В жизни нормального человека мысли родятся из тех ощущений, которые он переживает. Они тем вернее и точнее, чем более соответствуют действительности. Примесь фантазии ослабляет чистоту и верность образов и мыслей, и тем фальшивее будут представления, чем больше доставлено будет этой посторонней примеси.

На почве боязни и страха ревнивца развивается усиленная наблюдательность за действиями и поступками любимого лица и

окружающих. Особенно болезненно и односторонне настроенный ревнивец наблюдает не хладнокровно, не объективно, а сквозь призму своего настроения и чувства недоверия. Поэтому он выхватывает из жизненной последовательности те только факты, которые соответствуют его намерению, дает особенный им оттенок, окрашивает своеобразно и придает свое личное значение. Таким образом, на почве сомнения развиваются иллюзии мысли, которые порождают ошибочные представления, ошибочные понятия, ошибочные суждения и ошибочные поступки.

Но рядом с этим стоит и правда жизни. Рядом с этим стоит действительность. Рядом с этим стоит чувство любви. И вот в душе человека возникает и происходит борьба добра и зла, любви и злобы, правды и неправды, реальности и порождения болезненной фантазии. Пока, однако, контроль сознания еще цел, пока акт мышления еще царит, до тех пор берет перевес жизнь объективная, жизнь фактическая, жизненная правда, и за свою натуру ревнивец наказуется только этим ужасным чувством сомнения и борьбы. Но любовь… любовь страдает. Она тускнеет, она темнеет, она падает для ревнивца. Остается животная страсть, остается задетое самолюбие, остается неудовлетворенность, остается боязнь лишиться собственности, но это уже не будет чистая любовь.

Вместе с этим является подозрительность, заставляющая человека прибегать к нечистым и нелепым действиям и поступкам, вытекающим из его нечистых и нелепых суждений и представлений. Он начинает подсматривать, тайно выслеживать, осматривать места, где бывает любимый человек, задавать вопросы, которыми он старается изловить и уличить виновников, вскрывать письма, подкупать прислугу и совершать другие соответственные поступки.

Но до сих пор он таит в себе этот ад души. Он еще, часто искусственно, мил, ласков и любезен с любимым предметом, хотя рядом с этим нельзя не заметить в нем крайней нервности, раздражительности, чрезмерной изменчивости и переменчивости настроения, порывистости и проч. До сих пор он не выражал предмету своей любви ни сомнения, ни подозрительности. Все это он переживал один. Все это он таил внутри своей души, почему и представлялся замкнутым, сосредоточенным, угрюмым и неоткровенным.

Нужно ли ему иметь внешний повод со стороны предмета своей любви?! Ничуть. Шекспир необыкновенно метко охарактеризовал это состояние словами Эмилии:

Ревнивые не потому ревнуют,
Что повод есть, а просто потому,
Что ревность в их натуре. Ведь ревность —
Чудовище, которое себя
Само зачнет, само и порождает.

«Не измены женщины учат нас более им не доверять, а этому учат наши собственные измены»

(Бурже).

В таком, приблизительно, виде протекает первый период ревности, – период внутренней ассимиляции действий и поведения любимого человека под приправою болезненного чувства усиленного внимания, чрезмерной наблюдательности, крайне болезненного сомнения, подозрительности, добавлений образов фантазии, иллюзии мысли и ошибочных представлений и суждений. До сих пор ревнивец не открывал своих карт. Его болезненное состояние сдерживалось контролем сознания действительности. Это был период скрытой и пассивной ревности. После этого страсть переходит во второй период – период активный, или агрессивный.

Подобный переход совершается внезапно и неожиданно, почти всегда в состоянии аффекта, когда ревнивец забывается, выходит из себя и изливает все содержимое своей души. При этом разыгрывается драма, когда ревнивцы сбрасывают с себя оболочку сдержанности и выкладывают начистоту все то, в чем они подозревают предмет любви. Все, тщательно досель скрываемое, теперь проявляется в самой грубой и резкой форме. Самый внешний вид ревнивца в этот момент обращает на себя внимание: у мужчин – лицо красное, глаза налитые кровью, выражение крайней напряженности, гнева и раздражительности, в руках и в губах дрожь, речь гневная, прерывающаяся и нескладная. Один из свидетелей в судебном процессе выражается о ревнивце, что он в этот момент напоминает «взбешенного кота» (Proal). Овидий выражается так: «Ora tument ira nigrescunt sanguine venae». Женщина в этот момент имеет несколько иной вид: она бледна, глаза блестят, вся дрожит… В этот момент культура и воспитание устраняются, и человек является во всей красе своей грубой животной *натуры.*

После таких откровенных объяснений ревнивец ведет свое дело начистоту. Он не скрывает своей ревности, и теперь являются уже два страдальца. Страдая сами, они заставляют страдать и других, и, будучи несчастными сами, они делают

несчастными и других.

Подозрительность ревнивца настолько усиливается, а образы фантазии настолько подавляют действительность, что многое из воображаемого им принимается за истинное и реальное. Здравый рассудок теряет власть над игрою фантазии, и человек уже не в состоянии сдерживать себя. Из роли наблюдателя, из роли жертвы он начинает переходить к роли активной и даже к роли преследователя и палача. На почве наблюдательности и подозрительности порождается бред уверенности в супружеской неверности и измене, почему из положения преследуемого ревнивец переходит в положение преследуемого преследователя. Он высказывает свои замечания о сомнительности и непозволительности отношений предмета любви к окружающим; он запрещает то или другое в его действиях; он открывает факты нарушения супружеской верности, даже проступки и преступления. Рядом с этим проявляется целый ряд нередко самых обидных и оскорбительных мероприятий в ограждение неприкосновенности своей живой собственности. Прежде всего ревнивцы никуда не выпускают предмета своей любви и никого к нему не допускают. Если же к тому настоит жизненная необходимость, то они измучивают себя и свою жертву. Часто они идут по пятам своей жертвы, то высматривая ее из-за угла или из-за дерева, то сопровождая открыто. Ждут ее на лестнице, на тумбе уличной, подслушивают разговор, лежа под диваном или запрятавшись в шкаф… Они все подмечают. Каждый шаг, каждый выход заподозревается в свидании с любовником. Для этого измеряется расстояние количеством шагов и время, потребное на производство 100 и 1000 шагов, – время, нужное для произнесения такого-то или такого-то разговора, и т. д. Ласковое слово с человеком считается излишней роскошью и ставится в вину. Но и сдержанность, холодность и суровость не спасают человека от подозрения в виновности и принимаются за особенный прием, за особенную хитрость и политику. Несмотря на всю безукоризненность поведения жертвы, ревнивцы сами из своей фантазии создают сцены и ими изводят свои жертвы. Оставаясь наедине, ревнивцы рисуют самые ужасные, самые подлые и непозволительные сцены измены, разврата и разнузданности, – все это принимают за возможное и действительное и затем переносят на свою жертву, истязают ее и позорят. Ни клятвы, ни жалобы, никакие самопожертвования, ни гнев, ни возмущения не разубеждают их, а еще более укрепляют в их болезненном подозрении. Нет тех оскорбительных приемов, которых они не допускали бы по отношению к своим жертвам, нет тех оскорбительных слов, которыми они не клеймили бы свои

жертвы, нет тех оскорбительных сцен, которых бы они не навязывали своим жертвам… Самые безжалостные оскорбления наносятся решительно без всякого повода. Ни добрые чувства, ни человеческие отношения, ни сожаление, ни уважение, ни порядочность – ничто не имеет места. Все это они заподозревают, все это они омрачают своим больным воображением, все это они мешают с грязью и превращают в грязные покушения.

Ни для кого нет спокойствия. Ни для кого нет снисхождения. Ревнивец измучивает себя и окружающих. Мужчина совершенно забывает о слабости женщины и о своем долге защищать и охранять ее. Женщина забывает о приличии и порядочности, кричит, бранится… В доме все запускается и царит общий беспорядок… Дела и занятия также отступают на второй план. Ревнивец не может на них сосредоточиться, он не может им отдаться всецело. Поглощенный ревностью, он ежечасно бросает дело и стремится то домой, чтобы накрыть преступных изменников, то по стогнам града, дабы выследить неверную жену…

Ко всему этому присоединяется болезненная склонность придавать всему особенное значение. Так, в листке дерева, упавшем через окно в комнату, они видят особый сигнал, подаваемый любовниками своим жертвам. Тот же сигнал они усматривают в кашле, движении и во всем, что им бросится в глаза. Такая способность приписывать особенное значение всему окружающему переходит и на газеты, объявления и т. п. «15 октября в 12 час. дня назначены торги на поставку дров в интендантском правлении». И мчится несчастный ревнивец туда, ибо в этом объявлении дело вовсе не в торгах, а в свидании, назначенном его жене… Во всем, о всех они могут найти подтверждение своей подозрительности и недоверию.

Неужели во всем этом можно видеть проявления действительной любви? Нет, такая жизнь есть проявление злобы и выражение ненависти… Отелло говорит о сопернике: «О, это отвратительно!.. Заставить его признаться, а потом в награду повесить?… Нет, прежде повесить, а потом заставить признаться… Мне хотелось бы убивать его девять лет сряду». Так говорит Отелло о Кассио, а о Дездемоне: «Я изрублю ее в куски!..»

Несчастные жертвы, быть может, прежде горячо любившие своих мужей или любовников, теперь измученные и истерзанные, естественно, отшатываются от своих истязателей, охладевают к ним, замыкаются в себе и избегают не только любовных сцен, но и вообще совместного пребывания и встреч. Однако это прямое и естественное последствие их истязаний истолковывается преследователями как проявление измены, любви к другому и

нарушение супружеского долга. Собственно говоря, если бы у несчастной жертвы и явилась какая-либо попытка полюбить кого-нибудь, то эти ужасные ежедневные сцены, эти вечные оскорбления, намеки, издевательства и истязания отобьют всякую охоту к увлечению и причинят только лишние минуты тяжелого чувства одиночества, отчуждения, забитости, беспомощности и безграничного ужаса при мысли, что это было, есть и будет…

Есть разряд людей, которые в ревности видят любовь. Любовь без ревности это не настоящая любовь. Истинная любовь должна сопровождаться ревностью, грубостью и даже колотушками… И чем резче эти колотушки, тем, значит, крепче эта любовь… Однако таких любителей сильных ощущений немного, да многие и из них, если попадают на заправского ревнивца, то скоро охладевают к удовольствиям горячей любви и жестокой ревности и или сбегают от своих ревнивых сожителей, или лезут в петлю…

Как ни уверены ревнивцы в *подлой измене* своих жертв, тем не менее, они добиваются собственного их признания в своей вине, греховности и преступности. Добившись этого вынужденного самообвинения, они заставляют рассказывать его еще и еще… Они услаждаются и упиваются этим собственным позором… Ибо они находят фактическое подтверждение своему бреду и своим измышлениям… Зато как же они люты в своем мщении, мщении холодном, злом, жестоком, бесчеловечном и бесконечном… Тем более что они находят новое подтверждение своим обвинениям в измене…

Рисуя себе картины самой грязной, самой распутной измены любимого существа, они упиваются своим несчастьем, видят в своем лице страдальца и мученика, честь которого попрана, а имя загрязнено. Но скоро они переходят в позицию мстителя. Они ненавидят свою жертву, они негодуют против нее, они ее казнят, и казнят самой жестокой, самой мучительной, самой ужасной казнью. Сколько ненависти, гнева и лютости выливается ими против предмета своей quasi любви!

Бывают случаи, когда ревнивцы не могут найти никаких доказательств физической измены и прелюбодеяния, тогда они ревнуют по отношению к измене моральной. «Она не изменила лишь физически, но она мысленно принадлежит ему и отдалась ему…» Proal передает случай, когда один господин убил себя потому, что подозревал жену в любви к другому лицу, хотя он не видел к тому никаких явных доказательств. Другой убил свою беременную жену, сомневаясь в том, что носимый ею плод принадлежит ему.

Ревность оскверняет любовь не только в настоящем, но и в прошлом и в будущем. В настоящем любовь заменяется злобой и

ненавистью, в прошлом бросается тень ненависти, а будущее рисуется во мраке грядущих измен. При этом чувстве нет жизни ни для кого, нет счастья, нет радости, нет веселья ни жертве, ни палачу. Ревность приносит ужас, безнадежность, отчаяние, мрак и смерть. Естественным следствием убеждения ревнивца в измене является месть. Идя на мщение, ревнивец пьянеет: он забывает свою честь, честь жены и честь постороннего человека и скандалит самым открытым и широким образом. Часто в припадке чувства мести ревнивцы уродуют своих жен и любовниц, чтобы они не могли никого более соблазнить, а жены пускают серную кислоту в лицо мужей и соперниц. Чувство ревности настолько сильно, что может заглушать родительское чувство к детям. Proal передает случай, когда отец и сын любили одну женщину, причем отец так ревновал ее к сыну, что пытался убить сына, причем, не убив, все-таки успел ранить его.

Как же эти люди держат себя в остальных отношениях в жизни? Во всем остальном они таковы же, как и все остальные люди. Очень часто никто даже и не подозревает трагизма домашней жизни этих людей. Только прислуга иногда выносит сор из избы; но кто же из порядочных людей поверит сплетням прислуги. Часто также проявляются наружу эти отношения странностями поведения этих лиц; но и при этом весь ужас положения несчастных людей остается никому не понятным, особенно же положение несчастных жертв ревности.

Правда, и проявления ревности идут не всегда ровною полосой. Они протекают то обостряясь, то ослабевая. Иногда и ревнивцы сознаются, что они не всегда правы, сомневаются, раскаиваются и просят прощения… О, как они жалки в эти минуты!.. Но эти минуты проходят. Наступает вновь дикая ревность. Демон подозрительности и недоверия вновь овладевает ими, и вновь начинаются великие нравственные истязания.

Так может быть и пожизненно.

Но болезнь может развиваться и дальше и вступать в третий период своего бытия – бредового психоза ревности.

Тогда к сказанному выше присоединяются новые явления. К помутившемуся рассудку и болезненной страсти присоединяются галлюцинации и иллюзии. Ревнивцу кажется, что его дети на него не похожи, а потому… Все мужчины как-то странно смотрят на него и на его жену и т. д., и т. д. Особенно часты галлюцинации в области полового чувства. Ревнивцам кажется, что их жертвы стоят в связи с теми или другими лицами. Эти любовники тайно проникают к ним в дом, имеют невидимые связи и влияют иногда на расстоянии. В таком состоянии ревнивцы ревнуют не только к посторонним мужчинам, но даже к братьям, отцу, детям, лицам

того же пола, животным и даже неодушевленным предметам. Иногда к этому присоединяется бред преследования и бред отравления.

Люди, находящиеся в таком состоянии ревности, ревнуют к настоящему, ревнуют к прошедшему и не оставляют без ревности будущего. Преследуя за настоящее, ревнивцы не забывают и прошлого и самым гадким образом восстановляют его, если бы даже их обвинения были вполне и заведомо ложными и распространялись на период жизни, не подлежащий их ведению. Даже давно прошлое приводит их в возмущение и доводит до самозабвения и преступных деяний. Один врач жаловался Kraepelin, что его жена страшно развратна, что стоит в связи со всеми извозчиками, лакеями и кучерами, что она начала предаваться разврату уже с раннего возраста и что она потеряла свою девственность уже с момента рождения.

В этот период болезни истязания подозреваемых лиц превращаются в хронический прием. Дни, недели и месяцы несчастные жертвы ревности терпят оскорбления, нравственные унижения, побои, физические истязания и другие формы издевательства. Естественно, при этом принимаются самые строгие меры против дерзких и нахальных нарушителей; такая жизнь заканчивается иногда самыми жестокими и бесчеловечными преступлениями. Совершивши самое жестокое злодеяние, ревнивцы сначала испытывают чувство самоудовлетворения, только спустя значительный промежуток времени, опамятовавшись, они раскаиваются, плачут и даже иногда покушаются на самоубийство. В большинстве случаев преступники из ревности не скрывают своего преступления, а немедленно заявляют о том надлежащим властям.

Что касается покушений на самоубийство и самоубийств, то они часто бывают не вполне бескорыстными. Так, ревнивцы нередко убивали свою жертву, а затем себя. Proal приводит случай, в котором один господин сначала убил свою жену из ревности, а затем покушался на свою жизнь, но остался жив.

В этой стадии больные становятся вполне параноиками, или, однопредметно, – помешанными.

Таким образом, в течении ревности мы различаем три периода: период скрытного состояния, или внутреннего сосредоточия и формирования чувства и бреда в самих себе, период внешнего агрессивного проявления ревности и параноического состояния.

Причин ревности немного. Главная и основная причина ревности – патологическая наследственность. В огромном большинстве случаев настоящая ревность является проявлением

вырождения. Кроме того, ревность обусловливается такими воздействиями на центральную нервную систему со стороны внешних условий жизни, которые вызывают в ней изменения, подобные состоянию вырождения. В этом отношении на первом плане стоит пьянство. Marce первый обратил внимание на то, что бред ревности обусловливается пьянством, и он не приписывал пьянству почти исключительное этиологическое влияние по отношению к ревности. Krafft-Ebing пошел в этом отношении далее и настаивает, что бред ревности является патогномоническим признаком для хронического алкоголизма. Однако уже на следующий год Werner заявил, что, хотя при хроническом алкоголизме действительно бред ревности развивается, тем не менее, всякий случай ревности относить к алкоголизму неправильно, ибо бред ревности может развиваться и в чисто параноической форме, без всякого предшествовавшего пьянства. Villers также придерживается того взгляда, что ревность и бред ревности могут развиваться, и далеко не в малом числе случаев, помимо всякого пьянства, на почве чисто дегенеративной и проявляться в форме чистой паранойи.

Таким образом, бред ревности развивается, главным образом, у дегенератов и пьяниц. Кроме того, к числу причинных моментов ревности относят период жизни детский и старческий; на эти два момента с особенным ударением указывает Moreau de Tours. Но едва ли с этим можно вполне согласиться. Дело в том, что в детстве или ревность бывает слишком слабо выражена, или же это бывает и не ревность, а скорее всего зависть. Что же касается старческого возраста, то при этом, действительно, бывают случаи ревности, но только такая ревность почти всегда представляется одним из симптомов старческого слабоумия, имеющего в основе своей органические изменения в мозговой корке. Такие случаи не только не редки, но даже дают значительное число серьезных преступлений. Так, Villers приводит случай, когда 80-летний старик под старость стал ревновать свою 70-летнюю жену и даже решился убить ее. У van Deventer также старик 74 лет из ревности хотел убить свою старуху жену; отец преступника под старость также стал ревновать свою жену и из ревности развелся с нею. Proal приводит случай, в котором муж 59 лет убил свою жену 51 года из ревности 15 ударами кинжала. В некоторых случаях на обострение и проявление ревности влияют периоды наступления менструаций, причем в промежутках между ними эти женщины совершенно не проявляли никакой ревности. Такой случай приводит Savage. Мне лично также неоднократно приводилось наблюдать такие случаи.

Мои личные наблюдения приводят меня к тому выводу, что

болезненная ревность почти во всех случаях в основе своей имеет патологическое наследственное расположение и является выражением и проявлением дегенерации. Несомненно, во многих случаях ревность является у пьяниц; но и пьяницы далеко не все проявляют бред ревности, а только некоторые, это именно опять-таки те, у коих в основе патологическая почва от рождения. Ведь и само пьянство в очень многих случаях является выражением патологической наследственности. Считаю необходимым добавить следующее: алкоголь имеет особенное тяготение к проявлению и вызову ревности. Многие лица, у которых ревность заключается только в виде расположения, начинают проявлять ее под влиянием даже очень небольшого употребления алкоголя. Многие лица, которые носят в себе ревность в слабой степени, под влиянием даже небольшого количества алкоголя проявляют ее гораздо сильнее. Многие ревнивцы, могущие в трезвом виде сдержать себя, даже при ничтожном количестве алкоголя решаются на жестокие преступления. Что касается периода менструаций, то в некоторых случаях они действительно повышают состояние ревности. В других случаях ревность чаще всего является только лишь симптомом основной болезни, так это бывает при истерии, паранойе, прогрессивном параличе, старческом слабоумии и проч.

Несмотря на то что чувство ревности проявлялось у людей во все времена и, без сомнения, нередко под ее влиянием совершались преступления, в медицинской литературе преступления под влиянием ревности стали описываться не очень давно. Esquirol указывает уже на преступления в состоянии ревности, но эти указания являются слишком осторожными и осмотрительными. Trealat говорит, что ревность, доведенная до крайности, есть настоящая душевная болезнь. В 1846 г. Cohen van Baren описал случай убийства жены мужем под влиянием бреда ревности. В 1847 г. Marcel не только сообщил такой случай, но и обратил внимание на отношение ревности к алкоголизму. После этого появился целый ряд исследований преступлений, совершенных под влиянием ревности, тесно связанной с хроническим пьянством. Таковы были работы по этому вопросу ученых: Krafft-Ebing, Liman, Berthier, Cullerre, Schaffer, Marandon de Montyel, Bidault, Fortin et Broc, Sender, Lenz, Peetres, Fere, Kraepelin и др.

Dorez рассматривает ревность как душевную болезнь и различает в этом состоянии три формы: folie lucide, folie du doute и фобии, самая слабая степень ревности, когда она выражается в насильственной форме, в форме фобии, сильнее она, когда выражается в форме folie lucide, и самое сильное развитие, когда

она выражается в форме бреда. По способу проявления ревность может выражаться в активной форме и в пассивной: первая форма выражается резким возбуждением и, в крайних случаях, может довести до убийства, вторая форма сопровождается подавленностью и иногда влечет за собою самоубийство. Bombarda, рассматривая ревность с судебно-медицинской точки зрения, указывает на то, что преступления в состоянии ревности отличаются необыкновенной жестокостью и бесчеловечностью.

Imbert полагает, что по интенсивности проявления ревность может выражаться в троякой форме: в форме насильственных представлений, в форме фиксированных идей и в форме бреда; с этиологической же точки зрения ревность может быть идиопатическая и симптоматическая. Идиопатическая ревность является самостоятельно, овладевает всем человеком и властвует над всем существом его; симптоматическая ревность является только лишь эпизодически и представляется одним из симптомов основной болезни. Это психоз весьма опасный, так как ревнивец то наказывает, то мстит и только в редких случаях решается на самоубийство. По Morselli, самоубийство в состоянии ревности проявляется у мужчин в 9 %, а у женщин в 6 %.

Очень дельная работа по данному вопросу принадлежит Villers. По его мнению, бред ревности должен быть отнесен к отделу паранойи, алкогольная ревность в большинстве случаев относится также к параноической ревности; разница между ними та, что в параноической ревности галлюцинаций меньше, тогда как в алкогольной ревности их значительно больше.

По течению он различает ревность острую и хроническую. Острая форма проявляется в виде отдельных вспышек, которые нередко стоят в связи с алкогольными излишествами или какими-либо временными изменениями в организме, но затем эпизодическая ревность может мало-помалу переходить в ревность затяжную и хроническую.

С точки зрения болезненного проявления ревности или клинической картины ее можно различать две формы ревности: аффективную и параноическую.

Аффективная, или страстная, ревность отличается крайней возбудимостью, порывистостью, быстрым и чрезмерным напряжением чувственного элемента и скромным разряжением. Очень часто эта ревность сочетается с усиленною половою страстностью и возбудимостью. Она служит выражением необузданной жажды самоудовлетворения. В огромнейшем большинстве случаев она может быть сдерживаема рассудком. Насильственные и фиксированные идеи, равно как и идеи бреда, или вовсе отсутствуют, или выражены слабо и недостаточно. Хотя

чувственная ревность до некоторой степени имеет в основе своей животную и чувственную любовь, однако ревность переживает любовь и часто переходит в ненависть и злобу. Это состояние ревности представляет собой острую форму ревности. Она чаще всего проявляется эпизодически и, с осложнением идеями бреда, может переходить в хроническое течение, причем возбудимость постепенно стихает и заменяется большей выдержкой и устойчивостью параноического бреда. Иногда эта ревность в течение всей жизни представляет ряд эпизодических вспышек под влиянием менструальных периодов и других жизненных колебаний. Преступления этой ревности в большинстве носят на себе характер других аффективных преступлений – страсти и жестокости. Замечательно, однако, что все эти преступления отличаются предумышленностью, обдуманностью, наличностью сознания в момент совершения деяния и даже сохранением воспоминания.

Параноическая ревность, или чистый бред ревности, развивается в форме самостоятельного и первичного бреда. Нередко ей предшествует период страстной ревности, в которой, однако, имеются задатки и элементы бредовой ревности, причем с течением времени страстная сторона постепенно стихает и на сцену выдвигается сторона бредовая. Параноическая ревность, как и всякая паранойя, имеет период сомнения, наблюдательности, повышенного внимания, подозрительности и преследования. В некоторых случаях сюда присоединяются бред отравления и бред преследования со стороны преследуемых. В последнем случае в полном смысле слова развивается та форма болезни, которая у французов дает преследуемых – преследователей. В случаях параноической ревности бред появляется и развивается первично логическим путем и имеет в основе своей болезненные представления фантазии, принимаемые за действительность. Сюда же нередко присоединяются иллюзии и галлюцинации с последующими ошибочными и ложными представлениями.

Что касается алкогольной ревности, то это только часть целого. Она не есть самостоятельная форма и может проявляться то в форме аффективной, то в форме параноической. Развивается она у лиц, имевших уже подготовленную дегенеративную почву и предрасположенных к ревности. Вначале она появляется эпизодически, в виде отдельных приступов, под влиянием отдельных выпивок; но когда пьянство становится затяжным, то и ревность принимает форму параноической ревности. В случаях ревности у алкоголиков можно наблюдать особенно большое число иллюзий и галлюцинаций. Я думаю, что сам по себе

алкоголь имеет особенное специфическое отношение к проявлению ревности у дегенератов. Сплошь и рядом можно наблюдать, что далеко не у пьяниц, но у дегенератов даже небольшие приемы алкоголя служат к проявлению ревности, каковая исчезает с испарением винных паров из организма. Это будут нередкие случаи эпизодической ревности не у алкоголиков, но под влиянием алкоголя, подобно тому, как такая же эпизодическая ревность может появляться у женщин эпизодически в связи с менструальными периодами.

Является вопрос: может ли быть ревность без любви? Безусловно, может быть и бывает. Такие случаи нередко приходится наблюдать у истеричных. Последние часто не питают никакой любви к своему сожителю, часто и многообразно изменяют ему и тем не менее, скандалят жестоко на почве ревности по отношению к своему сожителю.

Неужели мы не скажем ни слова в пользу ревнивцев? Это люди – несчастные, мученики и страдальцы. Переживая мучения в себе, они страдают под влиянием своей болезненной фантазии не меньше, чем другие под влиянием действительных тяжелых и мучительных фактов жизни. К сожалению, эти люди, обладая сознанием и логическим мышлением, очень часто распускают себя, без борьбы и сопротивления отдаются своей страсти больше, чем следует, ослабляют контроль сознания своею разнузданностью и без усилия становятся рабами своей страсти. Они не думают или очень мало думают о страданиях своих жертв, страданиях незаслуженных и бесконечно оскорбительных и неизгладимых. Сравнивая муки и ужасы жизни жертв, невольно забываешь о внутренних страданиях мучителей и о том, что последние сами являются жертвами недуга, почти всегда унаследованного от родителей.

Из всего сказанного вытекает, что патологическая ревность не есть нормальное явление, а служит выражением некоторой порочности натуры. Она может выражаться то в форме аффективной ревности, то в форме бредовой ревности. Алкоголь имеет особенное отношение к этому состоянию, в одних случаях пробуждая эту форму болезни, хранившуюся в человеке латентно, в других случаях усиливая и обостряя. Почти всегда ревность является однопредметным или частичным поражением душевной жизни, не поражая мыслительной области в остальных ее проявлениях. Из этого положения исключаются те случаи бреда, которые развиваются у хронических алкоголиков в период их ослабленной умственной жизни. Преступления людей, проявляющих бред ревности, отличаются жестокостью, бессердечием, обдуманностью и сохранением сознания. Это почти

всегда преступления предумышленные, с заранее обдуманною целью, но на почве болезненной страсти или болезненного бреда.

ЭММАНУЭЛЬ СВЕДЕНБОРГ

ГЛАВА I

В настоящее время, время точного и положительного знания в науке, время реализма, время практической жизни и практического направления – весьма странным и непонятным представляется склонность в обществе к познанию и ознакомлению с сверхъестественным, чудесным и отвлеченным. Реализм и мистицизм – это два проявления, мало совместимые, но нередко друг другу соответствующие. Быть может, это странное совместительство жизненных явлений находит себе подкладку в том, что сухость и черствость реализма стремятся несколько раствориться в фантастичности мистицизма… Быть может, деловитость реализма стремится проникнуть в непонятное и необъятное с целью его эксплуатации. И то и другое предположения, видимо, имеют долю правды за себя.

Было время, когда мистицизм и мистики в истории человечества играли большую роль. История представляет немало примеров тому, как мистики и фанатики спасали нации и губили их, изменяли нравы, создавали секты и религии. Нет того народа, нет того государства, в котором, в то или другое время, мистик или фанатик не создал бы «исторического момента». Даже новые государства Америки не лишены этого дара истории.

Правда, сила и влияние современных фанатиков менее могущественны и влиятельны. Человечество стало к обстоятельствам жизни относиться трезвее, осмотрительнее и осторожнее. Тем не менее, мистики и фанатики не чужды и последнему времени, хотя нередко судьба их заканчивается довольно плачевно. Примером тому служит история канадского агитатора, Louis Riel, который, в сущности, был психопат и закончил жизнь повешением.

Судьба этого человека заслуживает того, чтобы о нем сказать несколько слов.

Отец Луиса вел жизнь очень разнообразную: он то работает на фабрике, принадлежащей компании Гудзонова залива, то является послушником в одном братстве, то с индейцами охотится на бизонов, то он земледелец, то мельник. Наконец, в 1849 году он достигает выдающегося положения и становится во главе революционного движения. Жизнь его сына, Луиса, не менее бурна.

В детстве он проявляет самые лучшие способности и получает образование в Монреале. В 1868 г. он начинает играть роль политического агитатора в пользу канадских метисов. Он руководил несколькими восстаниями, которые приводят к

катастрофе. В 1874 году он начинает приписывать себе сверхъестественную силу и воображает себя призванным исполнить особенную миссию. Дух, явившийся Моисею в пламени, подобным же образом является и ему и говорит: «Встань, Louis Riel, ты призван исполнить великое дело».

Как многие другие мистики, он придерживается религиозных воззрений, не согласовавшихся с догматами католичества. Он находит, что Америка должна иметь своего собственного папу. По его мнению, праздновать воскресенье не следует, оно должно быть заменено субботой евреев. Его религиозная система составлена из заимствований из всех известных религий. Он соединяет в себе протестантизм, еврейство и магометанство. Ежедневно ему являются ангелы, и он не предпринимал никакого решения, не посоветовавшись с ними. Несколько раз он противился вполне целесообразным военным решениям под тем предлогом, что того требовали слышанные голоса. Он окружил себя только людьми, похожими на него, экзальтированными или сумасшедшими; его секретарь, Jackson, судом в Регине был оправдан только потому, что был признан сумасшедшим. Riel убежден, что если бы его повесили, то Бог воскресил бы его. Однако, когда его в Регине повесили, то он преспокойно отправился в царство теней. Riel говорил: «Проще не ставить Бога в необходимость совершать чудо». Иногда у него являлось желание проповедовать в церкви и войти в алтарь. Он требовал, чтобы ему разрешили служить обедню на том основании, что духи посвятили его в священника. Его два раза заключали в дом умалишенных как душевнобольного. По заявлению Glison, во время процесса над Riel'ом, его свидетельствовали четыре психиатра, причем два признали его душевнобольным, а два здоровым. Riel'a повесили.

Мы могли бы привести биографии и других мистиков, но будет достаточно и одной. Все они имеют то общее, что все мистики видят видения, верят в эти видения, как в действительность, и проводят в жизнь содержание этих видений. Таковы же свойства и мистицизма Сведенборга. Но за ним остается другая особенность, его выделяющая и делающая его личность чрезвычайно интересною, – это именно дар ясновидения и предвидения. Обстоятельства жизни Сведенборга относятся к довольно отдаленному времени и потому не могут быть точно проверенными; но свидетельства лиц, очень почтенных, утверждают действительность многих из этих обстоятельств и потому делают их еще более интересными.

ГЛАВА II

Каждый человек, всякое событие и всякий предмет становятся для нас тем понятней, чем с больших точек зрения они рассматриваются. Новые способы исследования дали очень много нового и создали целые науки. Достаточно в этом отношении указать на микроскоп и телескоп, чтобы это стало совершенно понятным. Будущее химических исследований столь велико, что даже предвидеть его границы невозможно. Есть и еще одна область знаний, столь же интересная, как и малодоступная человеческому познанию, – это душевная жизнь. Однако и эта область начинает изучаться и познаваться, и мы глубоко убеждены в том, что наступит день, когда человек скажет: я познал самого себя. До тех же пор мы идем ощупью, изучаем себя в настоящем, сравниваем с прошлым и стремимся проникнуть в будущее.

Не скажем, что все прошлое для нас ясно и понятно. Нет, существует много пятен, которые для нас и ныне остаются туманными. Другие познаются благодаря применению современных научных способов исследования. Третьи ждут своего разъяснения.

Так, еще недавно видения Магомета признаваемы были за измышления, притворство, обман и проч., а ныне никто из людей образованных не скажет этого. Видения Магомета – это факт, хотя факт и патологический, и ныне чуть не ежедневно находящий себе аналогию в патологии души. Еще интереснее и непонятнее представляется жизнь Жанны Д'Арк. Но и эта последняя ныне наукой достаточно освещена, хотя некоторые стороны душевных проявлений Жанны, так, например, ее дар предвидения, и поныне остается малопонятным.

Точно так же загадочными, малопонятными и невыясненными остаются жизнь и деяния Сведенборга. Это был человек великого ума, практических знаний и страшного мистицизма. Это человек бесспорно умный и бесспорно безумный.

Ввиду великого интереса, представляющегося в его жизни, его видениях, ясновидении и предвидении, я позволю себе изложить здесь коротко его жизнь и деяния.

Эмануэль Сведенборг родился в Швеции, в Стокгольме, в 1688 г. Его фамилия была не Сведенборг, а Сведберг, Сведенборгом же он стал с момента получения им почетного дворянского достоинства.

Дед Сведенборга был Даниил Исаксон, а так как он жил в

имении Sweden, то отсюда и образовалась прибавка из Сведен. Он имел шахту и занимался горным делом. Бабушка Сведенборга, Анна, была дочерью пастора. Оба они были бедны, набожны и богобоязненны. У них была очень большая семья, но это их нисколько не смущало, ибо если Бог дал большую семью, то Он даст и пищу, чтобы ее накормить. После обеда Даниил всегда говорил: «Благодарю вас, дети, что вы меня накормили, потому что все это Бог дал не ради меня, а ради вас». И действительно, Бог послал Даниилу помощь. В той местности была шахта, но шахта эта была залита водой и очень долгое время стояла без эксплуатации. Даниил образовал общество с другими деятелями, освободил шахту от воды и приобрел в ней большие богатства. Это дало возможность Даниилу прилично воспитать своих детей.

Передают очень интересное обстоятельство по поводу второй женитьбы Даниила. Он овдовел и имел восемь детей. Случайно же узнал, что в Стокгольме живет одна благочестивая женщина, некто Bergia. Она была два раза замужем, два раза овдовела, не имея детей. Она была набожна, помогала бедным, прекрасно вела хозяйство и обладала хорошим характером. Не долго думая, Даниил Сведберг, не видя ее в глаза, делает Bergia письменно предложение быть его женой, получает письменное же согласие и женится.

Когда Даниил Сведберг выстроил новый дом, to на торжество открытия он пригласил всех нищих и вышедших в последние дни из больниц. С ними он провел целый день в благочестивых беседах, пел псалмы и угощал.

Из всех его детей наиболее воспользовался образованием Еспер, отец Эмануэля Сведенборга. Ввиду владения горою, Еспера называли Сведбергом. Своей специальностью Еспер избрал теологию и стал священником. Своим красноречием и начитанностью он обратил на себя внимание и был назначен придворным священником. Вместе с этим он был профессором теологии в Упсальском университете. Вскоре он был сделан ректором, а затем и епископом Скара, в Вестготланде. Это был человек чрезвычайно деятельный, энергичный, честный и неискательный. Горе, однако, и его не миновало, приходилось и ему переживать многое. Еспер любил музыку, был человек доброжелательный, хотя и вспыльчивый.

Было, однако, и несколько странных обстоятельств в жизни Еспера Сведберга.

В первые годы студенчества Еспер Сведберг имел сон, который так сильно на него повлиял, что он не мог отрешиться от мысли – не было ли то откровение. По поводу этого сна он говорил: «Никакой язык не может того высказать, никакой ангел

не может того описать, что я тогда видел и слышал». Далее Еспер передает такой факт из своей жизни: однажды после служения в церкви он услышал голоса, поющие псалмы. С этих пор к своему сану и своему служению он относился с особенным почтением и благоговением, так как во время служения он всегда чувствовал близкое присутствие ангелов. Еспер говорил, что ангелы еще во время студенческой жизни охраняли его от сообщества с дурными товарищами. Божий ангел однажды стоял около меня и спросил: «Что ты читаешь?» – «Я читаю библию и таких-то авторов…» – «Понимаешь ли ты то, что читаешь в библии?» – «Как я могу это понимать, если я не знаю никого, кто бы мне это объяснил». – «Достань книги такие-то». – «Часть этих книг есть, а другие я достану». – «Блаженны те, кто это читает, кто слышит слова откровения и исполняет то, что в них написано». Однажды Еспер имел в церкви видение ангела и слышал его голос.

Передают также и о том, что Еспер творил чудеса и обладал в некоторой степени даром предвидения.

Однажды у слуги Еспера болела рука так сильно, что он готов был решиться на самоубийство. Еспер сжалился над слугою. Протянул над ним руку и возгласил: «Именем Господа приказываю боли прекратиться». Боль прекратилась, и слуга был здоров.

Когда Еспер жил в Старбо, к нему привели одержимую злым духом девушку, Керстен. Он поставил ее на колени и стал молиться. Засим он приказал злым духам ее покинуть. Духи покинули. Девушка ушла здоровая, спокойная и освобожденная. Прошло три года. Керстен поступила в услужение в дом Еспера. Однажды епископ, занимаясь в кабинете, почувствовал какое-то волнение и беспокойство. Его осаждала мысль о Керстен. Это его беспокоило все больше и довело до того, что он не выдержал, выскочил в кухню и спросил: «Где Керстен?» Оказалось, Керстен поссорилась с прислугою и ушла с угрозою на самоубийство. Епископ бросился за нею я нашел ее удушившеюся с едва заметными признаками жизни. Тогда Еспер простер над нею руку и возгласил: «Именем Господа приказываю тебе: проснись и встань». Девушка проснулась, встала и была здорова.

Еспер умер 82 лет, признаваемый всеми примерным епископом Швеции.

ГЛАВА III

Жизнь Эмануэля Сведенборга можно разделить на два периода: с детства и до появления первого видения и от первого видения по день смерти.

Детство Эмануэль провел в семье родителей. Его воспитание шло в строго религиозном направлении, хотя свободным от излишнего ригоризма. Сам Сведенборг об этом времени говорил так: «От 4 до 10 лет я был поставлен в постоянное общение с Богом и пребывал в беседе о загробной жизни и душевных страданиях… В те времена я не знал другого учения, как следующее: „Бог есть Творец и Владыка вселенной“. Сведенборг любил беседовать с духовными лицами о предметах веры, причем держался того убеждения, что „вера не что иное, как любовь к ближнему“. Уже с первых детских лет Сведенборг настолько осмысленно усвоил эти сведения и располагал ими столь умно и обстоятельно, что нередко этим поражал своих родителей. „В своих рассказах я часто высказывал такие мысли, что они нередко приводили моих родителей в удивление и иногда заставляли думать, что моими устами говорит сам ангел“. Однако христианство Эмануэля было далеко от чистого деизма.

Случалось еще в детстве, что во время молитвы Эмануэль впадал в какой-то экстаз, причем у него останавливалось самое дыхание и он оцепеневал. В этом состоянии он видел какие-то странные лучи, падающие с солнца на какую-то страну, которые перед его глазами пронизывали тьму (White).

В молодые годы Сведенборг был отправлен в Упсалу для изучения теологии. Но в это время душа его не лежала к теологии. Вскоре в университете он переменил ее на философию и филологию. Результатом изучения последней явилось его сочинение о сентенциях Сенеки и Сируса, которые он перевел вместе с замечаниями Эразма и греческим переводом Казобона. Сведенборг писал латинские стихи, которые по красоте и отделке ставили наравне с элегиями Овидия. Однако и философия не удовлетворяла его. Его влекло к природе и естествознанию. Такому природному влечению благоприятствовали и жизненные обстоятельства. Один из членов семьи матери Сведенборга был членом королевской горной коллегии, и Сведенборг пошел по тому же пути.

В это время в его семейной жизни произошло несколько событий, которые не могли не оставить следа во впечатлительной душе Сведенборга. Умерла мать. Пожар уничтожил имущество отца. Состояние и дела отца были потрясены. Все это было

причиною того, что Сведенборг стал замкнут, сосредоточен и сдержан.

Учителем Сведенборга в области естествознания был знаменитый в то время инженер Полэм. Сведенборг, в возрасте 28–30 лет, жил у своего учителя и помогал ему в постройке шлюзов. Здесь Эмануэль получил первый серьезный жизненный толчок. У Полэма была тринадцатилетняя дочь Эмеренция. Сведенборг в нее влюбился, но эта любовь оставалась безответною. Сведенборг сделал предложение, но получил отказ. Это слишком огорчило Сведенборга. Он глубоко был потрясен как душевно, так и умственно. Огорчен был и отец отказом Эмеренции. Огорчен он был как за дочь, так и за ученика и за самого себя. Желая хоть сколько-нибудь утешить любимого ученика, Полэм заключил с Сведенборгом контракт на выдачу за него дочери в замужество. Дело в том, что Эмеренции было всего только тринадцать лет и отец рассчитывал, что молодость, постоянное сожительство и дружеские отношения победят нелюбовь Эмеренции и, быть может, помогут будущему вступлению в супружество. Эмеренция контракт подписала, но сильно от этого страдала. Случилось, однако, нечто еще худшее. Брат Эмеренции, видя мучения последней и не ожидая от этого супружества ничего хорошего, выкрал у Сведенборга контракт. Это слишком потрясло Эмануэля. Он покинул учителя, дав клятву, что он никого больше не полюбит и никогда не женится. Клятву свою Сведенборг сдержал.

Из работ Сведенборга видно, что это происшествие сильно потрясло его впечатлительную душу и страстную организацию и, быть может, послужило толчком к проявлению в дальнейшем его душевной болезни.

Теперь Сведенборг всецело отдался изучению естественных наук и математики. Он посещал главные центры просвещения и отдался весь изучению наук. Лондон, Оксфорд, Париж, Утрехт, Лейпциг и Грейсвальд были подолгу обитаемы Сведенборгом. В 1716 г. явилось его сочинение, обратившее внимание на автора всего ученого мира, за первым сочинением явилось второе, третье и т. д. Все они носили характер практичности и пригодности применения к делу и жизни. Таковы, например, его сочинения о подъемных машинах, применяемых при устройстве крепостей, и проч. Вообще Сведенборг казался человеком практичным, умевшим приспособиться к жизни и обладавшим особенным жизненным чутьем и опытом.

Его ученые труды послужили ему на пользу. Карл XII, ознакомившись с его сочинениями и опытом, назначил его асессором совета. Инженерный талант Сведенборга блестяще

проявился при осаде Фридрихсгафена, где суждено было погибнуть Карлу XII. Сведенборг придумал способ перевести тяжелую артиллерию к стенам этого города, защищенного морем и горами. В награду за это королева Ульрика Элеонора, сестра Карла XII, наградила Сведенборга потомственным дворянством. С этого именно момента он стал именоваться вместо Сведберга Сведенборгом. В должности асессора он пользовался со стороны окружающих полным уважением и доверием правительства.

Ученые труды создали Сведенборгу мировую известность. В 1723 г. ему предложили кафедру математики в Упсальском университете, но он отказался от этого предложения. В 1729 г. Сведенборг был назначен членом королевской академии в Стокгольме. В 1734 г. петербургская академия наук избирает Сведенборга в число своих членов. В 1763 г. парижская академия наук поручила перевести его трактат о железе на французский язык и напечатала в своем «Описании искусств и ремесел», дав отзыв, что эта работа в данной области признается лучшею. Наконец, Dumat в своей химической философии цитирует Сведенборга как химика, проявившего в данной области оригинальные мысли.

Обращаясь к изучению жизни Сведенборга, кроме его ученых трудов привлекают к себе внимание его путешествия. Он изъездил всю Европу и его можно сравнить с Декартом по стремлению к беспрерывной перемене местопребывания. Эти путешествия имели целью то научные изучения, то печатание научных трудов, то выполнение служебных поручений. Сведенборг посетил большинство выдающихся металлургических заведений Европы, и его видели весьма часто то в Лондоне, то в Амстердаме, то в Лейпциге.

Несомненно, Эмануэль Сведенборг в первую половину своей жизни был известным ученым, лицом, почитаемым обществом, и одним из компетентных людей в администрации и эксплуатации металлургической и минной промышленности.

ГЛАВА IV

Обыкновенно говорят, что способность к духовидению и ясновидению явилась у Сведенборга в 1745 г. внезапно, в виде припадка, за которым последовало новое изменение его личности. В 1858 г. был найден дневник Сведенборга, подлинность которого поставлена вне всякого сомнения, из которого видно, что видения Сведенборгу явились далеко не сразу, а были подготовлены очень многими обстоятельствами жизни.

Уже с детства Сведенборг имел странные сновидения, которые были настолько ясными и цельными, что нередко он сам сомневался – были ли то сновидения или видения. Иногда он ощущал воздействие духов настолько осязательно, как будто они к нему прикасались… Он нередко слышал слова, неизвестно кем произносимые. Часто видел огни разноцветные, особенно во время писания сочинений, и эти огни служили ему доказательством, что все в данный момент им написанное есть непреложная истина. В своем сочинении «Principia» Сведенборг пишет, что ему «свыше приказано писать то, что он пишет…». Там же он говорит, что он видел золотой ключ, который служил указателем того, что «он увидит и уразумеет загробную жизнь…».

Первое видение Сведенборга относится к 1745 г., между тем дневник заключает в себе обстоятельства предшествующих лет – 1743–1744 гг., следовательно, еще до появления первого видения. Однако сведения, заключающиеся в этом дневнике, представляют далеко не нормальные явления. В своих снах он переживал целый ряд видений, доставлявших ему истинное наслаждение. Экстатическое состояние начиналось перед засыпанием и длилось некоторое время после просыпания. Поэтому он спал подолгу, 10–12 часов, и всегда с нетерпением ожидал наступления времени сна. Спустя некоторое время на Сведенборга начинали находить странные состояния и во время бодрствования: «… как будто я приговорен и должен пойти в ад, только молитва и Слово Божие изгоняли эти страхи».

В 1744 г. Сведенборг приехал в Лондон и остановился в гостинице. Хозяин этой гостиницы, Brockmer, передает о следующем обстоятельстве: «Раз Сведенборг заперся в комнате. Он несколько дней не выходил, хотя в это время заказывал обеды из мясных блюд на несколько персон. Когда его спрашивали, зачем это он делает, так как все равно блюда уносились нетронутыми, то он отвечал, что его гости – духи, которые хотя мяса не едят, однако вдыхают эфирные от него запахи… Вдруг он

выскакивает из комнаты: глаза горят, волосы дыбом, пена вокруг рта, речь невнятная, язык заплетается и он долго не мог сказать слова… Наконец, можно было понять, что он хочет говорить с хозяином по секрету. Секрет состоял в следующем: он (Сведенборг) – мессия. Он пришел для того, чтобы евреи его распяли, и так как он (Сведенборг) – заика, то хозяин (Brockmer) должен сопутствовать Сведенборгу и быть передатчиком его проповедей. Хозяин посоветовал ему обратиться к доктору. Сведенборг возмущается и заявляет, что за ним должен прийти ангел. Кончилось тем, что Сведенборг попал на попечение доктора Смита, а на его имущество была наложена охрана. Хотя возбуждение Сведенборга и улеглось, но мысль, что он мессия, осталась фиксированной.

В июле 1744 г. Сведенборг ночью имел судороги, «такие точно, как в ту ночь, в которую явился ему Христос». Эти судороги следовали 10–15 минут подряд. «Дрожа, я пытался подняться и моя рука встретила человеческую шею, а затем ощупала и всю человеческую фигуру. Судорожная дрожь подымалась от нижней части тела к голове. Я понял, что этот человек был второе я, что мой внутренний человек был отделен от внешнего…»

В ночь с 31 июля на 1 августа в дневнике имеется пометка: «Меня опять трясло, но я был в глубоком сне; кажется, меня бросило лицом на землю, но я этого не могу утверждать». Рядом с этим следует бредовое видение желтых лошадей.

В ночь на 14 сентября: «… мне сказали, что я стал за прошлую ночь красивей и что я похож на ангела… Дай Бог, чтобы это было так…»

24 октября. «Утром, проснувшись, у меня была та дурнота, или absence, которые лет 6–7 были у меня в Амстердаме, когда я писал экономию животного царства. Тогда это было очень легко, теперь же тяжело, так что я думал, что умираю. Это сделалось в тот момент, когда я увидел дневной свет. Меня бросило лицом о землю. Затем все стало проходить, и я впал на короткое время в забытье. Это была более глубокая и более внутренняя дурнота, но она вскоре прошла. Это значит, что голова моя очищена от всего того, что мешало ясности моей мысли. И прежде, когда со мной случалось нечто подобное, это было перед тем, как я приобретал способность более глубокого проникновения, особенно же, когда я был увлечен каким-либо новым сочинением…»

Мы могли бы еще много сделать подобных выписок из дневника Сведенборга, которые явно свидетельствуют о том, что уже до 1745 г. он часто впадал в ненормальное состояние.

Сведенборг был маленького роста, 5 футов и 9 дюймов, глаза

у него были малы и слабы, лицо бледное, рот широкий, с приветливой улыбкой; все его лицо носило выражение довольства и приветливости, проистекавших из внутреннего самоудовлетворения.

Несомненно, Сведенборг был человек великого ума и обширнейших знаний, о чем свидетельствуют его сочинения. Но нельзя не обратить внимания и на то, как этот человек изменялся и в самих своих сочинениях. В 1716 г. он издает «Dedalus hyperboreus». Это сочинение специальное, касающееся инженерного искусства и горного дела. В 1734 г. он издает «Opera phylosophica et mineralia», где к естественно-научным данным присоединяются уже философские рассуждения, хотя и вскользь. В 1736 г. издается «Principia», в котором он рассуждает об элементах мира и вводит более чем странные суждения. Так, например, о сотворении Адама он говорит так: росло дерево жизни. Это дерево было выражением всего совершеннейшего и потому все остальные деревья его защищали, охраняли и ублажали. На этом дереве появился плод в виде яйца. Из этого-то яйца и появился Адам… Не менее фантастично также повествование о творении Евы. В это же время является его сочинение о «бесконечном», где рассматривается цепь мироздания и соотношение между душою и телом. В 1735 г. является сочинение «De culto et amore del». В 1741 г. появляется его «Economia regnia animalis» и тогда же другое его сочинение – «Миросоздание и любовь к Богу». Таким образом, в своих сочинениях он поднимается выше и выше от железа и камня к телу и крови, чтобы затем перейти к душе, духу и высшему существу.

ГЛАВА V

Те видения, которые сам Сведенборг называет видениями, появились у него в 1745 г. Дело было в Лондоне, и видение совершилось при самых прозаических условиях. В этот день Сведенборг запоздал обедом и ел с большим аппетитом. К концу обеда перед его глазами явился какой-то туман. Комната наполнилась ползучими растениями и животными. Тьма сгустилась. Но затем темнота сразу как бы разверзлась и в углу комнаты явился человек, окруженный блестящим сиянием, и устрашающе проговорил: «Не ешь так много».

Beyer, которому передавал об этом лично Сведенборг, говорит, что в это время явился ему сам Господь Бог в пурпуре и величественном блеске. Видение длилось около 15 минут, и, несмотря на его блеск и сияние, глаза Сведенборга не пострадали. Все это случилось, когда Сведенборгу было 58 лет от роду.

Видение этим не кончилось. Оно продолжалось ночью. Сведенборг об этом пишет в своем дневнике следующее: явившееся лицо сказало: «Я бог, создатель и спаситель мира. Тебя я выбрал, чтобы истолковать людям духовный смысл священного писания, и я сам буду тебе внушать то, что ты должен писать…» Господь всемилостивейше открыл слуге своему лично глаза для мира духовного и наделил меня даром общения с ангелами и духами… С этого дня я отказался от всех суетных занятий и отдался весь вопросам духовным…» С этих пор ему открылись небо и ад, где он встретил много знакомых лиц и беседовал с ними…

В августе 1745 г. Сведенборг покидает Лондон и возвращается в Швецию. Здесь он принимается за изучение еврейского языка и библии. «Когда для меня открылось небо, то мне пришлось изучать еврейский язык, на котором составлена библия, и это дало мне возможность прочитать библию несколько раз».

Знавшие в это время Сведенборга описывают его так: это был человек религиозный, исполнительный, уважающий человеческое достоинство в других и сознающий свой собственный гражданский долг, бескорыстный и нестяжательный. Его все очень любили и часто приглашали на пиры, и Сведенборг их посещал. Со времени видения Сведенборг перестал употреблять мясную пищу и довольствовался хлебом, чаем и большим количеством сладкого кофе. Кроме того, он любил кушать миндаль, изюм и шоколад. Из напитков он изредка употреблял

пиво и то в очень малом количестве; зато много нюхал табаку. Вообще в течение всей жизни Сведенборг пил мало и вел жизнь очень строгую и воздержанную. Сведенборг был заика и проявлял еще ту особенность, что во время молитвы и экстаза мог надолго задерживать дыхание. Он всегда держал себя с большим достоинством. Сначала о своих видениях он передавал окружающим очень охотно; но когда заметил, что становится предметом праздного любопытства и насмешек, то сообщал о видениях только своим друзьям. Если кто пытался над ним подтрунить, то всегда находил ловкий ответ.

Граф Tessin отзывается о Сведенборге так: «Это удивительно умный человек, обогащенный необыкновенно обширными познаниями, он прекрасно говорит и имеет самые здравые суждения обо всем, за исключением вопроса о его духовидении, во что он убежденно верит и в чем разубедить его никто не может» (Matter).

Сведенборг всегда пользовался прекрасным здоровьем и ничем не болел. Только незадолго до смерти он имел апоплексический удар, от которого он все-таки оправился. Замечательно следующее обстоятельство: за несколько месяцев до смерти, уже после удара, Сведенборг лишился способности духовидения. Поэтому он очень скорбел и часто молился: о, Господи, за что ты покинул своего слугу!.. Скоро, однако, способность духовидения вернулась, и Сведенборг успокоился.

Последние 27 лет жизни, после первого видения, Сведенборг провел частью на родине, в предместье Стокгольма, частью в путешествиях по чужим землям. Все это время он предавался богословским изысканиям и издал очень много сочинений теологического содержания.

За несколько дней до смерти он причастился. Бывший при нем пастор обратился к Сведенборгу с увещеванием. Он указал Сведенборгу на то, что некоторые признают все заявления Сведенборга о духовидении за обман. Если это так, то будет лучше, если он сознается и раскается. На это Сведенборг ответил, что все сказанное им есть правда и истина. Он клянется в этом. Он мог бы сказать гораздо больше того, что открыл. 27 марта 17 72 г. Сведенборг заявил, что завтра он умрет. И действительно, 28 марта он скончался от удара.

ГЛАВА VI

Сведенборг представляет своей личностью очень многосторонний интерес. Он является первоклассным ученым своего времени, – он является религиозным проповедником и основателем новой веры, – он отличается способностью видеть видения и, наконец, он обладает даром предвидения.

Мы пока остановимся на его видениях. Его сочинения переполнены описанием сотен видений. Мы возьмем описание некоторых из них.

«За обедом, когда я ел, со мною заговорил ангел, находившийся при мне, напоминая, чтобы я не предавался чревоугодию. Засим я почувствовал как бы испарения изо всех пор моего тела. Это был вполне видимый водяной пар, который из моего тела падал прямо на пол, на котором внезапно явился ковер. Мои испарения собирались на ковре и обращались в червей. Черви извивались на ковре и затем со страшным шумом сгорели. На том месте, где были черви, явился огненный свет и даже был треск горения. Мне показалось, что все черви, которые могут быть порождены чрезмерным аппетитом, этим путем удалились, и я был очищен».

Подобные видения были постоянно. Сведенборг мог вызвать их перед своими глазами столь часто, сколько того желал. Особенно часто он имел видение Эмеренции и беседовал с нею постоянно.

> «Я увидел в мире духов огненный шар, окруженный блистающим сиянием, который пал на землю. Я заметил место его падения. Когда же я пришел на это место, то метеор исчез и только на земле оказались следы серы, железа и глины. Вскоре я увидел две палатки, из которых одна находилась на месте падения метеора, другая же немного в стороне. В то же время я увидел духа, упавшего, как молния, с неба прямо в палатку. Немного времени спустя показался и другой дух, стоявший у входа второй палатки. Я спросил духа, почему он упал с неба? Он отвечал мне: потому что я произносил языком исповедание веры, не существующей в моем сердце; на небе же притворства быть не может, там слово и мысль – одно. По произнесении этих слов оба духа мгновенно провалились в преисподнюю и на месте палаток передо мною явились две статуи: одна из них имела скипетр в левой руке, корону на голове и книгу в правой руке, на

груди же великолепное украшение из драгоценных камней. На статуе было надето развевающееся одеяние, складки которого прикасались ко второй статуе. Адский голос, исходящий из сонма драконов, воскликнул: „Первая статуя изображает веру, вторая же – любовь“. Обе статуи состояли из земли, смешанной с серой, железом и глиной. В это время с неба стал падать дождь. Он смочил статуи, и они распались и растворились. Вскоре от них остались только две кучки обызвествленной земли, над которой появились две могильные насыпи».

В 1747 г. в дневнике Сведенборга мы встречаем записи, что на него по временам нападают злые духи и если нападения происходят на ноги, то наступала страшная боль в ногах, если на спину, то в спине, если на голову, то мучительная и продолжительная боль в голове.

Однажды Сведенборг узнал, что духи составили заговор убить его. Веря в высшую защиту, он спокойно заснул. Среди ночи он проснулся и сознал, что он не дышит, а вместо него и в нем дышит кто-то другой. При этом он услышал голос, что духи хотели его убить, поэтому ему дано небесное дыхание, которое убить никто не может.

По временам некоторые духи побуждают его к краже самых ненужных и пустяшных предметов, так что, когда он бывает в лавках, у него является непреодолимое желание украсть.

В том же дневнике имеются сведения, что когда он принимает пищу, то пища часто принимает неприятный вкус или неприятный запах, так сахар превращается в соль и проч. Все это делали, разумеется, духи.

Однажды Robsan, друг Сведенборга, спросил прислужницу Сведенборга, не замечает ли она разницы в выражении глаз Сведенборга после беседы его с духами? На это она дала такой ответ: «Раз, войдя в комнату, я заметила, что глаза его блестят подобно пламени. Я испугалась и сказала:

– Ради Бога, что с вами, почему вы так глядите?

– Чем же я так необыкновенно выгляжу? Я сказала.

– Хорошо, хорошо. Не пугайтесь. Господь так устроил мои глаза, чтобы через них духи могли видеть все, что делается на этом свете».

Прислуга прибавила, что по состоянию глаз она могла определять, вел ли беседу Сведенборг с добрыми духами или злыми. После беседы с первыми на лице отражалось выражение радости и спокойного самодовольства, чарующего тех, с кем

Сведенборг говорил, после же беседы с духами зла выражение лица было печальное, горестное и озабоченное.

Сведенборг ночью часто с духами говорил громко, это были беседы преимущественно со злыми духами, его искушающими. Они богохульствовали, и Сведенборг горячо с ними спорил. Бывало и так, что он горько плакал, кричал на них и молил Господа, чтобы Он не покидал его среди окружающих его искушений. Он восклицал: «Господи, помоги мне! Господи, не оставь меня!» Освободившись от этих видений, Сведенборг возносил благодарность Творцу и успокаивал беспокоящихся окружающих лиц, говоря: «Благодаря Бога, все прошло, успокойтесь. Будьте уверены, со мною ничего не случится помимо воли Божией, а Он никогда не накладывает бремени более тяжкого, нежели могут вынести плечи…»

По временам на Сведенборга нападали какие-то состояния экстаза, причем он, однако, не терял вполне сознания, а только впадал в особенное его изменение. Однажды к нему вошла прислуга и увидела, что глаза его блестели как пламя.

– Что с вами, – спросила она, с испугом отскочив от Сведенборга.

– Мои глаза так устроены, что я могу видеть духов.

Другой раз друг Сведенборга, Sprenger, услышал в его комнате шорох. Дело было в гостинице. Подошедши к окошечку, вырезанному в дверях, он увидел, что Сведенборг, воздев руки кверху, суетился в большом беспокойстве и волнении. В течение получаса он говорил громким голосом, но разобрать слов было невозможно. Когда же опустил руки, то воскликнул: «Боже мой!» После этого он спокойно лег в постель. К нему вошли и спросили, не болен ли он. «Нет, но я имел длительную беседу с ангелами и моими друзьями и теперь облит потом».

Передают о следующем происшествии. Однажды у себя дома Сведенборг упал в обморок и экстаз. Два еврея, случайно здесь находившиеся, воспользовались случаем, сняли и унесли его золотые часы. Разумеется, на это они никогда не решились бы, если бы не были убеждены, что Сведенборг находится в болезненном состоянии.

Евреи, однако, ошиблись. Пришедши в себя, Сведенборг догнал их и отнял свои часы назад.

Более легкий случай экстаза передает генерал Tuxen. «Я застал Сведенборга сидящим в домашнем костюме. Он упирался локтями о стол, руками же поддерживал лицо. Его глаза были широко раскрыты и обращены вверх. По неосторожности, я обратился к нему с речью. Сведенборг пришел в себя, встал в некотором замешательстве, сделал несколько шагов в сторону от

стола, причем резко бросалась в глаза значительная неуверенность, выражавшаяся в его лице и движениях рук».

ГЛАВА VII

Особенно замечательным и достойным внимания было у Сведенборга сношение с загробным миром и дар ясновидения, которые привлекали к себе внимание лучших умов всего мира. Сам Сведенборг мало придавал значения этому обстоятельству. По его мнению, эти проявления возбуждали только «внешнюю веру», не убеждая «внутренней веры».

Уже спустя 18 месяцев после лондонского видения он давал желающим сведения с «того света». Вот какой случай передает датский генерал Tuxen. Шведский консул Кригер однажды давал обед Сведенборгу, на который были приглашены многие выдающиеся граждане, желавшие побеседовать с знаменитым путешественником. За обедом хозяин спросил Сведенборга о короле Христиане VI, который умер за год перед тем, видел ли он короля после смерти? Сведенборг отвечал положительно, причем добавил, что такой-то епископ находился при короле в момент свидания. Епископ этот просил прощения у короля за те ошибки, в которые при жизни он его увлек. Между тем в числе бывших на обеде гостей присутствовал и сын епископа. Консул, опасаясь, чтобы Сведенборг не дополнил чего-либо неудобного об умершем епископе, остановил его словами: «Г. Сведенборг, вот сын епископа». «Это возможно, – отвечал Сведенборг, – но что я говорю, то правда».

Таким образом, ясновидение загробной жизни не избавляло Сведенборга от неловкостей и промахов в текущей жизни.

В сочинении «Erfahrungsbeweisen uber die Unsterblichkein» (94, 3) имеется следующее указание: «В день смерти Петра III я находился в одном собрании в Амстердаме, на котором присутствовал и Сведенборг. Среди какого-то разговора вдруг лицо его изменилось. Ясно было видно, что душа его отсутствует и что с ним совершается что-то необыкновенное. Как только он пришел в себя, все его спросили, что с ним случилось. Сначала он не хотел говорить, но, ввиду настойчивого приставания, он сказал: в настоящий момент умер царь Петр III, – причем Сведенборг определил место и способ смерти… „Господа, будьте любезны заметить день, дабы проверить это сообщение в газетах, которые принесут нам весть о его смерти“. И действительно, газеты указали тот самый день смерти, который был указан Сведенборгом».

Но особенно замечательны следующие три случая ясновидения и предвидения Сведенборга. В Стокгольме жил датский посол Marteville с своею супругою. Однажды он купил

серебряный сервиз у ювелира и в выдаче денег получил от него квитанцию. Спустя некоторое время Marteville умер и его жена вышла замуж за генерала Eiben. Вдруг является ювелир и заявляет вдове Marteville, что муж ее не уплатил ему денег за сервиз, почему он потребовал уплаты оных, угрожая в противном случае предъявить к ней иск или отобрать купленный сервиз. M-me Marteville прекрасно знала об уплате денег и об имеющейся квитанции, но найти квитанции она никак не могла. В горе и отчаянии она обратилась за советами к русскому посланнику, графу Мусину-Пушкину. Последний был знаком ее Сведенборгом и знал его способность ясновидения. Поэтому он решил обратиться к Сведенборгу с просьбою, дабы тот спросил умершего Marteville, где находится в настоящий момент квитанция. Спустя несколько дней Сведенборг явился к русскому посланнику с поручением передать m-me Marteville, что в такую-то ночь, в 12 часов, к ней явится ее покойный муж и скажет, где лежит квитанция. Как ни было страшно, однако m-me Marteville пришлось примириться с этим, тем более что вторичная уплата денег разорила бы ее, да едва ли бы она была даже в состоянии собрать ее. Поэтому она покорилась своей судьбе и в назначенную ночь не легла спать, а решила бодрствовать, оставив при себе горничную. Горничная, впрочем, очень скоро заснула и ее нельзя было разбудить никаким способом. В 12 часов явился покойный. Он выглядел серьезно и как бы недовольно. При этом он указал место, где хранилась квитанция, а именно в стенном шкапу, в потайном ящике, существование которого трудно было заметить. Затем он исчез. Вдова действительно нашла в указанном месте квитанцию и тем освободилась от несчастного истца.

В 1761 г. Сведенборг был на приеме во дворце шведской королевы Ульрики Элеоноры. Ее величество расспрашивала его о некоторых обстоятельствах загробной жизни, а затем, с видимой шуткой, обратилась к нему с вопросом, видал ли он на том свете и беседовал ли с ее братом, принцем прусским? Сведенборг отвечал отрицательно. Тогда королева выразила желание, чтобы он с ним повидался и передал бы ее привет. Разумеется, никто не думал о том, чтобы королева говорила об этом серьезно. Спустя восемь дней Сведенборг явился во дворец и в неуказанное время потребовал свидания с королевой. Королева была в уборной, окруженная статс-дамами, и при ней находился граф Schwerin. Королева совершенно забыла о своем шуточном поручении Сведенборгу и приказала его принять. Явившийся Сведенборг потребовал, однако, свидания с королевой наедине, так как он имеет сообщить нечто важное и в качестве строгого секрета.

Сначала королева на это не соглашалась, но затем она вышла в соседнюю комнату, оставив у дверей графа Schwerin. При этом Сведенборг сообщил, что он виделся с покойным братом королевы, принцем прусским, который шлет ей привет и извинение, что он не успел ответить ей на ее последнее письмо по поводу известного ей важного обстоятельства, вместе с этим он передал через Сведенборга и ответ свой. Королева была крайне поражена этим заявлением и могла только воскликнуть: «Только одному Богу была известна эта тайна». С тех пор королева уверовала в сношение Сведенборга с духами и душами умерших.

У Канта мы находим описание следующего факта: «Это было в конце 1759 г., когда Сведенборг на пути из Англии, в Готтенбурге, после обеда сошел с корабля. В этот же вечер он был приглашен в собрание к местному купцу. После некоторого пребывания в этом обществе Сведенборг, со всеми признаками сильного потрясения, сообщил, что в данный момент в Стокгольме свирепствует ужаснейший пожар. В течение нескольких часов Сведенборг, несколько раз уединявшийся, сообщал собравшемуся обществу о ходе пожара и затем о прекращении его и области распространения. В тот же вечер и на следующее утро весть эта разнеслась по всему городу, а через два дня это сообщение было вполне подтверждено вестями из Стокгольма».

Эти три факта заслуживают особенного внимания как потому, что происходили на глазах людей, вполне почтенных и заслуживающих полного доверия, так и потому, что принимались как таковые знаменитым философом Кантом.

Правда, в другом письме своем Кант несколько скептически относится ко всем этим фактам, тем не менее, никто не мог вполне отвергнуть и опровергнуть их. В последнем направлении особенно много сделал Куно-Фишер; однако эти расследования едва ли могут подействовать на кого-либо вполне убедительно. Так, едва ли возможно допустить то толкование относительно сообщения шведской королеве, что Сведенборг купил эту тайну у секретаря. Точно так же остается совершенно неопровергнутым и факт с заявлением относительно пожара в Стокгольме.

Передается еще следующий факт предвидения у Сведенборга: однажды Сведенборг находился в обществе, где с напряженным вниманием выслушивали его повествования о мире духов. Для доказательства сношений с загробным миром его спросили: кто из лиц данного общества раньше всех умрет? Сведенборг, подумав несколько минут, решительно сказал: Olof Olofson завтра в 5 часов 45 минут испустит дух. Это сообщение, или, точнее, предсказание, привело всех присутствующих в такое волнение,

что решено было одному из друзей Олофсона пойти завтра в указанный час к своему другу. Не успел он, однако, дойти до дома Олофсона, как встретил слугу последнего, шедшего сообщить ему, что его господин только что умер от удара. К этому должно присоединить тот интересный факт, что находившиеся в комнате Олофа часы остановились в минуту его смерти, т. е. в 5 часов 45 минут.

Раз генерал Tuxen спросил Сведенборга, как и от кого получает он эти таинственные и сокровенные сведения. Сведенборг отвечал: «Это есть дар Божий… я не могу иметь общения со всеми, а только с теми, кого я знал во время жизни, затем с царственными и княжескими особами, знаменитыми героями, известными людьми и знаменитыми учеными, которых либо я знал лично, либо по сочинениям, а следовательно, со всеми теми, о ком я могу сделать себе представление…»

Сведенборг мог, таким образом, беседовать не только с лицами, уже умершими, но и с живыми, но отсутствующими людьми. Эти беседы он объяснял так, как объяснял св. Августин. «Каждый человек имеет своего spiritus familiaris, нечто вроде alter ego, которого каждый, по желанию, может вызвать и таким образом явления, чисто субъективные, до некоторой степени объективируются».

Знаменитый Кант дает следующий отзыв о Сведенборге: он считает себя первым духовидцем между всеми духовидцами, хотя на деле он первый фантазер между всеми фантазерами; однако должно сознаться, что за его фантазиями чувствуется что-то правдивое, так как некоторые случаи его жизни могут быть проверены.

По словам Канта, состояния ясновидения Сведенборга могут быть распределены на три отдела: 1) когда он находится как бы между видением и сном, причем он видел, слышал и чувствовал духом – такое состояние в его жизни было не более 3–4 раз; 2) когда дух его куда-нибудь уносил, т. е. его тело ходило, двигалось, находилось в данном месте, дух же его вместе с другими духами витал совершенно в другом месте, видел другие предметы, слышал иные речи и наблюдал иную обстановку, так проходило несколько часов и дух возвращался вновь на свое место; 3) наконец, бывали обыкновенные ежедневные видения в полном состоянии бдения.

ГЛАВА VIII

Нам остается сказать несколько слов о вероучении Сведенборга. Учение и философия Сведенборга очень обширны, изложены во многих томах его сочинений и далеко не всегда доступны обычному пониманию. Опасаясь запутаться в малознакомых нам дебрях, мы ограничимся кратчайшим изложением некоторых пунктов его учения.

Собственно говоря, Matter совершенно прав, говоря, что Сведенборг являлся наибольшею персонификацией теософских воззрений своего времени. В это время было очень много людей, которые занимались данными вопросами, видели видения, вели беседы с Богом, но никто не имел такого ума и никто не воплотил своих учений так умно, как Сведенборг. Он вовсе не имел целью реформировать религию, подобно Лютеру. Он являлся только лишь корректором и толкователем Писания по внушению свыше. Так, он занимался исправлением Апокалипсиса, причем для своего исправления находил основание в самом творении Иоанна Богослова.

По учению Сведенборга, все люди всегда находятся в тесном общении с духами, но они этого не сознают. Только отдельным лицам открыт дар познания и общения с миром духов. Таким общением с миром духов обладал и Сведенборг. Разница между ними и всеми остальными людьми и заключается в этом его общении с миром бесплотных существ. Это особенное отличительное свойство заключается в особенностях души – воспроизводить те восприятия и впечатления, которые душа, при общении с духовными обитателями невидимого для нас мира, усвоила и запечатлела. У каждого человека есть внешняя и внутренняя память. Внешняя память служит для удержания и воспроизведения впечатлений и представлений о предметах и событиях окружающего нас внешнего мира, тогда как память внутренняя дает нам картины воспоминаний и общения в мире духов; он считает себя сочленом этого мира и принимает в нем участие, равно и духи его знают, с ним общаются и признают его своим сочленом. Его внутренняя память отражает не только все наблюдаемое в мире духов, но и все условия бытия и внешнего мира, и не только то, что помнится внешнею памятью, но и что внешнею памятью забыто и что из нее, за временем, выпало. После смерти данного лица его внутренняя память воспроизводит картину всей жизни данного лица и это составляет его книгу жизни.

Что касается религиозного учения Сведенборга, то мы

ограничимся только лишь некоторыми местами из его сочинений «О небесах, о мире духов и об аде», переведенного на русский язык А. Н. Аксаковым. Вот что говорит Сведенборг о Боге: «Прежде всего надо знать, кто Бог небес, ибо все остальное от того зависит: во всех небесах не признают другого Бога, кроме одного Господа; там говорят, что Он един с Отцом… Я часто говорил об этом с ангелами, и они постоянно отвечали мне, что на небесах они не могут делить Божественное на три, ибо знают и постигают, что Божественное одно и что оно едино в Господе; они также сказали мне, что люди, принадлежащие к церкви и подходящие в тот мир с понятием о трояком Божестве, не могут быть приняты на небеса…» (стр. 4).

Ангелы в совокупности называются небесами, потому что они собою составляют их; не менее того небеса, как вообще, так и в частности, образуются из Божественного начала, которое исходит от Господа, наитствует ангелов и приемлется ими. Божественное начало, исходящее от Господа, есть благо любви и истина веры… На небесах есть два различных рода любви: любовь к Господу и любовь к ближнему; в самых внутренних и третьих небесах – любовь к Господу; а во вторых и средних – любовь к ближнему… На небесах любить Господа не значит любить его личность, но любить благо, которое исходит от него… Любить ближнего не значит любить его самого, но любить истину, исходящую от Слова… Я всегда говорил об этом с ангелами: они удивляются, что люди церкви не знают, что любить Господа и любить ближнего – значит любить благо и истину и по воле делать то и другое… Мир духов отличается как от небес (ангелы), так и от ада; это место или состояние среднее между тем и другим; туда человек приходит по смерти своей и, пробыв там известный срок, смотря по жизни своей на земле, или возносится на небеса, или низвергается в ад».

Небезынтересны в этом отношении сочинения А. Н. Аксакова, заключающие в себе переводы творений Сведенборга и тщательный анализ их.

ГЛАВА IX

Рассматривая жизнь Сведенборга с медицинской точки зрения, мы видим в ней: припадки каких-то судорог, наступающих в виде приступов, в форме трясения, приступы экстазов, отдельные приступы галлюцинаций, дар ясновидения и сношения с миром духов и особенную склонность к проповеди новой веры.

Коснемся каждой из этих особенностей в отдельности.

1. У Сведенборга были приступы судорог. Что это были за судороги – трудно сказать, ибо о них говорят не посторонние лица, не благородные свидетели, а сам Сведенборг. Несколько раз он упоминает в своем дневнике, что «прошлую ночь у него опять были судороги, подобные тем, как были тогда-то». Такие судороги могут быть отнесены или к истерическим судорогам, или к эпилептическим судорогам, или могут быть простым проявлением дрожи в теле, возникающим под влиянием сильных душевных движений, как, например, дрожь и трясение тела под влиянием страха и ужаса и проч. Истерические судороги едва ли могут быть допущены у Сведенборга. Истеричные судороги проявляются у лиц истеричных. Истеризм свойствен преимущественно женщинам, сопровождается известными истерическими стигматами, которые и дают известную окраску и характеристику истерии. До сих пор не доказано, чтобы Сведенборг был женщина, и, тщательно изучая проявления его жизни, мы не усматриваем в нем никаких проявлений мужского истеризма, а потому приходится отказаться от той мысли, чтобы эти судороги были истерического характера. Таковыми они не были.

Быть может, это были дрожь и трепет под влиянием ужаса и страха, переживаемых Сведенборгом явлений, видений и экстазов? Возможно. Но много есть и против этого. Прежде всего видения Сведенборга не были характера поражающего и ужасающего. В таковых видениях Сведенборг был в общении с Господом Богом, ангелами, святыми императорами, полководцами, философами, учеными, великими деятелями и т. п. Все эти сообщники доставляли Сведенборгу душевное счастье и наслаждение, а никак не страх и ужас. Поэтому едва ли возможно приписывать приступы судорог проявлению страха и ужаса под влиянием видений. Об этих приступах судорог говорит сам Сведенборг и никогда не упоминает о том, что они явились под влиянием такого-то страшного видения. Таким образом, представляется затруднительным приписать приступы судорог

Сведенборга проявлению страха и ужаса. Были эти приступы судорог проявлением эпилепсии? Почему нет? Приступы эпилепсии проявляются периодически, причем в некоторых случаях исключительно по ночам и составляют даже особый вид эпилепсии – ночной (epilepsia nocturna). Противоречием этому утверждению могло бы быть то, что Сведенборг об этих судорогах говорит лично, тогда как обыкновенно эпилептики ничего не помнят о бывших с ними припадках.

Но против этого можно сказать следующее: Сведенборг об этих судорогах говорит лично, – это правда; но знал ли он о них по собственному ведению и опыту или со слов окружающих, – это осталось неведомым. Возможно, что об этих судорогах он узнал от прислуги и затем занес с их слов об этом явлении в дневник. Но возможно и то, что Сведенборг не терял сознания в течение этих приступов и потому помнил о них и писал на основании собственного видения. Современные научные исследования и наблюдения более и более утверждают тот факт, что в течение эпилептических приступов нередко сознание не уничтожается, а только лишь потемняется, почему такие больные не всегда лишены воспоминания о происшествии приступа, хотя эти воспоминания отличаются смутностью, спутанностью и неясностью. Поэтому и Сведенборг мог иметь воспоминание о бывших у него судорогах и записать о них по личному его воспоминанию.

Вот те соображения, которые позволяют нам допустить, что у Сведенборга приступы судорог могли быть эпилептического характера и не были ни истерические, ни проявлением страха и ужаса.

2. Экстазы. Сведенборг переживал приступы, длящиеся часами и сутками, общения с богами, ангелами, духами и проч., когда он отрешался от всего земного, жил только своею духовною жизнью, жил чрезвычайно энергично, выше среднего жизненного уровня, представлялся почти нечувствительным ко всему окружающему земному и оказывался крайне утомленным по окончании таких моментов. Эти моменты крайнего духовного напряжения, выражающиеся чрезмерною жизнью духа, при нечувствительности ко всему земному, неспособности или резко ослабленной способности восприятия внешних впечатлений, составляют типичную картину экстаза. Такие экстазы могут быть истерического происхождения, неврастенического, эпилептического, у людей, истощенных молитвою и постом, находящихся под влиянием особых климатических и жизненных условий и проч. Сведенборг не был истеричен, неврастении тогда еще не знали, постом и молитвою он себя не истощал, особенных

пертурбаций климатических и социальных в окружающей его среде не было. Поэтому остается допустить, что экстазы Сведенборга могли быть экстазами эпилептического характера или экстазами религиозного фанатика. По поводу последнего обстоятельства нужно, однако, добавить, что Сведенборг не был не только религиозным, но и никаким фанатиком. Это был религиозный новатор, мечтатель, проповедник, но проповедник философ, мыслитель и никоим образом не проповедник фанатик. Это не был Магомет, Лютер, Савонарола, Жишка и т. д. Но о религии Сведенборга мы скажем позже.

За эпилептический характер экстазов Сведенборга говорит еще и то обстоятельство, что по содержанию его экстазы напоминают экстазы эпилептиков. Содержанием последних являются обыкновенно божественные видения и божественные откровения. Такого же характера были и экстазы Сведенборга, почему их скорее всего возможно отнести к экстазам эпилептическим. Если прибавить судороги, о которых говорит Сведенборг, то эпилептичность приступов усиливается.

3. Видения. Сведенборг имел видения. В первый раз, как таковое, упоминается Сведенборгом в 1744 г., когда он находился в Лондоне и жил в гостинице. Нужно, однако, добавить, что подобные видения бывали у Сведенборга и гораздо раньше, что усматривается из его собственного дневника. Только они являлись ему почти всегда ночью, почему он принимал их преимущественно за сновидения или что-то подобное сновидениям.

На деле же это были видения, такие же видения, как и то, о котором он упоминает в лондонской гостинице. Что же это были за видения? Это были видения в данный момент в данном месте не существующих предметов, что по научному определению составляет галлюцинации. Такие галлюцинации бывают весьма редко у людей душевно здоровых: в тропиках, полярных странах, при голодании, при крайнем возбуждении, при напряженном ожидании, при чрезмерном желании увидеть и т. д. Гораздо чаще эти галлюцинации бывают у людей нервных: неврастеников, истеричных, эпилептиков, лихорадящих и т. д. Обычное явление галлюцинации у душевнобольных.

По характеру содержания галлюцинации Сведенборга почти все религиозного содержания, их скорее всего должно отнести к галлюцинациям эпилептиков, что нисколько не противоречит и другим болезненным проявлениям Сведенборга: судорогам, экстазам и даже его проповедничеству.

4. Ясновидение… Да, друг Горацио, действительно есть на свете много такого, что даже и не снится нашим мудрецам. И

отрицать это нечто только потому, что оно не снилось тому или другому мудрому, – едва ли основательно. Тем более это так, что, собственно, нет ничего такого тайного, чтобы не стало со временем явным.

Раньше мы указали несколько фактов в жизни Сведенборга, из которых усматривается, что Сведенборг обладал особенным даром узнавать на расстоянии, не доступном нашим органам чувств, и во времени, давно прошедшем. Указывается факт, что Сведенборг способен был иногда предсказывать и будущее. Все эти факты происходили в присутствии почтенных лиц, которые не постеснялись засвидетельствовать их своим честным именем. Были попытки подорвать значение этих фактов и лишить их доверия. К чести фактов, однако, должно сказать, что они остались фактами, несмотря на то, что подрывать их пытались весьма почтенные лица, как, например, Куно-Фишер и др.

Другой вопрос, если нас спросят, что это за дар, коим обладал Сведенборг. Попытки объяснения его существовали и существуют; тем не менее, на взгляд натуралиста, эти попытки являются столь неосновательными и неясными, что лучше их оставить в стороне. Как ни обидно для нашего самолюбия и для чести науки, а будет правильнее сказать: мы этого не знаем, – нежели утверждать: этого не было, потому что мы не знаем.

Прибавим, однако, что и эти факты ясновидения и предвидения не стоят вне человеческих пределов. Сам Сведенборг о своих предвидениях говорит: «Я не могу иметь общения со всеми, а только с теми, кого я знал во время жизни, затем, с царственными и княжескими особами, знаменитыми героями, известными людьми и великими учеными, которых либо я знал лично, либо по их сочинениям, а следовательно, со всеми теми, о ком я могу составить себе представление…» Таким образом, дар ясновидения находился в пределах ведения и нам остается неизвестным только способ его познания. Так пока с этою неизвестностью и пребудем.

По словам Канта, состояния ясновидении Сведенборга могут быть разделены на три отдела:

1) когда он находился между видением и сном, причем он видел, слышал и чувствовал духом, – такое состояние в его жизни было не более 3–4 раз; 2) когда дух его куда-нибудь уносил, т. е. его тело ходило, двигалось, находилось в данном месте, – дух же его вместе с другими духами витал в совершенно другом месте, видел другие предметы, слышал иные речи и наблюдал иную обстановку, – так проходило несколько часов и дух возвращался вновь в свое тело, наконец, 3) бывали обыкновенные ежедневные видения в полном состоянии бдения.

5. Мистицизм и религиозное новаторство Сведенборга. Для того чтобы понять это проявление душевной жизни Сведенборга, нужно бросить короткий ретроспективный взгляд на всю жизнь Сведенборга. Некоторые писатели, как Janet и др., утверждают, что мистицизм Сведенборга являлся внезапно и не имел основы своей в условиях прежней жизни. Я с этим решительно не могу согласиться. Напротив, мистицизм и иллюминизм Сведенборга есть естественный плод и логический вывод всего предшествующего. Сведенборг должен был быть таковым, каким он стал, – он не мог быть иным.

Отец Сведенборга был крайний мистик и религиозный новатор. Его мистицизм был настолько велик, что его едва ли можно было признать вполне душевно нормальным. Даже современники Сведенборга подозревали ненормальность его душевной жизни; в наше время наука все-таки двинулась несколько вперед и выяснила истинное положение таких состояний, в каком находился епископ Сведберг.

Эмануэль Сведенборг есть сын своего отца до малейших мелочей. Но так как он был гораздо даровитее отца, то и ненормальности его появились обширнее и грандиознее. Получив по наследству от отца мозг и всю нервную систему неустойчивыми и неуравновешенными, Э. Сведенборг проводит детство в обществе отца и людей с умственным уровнем и жизненными интересами, подобных ему. Вокруг ребенка слышались речи религиозного содержания, передавались рассказы о видениях и другие мистические истории и творились богоугодные дела. Ребенок с детства проводит жизнь в среде религии, мистицизма и благотворительности. Сам он ведет беседы в этом духе, поражающие окружающих своею серьезностью, дельностью и оригинальностью. Можно ли подумать, чтобы такая обстановка детства осталась бесследною на дальнейшей жизни Эмануэля? Никоим образом. Все это должно было отразиться впоследствии на Сведенборге, и оно отразилось.

В годы юности и молодости, в период жизни любознательности Сведенборг увлекается познанием природы, природы окружающего мира, природы человека, природы творений Божиих и природы самого Бога… Обладая великим умом и обширнейшими познаниями и живя в государстве, где практические знания особенно оценивались, Сведенборг первые годы своей умственной жизни отдал практическому изучению и применению к жизни своих познаний, в дальнейшем же на изучение природы он смотрел как на изучение творений Всевышнего. Словом, к практическим познаниям стал

примешиваться мистицизм, который в дальнейшем превратил его в религиозного новатора и способствовал созданию особенно систематизированного религиозного вероучения.

Со второй половины жизни Сведенборг становится настоящим мистиком. Что на него так повлияло? Трудно указать постепенность развития мистицизма и непрерывность его течения; тем не менее, нельзя отрицать того, что в этом проявлении не последнюю роль играла и неудачная любовь к Эмеренции, и обстоятельства, ей сопутствовавшие, и несчастия в обществе от холерной эпидемии.

Мы указали уже на то, что последовательность сочинений Сведенборга до некоторой степени указывает на различные стадии развития и превращения в душевной жизни Сведенборга. Мало-помалу он становился тем, чем он должен был быть по своей природе. Он должен был стать сыном отца своего, ибо он был плотью от плоти его и кровью от крови его. Он должен был стать мистиком, потому что отец его был мистик, он должен был остановиться на идеях религии, потому что отец его был таковым, потому что он все детство провел в такой среде, потому что жизненные толчки заставили его искать утешения и поддержки в Боге, потому что все направление тогдашнего мыслящего общества толкало его на этот путь, потому что, наконец, его галлюцинации влекли его к Богу, ангелам и всему отвлеченному и религиозному.

Мы знаем, как грубый религиозный формализм стал невыносим для тогдашнего общества. Лучшая, мыслящая часть общества искала выхода из этого сухого фарисейства в истинах природы, выводах здравого рассудка и пробуждающейся свободе ума и воли.

Но тогдашний человек был еще слишком малым младенцем в делах познания. Он не всегда мог найти разгадку неразгаданному в познаниях природы и разъяснение непонятному в законах течения ее. Более или менее уставая и утомляясь в этой борьбе, он поддавался течению фантазии, впадал в мистицизм, склонен был к галлюцинациям и недалеко был от затмения. Таков был общий дух того времени. Такова была среда, в которой жил Сведенборг. Мы не видим ничего удивительного в том, что Сведенборг был не только сыном своего отца, но и сыном своего времени.

Сведенборг стал на почву религиозности и отдался мышлению в этом направлении. Ни формализм, ни фанатизм не удовлетворяли его. Ему хотелось добиться познания истины познанием природы. На беду, ко всему этому присоединились галлюцинации и сновидения. И то и другое имело своим

содержанием религиозные картины. Эти картины приняты были Сведенборгом за истину и правду бытия и создали калейдоскоп христианских истин, рациональных воззрений Сведенборга и его галлюцинаций.

Как человек обширных знаний и великого ума, Сведенборг захотел систематизировать все, что накопилось в его голове и в его знаниях. И он это систематизировал и привел в виде собственного религиозного учения. Но так как в основе этого учения лежало три постулата: Священное писание, рациональные познания и галлюцинации, причем последний постулат был несомненным проявлением душевной болезни, то и все систематическое вероучение Сведенборга носило в себе все элементы систематизированного бреда.

ГЛАВА X

Сведенборг до последних дней своей жизни считался всеми человеком умным, дельным, образованным и приятным собеседником. Его всюду принимали и всюду он был желанным гостем.

Как же со всем этим вяжется то положение, что всю вторую половину своей жизни Сведенборг был сумасшедшим? Очень просто. Сведенборг был человек частично помешанный, причем предмет его помешательства был настолько безопасным в общественном отношении, что он всюду был терпим и выносим.

В другой своей работе я указал уже, что помешательство может затрагивать один круг человеческих мыслей, оставляя неприкосновенными все остальные. Такие люди живут как бы двумя жизнями: одною – общею всем людям, и другою, присущею им одним. Мы полагаем, что первая жизнь есть нормальная, а вторая – больная. Они полагают, что вторая жизнь есть истинная и нормальная жизнь, а первая, «говорят», нормальная. Такие больные известны под именем первично помешанных, или параноиков. Бред этих людей почти всегда строго систематизированный и опирается на множество галлюцинаций и иллюзий. Бред этот в иных случаях касается преследования таких больных различными заговорщиками, жандармами, прокуратурой, женщинами (для мужчин), мужчинами (для женщин) и проч. В иных случаях бред этот имеет предметом своим идеи величия, царственную обстановку, поэтические дарования, математические открытия и проч.

Иногда предметом бреда является ревность, причем больные замечают, что предмет их ревности устраивает им различные козни, назначает свидания, состоит в заговоре с окружающими и т. д. Наконец, в иных случаях бред этот может быть религиозным, политическим, социальным и проч. Этот бред очень часто бывает строго систематизирован и выдержан во всех частностях. В его основе нередко лежат истинные идеи, измененные личными логическими доводами больного, и болезненность их проявляется только в том, что такие люди свои собственные идеи получают в виде галлюцинаций зрения и слуха, причем идеи не представляются извращенными, а самые галлюцинации являются для таких больных формою божественного откровения и наилучшего закрепления в сознании больных. Таково учение Магомета, в котором нет ничего бредового, а только лишь форма получения его освящалась божественными откровениями. Такие вероучители и в умственном отношении не представляли ничего

ненормального.

Но существует другой ряд вероучителей, у которых их вероучение появлялось также в виде откровений и видений, причем самые видения отражались на содержании вероучения и учители верили в божественность и истинность такого учения. В данном случае галлюцинации создавали сложные идеи, которые входили в вероучение проповедника, признаваемое ими как истинное, такое вероучение составляло систематическое целое и являлось предметом исполнения на деле не только для вероучителей, но и для их последователей.

К последней категории проповедников принадлежит и Сведенборг. Получивши от отца болезненную натуру и в детстве готовое мистическое учение, окрашенное видениями, свойственными Сведенборгу, Сведенборг обогатил его естественнонаучными познаниями, расширил богатыми личными природными дарованиями, одухотворил эпилептически религиозною натурою, извратил и сделал патологическим массою своих галлюцинаций и систематизировал его великою логикою своего ума.

Таким образом, религиозное учение Сведенборга явилось систематизированным, но так как в основе его лежат не только истинные данные и личные доводы, но и болезненные явления, то это систематизированное учение является болезненно систематизированным и, как это ни обидно сказать, просто-напросто систематизированным бредом. Помимо всего этого, в области обычной жизни Сведенборг представлялся человеком здравомыслящим, образованным, разумным, дееспособным, приветливым и приятным. Его процесс мышления и в том и в другом круге идей являлся логическим, строго выдержанным и правильным; разница же между этими двумя мирами была та, что в первом мире посылки для мышления брались только из обстоятельств нормальной жизни, тогда как во втором круге мышления в основу принимались и галлюцинации. Вследствие этого объективно первый круг мышления для всех людей являлся нормальным, а второй ненормальным.

Таким образом, Сведенборг являлся частично помешанным, или параноиком, причем содержанием бреда его были религиозные истины, почему, при великом его уме и твердой воле, он является великим мистиком и основателем нового вероучения, которое в самой основе своей имеет болезненные данные.

НАПОЛЕОН I И ЕГО ГЕНИЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Существует рассказ, что появление Наполеона I было предсказано за сотни лет, и это предсказание принадлежит Philippe Dieudonne Noel Olivatius. Этот доктор и археолог, занимавшийся некромантией и вызыванием духов, оставил после своей смерти рукопись, которая после революции была найдена генеральным секретарем парижской коммуны, Francois de Metz. Во время производившихся последним обысков в библиотеках бенедиктинских или неневьевских монахов Francois de Metz снял копию с манускрипта и обозначил ее 1793 годом. После коронования Наполеона I эта копия была ему представлена и вызвала следующий эпизод. Однажды вечером Наполеон, немного взволнованный, пришел к Жозефине. «Прочтите это, – сказал Наполеон. – „Франция и Италия (la Franco-Italie) произведет на свет сверхъестественное существо. Этот человек, еще совсем молодой, придет с моря и усвоит язык и манеры франкских кельтов. В период своей молодости он преодолеет на своем пути тысячи препятствий, при содействии солдат, которых генералиссимусом он сделается впоследствии. Этот извилистый путь будет для него сопряжен со многими страданиями. Он будет в течение пяти и более лет воевать вблизи от места своего рождения. По всем странам света он будет руководить войною с великой славой и доблестью; он возродит заново романский мир. Он дарует законы германцам; он положит конец смутам и ужасам в кельтской Франции и будет впоследствии провозглашен не королем, как практиковалось раньше, а императором, и народ станет приветствовать его с превеликим энтузиазмом. Он в продолжение десяти лет и более будет обращать в бегство принцев, герцогов и королей. Затем он создаст новых принцев и новых герцогов и с вершины своего высокого трона он воскликнет: „O sidera, o sacra!“ У него будет войско, численность которого можно обозначить как 20 000, умноженное на 49; у солдат будет оружие и трубы из железа. У него будет семью семь тысяч лошадей, будут всадники с саблями, пиками и кирасами из стали. У него будет семижды две тысячи человек для управления ужасными машинами, которые станут изрыгать серу, огонь и смерть. В правой руке у него будет орел, символ победы и войны. Он даст народам многие земли, и каждому из них дарует мир. Он придет в великий город, создавая и осуществляя великие проекты, здания, мосты, гавани, водостоки и каналы. У него будет две жены…“

Жозефина прекратила чтение.

– Читайте дальше, – сказал император, не любивший прерывать дело.

«И только один сын! Он отправится воевать в продолжение пятидесяти пяти месяцев в страну, где скрещиваются параллели долготы и широты. Тогда его враги сожгут огнем великий город, и он войдет в него со своими войсками. Он покинет город, превратившийся в пепел, и наступит гибель его армии. Не имея ни хлеба, ни воды, его войска подвергнутся действию такого страшного холода, что две трети его армии погибнут, а половина оставшихся в живых никогда больше не вернется под его начальство. Тогда великий муж, покинутый изменившими ему друзьями, окажется в положении защищающегося и будет тесним даже в своей собственной столице великими европейскими народами. Вместо него будут восстановлены в своих правах короли старинной крови Капетингов.

Он же, приговоренный к изгнанию, пробудет одиннадцать месяцев на том самом месте, где родился и откуда вышел; его будут окружать свита, друзья и солдаты, число которых некогда было семь раз семижды два раза больше (7x2x7). Через одиннадцать месяцев он и его сторонники войдут на корабль и станут снова на землю кельтской Франции. И он вступит в большой город, где восседал король старинной крови Капетингов, который обратится в бегство, унося с собой знаки королевского достоинства. Возвратясь в свою прежнюю империю, он даст народу прекрасные законы. Тогда его снова прогонит тройной союз европейских народов, после трех с третью лун, и снова посадят на место короля старинной крови Капетингов. И его сочтут умершим как народ, так и солдаты, которые на этот раз, против своей воли, останутся дома. Кельты и французы снова станут поедать друг друга, как тигры и волки. Кровь старинного короля Капетингов будет вечной причиной самых черных измен. Злые будут обмануты и будут уничтожены огнем, и еще огнем. Лилия (la Fleur de Lys, эмблема французского королевского дома) будет существовать, но последние остатки старинной крови будут вечно в опасности. Тогда они станут биться между собою.

Тогда к великому городу подойдет молодой воин. У него на гербе будет петух и лев. И пика будет ему дана

великим принцем Востока. Ему чудесным образом поможет воинственный народ бельгийской Франции (la France-Belgique), который соединится с народом Парижа, чтобы положить конец смуте, успокоить солдат и покрыть все оливковыми ветвями.

Они будут сражаться с такой славой в продолжение семи раз семи лун, что тройной союз европейских народов в ужасе и с криками и слезами предложит своих сыновей в качестве заложников, и сами тогда введут у себя законы совершенные, справедливые и любимые всеми.

Тогда мир просуществует двадцать пять лун. Сена, покрасневшая от крови бесчисленных битв, разольется по стране развалин и чумы. Появятся новые смуты от других сеятелей.

Но их прогонит из дворца королей доблестный муж, и после этого он будет признан всей Францией, всеми великими нациями и его нацией – матерью. И он сохранит последние остатки старинной крови Капетингов, чтобы управлять судьбами мира. Он будет выслушивать руководящие советы всей нации и всего народа. Он положит основание (?) плоду, которому не будет конца, – и умрет».

Чтение манускрипта кончилось. Жозефина спросила императора его мнение о пророчестве. Наполеон дал уклончивый ответ. «Предсказания всегда говорят то, что хотят заставить их предсказать. Однако, признаюсь, что это пророчество сильно меня изумляет». По возвращении своем с острова Эльбы император вспомнил предсказание Оливариуса и говорил о нем полковнику Абду.

Наполеон I родился на Корсике, в городе Аяччо, 15 августа 17 69 г. Он происходил из фамилии Буонапарт, или Бонапарт. Отец Наполеона – Шарль Бонапарт, мать – Летиция происходила из семейства Рамолино. Наполеон имел четырех братьев и три сестры. Братья: Иосиф – впоследствии король Неаполя и Испании, Люсьен – имперский принц, попавший впоследствии в немилость у Наполеона, Луи – король Голландии и Иероним – король Вестфалии. Сестры: Элиза – герцогиня Тосканы, Полина – княгиня Боргеза и Каролина – Неаполитанская королева.

Шарль Бонапарт был человек недалекий, слишком пассивный и без особенно твердых политических убеждений. Увлеченный, подобно всем корсиканцам, движением за независимость родины, Шарль Бонапарт примкнул к партии Паоли и даже состоял

адъютантом этого генерала; но затем вскоре у него остыл военный пыл. Он оставил войско, присоединился к сторонникам Франции и сделался французским подданным. Вскоре он поступил асессором корсиканского апелляционного суда, а затем членом верховного совета, депутатом от которого он и был послан в Париж.

Не имея прочных политических устоев и надлежащей выдержки характера, Шарль Бонапарт к такой неустойчивости вынужден был и материальным своим положением. Принадлежа к дворянской семье, Бонапарты не обладали, однако, достаточными материальными средствами; а между тем семья была очень велика. Нужно было ее воспитать, нужно было ее устроить. Приходилось серьезно подумать над тем, где лучше и надежнее. И Шарль примкнул к сильному.

Зато мать Наполеона обладала противоположными нравственными качествами. «Это была деятельная, ловкая и разумная женщина, с суровой сдержанностью и вместе с нежностью управлявшая своей семьей, заботливо исправлявшая в Наполеоне все детские выходки его независимой гордой души» (Пеэр).

«Моей матери, – говорит Наполеон, – ее твердым принципам обязан я своим положением и всем, что я успел сделать доброго… Моя мать обладала твердым характером, была хорошо воспитана и горда. Низкие чувства были далеки от нее. Она окружала своих детей всем, что было великого и славного…»

Наполеон-мальчик обладал мрачным и горячим темпераментом и раздражительным характером. Он чувствовал в себе непобедимое желание власти. Этот дикий, пылкий и непостоянный темперамент умерялся только твердою волею матери.

«Я не отступал ни перед чем, – говорит о себе Наполеон, – и не боялся ничего: колотил одного, царапал другого и наводил страх на своих сверстников. Больше всего доставалось от меня моему старшему брату, Иосифу… сверх сего он получал еще выговор от матери, так как я сваливал вину на него, прежде чем он мог одуматься и сообразить в чем дело…» Вот истинный прототип будущего Наполеона.

Шести лет Наполеон отдан был в школу, где обучение шло на корсиканском наречии. Здесь он также проявлял свою натуру без стеснения. На насмешки он отвечал ударами, пуская в ход палки, осколки кирпичей и вообще все, что попадалось под руку, причем он никогда не обращал внимания на преимущества вражеских сил. Первые уроки по Закону Божию давал ему его дядя, архидиакон Феш.

Перешедши на сторону французов, Шарль Бонапарт этим желал устроить благополучие свое и своей семьи. Но чтобы дать ход детям, нужно было извлечь их из этой скорлупы Корсики и дать им более широкое воспитание и образование. Между тем они не владели даже французским языком. В это время Шарля назначили представителем от дворян Корсики ко двору короля Франции. Воспользовавшись случаем, он взял обоих старших сыновей, Иосифа и Наполеона, и поместил их в коллегию д'Отень. Здесь, однако, Наполеон пробыл недолго. Через три месяца он перешел в Бриэнскую военную школу, старший же брат был принят по духовному ведомству. Нелегко было корсиканцу Бонапарту пристроить своих детей, тем не менее, это ему удалось благодаря протекции главным образом генерала Марбефа.

Бриэнская школа была военная школа и имела в виду готовить суровым воспитанием к понятиям военной службы, но на деле это было не так. Воспитателями явились полуобразованные монахи. Молодые дворянчики жили аристократической жизнью, соответственно получаемым ими карманным деньгам. Воспитанники считались между собою происхождением, положением родителей и финансовыми средствами и соответственно тому делились на касты. Дети бедных дворянских семейств были в забросе и их всюду теснили назад. Можно себе представить, как себя почувствовал в такой среде Наполеон, происходивший из захудалой дворянской семьи, обладавшей ничтожными средствами, да еще корсиканец…

Внешность Наполеона в тот период описывают так: он производил впечатление какого-то зверька. Цвет лица смуглый, волосы на голове «торчком, вся фигура до крайности худощава. Он не обладал особенно располагающей внешностью, не имел приятных манер и не умел изящно выражаться. Мало того, он даже плохо владел французским языком, проявляя резкий итальянский выговор. Грубые задирания и насмешки, которыми учащаяся молодежь имеет привычку встречать новичков, приводили Наполеона в величайшее озлобление. Он оставался одиноким, избегал товарищей и всецело предался изучению наук. Он презирал игры и забавы своих товарищей, если же ему приходилось быть в обществе товарищей, то он высказывал к ним такое презрение, что оно приводило их в справедливое негодование…»

Зато учение Наполеону давалось легко. Он имел прекрасную память, быстро схватывал предметы и твердо их удерживал. Его фантазия питалась всеми открытиями и приключениями, о которых ему приходилось читать, «причем все это он перерабатывал по-своему и создавал свой особенный мир.

Лишенный, по недостатку средств, тех удовольствий, которые доставляли себе его товарищи, он весь уходил в книги. Его гордость страдала, и он искал ей удовлетворения в занятии и знаниях. Постепенно работая в тиши и уединении, Наполеон сделался одним из первых учеников. Он читал все, что попадалось ему под руку: и древних авторов, и исторические сочинения, и географические описания, и даже запрещенные книги. Его ум стремился все обнять и все узнать.

Такие отношения к товарищам и частые издевательства последних над его корсиканским происхождением послужили, вероятно, главным поводом к тому, что Наполеон стал крайним патриотом-корсиканцем. «Я никогда не прощу своему отцу, – воскликнул он однажды, – участие, которое он принимал в присоединении Корсики к Франции». Генерал Паоли сделался его любимым героем. На подшучивания товарищей-французов по поводу Корсики он отвечал: «Надеюсь, что мне когда-нибудь удастся вернуть свободу Корсике». Однажды Наполеон вошел в парадный зал и внезапно увидел там портрет Шуазеля. С диким бешенством он стал осыпать его проклятиями и резкими укоризнами за то, что тот способствовал присоединению Корсики к Франции.

Мало-помалу, однако, твердость характера Наполеона, выдержка, успехи в занятиях, терпение, с которым он переносил неудачи, а главное, что на всякую насмешку и обиду он отвечал взаимною платою, сделали его любимцем наставников и внушили уважение товарищей, среди которых он особенно отметил Демези, Гуден, Нансути, Фелипо и Бурриена.

Наполеона особенно огорчала его бедность. Вот что он писал своему отцу. «Отец, если вы или мои покровители не в состоянии дать мне средств содержать себя лучше, возьмите меня к себе. Мне тяжело показывать мою нужду и видеть улыбки насмешливых школьников, которые выше меня только деньгами, потому что ни один из них не лелеет в себе тех благородных и святых чувств, которые волнуют меня. И что же, сударь, ваш сын будет постоянною мишенью для нескольких благородных болванов, которые, гордясь своими деньгами, издеваются над его бедностью! Нет, отец, если фортуна отказывается улыбнуться, чтобы улучшить мою судьбу, возьмите меня из Бриенна. Если нужно, сделайте меня механиком, чтобы я мог видеть вокруг равных себе. Поверьте, я превзойду их всех. Судите о моем отчаянии, если я готов на это. Но, повторяю, я предпочитаю быть первым на фабрике, чем артистом, презираемым академией. Поверьте, это письмо не диктовано глупым желанием каких-либо удовольствий и развлечений. Я вовсе не стремлюсь к ним. Я

чувствую только потребность доказать, что располагаю средствами не меньшими, чем у моих товарищей». К сожалению, у родителей денег было тоже немного. Но сама судьба пришла на выручку Наполеону. Прежде всего генерал Марбеф принял в его судьбе участие, причем не только заботился о его положении в училище, но и снабжал деньгами. Затем он же познакомил Наполеона с местною помещицей де Бриенн, замок которой находился недалеко от училища. Она сделалась второю матерью Наполеона. Она приглашала его в свободные дни к себе, влияла на его суровый характер и помогала материально.

Каждому из воспитанников училища в саду был отведен клочок земли. Достался такой же участочек и Наполеону. Не задумываясь, он присоединил к нему участки двух своих товарищей, которые не интересовались ими, огородил их высокой живой оградой и превратил все это в цитадель. С диким бешенством, доходящим иногда до исступления, он защищал это свое сокровище от всяких покушений со стороны других лиц. Летом и зимою он удалялся туда с своими книгами, составлявшими его друзей и сотоварищей.

В течение этого времени в нем возникла какая-то гордость и беспокойство, доводившие его иногда до самозабвения, а также мрачная раздражительность. Вместе с этим Наполеон был до безумия самолюбив. Однажды учитель наказал его. Он велел надеть ему платье из грубой шерстяной материи и обедать, стоя на коленях, на пороге столовой. *Это наказание вызвало у мальчика сильный нервный припадок, сопровождавшийся рвотой*.

Другой раз один из воспитанников издевался над Корсикой, а отца Наполеона назвал полицейским крючком. Мальчика это так оскорбило, что он вызвал оскорбителя на дуэль. Наполеону за это плохо досталось бы и только заступничество генерала Марбефа спасло его от беды.

К Наполеону стали относиться пристрастно преподаватели и администрация. Придравшись к пустяку, начальство разжаловало его из капитанов, каковое положение он получил по праву лучшего ученика в успехах, в рядовые. Этот пассаж послужил ему на пользу. Товарищи стали относиться к Наполеону лучше. Они сблизились с корсиканцем и невольно предоставили ему роль предводителя в их играх. Следующий случай особенно много заставил говорить о Наполеоне. Однажды Наполеон предложил воспользоваться выпавшим снегом, чтобы построить из него укрепления, которые можно будет штурмовать и защищать, действуя в качестве оборонительного и наступательного оружия снежками. Игра эта в Бриенне появилась впервые. Воздвигнутые, по его указанию, форты, бастионы и редуты приводили в

изумление всех видевших их. Наполеон, командуя то тою, то другою партией, выказал такое понимание и распорядительность, что в Бриенне долго еще вспоминали зимние его игры в крепость.

Постепенно Наполеон перестал быть замкнутым и осторожным, а дикость нрава заменилась необыкновенной общительностью и доверием. «Для моей мысли, – пишет он, – Бриенн – мое отечество… Здесь моя голова стала мыслить, я почувствовал потребность учиться и все знать. Книги я пожирал. Скоро в школе заговорили обо мне. Мне удивлялись. Мне завидовали. Я сознавал свою мощь и гордился этим превосходством». И действительно, уже в первый год своего пребывания в училище Наполеон получил первую награду. Наполеон особенно любил заниматься математикой и историей, к латинскому же языку относился с презрительным равнодушием.

Благодаря его блестящим способностям и прекрасным успехам, Наполеон отправлен был в Париж в военную школу. Записан Наполеон в Бриеннской школе коротко: «Наполеон Бонапарт 9 лет, 8 мес. и 5 дней. Он провел в ней 5 лет, 5 месяцев и 27 дней и вышел из нее 15 лет, чтобы поступить в высшую школу в Париже. 27 апреля 17 79-1784 гг.». Рекомендация администрации, при отправке Наполеона в высшую школу, была следующая: «Г. де Буонапарт (Наполеон) родился 15 августа 17 69 г., ростом 4 фута 10 дюймов 10 линий. Хорошего сложения. Характер добрый. Здоровье превосходное. Честен и благороден. Поведения очень хорошего. Отличался всегда прилежанием в математических науках. Посредственно знает историю и географию. Слаб в танцах, музыке и других предметах изящного образования. Заслуживает поступления в парижскую военную школу». В кондуитном списке, посланном вместе с Наполеоном из Бриенна в Париж, значилось: «Характер властолюбивый, требовательный и упрямый».

Находясь в высшей школе, Наполеон жил в одной комнате с де Мази, с которым очень подружился. Здесь по-прежнему он очень усиленно занимался, хотя не чуждался и общества. С особенною любовью он относился к занятиям по математике и в этом предмете шел первым учеником.

Воспитанники высшей военной школы в большинстве принадлежали к состоятельным семействам и вели образ жизни, имеющий мало общего с военною строгою жизнью. Это очень поражало и возмущало Наполеона. В конце концов он осмелился написать проект преобразования высшего военного училища и представил его военному министру. Разумеется, на это заявление не было обращено никакого внимания. Зато когда Наполеон стал властителем, то он вспомнил о своем проекте и действительно

пересоздал учебное заведение соответственно своим взглядам.

Через год он держал экзамен на офицера и окончил курс 48-м учеником. Наставники его аттестовали так: «Корсиканец по рождению и характеру. Пойдет далеко, если обстоятельства будут благоприятствовать ему».

В послужном списке, посланном из военной школы в артиллерийское ведомство, о Наполеоне говорится, как о молодом человеке, скромном и прилежном, но малообщительном, который предпочитает научные занятия забавам, с особенной охотой читает классических авторов, прилежно занимается отвлеченными науками, но мало интересуется всеми остальными, обладает основательными сведениями по математике и географии, молчалив, любит уединение, капризен, высокомерен, чрезвычайно наклонен к эгоизму, говорит мало, но чрезвычайно энергичен, находчив и резок в своих возражениях, обладает большим самолюбием, безгранично честолюбив и вообще заслуживает поощрения.

В это время отец Наполеона умер и последний остался совершенно без всяких средств. Наполеон и де Мази оба назначены были в один и тот же артиллерийский полк, стоявший в Валенсе, где служил брат де Мази. Назначение последовало 1 сентября 17 85 г. Наполеон был настолько без средств, что ему до Лиона пришлось ехать на счет де Мази, а от Лиона и до Баланса оба молодые поручика совершили путешествие пешком.

Итак, шестнадцатилетний Наполеон – офицер. Теперь ему предстояло самому составить себе положение и создать благоприятный служебный успех. Мало того, не будучи старшим в роде, Наполеон принял на себя роль главы семейства и всеми силами заботился о положении и существовании семьи.

Период жизни Наполеона от получения им первого офицерского чина и до тулонского успеха исполнен массы приключений. Французские жизнеописатели Наполеона, ему сочувствующие, обыкновенно упоминают об этих восьми годах жизни Наполеона вскользь, напротив, противники уснащают этот период слишком густыми мрачными красками. Мы будем придерживаться в данном случае преимущественно изложения американца Слоона, более беспристрастно относящегося к личности Наполеона.

В первое время по выходе в офицеры и у Наполеона немножко закружилась юношеская головка. Он появился в обществе, был весел, танцевал, увлекал и увлекался. Вот как описывает Сальванди личность Наполеона в ту пору. «Краткая, отрывистая речь, остроумная, иногда блестящая, поражающая, выделяла из толпы молодого корсиканского офицера. Он был

маленького роста, строен и в манере держать себя сказывалась смесь решимости, серьезности и грубоватости… Желтоватый цвет лица, впалые щеки, поразительная худоба имели что-то привлекательное. Задумчивый взор дополнял общее выражение физиономии».

В Балансе он был введен в дом де Коломбье, где пользовался покровительством матери и стал неравнодушен к красавице дочери. С товарищами Наполеон плохо сходился не потому, что они его чуждались, а потому, что у него вообще был плохо развит дух товарищества. Вместе с тем Наполеон не покидал и своих друзей – книг. В ту пору он особенно увлекался сочинениями Руссо и *аббата* Рейналя. Мало того, он рискнул и сам пуститься в литературу. Он написал первые две главы «Истории Корсики» и послал их на суд Рейналя. Ответ получился милый, хотя автору советовали получше ознакомиться с источниками и строже, критически относиться к авторам.

Вообще усердие Наполеона к умственным занятиям поразительно. Ознакомившись в детстве с Плутархом, он зачитывается Геродотом, Страбоном и Диодором Сицилийским. Особенно он увлекается Китаем, Японией и Индией. Затем он переходит к истории Германии, Англии и Франции. Вместе с этим он усердно изучил философию и образцовые произведения французской литературы.

Вскоре, однако, на Наполеона посыпались невзгоды. Покровитель, генерал Марбеф, скончался. Брата Луи не приняли в училище. Матери не платили субсидии на разведение тутовых растений. Дядя серьезно заболел. Все это так повлияло на Наполеона, что он впал в какой-то сплин. В довершение всех бед он схватил болотную лихорадку. У Наполеона развивается тоска по родине, и он уезжает в отпуск на Корсику.

Дома Наполеона поглощали три главных занятия: ходатайства по семейным делам, научно-философские занятия и литературная деятельность. Первые и последняя шли из рук вон плохо. Лихорадка продолжала мучить юношу. Срок отпуска был ему продлен. Наконец, Наполеону пришлось возвращаться во Францию. Но возвратился он не к своему полку, а в Париж, где является ходатаем по делам матери, причем не стесняется извращать обстоятельства дела и допускать бесцеремонную неправду. Вместе с этим он просит у военного министра нового отпуска в Корсику, причем опять-таки обращается с правдою очень свободно. Новый отпуск получается. Но положение Наполеона представляется безотрадным. Будучи корсиканцем в душе, он состоял на службе у Франции, поработившей Корсику. Отдав одной тело, он душой принадлежал другой. Не более

завидно и материальное его положение. Глава и опора большой семьи, он был почти без средств и без возможности добыть их. Исполненный кипучей мозговой деятельностью, он разряжался негодными литературными произведениями. Находясь в том возрасте, когда другие создают себе карьеру, Наполеон вынужден был идти по самой обычной дороге артиллерийского офицера. Все это крайне его тяготило и очень дурно отражалось на его физическом и душевном состоянии. Наполеон совершенно запутался, метался из стороны в сторону и ни на чем не мог долго останавливаться. Единственное его увлечение и удовольствие – умственный труд. Он выработал проекты укреплений для обороны Сен-Флорана, Ламортиллы и залива Аячио, составил доклад об организации корсиканского ополчения и записку о стратегическом значении Маделенских островов. Но главное внимание свое он обратил на историю Корсики. Вскоре он окончил ее. Вся история пропитана была ненавистью к Франции, на службе у которой он состоял. Сочинение страдало недостатками знакомства с фактическими данными, неспособностью критически отнестись к изучаемым авторам и даже громадными грамматическими неправильностями. Нужно заметить, что орфография для Наполеона осталась на всю жизнь серьезным камнем преткновения. Несмотря на то что сочинение было посвящено известному епископу Марбефу, оно и до сих пор не увидело типографского станка, ибо никто не хотел его издавать. Расчет Наполеона поправить свои финансовые обстоятельства продажею сочинения не удался.

Наполеон не унывал. Он опять засел за историю Корсики. Епископ Марбеф впал в немилость. Пошли новые веяния. Можно было предвидеть возвращение героя Корсики, генерала Паоли. Наполеон вновь переделал сочинение, еще больше выдвинув свой корсиканский патриотизм и нелюбовь к Франции. Нашелся в Париже охотник, который соглашался издать сочинение на половинных расходах. Но Наполеон уже не увлекался и не напечатал своего сочинения, а стал выжидать обстоятельств. Одновременно с этим Наполеон писал и другие сочинения, но у всех их была одна и та же судьба – покой в портфеле, так как они были ниже всякой критики во всех отношениях.

Наконец, обстоятельства установились так, что Паоли должен был подняться. Тогда Наполеон посылает Паоли письмо с историей Корсики. В этом письме он излагает, что данная история пишется вынужденно, пишется с целью вызвать французскую администрацию на суд общественного мнения, сравнивая ее с администрацией Паоли в Корсике, самую историю Корсики он посвящает Паоли. Но и на этот раз Наполеон понес

фиаско. В очень милых и вежливых словах Паоли отклонил от себя эту честь и дал несколько благоразумных советов автору; между прочим, и то указание, что он еще слишком молод писать историю. Тогда Наполеон делает последнюю версию со своей историей Корсики. Он ее переделывает еще раз и посвящает французскому министру финансов Неккеру. Но в то время Неккер пал и история Корсики не увидела света.

Этот пример прекрасно рисует нравственный облик Наполеона того времени, хватающегося за все, дабы только дать себе какой-нибудь ход. Дела его шли вовсе не так, как бы он хотел. Наполеон впал в уныние. «Единственным моим утешением служит усиленный труд, – пишет он матери. – Я одеваюсь в мундир всего раз в неделю и, со времени моей болезни, сплю очень мало, до невероятности мало: ложусь спать в десять часов, а встаю в четыре часа утра, ем же всего раз в день, а именно в три часа пополудни и нахожу такой режим полезным для своего здоровья».

Видя неуспех во всех своих начинаниях, Наполеон взял продолжительный отпуск домой, рассчитывая, вероятно, совершенно покончить со службой и пробивать себе карьеру на почве патриотизма и в смуте корсиканских дел. Все неудачи очень огорчили его, сделали еще более замкнутым, еще более сосредоточенным. Книги для него стали не только духовною пищею, утолявшею его умственный голод и душевную жажду, но и друзьями-собеседниками, прочитав которые он мог подумать, поразмыслить и составить свой собственный взгляд на прошлое и настоящее.

В то время революция во Франции начала занимать и охватывать всех все больше и больше. Париж есть сердце и душа Франции. Его бурная жизнь отражается тем ли, другим способом и на периферии Франции. Правда, это отражение обратно пропорционально расстоянию периферии от центра; тем не менее, всякое движение в Париже невольно отражается и на отдаленных частях Франции. Революционное направление разлилось по всей Франции. Достигло оно и Корсики. Но здесь оно приняло особенное направление. Корсика не была Францией. Корсика была Корсика. Она только считалась под протекторатом Франции, но мнила себя чем-то самостоятельным. Правда, еще на днях в Париже было провозглашено полное присоединение Корсики к Франции; но это решение имело чисто либеральный характер. Присоединение Корсики к Франции было провозглашено с тою целью, чтобы дать и Корсике те свободные государственные устои, кои ныне провозглашались во Франции. Но многие корсиканцы начали понимать дело иначе. Они

принимали эти свободные государственные устои, но с тою заднею мыслью, чтобы Корсика была свободна не только сама в себе, но и сама по себе. Они не только хотели свободы общественной жизни, но и независимости политической. Это направление мысли стало особенно любо Наполеону. Он горячо схватился за эту мысль, но не с тем, однако, чтобы в случае надобности принести свою жизнь на алтарь отечества, а чтобы составить благим свое личное существование, для чего он не задумался бы пожертвовать и отечеством. Понятие патриотизм представлялось средством для понятия карьеризм. Это, впрочем, было не только во времена Наполеона, но часто повторяется и ныне.

Наполеону в это время было двадцать лет. Слоон характеризует его для этого времени так:

> «Этого юношу можно было признать самоуверенным и склонным держать свои замыслы в тайне, честолюбивым и расчетливым, властолюбивым, но добродушным… В эпоху, когда все помешаны были на френологии, адепты ее находили на черепе Наполеона органы того, что у них называлось способностями воображения, причинности, индивидуальности, сравнения и локализации. На общечеловеческом языке это значило, что они приписывали ему большую способность образного и индуктивного мышления, знание людей, мест и предметов. Он обладал способностью в большей степени, чем кто-нибудь до него и после него, охватывать одним взглядом массу подробностей. Он располагал обширным запасом сведений, вмещающихся в рамку историко-философских теорий, набросанных изящно и в то же время размашисто. Суждения его о политике и людях не имели научного характера, но отличались отчетливостью и практичностью. Он искренне ненавидел рутину и от всего сердца презирал мелочные свои служебные обязанности. Его увлекали подвиги великих завоевателей. Он тщательно обдумывал и анализировал их походы. Особенно ослеплял его блеск великолепия Востока…»

Появившись на корсиканском горизонте, Наполеон мог рассчитывать на очень многое уже потому, что он был единственным офицером, получившим надлежащее военное образование. Искренне или неискренне, трудно сказать, он представлялся горячим патриотом, во всем проявлявшим

ненависть к Франции и, быть может, мечтавшим совершенно отделить от нее Корсику. Молодой офицер держался наготове принять на себя, при первом удобном случае, роль верховного руководителя судьбами родного края, к сожалению, обстоятельства сложились так, что эти надежды рушились. Несмотря на то что Наполеон состоял офицером французской армии, его на Корсике почти все считали корсиканским революционером. Действительно, он примкнул к партии революционеров и был одним из видных ее деятелей. Он написал и прочитал в клубе демократов замечательный политический памфлет против изменников отечества, который произвел полный фурор, так что клуб постановил безотлагательно напечатать этот памфлет. Авторское самолюбие Наполеона было удовлетворено, – его литературный труд увидел в печати свет. Наполеон настаивал на том, чтобы и Корсике даны были те же права и учреждения, как и всей Франции, а главное – национальная гвардия. Он рассчитывал стать во главе этого войска. Но мечтам его не пришлось осуществиться. Французское национальное собрание не пожелало организовать на Корсике национальную гвардию. Наполеон возвратился во Францию. Притом он значительно просрочил время своего отпуска; тем не менее, он не только не подвергся взысканию, но за все время получил жалованье и даже повышение по службе в чин капитана. Вместе с этим Наполеона перевели в другой полк. Положение здесь Наполеона стало хуже прежнего. Его тянули к себе корсиканские смуты. Наполеон вновь просится в отпуск. Его не отпускают. Тогда он удаляется на Корсику самовольно и, состоя капитаном французской армии, добивается того, чтобы его в то же время на Корсике назначили подполковником национальной гвардии. В это время Франция готовилась вступить в войну с соседними державами, поэтому правительство объявило, чтобы все офицеры, находящиеся в отпусках, немедленно явились к своим частям. Наполеон, занятый на Корсике якобинским движением, и не подумал прибыть в свой полк, почему он был исключен из списков французской армии. Это, однако, нисколько не обеспокоило Наполеона. Мало того, он с крайнею дерзостью потребовал из полка себе жалованье и даже получил его, хотя на деле был дезертиром армии. Таким образом, Наполеон достиг необыкновенного положения: получая жалованье как офицер французской армии, он в то же время стоял во главе корсиканской армии, готовой всегда стать против Франции. Своими интригами на Корсике Наполеон довел дело до того, что ему неизбежно пришлось оставить остров, причем его снабдили даже благоприятными письмами к парижским якобинцам, лишь

бы только отделаться от него на Корсике.

Прибыв в Париж без всяких средств, Наполеону пришлось очень сильно бедствовать, тем не менее, и на этот раз он вышел победителем. Его вновь приняли на службу и послали в армию на юг Франции. Но здесь ему не сиделось. Он вновь получил отпуск и вновь явился на Корсику.

В это время Паоли был амнистирован, возвратился на Корсику и занял там соответствующее положение. Наполеон сошелся с Паоли. Вновь он захватил начальство над национальной гвардией Корсики и вновь делал, что хотел. Тем не менее, и на этот раз на Корсике Наполеону не повезло. Он рассорился с Паоли и так вооружил многих корсиканцев против себя, что не только сам должен был уйти из Корсики, но и вся семья Наполеона. Замечательно в этом случае было его отношение к Паоли. Сначала Наполеон был его самым горячим приверженцем, а когда одно время Паоли был несколько скомпрометирован перед конвентом, Наполеон написал такой горячий панегирик, какой другой трудно было и изобразить. Но скоро он разошелся с Паоли, и тогда не постеснялся написать тому же конвенту донос на Паоли.

Теперь Наполеон, перебираясь со всей семьей во Францию, становится ярым французом. «Самой выдающейся характерной чертой молодого Наполеона являлась способность его к быстрым переменам фронта, как в хорошем, так и в дурном значении», – говорил Слоон. Тот же Слоон говорит далее, что при переселении Наполеона с семьей во Францию некоторые из членов этой семьи, для получения мест и обеспеченного положения, не побрезгали прибегнуть к подлогам: так, Люсьен воспользовался метрическим свидетельством Наполеона для получения места в комиссариатском департаменте, а Иосиф – другими бумагами Наполеона, дабы выдать себя за полковника национальной гвардии, и получил хорошее место.

Теперь Наполеон попал в южнофранцузскую армию, действовавшую против инсургентов. Ему поручена была батарея. Хотя военные действия не имели серьезного характера, тем не менее, Наполеон успел доказать, что может управлять артиллерией.

Во Франции было сильное брожение. В тот момент можно было и сильно выдвинуться, и потерять голову. Обстоятельства повернули в пользу Наполеона. Он опять сел за литературу и написал повесть «Бокерский ужин», где он высказывает свой взгляд на положение государства, политические движения, промахи тех и других партий и средства все эти передряги упорядочить. В это время приехали в армию три члена конвента:

Эскюдье, Рикор и Робеспьер-младший. При них состоял корсиканец Соличетти. Разумеется, он постарался представить Наполеона членам конвента, а равно и сообщить им «Бокерский ужин». Достоинства памфлета были оценены; особенно увлечен им был Робеспьер-младший. Через несколько дней «Бокерский ужин» был напечатан во множестве экземпляров и разослан по всей Франции. Положение Наполеона было улажено.

В это время инсургенты Тулона призвали на помощь испанско-английскую эскадру и сдали ей Тулон. Армия конвента обложила Тулон под предводительством генерала Карго. Наполеон был назначен капитаном в эту армию. Дела шли, однако, плохо. Карто был живописец столь же плохой, как и генерал. Наполеон описал положение дела, план, как его улучшить, и просил назначить генерала более деятельного и энергичного. Все это он послал в министерство. Министерство план действий Наполеона одобрило и назначило его начальником всей артиллерии в тулонской армии. С этих пор, собственно, начинается проявление гения Наполеона.

Тулон был обложен армией конвента. Но прибрежная его часть была совершенно свободна, причем с моря его поддерживала англо-испанская эскадра. На берегу моря господствовал форт, прозванный «малым Гибралтаром». Обладание этим фортом отдавало в руки и Тулон и флот. Англичане это понимали и очень сильно укрепили форт. Понимал это и Бонапарт. Он говорил: малый Гибралтар – это Тулон. Поэтому он прежде всего предлагал овладеть этим фортом. Карте не соглашался, почему осада тянулась и являлась совершенно безуспешною. Наконец, Карто был заменен Дюгомье. Последний вполне одобрил план Наполеона. Тулон был взят, причем захвачен был и командующий английскими войсками генерал О'Тара. Успех взятия Тулона принадлежал всецело Наполеону. Начальник артиллерии пишет о Наполеоне военному министру: «Большие научные сведения, замечательный ум и чрезмерная храбрость – таков в общих чертах слабый очерк достоинств этого редкостного офицера. От вас, г. министр, зависит употребить эти достоинства с возможно большею пользою для славы республики». Дюгомье же писал Комитету общественного спасения: «Наградите и выдвиньте молодого человека, потому что, если вы будете неблагодарны по отношению к нему, он выдвинется и без вас».

Представители народа, Баррас, Фреран и Робеспьер, произвели Наполеона в бригадные генералы.

Вот отзывы о генерале Наполеоне Робеспьера: «Этот человек одарен сверхъестественными достоинствами». Мармон говорил:

«В Наполеоне было так много предвидения… Он приобрел над народными представителями неописуемое влияние…» Бонапарт был вдохновителем Робеспьеров как в военном, так и в политическом отношениях.

Наполеону было поручено составление береговой охраны по Средиземному побережью. Наполеон исполнил поручение блестяще, насколько могли тому благоприятствовать условия событий и жизни. Зависть, однако, начала уже тогда точить жало. На него был сделан донос конвенту. Только заступничество Робеспьера спасло его от беды. Наполеон, между прочим, участвовал и в войне, ведшейся в это время на юге Франции, но на этот раз он ничем особенным не отличился. Он был действительно серьезно занят изучением стратегического положения юга Франции, Италии и соседних мест, на случай будущих военных действий.

В это время дела конвента шли очень туго. Пришлось прибегнуть к террору. Нужно было найти лицо, которое стало во главе национальной гвардии и не задумалось бы перед средствами и способами принятия мер к усмирению и упорядочению страны, особенно Парижа. Командование национальной гвардией было предложено Наполеону. Но это Наполеона не устраивало. «Молодой Робеспьер – честный человек, но его брат не любит шутить. И мне поддерживать подобного человека!.. Нет, никогда!.. Я вижу, понимаю, насколько я могу быть полезен, заменив дурака, командующего гвардией, но я не хочу, – теперь не время еще. Самое почетное место для меня – в армии… Я буду командовать парижской гвардией, но позднее…»

Наполеон оставался начальником артиллерии итальянской армии и составлял план кампании в данном месте.

В это время дела Генуи были неладны. Наполеону было поручено отправиться туда и заключить мирный трактат. Посольство Наполеона в Генуе имело чисто политический характер, во внешности, но на деле это была военная рекогносцировка. Наполеону конфиденциально было поручено осмотреть укрепления в Савойе, Генуе и окрестностях, ознакомиться с состоянием генуэзской артиллерии, проверить образ действия французского посланника по отношению к правительству Генуэзской республики, выведать как можно обстоятельнее намерения генуэзской олигархии, – короче сказать, собрать все справки, которые могли бы оказаться полезными на случай, если бы дело дошло до войны, последствия которой тогда нельзя было предвидеть. Все эти поручения Наполеон исполнил блестяще. Но вместо награды его ожидала страшная

неожиданность.

«Гора» пала. Конвента не стало, Робеспьеры погибли. Добирались и до присных Робеспьера. Так дошли и до Наполеона. Поводом к преследованию послужили корсиканские события. Термидорцы увидели в движении на Корсике стремление отделиться от Франции. В первую голову виновным являлся Соличетти. Не желая нести свою голову на плаху, Соличетти подставил Наполеона.

Наполеона сначала отрешили от командования артиллерией, а затем заключили в форте Карре. Счастье Наполеона, что его не отправили прямо в Париж. Иначе ему бы несдобровать.

Пересмотр дела Наполеона попал в руки того же Соличетти, который его и предал. Так как обстоятельства несколько изменились, то, понятно, дело Наполеона оказалось правым, и он был отпущен из заключения.

Еще находясь в заключении, Наполеон писал правительству: «Я пожертвовал пребыванием в родном моем департаменте, покинул там все свое имущество и не пожалел ничего для республики. С тех пор я служил не без отличия под Тулоном и удостоился разделить с итальянской армией лавры, добытые взятием Соорджио, Онельи и Танаро. При обнаружении робеспьеровского заговора я вел себя как человек, привыкший руководствоваться только принципами… Часом позднее, если злодеям понадобится моя жизнь, я с радостью отдам ее им. Я так мало интересуюсь жизнью, что зачастую она меня даже тяготит. Одна лишь мысль о том, что жизнь эта может еще оказаться полезной отечеству, заставляет меня мужественно выносить столь тяжкое бремя».

Хотя Наполеон был выпущен из заключения, однако остался не у дела и должен был состоять под надзором при главном штабе армии. Благодаря стараниям Соличетти, он был назначен начальником артиллерии в экспедиции на Корсику, а также по итальянскому побережью; однако особенно заметного участия в этой экспедиции не проявил. Только после этого он был правоспособным и способным гражданином, но не у дел.

Страшные усилия напрягал Наполеон, чтобы вернуть себе влиятельное положение, но ему это очень плохо удавалось. Самым скверным было то, что в высшей администрации, долженствовавшей его судить, он встретил людей неспособных и завидовавших его личному успеху. Наполеона упрекали в том, что он достиг генеральского чина слишком молодым. Главная вина была его молодость. Не выдержав, он упрекнул своего судью, Обри, не видевшего войны, следующею фразою: «Под огнем стареешь быстро», но, разумеется, этим дела не исправил.

После долгих стараний его, наконец, назначили командовать бригадой в западной армии. Вести войну против французов же во Франции – было не в видах Наполеона. Он искал карьеры, а тут карьера не устраивалась. Вместо Вандеи Наполеон отправился в Париж и стал хлопотать о переводе его в действующую армию на восток. В Париже он поместился в темном квартале, в бедном «Отеле Свободы» и жил очень скромно. «Так как он ничего не крал, – говорит Стендаль, – и ему платили ассигнациями, то скоро он впал в крайнюю бедность». Корсиканец родом, он сохранил свойственную его соотечественникам чуткость восприятий и громадную как физическую, так и умственную выносливость, которые соединялись у него с настойчивым упорством, отличавшим средневековых корсиканцев. Любовь к семье и соотечественникам имела у него характер античной доблести, но вместе с тем он был готов пожертвовать и чувством патриотизма своему честолюбию. Что касается до *нравственных чувств, то они в действительности отсутствовали у Наполеона, Воспитание не содействовало развитию у него этого чувства.* Напротив того, хватавшая через край чувствительность Руссо и хаотические времена, вызванные попытками воплощения теорий этого революционного предтечи, могли только еще более отуманить совесть молодого генерала. Враждебное чувство, которое питал отец Наполеона к католической религии (иезуиты безвозвратно захватывали его имущество), и неприятности, которые ему самому пришлось вынести от своих воспитателей монахов, были не в силах окончательно искоренить у него суеверие, которое он, впрочем, в глубине души считал религиозностью. Теоретическое образование Наполеона было узким и односторонним, но чтение и попытки литературного творчества, несмотря на свой поверхностный и беспорядочный характер, доставили ему кое-какие широкие и точно определенные понятия из области истории и политики. Зато Наполеон приобрел такое практическое воспитание, какими могли похвастать разве лишь очень немногие. Современный ему мир вращался с изумительной быстротой, не виданной ни раньше, ни позже. Эта необычайная быстрота вращения до тонкости отшлифовала и отточила корсиканца, которому предстояло играть такую крупную роль в мировой истории… Он был честолюбцем, политические принципы которого не отличались солидностью. Вообще он заметно превосходил окружающую его среду разнообразными способностями и талантами, в особенности же уменьем комбинировать, оригинальностью и предусмотрительностью. Сам он отлично умел лицемерить и скрывать свои замыслы, но читал в чужих

сердцах, как в открытой книге. «Я теперь как раз в таком настроении духа, в каком обыкновенно чувствуешь себя накануне сражения», – определил сам себя в этот момент Наполеон (Слоон).

Денежные дела Наполеона шли крайне плохо. Ему приходилось голодать в буквальном смысле слова. Одежда его была слишком непрезентабельна: стара и безобразно сшита. Он был худ и истощен до крайности. Он страшно отощал от недостатка порядочного питания. Неуверенность в будущем проявлялась в выражении исхудавшего его лица и беспокойно бегавших глаз. В таком виде он даже стыдился появляться между людьми, появляясь же, был скрытен, замкнут и загадочен. «По временам на него находят припадки какой-то озлобленной веселости, при которых чувствуешь себя крайне неловко и утрачиваешь дружеское к нему расположение».

Наполеон, однако, «понимал одно хорошо, что во все времена женщина была великая сила. И вот он крепко держался этой силы и всеми способами поддерживал с ними более или менее тесную связь, и его расчет оказался верным. „Единственно только лишь женщины здесь и заслуживают держать в руках своих кормило правления, – пишет Наполеон своему брату, – мужчины сходят по ним с ума, думают только о них и живут единственно лишь благодаря их влиянию“. На острове Св. Елены, вспоминая это время, Наполеон говорит: „Я проживал тогда без определенных занятий на парижских улицах и, в сущности, редко бывал в обществе, так как посещал дом Барраса, где встречал радушный прием… Я ходил туда потому, что у меня не было никаких шансов чего-нибудь добиться в другом месте, и уцепился за Барраса за отсутствием других влиятельных знакомых. Робеспьера казнили, Баррас же играл видную роль, а мне в моем положении непременно надо было уцепиться за кого-нибудь и за что-нибудь“. Дело в том, что квартира Барраса в Люксембургском дворце служила центром блеска и веселья тогдашней столичной жизни; царицей же в этом центре была m-me Талиен, за которою Наполеон очень настойчиво ухаживал.

Между тем враги Наполеона не дремали. По пересмотре списков армии Наполеону не только ничего не дали достойного, а даже перевели в пехоту. Это его окончательно озлило, и он начал проситься в отпуск.

Между тем Наполеона причислили к топографическому бюро. Занимаясь здесь, Наполеон составил гениальный план военных действий в Италии. План этот удостоился жестокого порицания со стороны бездарностей и полного одобрения со стороны лиц, понимавших дело. Был один недостаток этого плана: нужно было,

чтобы этот гениальный план выполнен был самим Наполеоном, и он его самым блестящим образом через три года выполнил на деле.

Находясь прикомандированным к топографическому бюро, Наполеон не унимался и стучался к судьбе во все двери. Опыт жизни говорит нам, однако, что не всегда стучащимся открывают двери, бывает, что и по шее дают. Наполеон просится, чтоб его вновь зачислили в артиллерию и командировали на поле военных действий. Наполеон просит, чтобы его откомандировали в Константинополь для сформирования артиллерии. Наполеон просит, чтобы его вознаградили за его убытки в виде проданных лошадей и проч.

Все эти ходатайства рассматриваются. Усматриваются неблаговидные действия и заявления Наполеона в виде вымышленных заслуг, расходов и проч.; припоминаются ослушания и в конце концов Наполеона вычеркивают из списков армии. Но если в одной двери здания фортуны Наполеону не посчастливилось, то для него открылась другая дверь: в тот самый день, когда он был вычеркнут из списков генералов армии, подкомиссия иностранных дел внесла предложение отправить генерала Бонапарта с подобающей торжественностью и в сопровождении многочисленной свиты в Константинополь, где он будет уполномочен состоять на службе турецкого султана, причем Дебри заявил, что полезнее было бы повышение Бонапарта, чем удаление из страны способного офицера, который может оказать серьезные услуги отечеству.

Наполеон стоял на перепутье. Едва-едва он не отправился на свой излюбленный Восток. Но судьба произвела новую версию.

В Париже началось движение. Якобинцы сошли со сцены, но не были уничтожены. Были сильны и роялисты. Спокойный и умеренный образ правления часто принимается за бессилие. Так было и теперь. Сдержанность и стремление термидорцев были приняты за слабость их. Якобинцы и роялисты слились вместе, чтобы свалить термидорцев, каждый, разумеется, для себя. Появилось брожение. Толпы народа бушевали по улицам Парижа. Национальная гвардия была за них. Явились баррикады. Конвенту грозила серьезная опасность. Нужно было для успокоения принять решительные и скорые меры. Войско, охраняющее, было под командою неспособного Мену, да и войска было мало. Нужно было организовать защиту. Нужно было найти надлежащего человека. Конвент поручил защиту дела Баррасу. Баррас указал на человека, способного все привести в порядок. Человек этот был Наполеон. «Корсиканский офицерик, – говорил он, – не расположен особенно церемониться». Наполеон принял

предложение, но на условиях: главным распорядителем был Баррас, Наполеон – помощником. На деле же Наполеон был все, а Баррас – ничто.

Говорят, что в этот вечер Наполеон был в театре. Возвращаясь домой и видя, с одной стороны, неудачные распоряжения командующего армией, а с другой – не менее непригодные приготовления инсургентов, он воскликнул: «О, если бы меня поставили во главе заговорщиков, я ручаюсь, что через два часа провел бы их в Тюильри и выгнал бы несчастных членов конвента». Несколько часов спустя Баррас предложил Наполеону командование войсками против инсургентов, причем Наполеон заявил: «Я принимаю предложение, но предупреждаю, что, вынув шпагу из ножен, я вложу ее только тогда, когда водворю порядок». «Я сам так понимаю», – ответил Баррас. «Ну, хорошо, – прибавил Наполеон, – не будем терять времени, минуты теперь часы; только деятельность может нам возвратить проигранную партию».

Начались обычные состязания, толки и пересуды. Это было не в духе Наполеона. Передают о следующей встрече Наполеона с лицом, которому в дальнейшем еще придется играть роль, именно с аббатом Сиэсом. Видя нелепые толки, которые ни к чему не вели и только затягивали время, Сиэс подошел к Наполеону и сказал: «Вы слышите, генерал, они болтают, когда надо действовать. Они не годны управлять армией, потому что не знают цены времени и случаю. Вам нечего здесь делать. Идите, генерал, слушайтесь вашего гения и вашей любви к отечеству. Вся надежда республики возлагается на вас одного…»

И Наполеон действовал. В течение ночи весьма удачно расставлены были войска и установлены пути. К утру было все готово. 13 вандемьера национальная гвардия и инсургенты громадными толпами двинулись к Тюильри. Париж принял воинственный вид. Строились баррикады. Делались приготовления к приступу и бою. Одни войска, защищавшие конвент, были покойны и неподвижны, как и их холодные пушки. Зловещее спокойствие озадачило инсургентов. Долго они не решались проложить себе силою путь к конвенту, но, наконец, по данному сигналу ринулись на Тюильри. Раздались выстрелы. Масса инсургентов с национальной гвардией заняла главную улицу и направилась к помещению конвента. Шум, стрельба и приступ были очень свирепыми.

Но вот явился на коне молодой генерал. Это был Наполеон. По его знаку заговорили пушки. В один миг картечь пушек очистила улицы от инсургентов и национальной гвардии. Напрасно вожди инсургентов собирали толпу, напрасно с яростью

многократно бросались на чугунные чудовища Наполеона, – всюду картечь опрокидывала их и возвращала вспять. С разных концов и в разных местах производили эти приступы; но пушки были поставлены так умело, что всюду встречали нападающих. А сам молодой генерал, исчезавший по отбитии приступа, по мановению руки моментально вырастал там на коне, где готовился приступ. К вечеру инсургенты были уничтожены. Париж успокоился. Конвент был спасен.

Наполеон был назначен помощником командующего внутренней армией, на деле же командующим армией, так как Баррас только по имени нес должность командующего армией, да и от этого скоро отказался.

13 вандемьера совершился факт многозначительной важности. Наполеон доказал миру, что пушка и картечь великие факторы. Он показал миру и то, что власть без силы – ничто. Кто держит в руках силу, тот держит и власть. Вскоре Наполеон это и доказал.

С этого момента Наполеона стали называть генералом вандемьера. Эпитет двусмысленный.

Получив власть над внутренней армией, Наполеон стал создавать из нее силу. Прежде всего он перевел внутреннюю армию на военное положение и сконцентрировал ее под руками. Затем он обратил внимание на голодную массу Парижа, частью накормив, а частью пристращав ее; реорганизовал национальную гвардию и создал особый отряд, служивший исключительно для охраны конвента. Занимаясь неустанно общественными делами, Наполеон не забывал и семью. Он пристраивал братьев, устраивал сестер, посылал им громадные деньги (сотни тысяч франков) и вообще делал все, что можно было сделать.

Вместе с этим Наполеон очень изменился и сам в себе. Он перестал быть застенчивым, сделался общительным и даже превратился в великосветского человека. Он ухаживал за всеми, льстил всем и старался привлечь всех на свою сторону. При этом он не разбирал ни роялистов, ни якобинцев, ни жирондистов, ни людей других оттенков. Было видно, что ему нужны были все и все они представляли для него пригодный материал. Такое поведение Наполеона не могло не броситься в глаза правительству. Конвент прозрел. Он увидел, что времена переменились, а вместе с ними изменились и обстоятельства. Прежде конвент был все и армия была его послушным орудием. Теперь стало ясно, что *все* командующий армией, а конвент его марионетка. Но опасения конвента были напрасны. Плод не созрел. Наполеон это видел ясно. Видимо, уже в это время у него в голове назревала великая идея, для осуществления которой

требовались и время, и боевые заслуги.

А кроме того, Наполеон задумал жениться. Его избранницей стала Жозефина Богарне. Маркиза Богарне была другом Талиен. Талиен была другом Барраса, Баррас был другом Наполеона. Наполеон впервые увидел Жозефину Богарне в доме Барраса, полюбил ее и решил жениться на ней.

Маркиза Богарне была вдова, 33 лет, креолка, имела детей-подростков. Она была красива, но уже во второй красоте, грациозна, жива, умна, бойка, изящна и остроумна. Наполеону было 27 лет. Друзья Жозефины Богарне считали ее добродетельной женщиной. Другие считали ее ветреной, легкомысленной, беспринципной и вообще истинной дочерью современного ей безнравственного и жадного до наслаждений общества. Она занимала видное место в женской котерии, устроившей у Барраса нечто вроде старинных вечеров и собраний. Мало того, в салоне Барраса Жозефина пользовалась таким влиянием, которое под конец стало не совсем приятным безнравственному провансальскому дворянину, расплачивавшемуся за сумасбродную роскошь и кутежи, которые устраивал этот кружок. Из дальнейшего мы увидим, что и жена Наполеона, Жозефина, предавалась сумасбродным выходкам, кои были далеко не по сердцу Наполеону.

Наполеон, встретив Жозефину Богарне у Барраса, с первого же раза полюбил ее, и полюбил сильно и страстно; полюбил так, как могут любить люди, подобные Наполеону. Человек необыкновенной мозговой и душевной жизни и энергии, отдавшийся всецело общественной деятельности, мог любить только в свободные промежутки времени. Такому человеку некогда было заниматься сентиментальностями: распевать серенады, ухаживать, писать стихи и проч. Если он полюбил, то полюбил сразу, всею страстью своей души и всем своим существом. Насколько велика была его душевная жизнь, настолько же велика была и его любовь. Это общее положение всецело относится и к Наполеону. «То *начало,* которое обеспечило продолжение рода человеческого, в нем страдало отсутствием эстетического чувства, а так как в этом заключается почти вся сущность любви, то в этом смысле она была чужда его сердцу». Любовь Наполеона была сильная, любовь страстная, но любовь чисто чувственная. Лучшим тому доказательством служат его письма и его отношения к Жозефине после женитьбы. Вот выдержка из одного его письма: «Я проснулся полный тобою. Твой портрет и опьяняющее очарование прошлого вечера не давали моим чувствам покоя. Милая, несравненная Жозефина, каким странным и могучим влиянием обладаете вы над моим

сердцем! Если вы сердитесь, если я вижу вас печальной, если вам от чего-либо не по себе… моя душа томится горем и верный ваш друг не находит себе ни минуты покоя! Но разве я могу чувствовать себя покойнее, когда, уступая непреодолимому желанию, вызываю из ваших уст, из вашего сердца пожирающее меня пламя?… Вот хотя бы сегодня ночью: как горько я сознавал, что ваш портрет все-таки не вы сами! Ты встаешь в полдень – значит, через три часа я тебя опять увижу. Тем временем, mio dolce amor, шлю тебе тысячу поцелуев, ты же не целуй меня, так как твои поцелуи вызывают во мне жгучее пламя».

Наполеон любил Жозефину всеми силами своей могучей души. Он любил в ней ее оригинальную красоту, ее живость, бойкость и юркость, ее изящество, лоск и образование, ее ум, находчивость и внешний шик, ее аристократизм, положение и даже средства. Вся она во всем своем целом представляла и составляла тот идеал, который легко мог возникнуть у Наполеона-демократа. Говорят, Наполеон, сверх того, получал за Жозефиной и главнокомандующего итальянской армией. Может быть. Сам Наполеон этого не отрицает, да и факты это подтверждают. Тем не менее, Наполеон уже знал себе цену и вот как отзывался об этом: «Неужели они думают, что я нуждаюсь в протекции, чтобы пробить себе дорогу? Настанет день, когда они сочтут большим для себя счастьем возможность пользоваться моей протекцией! Я рассчитываю больше всего на свою саблю и знаю, что она меня выведет в люди!» И Наполеон был прав. Тогда судили о людях не по выслуге лет, а по их достоинствам и заслугам… Как бы то ни было, а Наполеон любил, любил страстно, любил всем существом… А Жозефина? Она свое уже отлюбила и теперь ей оставалось делать выбор лучшего. Выбор предстоял из троих: Гоша, Коленкура и Бонапарта.

Ей указали на Бонапарта, и она выбрала Бонапарта. Многие ей, впрочем, не советовали останавливаться на этом выборе. Особенно много порицал Жозефину ее нотариус, Ригадо, за брак с Бонапартом, «у которого нет ничего, кроме фуражки да шпаги, который гол как сокол, генерал без имени, без будущего, ниже всех великих генералов республики». Этот отзыв Наполеону пришлось выслушать, не будучи замеченным говорившим, и он его страшно озлил. Накануне своего коронования Наполеон приказал позвать Ригадо, показал ему императорскую мантию, корону с бриллиантами и золотой скипетр. «Вот моя фуражка и шпага», – сказал он перепуганному нотариусу.

9 марта 17 96 г. Наполеон заключил с Жозефиной Богарне гражданский брак. Наполеону было помечено 28 лет вместо 27, а Жозефине 29 вместо 33. На деле она была старше Наполеона на

шесть лет. 2 марта Наполеон был назначен главнокомандующим итальянской армией, а 11 марта, через два дня после свадьбы, он уехал в армию.

К чести Наполеона должно сказать, что представление в главнокомандующие было сделано директории не Баррасом, а знаменитым генералом Карно, умевшим различать и отличать людей и вполне по заслугам ценившим Наполеона.

Мать Наполеона была очень недовольна этим неравным браком и не ожидала от него ничего хорошего, особенно ввиду такой разницы в летах.

«Великие события, – писал Наполеон из армии, – висят всегда, если можно так выразиться, на волоске. Ловкий человек пользуется решительно всем, не пренебрегая ничем, что могло бы увеличить его шансы успеха; менее ловкий не обращает иной раз внимания на который-нибудь из этих шансов и вследствие этого губит все…»

Это философия всей жизни Наполеона.

«Корсиканский дворянин де Буонапарте успел уже совершенно превратиться во французского генерала Бонапарта. Превращение это шло долгими и трудными путями. Из честного корсиканского патриота выработался продажный космополит, готовый служить в качестве искусного артиллерийского офицера где угодно и под каким угодно знаменем. Этот космополит превратился в последнее время во французского либерала и революционера». Отзыв меткий, но несправедливый. Едва ли когда-нибудь Наполеон был искренним корсиканцем. Он всегда был рабом своего ума, своего влечения, своей энергии и своей мощи.

Генерал *вандемьера* проявил гений укротителя толпы, распорядителя и усмирителя мятежного восстания. *Главнокомандующий итальянскою армией,* генерал Бонапарт обнаружил во всей своей силе, мощи и величии военный гений. Я не берусь описывать войн Наполеона. Это не по силам мне и не составляет главной моей задачи. Для меня важен Наполеон как человек.

Итальянская армия находилась в очень плачевном состоянии. Кавалерия была без лошадей. Артиллерия с плохими орудиями и еще худшими лошадьми. Пехота оборванная, голодная и без жалованья. Всюду бедность и беспорядки. Солдаты жили грабежами. Офицеры недалеко стояли от них. Мародерство составляло едва ли не часть войны. «Хорошо в этой армии только мужество солдат и офицеров и непреодолимое терпенье тех и других». Сепор пишет: «Французские солдаты без жалованья, без достаточного количества пищи, без обуви, не имели почти

оружия, у большинства солдат не было даже штыков… Офицеры столь же бедны, как и солдаты». Генералы итальянской армии Серюрье, Стенгель, Кильман, Лагарп, Ожеро, Массена и др. уже успели составить себя имя боевых генералов. Каждый из них рассчитывал быть главнокомандующим, а уж во всяком случае считал себя поважнее Наполеона. Назначение Наполеона главнокомандующим было весьма неприятно, особенно генералам. Это назначение приписывали интригам и протекции. От Наполеона не ожидали ничего путного и собирались встретить его очень недружелюбно. Особенно был недоволен Ожеро, который похвалялся оборвать этого выскочку. Наполеон приехал в армию. Настал момент представления главнокомандующему. Явились все генералы с очень недобрым сердцем и намерениями. Вышло иначе. Прежде всего Наполеон заставил их немного подождать. Потом вышел, подтягивая на ходу шпагу, надел фуражку и начал говорить с ними таким сухим и повелительным тоном и вместе с тем так авторитетно и умно, что у генералов исчезла всякая охота осаживать главнокомандующего. Напротив, они ясно увидали, что в главнокомандующем они нашли дельного и строгого начальника. Особенно Ожеро, самомнение которого не допускало возможности существования в других каких-либо достоинств, долго не мог опомниться от впечатления, произведенного на него Бонапартом.

«Этот сухопарый, маленький генерал просто испугал меня, я не могу объяснить себе того впечатления, которое он произвел на меня с первого взгляда», – сказал Ожеро. А впечатление это Taine описывает так: «Отрывистый голос, быстрый и резкий жест, испытующий и повелительный тон, не допускающий возражения, и вы поймете, почему они, едва успев подойти к нему, уже чувствовали на себе его властную руку, которая опускается на них, сгибает их, сжимает и уже более не выпускает». Casault говорит: «Чтобы охарактеризовать рост Наполеона, его силу, цепкость, бодрость, живость, его скачки и все, что в нем есть, я его называю маленьким тигром». Все современники Наполеона говорят о том безотчетном чувстве, которое овладевало ими, когда они становились лицом к лицу с огромной силой, и которое заставляло подчиняться ей еще раньше, чем она была направлена против них.

Вот воззвание Наполеона к солдатам по прибытии его в итальянскую армию: «Солдаты! вас плохо кормят, вы почти наги. Правительство всем обязано вам, но не может ничего сделать для вас. Ваше терпение, мужество, выказанное вами в стране горных отрогов, замечательно. Но они не доставили вам никакой славы, блеск их не озарил вас победоносным сиянием. Я поведу вас в

самые плодородные равнины. Вы найдете там огромные города и богатые провинции, найдете там почести, славу и добычу. Солдаты, неужели у вас не хватит мужества?»

Воззвание довольно недвусмысленное и приличное скорее корсару, нежели полководцу, ведущему войну за независимость и неприкосновенность личности. Но положение армии было ужасное. Наполеон это понимал и бил по живой струне. Солдаты поняли Наполеона и оправдали его надежды…

В делах серьезных, имеющих государственное значение, обещания и личное влияние не могут иметь продолжительного и серьезного значения. В таких случаях дело решает все. Нужно было, чтобы Наполеон был авторитетом для армии не только на словах, но и на деле. Наполеон вскоре оправдал себя.

Теперь итальянская армия должна была сражаться не только для славы и победы, но и для добычи. Для этого нужно было приступить к наступательным действиям, что Наполеон быстро и предпринял.

Старые, испытанные и опытнейшие полководцы австрийской и итальянских армий смотрели на Наполеона более чем свысока. Двадцатисемилетний возраст и отсутствие боевого крещения и воспитания у главнокомандующего французской армией служили им полным к тому оправданием. Тем хуже было для них пробуждение и разочарование.

В одиннадцать дней Наполеон успел разбить австро-сардинскую армию и принудил сардинцев заключить перемирие. Спустя две-три недели Милан был подвластен Наполеону и большая часть Средней Италии была в его руках. Еще короткое время – и знаменитый генерал Вурмзер, Квазданович и Альвинчи сделались жертвами доблестных битв Наполеона. Вскоре папа должен был подписать толентинский мир, а затем и могущественная Австрия заключила лобенский мир с республикой, имея ее полководца в ста верстах от столицы. Все эти деяния Наполеона не могли не подтвердить фактически его влияния на генералов и солдат подчиненной ему армии. И действительно, солдаты его боготворили, и генералы друг перед другом старались доказать Наполеону не только свою преданность, но и храбрость и расторопность. Наполеон не был перед ними в долгу и щедрою рукою платил за их храбрость и преданность.

Солдатам не только вскоре оплатили недоданное жалованье, но и позволили малую толику поживиться на счет побежденных. Солдаты были одеты, сыты и с карманными деньгами. Генералы тоже не остались в обиде. Каждый захватил столько, сколько мог. Все были удовлетворены, все были довольны. Первый голод был

насыщен. И все это сделал Наполеон. Наполеон не оставил забытой и директорию. Он хорошо изучил Италию и прекрасно знал ее. Контрибуции взимались властною рукой и доставляли пищу не только армии, но и родине. Миллионы были посланы директории, и директория первый раз узнала и сознала, что опытный и славный полководец не только требует от родины, но и обогащает ее. Один Наполеон остался бескорыстным и по-прежнему простым и более чем просто одетым генералом. Были делаемы частые попытки подкупить Наполеона, но он не попадал на эту удочку, держа на ней всех генералов, директорию и даже армию. Франция быстро узнала, что у нее есть генерал, который умеет не только побеждать, но и доставлять богатства родине.

Трудно определить сумму денег, награбленную Наполеоном в Италии за войну, веденную под благовидным предлогом освобождения Италии от туземного ига, а на деле для закрепощения под иго Франции.

Наполеон в одну сторону произносил пылкие республиканские речи и обещания об освобождении итальянского народа от цепей рабства, а в другую писал директории, что взимает двадцать миллионов контрибуции со страны, которая хотя отчасти и разорена пятилетними войнами, но все-таки остается богатейшей во всем цивилизованном мире.

Нужно, однако, сознаться, что слишком грубый грабеж был допущен только на первое время; когда же солдаты насытились, тот же Наполеон выступил против грабежа и мародерства. «Друзья, – взывал Наполеон, – я обещаю вам победу, но с одним условием, которое вы дадите клятву исполнить, – это уважать народ, который вы освободите, подавлять все грабежи и неистовства, которым предаются негодяи, подкупленные нашими врагами. Без этого вы не можете быть освободителями народов, вы будете бичами их, вы опозорите французский народ и он откажется от вас. Что касается меня и генералов, которым доверяете, – нам придется краснеть за армию, не признающую никакой дисциплины, никакой узды, повинующуюся только законам грубой силы. Но я сумею заставить этих негодяев признать законы человечности и чести, которые они попирают ногами. Я не потерплю, чтобы разбойники позорили лагерь. Грабители будут безжалостно расстреляны. Некоторые из них уже убиты». Слово у Наполеона в этом отношении не расходилось с делом. Мародеры расстреливались. К итальянцам Наполеон обратился со следующим воззванием: «Народы Италии, французская армия разобьет сковывающие вас цепи. Народ французский – друг всех наций, идите навстречу ему. Ваше имущество, нравы и обычаи, ваша религия будут

неприкосновенны и уважаемы. Мы будем воевать, как ваши великодушные враги, и только с поработившими вас тиранами».

Разумеется, такое направление Наполеона не понравилось армии и в ней раздались крики: «Нам обещали грабеж Италии и не сдержали слова», но с Наполеоном разговоры были плохи.

Запретив в Италии грабеж по мелочам, Наполеон приступил к грабежу оптом и в крупную. Ему казалось правильным, чтобы итальянские народы помогли привести в порядок расстроенные французские финансы и пополнить казну «итальянской» армии. Вместе с этим Наполеон признавал за благо лучшие сокровища искусства и художества Италии переселить во Францию. С этой целью Наполеон обратился к директории с предложением, чтобы из Парижа выслана была комиссия ученых и экспертов для исследования художественных произведений, дабы лучшие из них отправить во Францию. Директория не замедлила исполнить желание Наполеона. И вот в Италии начался грабеж научных коллекций, рукописей, картин, статуй и других произведений искусств. Рафаэль, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Корреджо, Джорджоне, Поль Веронезе с картинами других менее выдающихся великих художников отправлялись целыми возами в Париж. Величайшие сокровища изящных искусств, науки и литературы начали стекаться в парижские музеи, картинные галереи и библиотеки. Все это не считалось грабежом.

Безграничная преданность армии, мужество, храбрость и отвага генералов, военный гений Наполеона – все это вместе с тем соединялось с такою осторожностью и осмотрительностью, на какие мог быть способен единственно только человек, обладающий первоклассными дарованиями и высшим военным образованием. Наполеону оставалось доказать только свою личную храбрость и отвагу. Вскоре и то было доказано. Бой при Лоди показал, что и в этом отношении Наполеон достоин удивления. Солдаты в память этого знаменитого боя дали Наполеону прозвище *маленького капрала,* которое осталось за ним в рядах армии навсегда. Атака на Аркольском мосту еще более утвердила за Наполеоном чрезмерную личную храбрость и отвагу.

На первое время Наполеон совершенно сбил с толку военных специалистов. Его гений не укладывался в обычные рамки. Лучшим доказательством тому служит следующий отзыв венгерского пленного офицера, жаловавшегося на то, что Наполеон слишком мало знаком с военной тактикой, почему с ним было воевать невозможно. Он на каждом шагу нарушал правила тактики. «Он совершенно не принимает во внимание стратегических и тактических правил. Он оказывается у нас то

перед фронтом, то на фланге, а то и в тылу. Такое грубое нарушение всяких правил положительно сбивает с толка. Мы этого выносить не можем…»

Военные специалисты были подавлены необыкновенным величием наполеоновской кампании и ее результатов. Они не были в состоянии разгадать истину и охватить гений Наполеона. Этот гений наводил на них ужас и порождал мысль о том, что Бонапарту помогали сверхъестественные силы. На деле же это была битва гения с тупостью, необыкновенной энергии со спячкою, живых принципов с безжизненною рутиною и отжившею ходульностью. Успех Наполеона обусловливается не случайностью и не счастьем, а гениальной предусмотрительностью и тщательнейшим расчетом.

Будучи идеалом воссозданной и прославленной им армии и примером, достойным подражания для своих генералов, Наполеон делал со своей армией, что хотел. Целый ряд блестящих побед и завоеваний покрыли его имя необыкновенной славой – и во всей Франции Наполеон стал предметом обожания. С этой стороны Наполеон был покоен. Умелые публицисты постарались все деяния Наполеона не только оповестить по всей Франции, но и преувеличить их. Наполеон был глубоко убежден, что вся Франция стоит столь же крепко за него, как и армия.

Немалою любовью Наполеон пользовался и среди большинства итальянского народонаселения. Этому прежде всего помогло то обстоятельство, что он сам был корсиканец. Кроме того, он хорошо знал дух итальянского народа, его желания, потребности, нужды, надежды и идеалы; он хорошо изучил его благосостояние и богатство страны, характер населения и взаимные отношения отдельных владений. Появляясь в той и другой части Италии, Наполеон прежде всего через своих агентов разыскивал недовольных положением дела; теми и другими способами и приемами склонял их на свою сторону и подготовлял почву для воздействия; а затем объявлял, что он явился представителем от Франции с целью освобождения порабощенной страны от рабства и для проведения в жизнь начал свободы, равенства и братства. Все это так ослепляло доверчивый народ, что он без рассуждения бросался в пасть акулы. Поэтому неудивительно, если этому новому Атилле в завоеванных странах устраивались такие торжества и овации, каких не имели и законные владыки стран. Итальянские народы преклонились перед необыкновенным человеком, который одновременно их и парализовал и очаровывал. Австрия упала духом, а ее армии уже вперед считали себя побежденными и уничтоженными.

Повелевая фактически армией и страной, Наполеон сам

оставался самым смиренным и скромным генералом, он вел самую простую жизнь, одевался более чем скромно, причем ходил в сильно поношенных мундирах и решительно отказывался от колоссальных взяток, настойчиво предлагаемых ему итальянскими владыками. Являясь рыцарем третьего сословия, генерал Бонапарт воплощал и олицетворял в себе революционную простоту нравов. Он щеголял умеренностью в пище и питье, презрением к нарядам, к личному богатству и внешним его проявлениям. Все это выделялось еще резче в роскошной обстановке, царившей вокруг него в обществе его генералов.

Такая внешняя скромность и сдержанность не мешали, однако, создаваться мало-помалу вокруг Наполеона особенной атмосфере, указывающей на постепенно возникающую перемену в духовной жизни юного повелителя.

После проявления безумной отваги и храбрости в Лоди на Аркольском мосту вокруг Наполеона начал образовываться особый кружок, нечто вроде отряда телохранителей. Этот отряд мало-помалу увеличивался и превращался в новую, отборную часть войска, попасть в которую считали за честь лучшие офицеры и отличнейшие из солдат итальянской армии. Этим самым Наполеон стал выделяться из числа других генералов и отделяться от них. Прежние товарищеские отношения стали постепенно ослабевать и заводился формальный этикет. С течением времени прежние товарищи относились к своему главнокомандующему с полным почтением и повиновением.

Но то, что питали к своему полководцу подчиненные генералы, представлялось ничтожным сравнительно с отношением Наполеона к мелким владетельным лицам Италии и представителям других стран. В этих случаях Наполеон проявлял не только республиканскую простоту, но даже плебейскую грубость и вандальскую дерзость. Не угодно ли полюбоваться ответом Наполеона послам Венеции: «Я не потерплю больше инквизиции и не позволю вашему сенату своевольничать. Я буду для Венеции хуже Атиллы. Не нуждаюсь ни в вашем союзе, ни в ваших интригах, а заставлю вас повиноваться моим приказаниям…» Этот ответ послан знаменитой венецианской республике, которую директория строго-настрого приказала Наполеону соблюдать и охранять…

А лучше он поступил с Кобенцелем, уполномоченным дипломатом от австрийского правительства для составлений Кампо-Формийского договора?

Вышедши из себя, Наполеон схватил фарфоровый прибор Кобенцеля, подаренный ему императрицею Екатериною II, и брязнул его о землю, причем заявил: «Вы хотите еще войны, –

хорошо, она будет; она уже объявлена; но смотрите, чтобы раньше, чем через три месяца, ваша монархия не была разбита так же, как я разбил этот фарфор…» Сказав это, Наполеон покинул залу заседания, оставив членов в полном недоумении.

Талейран полагает, что эта выходка Наполеона была проявлением искусственно выраженного гнева. «Этот удивительный человек, – говорит он, – обманывал на всех пунктах. Даже истинная страсть ускользает от вашего внимания, потому что он находит возможность представляться даже и тогда, когда он ею обуреваем». Если эта выходка Наполеона была искусственно создана, тем большую дерзость она представляет.

Несмотря на свою неограниченную власть над могущественной армией и народами, Наполеон не брезгал в заигрывании перед французским обществом, доказательством чему служат его письма к родным убитых воинов, при расчете, что эти письма сделаются достоянием общества. Вот отрывок его письма генералу Клерку: «Племянник ваш, Эллиот, убит в сражении под Арколе. Этот юноша освоился с военным делом и не раз уже шел во главе атакующих колонн. Из него выработался бы с течением времени превосходный офицер. Он пал славною смертью перед лицом неприятеля и умер мгновенно, без всяких страданий. Какой разумный человек не позавидует такой смерти? Ввиду превратности здешних судеб, кто не пожелал бы таким образом покинуть мир, зачастую достойный только презрения! Кто из нас не жалел уже стократно о том, что ему не удалось исчезнуть из сферы действия клеветы, зависти и всех ненавистных страстей, почти всецело управляющих здесь поведением человека?» Еще трогательнее письмо, которое Наполеон писал вдове одного генерала: «Мюкрон убит подле меня на поле сражения под Арколе. Вы лишились нежно любимого супруга, а я – человека, к которому давно уже питал искреннюю дружбу. Отчизна теряет, однако, более, чем мы оба, со смертью офицера, отличавшегося столько же своими талантами, как и редким мужеством. Если я могу быть чем-нибудь полезным вам или его ребенку, прошу вас всецело на меня рассчитывать».

Будучи фактическим владыкою армии и страны, Наполеон не церемонился ни тем, ни другим.

Он разрушал одни государства и создавал другие. Лишал престола и владений одних и награждал других. Создавал одни республики и уничтожал другие. Это был на деле всесильный повелитель, хотя состоял только главнокомандующим армией. Правда, в некоторых случаях свои горькие пилюли Наполеон покрывал позолотой, но эта позолота была фальшивая и показывала обычное двоедушие Бонапарта. Так, 26 мая Наполеон

пишет одному из друзей в Венеции, что сделает все от него зависящее для упрочения свободы и независимости венецианской республики. «Ничего на свете не желаю я до такой степени пламенно, как того, чтобы Италия, покрывшаяся теперь славою и освобожденная от всех чужеземных влияний, появилась опять на мировой сцене и заняла в ряду великих держав то место, на которое дают ей права природа, географическое положение, а также исторические ее судьбы…» А на другой день тот же Наполеон пишет директории: «Венецию естественнее всего отдать тому, кому Франция уступила уже венецианские владения, себе же возьмем венецианский флот, опустошим венецианские арсеналы, вывезем оттуда всю артиллерию и боевые припасы, очистим государственный банк, удержим за собою Анкону и остров Корфу…»

Резиденцией Наполеона была вилла Монтабелло, недалеко от Милана. Близко отсюда находилась волшебная страна итальянских озер. В этот-то центр не официального, но фактического властителя стекались со всех сторон правительственные агенты, военные и дипломатические, тайные и аккредитованные. Сюда они ехали и из Вены, из Рима, и из Неаполя, и из Турина, Порты и проч. Все эти послы и агенты являлись в роли смиренных искателей и просителей. Друг перед другом они старались превзойти в ухаживании за восходящим владыкою. Курьеры толпами мчались сюда и такими же толпами мчались отсюда. Недоставало женщин.

Наполеон их нашел. Он выписал свою жену. Около Жозефины Бонапарт быстро образовался блестящий кружок из приближенных.

По-видимому, Наполеон страстно любил Жозефину. Все свободное от занятий, правда, очень небольшое, время он отдавался страсти к жене. Но не такова была Жозефина. Она пламенно клялась в верности своему мужу; но эти клятвы уже с первых дней разлуки оказались писанными на воде. Жозефина скоро утешилась в разлуке с мужем и вела себя довольно двусмысленно.

До Наполеона доходили верные слухи о поведении его супруги, и это его сильно огорчало. Несмотря на то, что Наполеон тоже не оставался в долгу по отношению к своей новобрачной жене, он продолжал любить Жозефину и очень ревновал ее. Страсть Наполеона усилилась от отказа Жозефины прибыть к нему в армию. С каждым курьером Наполеон посылал Жозефине письма, полные любви, страсти и обожания. На все это она отвечала милою любезностью и заявлением о традиции, что у французов не принято, чтобы их жены сопровождали своих мужей

на войну. На деле ее мало что тянуло на поле военных действий. Военные успехи генерала Бонапарта принесли надлежащую выгоду и его супруге. Она и в Париже являлась центром внимания и героиней. Ее всюду встречали с почетом, осыпали ласками и ухаживаниями. Страсть Наполеона к Жозефине особенно усилилась с тех пор, как явилось подозрение, что он может стать отцом. Вот отрывок письма Наполеона: «Меня интересуют почести лишь потому, что ты ими интересуешься; стремлюсь к победе, потому что это тебя обрадует; в противном случае я покинул бы все, чтобы самому броситься к твоим ногам. Милый друг, будьте уверены и смело уверяйте других, что я люблю вас превыше всякого воображения! Знайте, что каждое мгновение моего времени посвящено вам; что не бывает такого часа, когда бы я о вас не думал; что мне никогда не случалось думать о другой женщине; что все они кажутся мне некрасивыми, неграциозными и лишенными остроумия. Вы, вы одна, такая, какой я вас вижу мысленными своими очами, можете мне нравиться и поглотить все способности моей души, пучины которой вы измерили. В моем сердце не осталось затаенных складок, которые бы не остались перед вами открытыми. Все мои мысли подчинены вам, так как в вас заключается вся моя умственная и физическая энергия. Моя душа связана с вами до такой степени, что день, когда вы перестанете меня любить или когда жизнь ваша прекратится, будет также и днем моей смерти. Природа и весь земной шар облечены в моих глазах прелестью единственно лишь потому, что вы здесь живете. Если вы не поверите всему этому, если ваша душа не убеждена до полного насыщения уверенностью в моей любви, то вы приведете меня в отчаяние, так как у меня родится предположение, что вы меня не любите. Между любящими сердцами устанавливается как бы магнетическая связь. Вам известно, что я не могу вынести даже и мысли о том, что у вас завелся любовник. Еще более невозможным было бы терпеть его присутствие. Увидеть его и вырвать сердце из его груди было бы для меня делом одного мгновения, и тогда, чего доброго, я мог бы в гневе наложить руку и на вашу священную особу. Впрочем, нет, я никогда не решился бы этого сделать, но тотчас же покинул бы мир, где даже и добродетельнейшая из женщин меня обманула. На самом деле я верю в вашу любовь и горжусь ею. Несчастия являются ведь только испытаниями, еще более увеличивающими силу нашей взаимной привязанности. Младенец столь же милый, как и его мать, увидит свет в ваших объятиях. Подумаешь, до чего доходит моя слабохарактерность! Я пожертвовал бы, кажется, всем за возможность увидеться с тобою хоть один день. Тысячу раз целую

ваши глазки и губки. Восхитительная женщина! Каким могуществом ты обладаешь! Зная, что тебе нездоровится, я положительно чувствую себя больным. Впрочем, у меня действительно лихорадочный жар. Не задерживай у себя курьера долее шести часов и отправь его сейчас же ко мне с драгоценным письмом от царицы моего сердца».

Ожидания и надежды Наполеона на появление наследника не оправдались. Это была ложная тревога. Тем не менее, жена генерала Бонапарта решила ехать к мужу в Италию. Главным поводом к тому были ожидавшие ее там царские почести. По прибытии в армию она нашла в лице своего мужа могущественного диктатора, у которого заискивали владетельные князья и короли. Жозефина стала в настоящее положение царицы всего там живущего. Если генерал Бонапарт был цезарем, то Жозефина явилась достойною его соправительницею. Августейшие дамы искали ее расположения и вельможи добивались через нее поддержки. Главным местопребыванием могущественного владыки и его супруги в это время была вилла Монтебелло, но Жозефине приходилось иногда и выезжать оттуда. Однажды в Бречио Наполеон и Жозефина, благодаря измене проводника, едва не попали в руки австрийцев. Жозефина должна была уходить под прикрытием очень слабого эскорта, причем едва не была подстрелена австрийцами. Расставаясь с Жозефиной, Наполеон сказал: «Прощай. Вот Вурмзер с 80 000 человек. Будь спокойна, он дорого поплатится за твои слезы». И он действительно дорого поплатился.

Наполеон пользовался почтением и преклонением перед ним не только со стороны толпы и людей, ниже его стоящих, но и равные по положению люди одинаково отдавали ему должное за его необыкновенные дарования и дела. Знаменитый генерал Гош пишет Наполеону: «Честь и слава героям Миллезимо! Честь и слава храброму полководцу их! Директория нашла нужным передать армии, будто бы мне обязаны блестящей победой, которую одержала Италия над врагом республики. Примите, мой милый генерал, выражение чувства глубокой и искренней радости, которую мы почувствовали, получив известие о ваших блестящих победах. Вы будете, конечно, храбрый генерал, продолжать доставлять нам такие ощущения, а я скажу вам от себя, что глубоко счастлив, узнав вас. Мой привет вам и дружба».

Известный генерал Карно пишет Наполеону: «Мы ожидаем, милый генерал, с великим нетерпением, что вы без труда сообразите результат дела, о котором вы нам сообщили с последним вашим курьером. Мы уже имеем последние известия о вас, и хотя привыкли ко всему необыкновенному с вашей

стороны, но победа при Бассоно превзошла все наши надежды и ожидания. Какая слава для вас, бессмертный Бонапарт, какой жестокий удар гордой Австрии».

Получая должное почтение своим достоинствам от современников, Наполеон умел оценивать таковые же и у других. Лучшим доказательством тому служит его поступок с генералом Вурмзером. Историки передают о следующем случае. К генералу Серюрье явился парламентер для переговоров о сдачи Мантуи. При разговоре с Серюрье о положении дела у Вурмзера парламентер заметил, что за письменным столом сидит какой-то офицер и что-то пишет на листе бумаги. После того как австрийский посланец закончил перечисление всех средств обороны, какими располагал гарнизон осаждаемой крепости, офицер поднялся из-за стола и, подавая только что исписанный лист, сказал: «Вот мои условия. Если бы Вурмзер говорил о сдаче, располагая еще двадцатидневным запасом продовольствия, то он не заслуживал бы почетной капитуляции. Преклонные лета, храбрость и несчастья фельдмаршала внушают мне уважение, а потому, отворит ли он ворота крепости завтра или же через две недели, через месяц или три месяца, я все-таки не отступлю от своих условий. Он может, если угодно, ждать, пока в Мантуе будет съеден последний кусочек хлеба». Условия, предложенные Наполеоном, были для Вурмзера почетны; последний их оценил и благодарил Наполеона письмом, в котором, между прочим, предупреждал его о заговоре отравить Наполеона ядом.

Заслуживает внимания письмо Наполеона к эрцгерцогу Карлу, главнокомандующему австрийской армией. «Г. главнокомандующий! Храбрые войска ведут войну и желают мира. Не довольно ли мы истребили людей и натворили зла бедному человечеству в течение последних шести лет? Со всех сторон слышатся воззвания к миру. Европа, поднявшая оружие против французской республики, положила его. Ваша нация остается единственною, и, тем не менее, предстоит большее, чем когда-либо, кровопролитие. Эта кампания предвещает его роковыми признаками. Каков бы ни был ее исход, мы уничтожим с обеих сторон еще тысячи людей; не лучше ли кончить соглашением, ибо все должно иметь свой предел, даже страсть ненависти. Исполнительная власть французской республики обратилась с уведомлением к его величеству, императору, о желании ее положить конец военным действиям, повергающим в бедствия оба народа, и только вмешательство лондонского кабинета воспротивилось ему. Неужели нет надежды на взаимное соглашение, неужели ради интересов и чувств иностранной державы, чуждой бедствиям войны, которую мы ведем, следует

продолжать обоюдные убийства? Ваше истинное призвание, г. главнокомандующий, как лица, приближенного к трону и стоящего выше мелочных страстей, столь часто обуревающих государственных людей и правительства, быть благодетелем человечества, истинным спасителем Германии! Прошу вас, г. главнокомандующий, не думать, чтобы не допускалась возможность ее спасения силой оружия. Но даже в предположении, что случайности войны будут вам благоприятствовать, Германия тем не менее, испытает ужасы разорительности враждебных действий. Что касается меня, г. главнокомандующий, если предложение, которое я имею честь вам сообщить, может содействовать спасению жизни хотя бы одного человека, я буду более гордиться гражданской заслугой, какая выпадет на мою долю, чем грустной славой военных успехов».

Если в военном отношении гений Наполеона был принимаем современниками за проявление какой-то непостижимой высшей силы, то такова же сила проявилась в Наполеоне и в его организаторских и дипломатических предприятиях. В организаторских предприятиях Наполеона в Италии проявляется такая верная и замечательная точность анализа, такое короткое знакомство и с общими характерными чертами, и с второстепенными особенностями, такая отчетливость и ясность понимания, такая определенность и стойкость замыслов, что представлялось на самом деле простительным предположить, будто на земле явился герой: полубог или демон… Совершенно то же можно было бы сказать и о политической деятельности Наполеона. Казалось, его разум и ясновидение не подчинялись общечеловеческим ограничениям… В дипломатии гений Наполеона проявлялся не меньше, как в стратегии и организаторской деятельности.

И при всех этих, всеми признаваемых достоинствах Наполеон никогда не любил выдвигать себя вперед; напротив, он очень заботился о том, чтобы не оставить не оцененным по заслугам кого-либо из своих подчиненных. Молодой главнокомандующий осыпал заслуженными похвалами мужественные свои войска и их вождей, но в донесениях о своих победах не упоминал о самом себе. Предоставлялось изумленному миру решать: был ли это человек или же демон?

Таким образом, силою своего гения Наполеон стал властным повелителем и владыкою данного положения. Все перед ним преклонялось, все благоговело.

Было, однако, учреждение, которому Наполеон был подвластен и от которого он стоял в зависимости, – это

директория. Уже с самого начала военных действий Наполеона в Италии проявился антагонизм между Наполеоном и директорией. Наполеон делал вид, что все свои действия он сообразует с желаниями и приказаниями директории, поэтому по всем важным вопросам он писал свое мнение директории и просил ее согласия, разрешения или одобрения. Это не значило, однако, чтобы Наполеон для приведения в исполнение своих планов выжидал ответа директории. Сплошь и рядом он приводил свои планы в исполнение прежде, чем они достигали директории. А если директория присылала свои решения, не согласные с мнением Наполеона, то это нисколько не служило для него обязательным к отмене своих действий.

Наполеон действовал как республиканец и как француз. Им руководили принципы и интересы французской республики. Но вдохновение своим действиям он находил в самом себе, в своем гении. Говорят, Наполеон во всем руководствовался своими личными интересами и выгодами. Это правда. Но эти интересы не были интересами ограниченного честолюбца. Это были помыслы и воззрения гения. Слава и почести Наполеона были тесно связаны со славою и почестями Франции. Служа Франции, Наполеон возвышал себя и, возвышая себя, он приносил славу и счастье Франции. В могуществе Франции заключалось могущество Наполеона. В богатстве, успехах, счастии и величии Франции заключались те же свойства Наполеона. Диво ли, если Наполеон действовал по личному своему разумению, находя в нем все в пользу Франции. Трудно уличить Наполеона в том, что он был эгоист и заботился о себе. Скорее, он заботился о благе Франции и в нем находил благо для себя. Таковы свойства великого гения, каковым был и Наполеон.

Тем не менее, ни директория, ни другие современники Наполеона не могли уяснить себе этого свойства и не могли предусмотреть будущего. Поэтому не кажется удивительным, если директория захотела подрезать крылья молодому орленку, который, не спрашивая директории, сам вел войну, заключал перемирие, изменял границы государств, уничтожал одни, создавал другие и т. п. Поэтому, помирившись с несколькими из этих выходок, директория задумала положить тому предел и назначила Наполеону сотоварища по управлению армией в лице генерала Келлермана. Однако подозрительность демократической директории и на этот раз понесла фиаско. Наполеон написал директории: «При существующих условиях главнокомандующим здесь должен быть генерал, пользующийся вполне вашим доверием. Если я должен совещаться о каждом своем шаге с правительственными комиссарами, если они облечены будут

правом отменять мои распоряжения и двигать войска по собственному своему усмотрению, не ожидайте тогда ничего путного». Вместе с тем Наполеон писал министру Карно:

> «Я убежден, что плохой генерал, да один, лучше двух хороших… в войне, как и в администрации, такт играет главную роль… Я не хочу, чтобы мне мешали. Кампания начата мною недурно, и я желал бы ее продолжать так, чтобы выказать себя достойным вас, гражданин».

Нет надобности дополнять, что директория отказалась от своего назначения второго главнокомандующего, а равно признала за Наполеоном право вести самостоятельно дипломатические переговоры. Фактически Наполеон освободился от контроля недоверчивой демократической директории; но это не устранило в дальнейшем новых столкновений с директорией. Разумеется, Наполеону вначале было очень трудно ладить с директорией, не то было позже. Наполеон, создавший «итальянскую армию», одевший, накормивший и обогативший ее, создавший штат генералов, получавших все из рук Наполеона, посылавший миллионы директории, а равно и другим генералам, ведшим войну на восточной границе, разрушавший и созидавший государства, лишавший и награждавший престолами, это не был Наполеон – искатель приключений. Этот Наполеон был идолом парижской черни и солдат; коснуться этого генерала было и для самой директории небезопасно. Поэтому неудивительно, что в дальнейших сношениях Наполеон с директорией был груб и непочтителен. Не угодно ли обратить внимание на такую депешу Наполеона:

> «Сим уведомляем о получении нами копии с условий достославного мира, заключенного Нами с королем сардинским».

Засим следовало немаловажное добавление, что войска чувствуют себя довольными, так как жалованье выплачено им наполовину звонкою монетою. Кое-где в Париже говорили в это время, что автора такой депеши по-настоящему следовало бы расстрелять.

Если директория в чем-либо перечила Наполеону или стремилась в чем-либо проявить независимость, то депеши Наполеона становились резкими до дерзости. Тогда Бонапарт начинал жаловаться на дурное состояние своего здоровья, угрожая сложить с себя командование войсками, и требовал присылки нескольких человек, «дабы заменить его во многих

должностях», которые он до того выполнял один.

Обязанный своими военными, политическими, административными и дипломатическими успехами самому себе, Наполеон вправе был сказать: «Комиссарам директории нет дела до моей политики!»

Но были вопросы, в которых Наполеон в своем непослушании заходил слишком далеко, нарушая в основе принципы республиканской Франции. Таковым роковым вопросом являлся римский вопрос. Наполеон мог и должен был уничтожить папу; но он этого не сделал. Бонапарт заявлял, что в этом случае он руководствовался принципами гуманности. На самом деле в этом отношении Наполеон извлек для себя очень большую пользу. Это открытое и коренное уклонение Наполеона от правительственной французской политики не только обеспечило его личности безграничную популярность среди верующих католиков в самой Франции и за границей, но и послужило первым шагом к последующему его сближению с римской курией. Народные массы, не привыкшие вникать в причины явлений, начали сравнивать угнетение католической церкви во Франции, санкционированное правительственными распоряжениями, с совершенно иной участью, обеспеченною в Риме верным ее последователям, благодаря гуманности генерала Бонапарта. Его святейшество, Пий VI, восчувствовал к генералу Бонапарту благодарность за сохранение остатков папской власти и отправил легата с апостольским своим благословением к «милому сыну», спасшему эту власть от неизбежной, по-видимому, гибели. На любезность папы последовал из квартиры армии учтивый ответ, копия с которого была послана в директорию. С этой минуты, однако, каждый благочестивый католик Франции и остальной Европы видели в лице Наполеона открытого союзника религии. Что же касается римской курии, то она стала послушным его орудием. Один из кардиналов подарил «милостивейшему покровителю и защитнику католицизма» бюст Александра Македонского.

По поводу своих отношений к Риму и вообще отношений к нему директории Наполеон писал: «Вам следовало бы заботиться о том, чтобы уменьшить число ваших врагов. Влияние, которым пользуется Рим, неисчислимо. Разрыв с Ватиканом был крупной ошибкой, вследствие которой все преимущества оказываются теперь на стороне папы. Если бы посоветовались со мною, переговоры с Римом не были бы прерваны. Вообще, как только главнокомандующий в Италии не служит опорной точкой для ваших там предприятий, вы подвергаетесь крупному риску. Надеюсь, эти заявления не будут приписаны моему честолюбию.

На меня без того обрушилось слишком много почестей».

Не меньшее недовольство и негодование в народных представителях вызвало своеволие Наполеона по отношению к венецианской республике. Директория строжайше воспретила Наполеону вмешиваться в дела венецианской республики и никоим образом не касаться ее образа правления. Это распоряжение было получено главнокомандующим 8 мая, а венецианская республика была уничтожена Наполеоном еще за неделю до этого.

Наконец, Наполеон очень раздражил народных представителей полным своеволием и пренебрежительным отношением к распоряжениям исполнительной власти французской республики при заключении Кампо-Формийского договора.

Однако Наполеон, ведя весьма удачно и счастливо войну, не терял из вида внутренних дел Франции. Во время работы в Италии ему удалось перехватить документальные данные, компрометирующие очень многих влиятельных лиц из народных представителей по отношению к роялистскому движению. Обнаружен был даже целый заговор. Равным образом ему удалось получить и документы, компрометирующие некоторых лиц самой директории. Теперь ему предстояло разыграть до конца жизненную трагикомедию, имевшую место вне его жизненных сфер и вдали от него.

С одной стороны, являлись представители советов, стремящиеся сломить директорию, с другой – директория, теряющая под собою почву, наконец, Наполеон, против которого были и народные представители, и директория. Нужно прибавить к этому, что и роялисты очень недвусмысленно улыбались Наполеону.

Главная задача Наполеона состояла теперь в том, чтобы обещать всем и не дать никому. Тем не менее, Наполеон выбрал директорию. Он выслал директории документы, компрометирующие противников. Для спасения себя, в конце концов, директория обратилась к Наполеону с просьбою прислать ей генерала. Наполеон выслал Ожеро.

Борьба между народными представителями и директорией дошла до последнего напряжения. Начальником стражи народных представителей был назначен заведомый роялист. 3 сентября восторженными рукоплесканиями было приветствовано в собрании народных представителей предложение Вильо о низвержении директории.

Но Ожеро был на месте. Директория вновь была спасена и спасена опять армией. Произошел новый государственный

переворот. Все это было сделано в отсутствии Наполеона и, по внешнему виду, без всякого его участия. Между тем сам Наполеон впоследствии по этому поводу говорил: «С одной стороны, я своими приказами по армии поддерживал правительственную сторону, а с другой – втайне сносился с эмигрантами, дозволяя им ласкать себя тайными надеждами… Мне лично делали самые блестящие предложения на случай, если я соглашусь последовать примеру Монка. Претендент на французский престол писал мне собственноручные послания. Я подчинил себе папу гораздо надежнее, держась в стороне от Рима, чем если бы сжег его столицу…»

Между тем, когда все эти неурядицы происходили в Париже, Наполеон и со своей стороны постарался показать своим врагам издали железный кулак. С этою целью он устроил великое военное празднество в Милане, причем обратился к солдатам со следующим воззванием: «Солдаты, знаю, что вас глубоко волнуют бедствия, угрожающие нашей стране. На самом деле отчизна наша вовсе не в опасности. Она располагает еще людьми, давшими ей возможность восторжествовать над соединенной Европой. Правда, что мы отделены от Франции горами, но если бы понадобилось, вы перелетели бы через них, как орлы, чтобы поддержать конституцию, защитить свободу, отстоять правительство и республику. Солдаты! Правительство ограждает законы, вверенные его охране. Для роялистов пробьет последний час, как только они вздумают поднять голову. Отбросьте же всякие опасения и поклянемся тенями героев, павших возле нас, защищая дело свободы, поклянемся новыми нашими знаменами вести вечную войну с врагами республики и конституции третьего года!»

Смысл прокламации был ясен. И она возымела свое воздействие. Со всех дивизий армии начали получаться адресы с изъявлениями преданности принципам революции… Все эти адресы Наполеон отослал восстановленной и укрепленной директории.

Ввиду всего этого представляется совершенно правдоподобным положение, что «13 вандемьера устроено Баррасом с помощью Бонапарта, а 18 фруктидора – Бонапартом с помощью Барраса».

Между тем война действительно всем надоела. Все хотели мира. Наполеон дал его.

Кампо-Формийский договор дал Франции очень большие выгоды. Франция получала австрийские Нидерланды и всю рейнскую границу от Базеля до Андернаха, немедленно – майнцскую крепость, Ионические острова и венецианские

фактории на противоположном берегу Балканского полуострова. Кроме того, под французским протекторатом образовался целый ряд республик, которые, разумеется, являлись послушным орудием в руках Франции.

Наполеон возвратился в Париж. За свое отсутствие Наполеон дал Франции давно не виданные честь, славу и могущество. Принес неисчислимые дары в области художеств, искусств и науки. Снабдил финансами в тот момент, когда государственная касса была пуста. Наконец, расширил владения. По всем правам божеским и человеческим Наполеон являлся героем. Таковым его принял весь французский народ и достойно почтил его. Все эти почести Наполеон принял очень скромно и тихо, но с достоинством.

После этого он поселился в своей квартире и вел, по-видимому, самую тихую, скромную и уединенную жизнь, ничем не напоминающую блеск и величие Монтебелло и Милана. Пока во Франции была республика, и Наполеон являлся одним из скромных граждан ее. Парижанам очень нравился контраст между блестящими результатами Кампо-Формийского договора и беспритязательным поведением великого полководца, который смирил Австрию и привлек два центра европейской цивилизации – лучшие страны всей Европы, а именно Италию и Нидерланды, в сферу более яркого сияния революционных французских принципов.

Разумеется, эта скромность была напускная. Наполеон выжидал. Собственно, уже и теперь дела принимали такой оборот, что он мог бы быть полезным; но тем не менее, положение дела еще не соответствовало видам Наполеона. Должно добавить, что Наполеон умудрился поставить себя в крайне обостренные отношения и с новой директорией.

Хотя мир с Австрией был заключен с большой выгодою, как для Франции, так и для Австрии, тем не менее, никто не сомневался и не обманывал себя в том, что это только затишье еще перед большой бурей. Самый Кампо-Формийский договор был составлен весьма неопределенно и давал много поводов к его нарушению в каждый момент; так что известный австрийский дипломат Тугут был совершенно прав, говоря: «Все здесь твердят о мире, где же, скажите на милость, мир? Я, признаться, не усматриваю его в Кампо-Формийском договоре!»

На деле недоразумения между сторонами возникли гораздо скорее, чем можно было бы того ожидать. Когда директория находилась в затруднении по поводу обострения этих вопросов, Наполеон предложил свои услуги привести дело опять в порядок. Предложение это не было принято, так как директория имела уже

своего кандидата для посылки на место. Бонапарт, по обыкновению, пригрозил отставкой. «Ну, так что же, подайте просьбу. Вот вам перо. Вам и в самом деле полезно будет отдохнуть», – сказал Рев-бель. Видя такое неуважение к себе, Бонапарт вышел из комнаты, бешено бормоча: «Груша еще не созрела». После этого в частной беседе Баррас сказал Наполеону: «Поверьте моему доброму совету. Уезжайте как можно скорее из Франции». Сепор передает, как слух, что директория не была прочь устранить Бонапарта путем наемного убийцы; говорили даже, что лицо, предотвратившее заговор, потом таинственно исчезло.

Наполеон уехал в Египетскую экспедицию.

Итальянская война дала Франции очень многое. Дала она еще больше Наполеону. Но не осталась она бесследною и для всего мира. Гений тем и велик, что он порождает великие мировые события бессознательно для себя. Так было и здесь. Пребывание и войны Наполеона в Италии дали толчок к национальному объединению итальянских народов. Мало того, они дали толчок и первый импульс к национальному возрождению в Греции и даже в Польше.

Приведем здесь характеристику Наполеона данного времени, представленную Д'Антрегом.

– «Бонапарт – человек маленького роста, с болезненным цветом лица. Он обладает проницательным взглядом, в котором, равно как и в выражении рта, можно подметить что-то жесткое, скрытное, изменническое. Он скуп на слова, но оказывается очень сообщительным, когда затронуто тщеславие или когда он считает себя чем-нибудь обиженным.

Здоровье его очень плохо. Кожа Бонапарта покрыта лишаями, и это болезненное состояние держит его в постоянном раздраженном состоянии, словно усиливая его природную стремительную энергию. Он всегда разрабатывает какие-нибудь проекты, не дозволяя себе никаких развлечений, спит только три часа в сутки и не принимает лекарств, за исключением тех случаев, когда страдания становятся уже положительно невыносимыми. Этот человек хочет владычествовать над Францией, а через нее и над всей Европой. Все остальное, даже в нынешних блестящих успехах, представляется ему единственно только средством к достижению цели. Он крадет совершенно открыто и грабит решительно все, накопляя себе громадные сокровища золотом, серебром, драгоценными вещами и самоцветными камнями, но смотрит на все эти богатства как на орудие для осуществления своих замыслов. Генерал Бонапарт, способный ограбить какую-нибудь деревню до последнего гроша,

не задумываясь подарит миллион человеку, который может ему пригодиться. Если такой человек питает к кому-нибудь ненависть и жаждет мести, Бонапарт даст ему случай утолить эту жажду. Вообще Бонапарт сделает решительно все для человека, который может, по его мнению, оказаться ему полезным. Сделка с ним может состояться в две минуты и в двух словах, так велика его способность очаровывать и обольщать людей, с которыми он хочет поладить. Затем, однако, обнаруживается и оборотная сторона медали: оказав кому-нибудь услугу, он требует у человека полнейшего его подчинения или же становится непримиримым ему врагом. Подкупив кого-нибудь и заставив его изменить, Бонапарт, по миновании надобности в изменнике, не заботится о том, чтобы сохранить его тайну. Человек этот ненавидит прежний монархический режим и его представителей – Бурбонов. Он всячески старается отвратить от них свою армию. Если бы во Франции тем не менее, царствовал кто-нибудь, кроме его самого, то Бонапарт согласился бы, пожалуй, играть роль полководца, возводящего королей на престол с тем, чтобы власть короля всегда опиралась на его собственный меч. Этот меч он ни под каким видом не отдаст и не задумается пронзить им сердце короля при первой же попытке монарха выйти из полного ему подчинения».

Сюси говорит короче: «Я не вижу для Бонапарта иного конца, как только престол или эшафот».

По заключении Кампо-Формийского договора Наполеон назначен был главнокомандующим «английскою армией». Вести войну с Англией без флота было невозможно. Несмотря на давнишнюю вражду Франции и Англии, несмотря на то, что Наполеон уже давно питал враждебные чувства к Англии, начинать войну, недостаточно к тому подготовившись, было немыслимо. Правда, благодаря Наполеону, Франция обогатилась флотом на счет Венеции, Генуи и Нидерландов. Во время итальянской войны Наполеон послал директории два миллиона специально для устройства флота, но эти два миллиона директория пустила не туда, а французский флот даже с присоединенными не мог рассчитывать на удачную борьбу с английским флотом. Поэтому для нанесения Англии больной раны нужно было искать удобного времени и места. Несомненно, что житницею Англии во всех отношениях была Индия. Лишить Англию Индии или даже затруднить сообщение с нею было бы великим уроном для Англии. Прежде чем, однако, завладеть Индией, нужно было завладеть попутными местами и устроить там надлежащие этапы. Одним из важнейших таких этапов являлся Египет. Овладев Египтом, с одной стороны, можно было

затруднить Англии сообщение с Индией, а с другой – это уже был большой шаг к овладению и самой Индией.

Наполеон ясно видел, что временно ему нужно исчезнуть. До сих пор он успел доказать, что он великий полководец, гениальный дипломат и замечательный администратор. Но это не значило, что Франция не могла обойтись без него. Он делал честь, славу и могущество Франции. Но до сих пор не было доказано, что эта слава, мощь и величие Франции заключались в Наполеоне Бонапарте. Теперь требовалось доказать, что Франция без Наполеона была немощна, что она нуждалась в Наполеоне и искала в нем свое спасение. Для этого он должен был удалиться.

А раз Наполеону приходилось стушеваться с поля действия во Франции, то ему, как главнокомандующему «английской армией», лучше всего было исчезнуть в Египет и захватить в свои руки этот важнейший стратегический пункт на пути в Индию. Директория вполне к этому присоединилась и совершенно развязала руки Наполеону действовать, как ему угодно; тем более что этим приемом она освобождалась от очень опасного генерала и его соратников.

Наполеон весьма энергично принялся за снаряжение. Цель вооружения очень тщательно скрывалась. Разумеется, Англия всецело приняла это на свой счет и начала сосредоточивать флот для обороны берегов Англии. Наполеону это было очень на руку. Ему нужно было проскользнуть через Средиземное море без всякого риска потерпеть малейшие потери.

Приступая к экспедиции в Египет, Наполеон и на этот раз остался верен своему всеобъемлющему гению. Он взял с собою лучшие войска и лучших генералов. Его соратниками были генералы: д'Иллье, Воуба, Дезе, Клебер, Мену, Ренье, Дюгуа, Ланн, Даву, Мюрат, Андреосси, Маршон, Жюно, Лефер, Денцентт и Бессер. Вооружения были достойны полководца. Но в этот поход Наполеон шел как начальник экспедиции, имеющей назначение изучить край во всех его мелочах и дать научно освещенное представление о земле, которая давно интересовала всех, но которую знали все-таки мало. Поэтому в составлении египетской экспедиции Наполеон проявил не только военный гений, но и гений познания и света науки и просвещения. В его отряде находились не только лучшие полководцы, но и лучшие ученые того времени по всем отраслям естествознания, археологии, истории и проч. Имена Вертолета, Конте-Долимье, Деженера, Ларрея, Женара, Манта и других служили тому ручательством. Ученая экспедиция была обставлена прекрасными приспособлениями по части инструмен– 348-тальной и библиотеки, а музеи она составила уже сама на месте. Сам

Наполеон, отправляясь в добровольное изгнание, был полон мечтами о восточном великолепии, грезами об империи, раскинувшейся на трех материках, о могуществе и власти, затмевавших собою все, что существовало ныне. Витая, однако, лично в облаках, он знал, что фантазией и идеалами солдат увлечешь ненадолго. Им нужно было нечто посущественнее. Поэтому при посадке солдат на суда Наполеон без стеснения им заявил, что каждый солдат вернется из похода с капиталом для покупки не менее трех акров земли. В изданном воззвании Наполеон обещал солдатам полный успех похода при соблюдении, однако, трех условий: уважать жен, имущество и веру мусульман.

По пути в Египет Наполеон почти без боя захватил остров Мальту и присоединил его к французским владениям. Этот пункт считался очень важным в области Средиземного моря. Не менее удачна была и высадка Наполеона в Египте.

Мы не станем следить за всеми действиями Наполеона в Египте. В общем выводе вытекает одно: для Наполеона эта экспедиция была не вполне удачна. Да и могло ли быть иначе. С тридцатитысячным корпусом Наполеон отправился завоевать едва ли не весь свет: он имел против себя море, англичан, мамелюков и турок, а главное, безводную, знойную песчаную пустыню, неимоверное утомление, бесконечную площадь, чуму и отсутствие всяких подкреплений, родины. И при всем том, чтобы сделать то, что Наполеон сделал в Египте, нужно действительно обладать гениальным умом, энергией и деятельностью. Нужно добавить, что армия Наполеона не только не получала никаких подкреплений из Франции, но она была совершенно отрезана морем и англичанами от родины и даже не получала никаких известий о ней. Единственные сведения имелись из английских газет, которые умышленно рисовали дела Франции в очень плачевном виде, причем такие газеты в очень большом количестве сваливались к сведению отрезанных от мира французов.

Эта замкнутость французов имела и свою хорошую сторону для Наполеона. Франция тоже не ведала того, что делается с горстью ее детей, закинутых в Африку. Все, что имелось, получалось из донесений Наполеона, а Наполеон знал, что и как доносить.

Несмотря, однако, на поражающее неблагоприятное положение армии Наполеона, он сумел сделать все, что только мог сделать гениальный человеческий ум, в пользу армии и Франции. Прежде всего Наполеон не являлся для народа хищником и разорителем. Напротив, он употреблял все усилия к

тому, чтобы на деле показать, что он является защитником и покровителем униженных и обиженных. Французы в Египте не только не запятнали себя, а, напротив, оставили после себя очень много добрых воспоминаний, и, почему-то, мы не теряем надежды, что во Франции явится новый гений, который закончит дело Наполеона, пожнет плоды его посева и освободит страну от зверства и алчности современных цивилизованных мамелюков Англии.

Прибавим к этому, что представители науки, участвовавшие в экспедиции, вывезли неоценимые сокровища знания и положили основу современному необыкновенно богатому изучению страны фараонов и вообще Востока.

Одно из этой экспедиции осталось для Наполеона непростительным – это небрежение и непонимание окончательного урока, который дала ему экспедиция. Наполеон не обратил внимания на то, что бороться даже гению с стихийными силами природы не под силу. С этими стихийными силами бороться можно и должно, но единичная мощь в этих случаях является ничтожною. Этого урока Наполеон не понял и за то жестоко поплатился. Если зной, пустыня и пески Наполеона пощадили, то стужа, бесконечные степи и снег погубили даже Наполеона-императора.

Французская армия в Египте была совершенно отрезана от родины и не имела из нее никаких вестей. Но не был без этих вестей Наполеон. Он знал все, что там делается. А делалось там очень нескладное. Пора было кончать дела вдали. Груша созрела. Неурядицы внутренние достигли крайних степеней. Вся Франция терпела поражения. Франция искала спасителя. Она нуждалась в Наполеоне, и Наполеон явился.

Оставляя Францию, в своих предположениях Наполеон был совершенно прав. Директория не сумела воспользоваться выгодами положения, созданного миром и Кампо-Формийским договором. Вскоре как внутренние, так и внешние дела Франции стали слишком быстро разрушаться. Директория как бы нарочно стала вызывать новую европейскую коалицию. Она продолжала вести революционную политику, которая ныне была уже совершенно бесцельной и еще раньше осуждена сознанием французского народа. Директория вполне без надобности затрагивала разнородные интересы и даже не останавливалась пред оскорблением религиозной совести верующих. Австрия, Швейцария и Италия со стороны Франции встречали такой задор, нарушения международного права и оскорбления национального чувства, каких никак нельзя было ожидать не только от республики, но и вообще от государства, стоящего в мирных

отношениях. Тем более Франция должна была быть осторожна в этих отношениях, что все эти государства были потерпевшими и потому только выжидали случая отплатить за понесенные поражения и потери. Поэтому весьма естественно, что в Европе очень скоро образовалась новая коалиция, значительно сильнейшая прежней, так как в состав ее вошли Россия и Турция. Со стороны французского дипломатического представителя при прусском дворе потребовалось очень большое усилие и умение, чтобы отвратить Пруссию от участия в общей европейской коалиции. Началась война на очень большом районе, и притом война далеко не удачная для французов. Французские армии терпели поражения на всех пунктах. Даже знаменитая «итальянская армия» на этот раз терпела сильные и неожиданные поражения. Особенно много неприятностей и огорчений последней армии причинял Суворов. Этот военный гений воспроизвел времена Наполеона, но только не во главе его армии. «Итальянская армия» вскоре впала снова в крайнюю нужду, а от директории не было никакой помощи и поддержки. Поэтому неудивительно, что армия представляла массу дезертирств и преступлений против дисциплины. Не лучше было положение армий и в других частях военных действий.

Внутреннее положение страны также находилось в отчаянном положении. Правительство совершенно уронило свой авторитет в стране; оно не умело поддержать ни уважения, ни страха к себе. Постоянно изменявшаяся конституция для страны не представляла ни гарантий, ни значения закона. Отдельные лица страны непомерно обогащались, общее же народонаселение разорялось и нищало. Государственные финансовые операции терпели неудачу, а гарантирующие их бумаги совершенно обесценивались. Отправление общественных должностей шло крайне беспорядочно и дело клонилось к анархии. Контрибуции не вносились, а налоги распределялись крайне пристрастно и несправедливо, да и то вносились весьма скудно и неисправно. Доносы царили во всей своей полноте, причем чиновники не были гарантированы не только в своем положении, но и в жизни. Жалованье выдавалось обесцененными ассигнациями, да и то часто не выплачивали по 6–8 месяцев. В этом отношении безденежье терпели не только гражданские чиновники, но и армия, причем последняя жила реквизицией. Взяточничество царило всюду и контроль отсутствовал.

Цветущее в прежние времена французское производство еле-еле существовало; бедность народонаселения достигла крайних пределов. Фабриканты нарушали свои обязательства и прекращали платежи. Пути сообщения были невозможные. Вместе

с тем появились шайки разбойников, наводившие ужас на путников и местных жителей, если последние не стояли в близких отношениях с ними. Разбойничьи шайки не боялись нападать даже на городские предместья. В некоторых местах разбойничьи шайки брали выкуп и даже объявляли определенный налог на проезжающих.

Одновременно с этим в Париже царил разгар самых утонченных пороков. Испорченность нравов и растление общества времен директории вошли в пословицу. Безумная роскошь и растление нравственности было обычным явлением. Нужно добавить, что как роскошь, так и порок не отличались особенною утонченностью и проявляли довольно грубоватый оттенок.

Все это не устраняло со стороны директории проявлений жестокости и бесчеловечности по отношению к побежденным. Только теперь вместо открытой казни и настоящей гильотины применяли «сухую гильотину», т. е. ссылку в Гвиану и другие места, откуда ссылаемые обыкновенно не возвращались. Бывали, однако, нередкие случаи, когда опасных людей лишали жизни и во Франции, только их не гильотинировали, а расстреливали. Террор продолжал существовать, только этот террор был более утонченный.

Все это наводило на общество крайнюю апатию, уныние, недовольство и даже отчаяние. «Дух общества находился в каком-то летаргическом состоянии, близком к совершенному угасанию».

Директория сознавала полную свою несостоятельность и искала спасения вокруг себя. В конце концов их поиски остановились на Наполеоне. И вот 26 мая директория отправила к нему особого курьера, которому поручено было выразить ему от имени центрального правительства надежду, что генерал Бонапарт вернется и примет начальство над армиями республики. Этот курьер был перехвачен англичанами и не дошел до Наполеона. Но Наполеон и без того хорошо знал положение дела. Вот что он заявил Мармону: «На кой черт все эти бездарности, стоящие у кормила правления? Они только колеблются, вместо того, чтобы энергично действовать, или же делают только глупости. Они умеют только брать взятки. Я, я один выносил на своих плечах все и постоянными моими победами вливал новые силы в то правительство, которое без меня не в состоянии было бы даже поднять голову от земли. Неудивительно, что с моим отъездом все пошло прахом. Нельзя, однако, сидеть сложа руки, пока Францию окончательно разгромят. Беда могла бы оказаться тогда непоправимой. Известие о моем возвращении во Францию распространится одновременно с известием об уничтожении турецкой армии под Абукиром. Мое присутствие ободрит

упавших духом, возвратит армии утраченную ею уверенность в победе и воскресит в народных массах надежду на счастливое будущее». А вот отповедь Наполеона одному из членов директории, уже в Париже: «Позвольте спросить, что сделали вы с Францией, которую я окружил такою славой? Я оставил вам победу, а нахожу взамен поражение; оставил вам итальянские миллионы, а вижу взамен нищету и законы, направленные к ограблению народа! Куда девали вы сто тысяч воинов, исчезнувших с лица родной своей французской земли? Они мертвы, а между тем они были ведь боевыми моими товарищами? Такое положение не могло продлиться уже само по себе. Еще каких-нибудь три года и анархия привела бы нас к деспотизму. Нам нужна республика, зиждущаяся на равенстве, сознании нравственного идеала и неприкосновенности нравственной свободы, добытых нами путем политических страданий». И это все сказано было громогласно и публично!

Отправляясь из Египта во Францию, Наполеон захватил с собою лучших генералов и более выдающихся политических деятелей из числа бывших с ним в Египте ученых. От высадки на берег Франции и до Парижа шествие Наполеона было сплошным триумфальным шествием. Народ осыпал Наполеона почестями и славою. Он видел в нем героя Франции, он видел в нем своего спасителя.

В отсутствие Наполеона главным его агентом во Франции была Жозефина и братья Наполеона. Дом жены Бонапарта сделался центром блестящего кружка. В нем постоянно обитали лучшие представители тогдашнего парижского общества. Этот кружок на деле доказал свою искреннюю преданность интересам отсутствующего хозяина. Он вербовал ему друзей и приверженцев во Франции, интриговал в его пользу за границей, старался извлечь пользу для Наполеона от всякого случайного политического обстоятельства и организовал могущественную партию, исповедующую ту идею, что спасение Франции единственно только в Наполеоне. Нужно добавить, что жизнь этого кружка шла очень весело и беззаботно, даже разнузданно, и душою всего этого была Жозефина. Деньги лились щедрою рукою и богиня нравственности смотрела на веселье этого кружка сквозь пальцы. Приятели Наполеона не прочь были, между прочим, пустить в общество и ту идею, что Наполеон является жертвою политической зависти, сосланною в политическую ссылку, подальше от людей, которые в это время обделывают свои дела.

И вот этот мученик за славу родины явился в Париж. Париж не был так увлечен почетом герою Египта, как провинция, но и здесь ему было воздано должное. Главное, однако, для Наполеона

заключалось не в народных овациях, торжествах и восхвалении, а в деле. И он принялся за дело. Самые разнообразные партии протянули руку к Наполеону. И он не отталкивал этих рук. Напротив, он схватил все эти руки при лозунге: не нужно больше партий, долой все партии! Идея Наполеона воплотилась в его тосте на торжественном банкете, данном ему народными представителями: «За согласие между всеми французами!» Замечательно, однако, то, что при этом тосте Наполеон выпил вино из бутылки, привезенной ему его адъютантом. Предосторожность, имевшая, вероятно, свое основание.

По возвращении Наполеона дом его в Париже продолжал быть центром примирения всего лучшего из общества. Он отличался пышностью еще больше, чем в Монтебелло. Здесь сосредоточивались все политические и военные деятели и все искуснейшие политические интриганы. Один Наполеон держал себя очень просто, казался совершенно спокойным, сдержанным и облеченным какою-то таинственностью, но вместе с тем добродушным, чистосердечным и откровенным.

Директория того времени состояла из следующих пяти лиц: Гойе, Мулена, Сиеса, Барраса и Дюко. Гойе и Мулен вскоре оказались несговорчивыми, тогда как последние три члена директории быстро присоединились к затеям Бонапарта. Сюда вскоре пристали Талейран и Фуше. Генералы все были на стороне Наполеона и только некоторые из них, как Ожеро и Бернадотт, выжидали обстоятельств. Большинство совета старейшин и совета пятисот было на стороне Наполеона. Председателем совета пятисот был брат Наполеона Люсьен.

Заговорщики быстро столковались. Роли были разделены, и все дело велось в величайшем секрете. Даже действующее лицо каждое знало только свою роль и свое дело. Революция была решена и начало дела должно было принадлежать совету старейшин. Он должен был объявить:

1 – о существовании политического заговора, имеющего целью ниспровержение власти и государственного порядка,

2 – об экстренном собрании в Сен-Клу совета старейшин и совета пятисот и

3 – о назначении главнокомандующим войсками Парижа генерала Бонапарта.

Сиес, Баррас и Дюко должны были подать Бонапарту прошение об отставке из директории, тогда директория падает сама собою и новая директория имелась быть назначенною из Бонапарта, Сиеса и Дюко. Государственный переворот был назначен на 16 брюмера. Революция могла рассчитывать на полный успех. Директория слишком уронила себя в глазах

народа, и народ искал власти твердой и определенной. Наполеон как нельзя более соответствовал этому идеалу. Большинство администрации, народ и армия были на стороне переворота. Противиться могли те, чьи интересы задевались этим переворотом. Но для их усмирения существовала армия.

Однако всему этому делу едва не помешало самое простое обстоятельство.

За несколько дней до революции Наполеон уехал к брату своему Жозефу в Монтфонтень на несколько дней. Желая побеседовать с Реньо наедине, Наполеон предложил ему верховую поездку. Достигнув озера, лошадь Бонапарта споткнулась на всем скаку о скрытый под песком камень и сбросила всадника с седла метров на шестнадцать. Реньо соскочил с своей лошади и подскочил к Наполеону, которого *застал в беспамятстве.* Не заметно было ни пульса, ни дыхания. Через несколько минут, однако, Бонапарт очнулся, как бы от сна, и вскоре с той же легкостью, с какою был сброшен, вскочил снова в седло (Пеэр, 241).

17 брюмера совет старейшин заслушал вышепоименованные три вопроса и принял их единогласно. Наполеон был приглашен в заседание совета.

В то время все генералы, за исключением Журдана и Ожеро, были в квартире в блестящей форме. Когда получено было приказание совета старейшин, Наполеон, во главе блестящего генералитета, немедленно выехал в Тюильри. Его сопровождали Макдональд, Серюрье, Мюрат, Ланн, Андриосси, Бертье и Лефевр. При проезде через город нетрудно было убедиться, что заранее отданные приказания были в точности исполнены. Войска парижского гарнизона стояли под ружьем на своих местах во всех стратегических пунктах, командующих столицей. Приехав в Тюильри, Бонапарт с блестящей свитой вошел в зал заседаний. «Граждане делегаты, – сказал он, – республика находилась на краю гибели! Вы оказались на высоте положения и спасли ее энергическим вашим решением. Горе тем, кто вздумал бы вызывать беспорядки и волнение! С помощью генерала Лефевра, генерала Бертье и других моих товарищей по оружию я их немедленно же арестую. Не к чему было бы теперь справляться с прецедентами прошлого. Никакая историческая эпоха не может сравниться с концом XVIII столетия, а тем более с настоящей минутой! Ваша мудрость постановила решение, а мы его выполним, если понадобится, силой оружия. Нам нужна республика, зиждущаяся на истинной свободе граждан народного представительства. Такая республика у нас и будет! Клянусь в том за себя и за своих товарищей по оружию!» «Мы все клянемся!»

– единодушно воскликнули сопровождавшие его генералы.

Решения совета старейшин были немедленно объявлены в совете пятисот и совершенно молчаливо им приняты.

Не то было во дворе Тюильри, где Наполеон выходил из зала заседания. Пока генерал Бонапарт садился на коня, караул Тюильри приветствовал своего возлюбленного полководца громким и дружным «ура». Приветствие многознаменательное.

Все происшедшее в совете старейшин и в совете пятисот на другой день было опубликовано в газетах с комментариями, подобающими данному случаю.

На другой день роли были распределены так: военный караул держали Ланн в Тюильри, Серюрье – в Наун де Журе, Мармон – в военном училище, Макдональд – в Версале, а Мюрат – в Сен-Клу. Директора Сиес, Дкжо и Баррас подали прошения об отставке и вручили их Наполеону, как представителю высшей исполнительной власти в Париже. Так как Гойе и Мулен оказались несговорчивыми, то их арестовали в Люксембургском дворце и охрана их была поручена Моро, который вместе с тем состоял начальником караула в резиденции правительства. Фуше предложил запереть все входы Парижа и подвергнуть ревизии омнибусы и курьеров; но Наполеон это предложение отверг, заявив, что он действует во имя народа и для народа. Ожеро, увидев свой промах, тоже явился к Наполеону, но ему было сказано, что он хорошо сделает, если будет сидеть смирненько и тоже передаст Журдану. Тем не менее, ночью в квартире Соличетти собралась партия недовольных, которая решилась устроить контрреволюцию; но заговор был выдан самим Соличетти, причем Фуше принял надлежащие меры против членов заговора.

На другой день, 18 брюмера, всеми действующими лицами роли были прекрасно исполнены и дело было выиграно. Единственное лицо путало свою роль и едва не погубило всего дела – это был сам гениальный Наполеон.

Прежде всего, вышла очень важная путаница с местом заседания. Для совета старейшин в Сен-Клу отведен был наверху зал Аполлона, а совет пятисот помещен в оранжерее. Но при этом забыли все приготовить ко времени открытия заседаний. Принялись за приготовления, когда стали собираться члены советов, и закончили приготовления только к двум часам. За это время агитаторы противных партий успели сделать очень многое. При открытии заседаний неожиданности начались с совета старейшин. Было внесено предложение о том, чтобы отложить поручение Наполеону верховной власти, так как требовали прежде выяснить, находится ли исполнительная власть в

надлежащем составе. Когда же секретарь заявил, что четыре директора подали в отставку, то в совете произошла полнейшая анархия.

В это время у дверей совета появился со своим штабом Наполеон. *«Он страшно побледнел, но сделал над собою энергичное усилие,* оправился и начал говорить отрывистыми, хлесткими, красноречивыми фразами: «Мы находимся теперь над вулканом. Я не Цезарь и не Кромвель, а простой бесхитростный солдат, который жил спокойно в Париже и оказался, неожиданно для самого себя, призванным спасать отечество. Если бы я был узурпатором, я обратился бы теперь не к народному представительству, а к солдатам прежней моей итальянской армии. На обязанности всех присутствующих принять меры, необходимые для спасения свободы и равенства… („А также и конституции“, – крикнул один голос.) Стоит ли говорить о конституции? – возразил Бонапарт. – Вы нарушили ее 18 фруктидора, а затем 22 флориаля и 30 прериаля. Все фракции ссылаются на конституцию и все ее нарушали. Служа предметом всеобщего неуважения, она стала непригодной для республики, так как, очевидно, не может спасти тех, кто ее и в грош не ставит». Затем Наполеон обратился к совету старейшин с просьбою облечь его надлежащими полномочиями, обещая их сложить тотчас же по устранении опасности, в которой находится теперь государство. Какая это такая настоятельная опасность, спросили его. «Ну что же, если на то пошло, я не стану молчать, – воскликнул Наполеон. – Знайте же, что Баррас и Мулен предлагали мне стать во главе партии, замышляющей окончательное ниспровержение либерального порядка дел!» На Бонапарта посыпался ряд требований объяснений.

На это Бонапарт разразился обвинениями совета пятисот и конституции и пригрозил, что если бы кому-либо вздумалось объявить его вне закона, то он обратится к гренадерам, штыки которых сверкают здесь по соседству. *«Вспомните, что я иду под сенью богини Счастья, сопровождаемой богом Войны!»* «Помилуйте, генерал, вы сами не знаете, что говорите теперь», – шепнул ему на ухо Буррьен… На требования дать более точные сведения о заговоре Наполеон не мог придумать ничего иного, кроме нелепого сочетания имен Барраса и Мулена, и только присовокупил, что истинная опасность заключается как раз в совпадении программы заговорщиков с общими желаниями, вследствие чего сами заговорщики нисколько не хуже несметного множества других людей, которые в глубине души разделяют их мнения. Раздосадованные соучастники Бонапарта буквально вытащили его тогда из залы заседания. По удалении Наполеона

бонапартистское большинство благополучно провело заранее условленную программу и вотировало доверие Бонапарту (Слоон).

Вышедши из залы заседаний совета старейшин, Наполеон воскликнул: «Надо положить всему этому конец!» В это время генералы, стоявшие у войск, не теряли напрасно времени. Серюрье, расхаживая перед фронтом войск, воскликнул: «Там, кажется, собираются убить вашего генерала, а вы все-таки извольте стоять смирно!»

В совете пятисот в это время свирепствовала целая буря. Уже в начале заседания предложено было, чтобы каждый депутат возобновил свою присягу конституции. Все, не исключая и Люсьена Бонапарта, выполнили эту формальность. Во время принесения присяги начали, однако, раздаваться беспорядочные крики: «Не хотим самоуправства! Долой диктаторов! Мы все здесь люди свободные!» Затем президентом прочитано было заявление Барраса о выходе в отставку. Оно было прочитано вместе с документом, где Баррас утверждал, что с возвращением во Францию знаменитого полководца, которому он имел честь и счастье открыть дорогу к славе, и ввиду доказательств полнейшего доверия законодательной власти к этому генералу, он убежден, что свободе не угрожает более никакой опасности, а потому с радостью возвращается на стезю частной жизни.

Депутатам, или, по крайней мере, большинству их, не было известно, что Сиес и Дюко подали тоже Бонапарту прошения об отставке. Точно так же они не знали об аресте Гойе и Мулена. В заявлении Барраса можно было прочесть, однако, между строк, что директория уже рушилась или находилась накануне полного распадения. Возникшие уже и перед тем подозрения, что подготовляется государственный переворот, получили таким образом веское подтверждение. Якобинское большинство совета пятисот пришло в величайшее смущение. Одни предлагали безотлагательно выбрать новую директорию, другие настаивали на необходимости соблюсти требуемый конституцией срок и отложить заседание. Наиболее проницательные поняли, что попались в ловушку, и начали объяснять своим товарищам, в чем именно она заключалась. «Думаю, что из числа присутствующих некоторые знают, откуда мы пришли и куда идем!» – многозначительно заметил Гранмезон. В эту критическую минуту двери залы заседаний распахнулись настежь и на пороге показался Бонапарт, окруженный гренадерами. Это вызвало невообразимый хаос. Депутаты повскакали с мест. Некоторые из них устремились к окнам, другие с угрожающими жестами бросились навстречу генералу, осмелившемуся явиться с

вооруженною силою в залу заседания. Многие принялись кричать: «Объявим его вне закона!» – и требовать, чтобы это заявление немедленно же было подвергнуто голосованию. Беспорядок все более усиливался… Возбуждение умов дошло до того, что раздраженные представители перешли от слова к делу и бросились на Бонапарта с кулаками. Взволнованный до крайности Бонапарт, которого, без сомнения, истомили опасения, естественные у человека, поставившего решительно все на ставку в таком рискованном деле, *внезапно побледнел и лишился чувств.* Солдаты подхватили его на руки и вынесли на свежий воздух, где он тотчас же пришел в себя и сел на коня. По выходе Наполеона из совета пятисот Сиес, человек более покойный и выдержанный, заявил: «Они хотят вывести вас из-под охраны закона, а вы должны вывести их из залы».

Наполеон отправился к войскам. В то же время к войскам прибыл и Люсьен Бонапарт и объявил, что большинство совета пятисот люди порядочные, заслуживающие уважения, но в числе их имеется несколько убийц, английских наемников, которые держат всех остальных в страхе; они вздумали умертвить его брата – генерала, на которого возложено было поручение. В войске поднялся крик: «Ура, да здравствует Бонапарт!» Тогда Мюрат обратился к Наполеону: «Прикажете нам войти в залу заседания?» – «Да, – отвечал ему Бонапарт, – если они будут сопротивляться, колите их насмерть! Да, следуйте за мною, *я должен быть для вас сегодня божеством!»* К счастью, эти необдуманные слова, вырвавшиеся у Бонапарта словно в припадке, удалось услышать лишь немногим. «Замолчи же наконец, – сказал Люсьен брату, – уж не воображаешь ли ты, что говоришь с мамелюками?» Раздалась команда, и гренадеры, предводимые обоими братьями, ехавшими на конях, двинулись вперед… Вскоре зал совета пятисот опустел. Видели, как несколько довольно тучных тел вылетело из окон оранжереи.

Вечером в этот день Люсьен Бонапарт созвал в Париже верных членов совета старейшин и некоторых членов совета пятисот, которым представлен был проект новой конституции. При этом было постановлено: отменить директорию, исключить 60 членов законодательного корпуса, учредить временное правительство из трех консулов: Бонапарта, Сиеса и Дюко, распустить законодательный корпус, учредить две временных комиссии для пересмотра конституции и законов и выразить благодарность отечества Бонапарту, генералам и солдатам.

Наполеон теперь стал полным владыкою Франции. Однако это стоило ему недешево в буквальном смысле слова. По мнению людей, хорошо знающих дело, этот переворот обошелся ему в полтора миллиона. Было не секретом, что 18 брюмера каждый солдат парижского гарнизона получил от Бонапарта по 12 франков, новый мундир и чарку водки. А сколько роздано было другим, более важным лицам, трудно и сосчитать.

Тем не менее, дело было сделано. Наполеон был избран *первым консулом* и семья его перебралась в Люксембургский дворец.

Главное дело теперь состояло в составлении конституции. Над нею трудилась комиссия из опытных, сведущих людей в течение шести недель; но больше всех работал первый консул. Составленная конституция была представлена на утверждение всего государства путем плебисцита, причем за конституцию было подано около трех миллионов голосов, а против конституции всего только 1567 голосов.

Наполеон, однако, не выжидал утверждения конституции всеобщим голосованием, а привел ее в исполнение еще раньше. Первым консулом был избран Наполеон Бонапарт, его товарищами – Камбасерес и Лебрен. В руках первого консула находилась полная власть. Он предлагает и обнародует законы, управляет сухопутными и морскими силами, устанавливает отношения Франции к иностранным государствам, подписывает трактаты, объявляет войну, назначает и отстраняет общественных чиновников, выбирает членов государственного совета. Другие консулы пользуются лишь правом совещательного голоса.

Консулы избираются на десять лет. Г-жа Пермань сказала при этом матери Наполеона: «Щука непременно скушает двух других рыбок». Разумеется, madame Mere постаралась при этом обидеться.

Будучи великим военным гением, Наполеон оказался столь же великим и в деле внутреннего благоустройства государства. Разумеется, выбор консулов, министров и лиц первых важнейших должностей принадлежал первому консулу, – остальных избирают лица, соподчиненные Наполеону, но почти всегда под его контролем и с его ведома. А ведал Наполеон всех и все. И Сиес был прав, говоря Талейрану после избрания Наполеона: «У нас теперь есть повелитель; он все знает, он все видит, все может».

При выборе людей на должности принимались во внимание: характер человека, большая или меньшая степень его честности и пригодности к делу и преданности самому консулу. Политические убеждения принимались мало в расчет. И

действительно, у Наполеона на службе находили место и республиканцы, и роялисты, и жирондисты, и радикалы, и умеренные республиканцы, и антифруктидорцы. Достаточно указать на первых ближайших сотрудников Наполеона, чтобы найти оправдание данному положению. Таковы были: министр военный – знаменитый Карно, министр полиции – Фуше, министр иностранных дел – Талейран и т. д. Несомненно, что у многих из этих деятелей совесть и нравственность находились в латентном состоянии, зато все они отличались прекрасным знанием дела, блестящим умом и образцовой исполнительностью.

Первым делом Наполеона, по вступлении в должность первого консула, было улучшение финансов Франции. Нужно было исправить государственную доходность, финансовые обороты государства, поднять ценность бумаг, улучшить благосостояние и промышленность края, уменьшить задолженность и т. д. Для всего этого нужно было найти подходящих людей. И Наполеон их нашел. В этом отношении ближайшими его помощниками были: Лекуте-де-Кантле, Годен, Молльен и др.

С первых же шагов своей деятельности Наполеон сократил периодические издания. Он оставил только тринадцать газет, причем подверг их строжайшей цензуре. Вместе с этим Наполеон стремится все упорядочить, все умиротворить. Он отменяет нелепый закон о заложниках и лично освобождает заключенных. Отменяет и другой закон, по которому родственники эмигрантов лишались политических прав и удалялись из государственной и общественной службы. Священникам, сосланным 18 фримера, разрешено возвратиться на родину. Эмигрантам, попавшим вследствие кораблекрушения на берег Франции и потом заключенным, дарована была свобода. Многим эмигрантам дозволено было возвратиться на родину.

Вместе с финансовыми предприняты были административные и судебные реформы, настолько совершенные и законченные, что они и ныне признаются едва ли не образцовыми.

Наполеон обратил также особенное внимание на умиротворение Вандеи и Бретани и вскоре в этом достиг полного успеха.

Проекты всех реформ предварительно весьма тщательно изучались самим Наполеоном; причем последний, будучи вначале учеником, скоро становится полным обладателем и руководителем данного дела. Все отрасли администрации действовали легко и плавно, что обусловливалось опять-таки непосредственным внимательным надзором самого Наполеона. Все сношения с иностранными державами велись не иначе, как с

ведома Наполеона, причем Талейран сознается, что почин выяснения самой хитросплетенной сети дипломатических интриг, а равно и составления такой сети производился всегда по инициативе Наполеона. Несмотря на то что военным делом ведал гениальный Карно, тем не менее, и здесь Наполеон делал все мелочи относительно каждой отдельной части, каждого полка, батальона, даже роты – в пехоте, артиллерии и кавалерии. Он знал везде число старослужащих солдат и конскриптов и в то же время имел самые подробные сведения о составе и численности национальной гвардии… «Все это в совокупности производит такое впечатление, как если бы в Европе в критический момент появилось существо, которое нельзя было бы признать ни человеком, ни демоном, ни ангелом. Это был человек со сверхъестественной выносливостью, сообразительностью и способностью к труду. Он напоминал ангела без совершенств или же демона без зложелательства. Все, совершенное Наполеоном, оказалось в конце концов благодетельным, созидающим и прочным по отношению не только к Франции, но тоже ко всей Европе и к остальному миру».

Одним из важнейших шагов первого консула был, однако, конкордат, заключенный с папой. Со времени революции религия во Франции была очень не в фаворе. Правда, мало-помалу острые отношения между правительством и представителями церкви с верующими сглаживались. Уже во времена директории фактически установилась свобода совести и вероисповедания, но законные отношения государства к церкви остались в прежнем виде. Мы видели уже, что Наполеон, главнокомандующий итальянской армией, отнесся к Риму очень снисходительно и даже покровительственно. «Милый сын» мог стереть Рим с лица земли и сохранил не только духовную и физическую целость его, но и политическую. Шаг весьма важный для человека дальновидного. Теперь первый консул видел ясно, что без религии он обойтись не может. Армия – великая сила. С нею можно повелевать народами; но управлять народами можно только при свободе совести и душевной привязанности. Нужно было эту свободу совести для верующих легализировать. И Наполеон с первых же дней пошел по этому пути. Прежде всего, по смерти папы Пия VI во Франции назначена была панихида. Этот акт со стороны Наполеона послужил наилучшим доказательством его сочувствия и отзывчивости к чувствам народных масс. Далее. По избрании нового папы, Пия VII, Наполеон поспешил уведомить его, что светские владения его предшественников, за исключением легатств, могут поступить в его ведение, но, разумеется, на известных условиях.

Ответом на этот шаг Наполеона к папе был приезд папского секретаря, кардинала Гонзальви, в Париж, где обе стороны скоро сговорились и заключили договор, по которому первый консул отменил законы 1790 года и признал папу главою церкви; папа же обязался утвердить епископов, назначенных правительством, и согласился на положение духовенства в денежной зависимости от правительства. Этот конкордат имел весьма важные последствия: 1) французский народ в делах совести становился под контроль папы, зато 2) в государстве признавалась духовною властью ныне существующая гражданская законом и Богом дарованною, через что все притязания Бурбонов падали сами собою. Таким образом, гений Наполеона уже давно прозрел силу и значение папской власти и для него папа – мелкий владетельный князь был гораздо удобнее папы – главы церкви. Папа – державец весь во власти Наполеона, папа – глава церкви является властителем и Наполеона. Этот шаг Наполеона дал ему мир и спокойствие с Римом и Италией, а главное, упрочил его положение не только в настоящем, но и в будущем. Пользуясь случаем, папа просил об увеличении своих владений, на это Наполеон ответил посылкою в Рим останков папы Пия VI. Вообще в дипломатическом отношении Наполеон показал себя вполне достойным дипломатических представителей римской курии.

Но особенное внимание первого консула было обращено на устройство армии. А армия нужна была, так как политический горизонт представлялся слишком мрачным и темным.

Немедленно по вступлении в должность первый консул обратился письменно к германскому императору и английскому королю с предложением заключения мирных договоров; однако и от того и от другого получил отрицательный ответ. Приходилось воевать.

По-прежнему военные действия происходили в Австрии и в Италии. Главнокомандующим австрийской армии был назначен Моро, главнокомандующим итальянской армией – Массена. По статутам конституции первый консул не мог быть главнокомандующим армией. Это не значило, однако, чтобы первый консул не мог управлять ходом кампании. Назначив главнокомандующим Моро, Наполеон вместе с этим составил и план военных действий. Для более успешного выполнения его Наполеон вызвал начальника штаба армии Дессоля и старался уяснить ему план действий с целью более успешного воздействия на Моро. Выслушав Наполеона, Дессоль отвечал: «У вас способ вести войну, превосходящий все иные способы, но у Моро тоже свои приемы, которые, несомненно, ниже ваших, но в своем роде тоже прекрасны. Предоставьте его самому себе; он будет

действовать медленно, но верно, и даст вам те результаты, какие вам необходимы для общих комбинаций. Если же вы навяжете ему свои идеи, вы смутите его, вы даже, может быть, его оскорбите и, желая получить многое, не получите ничего».

Первый консул сдался на доводы Дессоля. Основная черта тупоумных людей – обижаться честно высказанным мнением подчиненного.

Предоставив право Моро действовать на свой страх в Австрии, Наполеон двинулся на помощь Массене, предварительно необыкновенно быстро изготовив восьмидесятитысячную армию. Полководцем австрийской армии в Италии был почтенный генерал Мелас. Узнав о походе Наполеона в Италию на помощь Массене, он не придал ему никакого значения, так как, во-первых, скептически относился к способностям Наполеона, во-вторых, не верил в существование резервной армии у французов и, в-третьих, был защищен от Франции горными высотами с Сен-Бернаром во главе. Во всех трех отношениях Мелас ошибался. Наполеон был гений, имел готовую резервную армию и перешел Сен-Бернар. Находясь у Сен-Бернара, Наполеон пригласил инженерного генерала Мареско и спросил его о возможности перехода через этот хребет, на что получил ответ, что переход будет очень трудный. «Трудно – это ничего, но возможно ли?» – спросил первый консул. «Я считаю это возможным, но для этого понадобятся необычайные усилия». – «В таком случае в путь», – сказал Наполеон.

В этом переходе через Сен-Бернар сказался весь гений Наполеона. Он видел и знал все, он не упустил из виду ничего. Провиант был заготовлен. Носильщики были готовы. У ущелий были запасены артели кузнецов. Здесь же устроена была шорная мастерская для упряжи. Словом, не было той мелочи, которой бы не предусмотрел прозорливый глаз Наполеона. В силу этого армия Наполеона не только вполне удачно вошла в Италию, но даже очень скоро достигла Милана. Результатом этого посещения Милана Наполеоном была постановка прекрасной статуи Наполеона на Миланском соборе, в числе остальных шести тысяч находящихся там статуй.

Можно себе представить весь ужас Меласа, когда он узнал, что Наполеон уже в Италии и армия его не миф. Это последнее вскоре он испытал на опыте под Маренго, оставив Наполеону 7000 убитых, 40 пушек и 3000 пленных. Мелас был уничтожен и просил перемирия.

Теперь первый консул-победитель вновь обратился к германскому императору с предложением мира. Между прочим, он пишет: «Я имел возможность взять всю армию вашего

величества; но я довольствовался перемирием, в надежде, что это будет первый шаг к миру, мысль о котором тем более близка моему сердцу, что я могу навлечь на себя подозрения в нечувствительности к ужасам войны… Прошу ваше величество читать это письмо с теми чувствами, какие меня заставили писать его, и быть уверенным, что после мыслей об интересах и счастии моего народа ничто не будет меня занимать столь живо, как благосостояние воинственной нации, мужество и военные качества которой возбуждают уже в течение восьми лет мой неизменный восторг. Бонапарт».

К сожалению, за несколько часов до предложения Наполеона подписан был Австрией договор с Англией – не вступать с Францией ни в какие сепаратные предложения. Война продолжалась. Зато Наполеон успел заключить почетный мир с Неаполем. В силу этого договора порты Неаполитанского королевства закрывались для Англии.

Оставив армию на попечение полководцев, Наполеон уехал во Францию. Его возвращение в Париж было триумфальным шествием от французской границы и до Парижа.

Обстоятельства Наполеону благоприятствовали. Русский император Павел, оскорбленный заведомо недружелюбным отношением австрийцев к своему знаменитому полководцу, Суворову, и всей русской армии, а также и другими фактами непорядочного отношения к авторитету императора и истории, с одной стороны, и не менее неприличными поступками Англии, резко порвал отношения с Австрией, заключил с Данией, Швецией и Пруссией вооруженный нейтралитет против Англии и искал сближения с Францией. Наполеон зорко следил за всеми фазами этих отношений и всеми мерами старался склонить императора Павла на свою сторону. При этом он совершил целый ряд авансов, действительно могших понравиться императору Павлу. Он признал за императором Павлом звание гроссмейстера Мальтийского ордена и прислал ему гроссмейстерский меч, взятый французами на острове Мальте.

Затем Наполеон обмундировал 7000 русских пленных и приказал их отправить императору Павлу. Ввиду этих и других любезностей Наполеона император Павел написал ему следующее письмо: «Гражданин первый консул! Я пишу вам не с тем, чтобы вступать в прения по поводу прав человека и гражданина; каждая страна управляется по своему усмотрению. Повсюду, где бы я ни встречал человека, умеющего управлять и сражаться, мое сердце склоняется к нему. Я пишу вам, чтобы довести до сведения вашего о моем неудовольствии против Англии, которая нарушает все международные права и которая руководствуется единственно

своим эгоизмом и собственными интересами. Я хочу соединиться с вами, чтобы положить предел несправедливостям этого государства».

В это же время последовали новые военные неудачи в Австрии и последняя волей-неволей вынуждена была заключить с Францией сепаратный договор как за себя, так и за мелкие германские государства. Условия этого мира были уже далеко не столь благоприятны для Австрии и нанесли тяжелый удар завоевательным стремлениям, которыми Австрия до сих пор слишком широко пользовалась.

Несомненно, что моневильский договор с Австрией дал очень многое Франции, но еще более он важен был для Наполеона, которому предстояло сделать весьма многое для упрочения своего положения.

Государственный переворот 18 брюмера произошел весьма благополучно для Наполеона. Народ не только не протестовал против него, а, напротив, слишком радушно приветствовал его. Народ жаждал тишины, мира и спокойствия. Но он не прочь был и от славы. В Наполеоне он видел и то и другое. Французские народные идеалы воплотились в Бонапарте. Свое благополучие французский народ видел в военном гении Наполеона, который даст Франции и мир и благополучие. Швед Брикман говорит, что «ни один законный монарх, при вступлении своем на престол, не встречал такой готовности к повиновению, какую нашел Бонапарт у своих сограждан. В буквальном смысле слова, Франция стремилась выполнить невозможное, чтобы оказать Наполеону помощь для упрочения правительства. За исключением презренной шайки анархистов, весь французский народ до такой степени жаждет отдохнуть от опротивевших ему революционных ужасов и безрассудств, что считает каждую перемену в своем положении к лучшему… Даже роялисты всех оттенков питают к Бонапарту искреннюю преданность, так как приписывают ему намерение постепенно восстановить прежний порядок вещей. Равнодушные к политическим принципам относятся к Бонапарту как к человеку, наиболее способному доставить Франции внутренний и внешний мир. Просвещенные республиканцы хотя и трепещут за свои учреждения, но предпочитают, чтобы государственная власть находилась лучше в руках одного талантливого человека, чем целого клуба интриганов».

В этом было счастье Наполеона; но в этом было и его несчастье, ибо все эти партии не теряли надежды воспользоваться Наполеоном для своих собственных услуг и интересов. Сам Наполеон по этому поводу говорил следующее: «Это была одна из тех эпох моей жизни, когда мне довелось обнаружить больше

всего искусства и ловкости. Я обещал Сиесу претворить выработанную им конституцию от слова к делу. Я принимал у себя вождей якобинской партии и агентов Бурбонской династии. Я выслушивал все советы, но сам советовал лишь то, что сообразовалось с моими интересами… Все и каждый запутывались в мои сети, и, когда я сделался главой государства, не было во Франции ни одной партии, которая не возлагала бы на меня своих надежд!»

Людовик XVIII возлагал на Наполеона большие надежды и писал ему следующее: «Вам известно, генерал, что с давних пор я питаю к вам глубокое уважение. Если вы сомневаетесь в силе моей благодарности, то назначьте сами для себя любое положение, решите сами участь своих друзей. Что касается моих принципов, то вы узнаете, что я француз: милосердный по природе, я буду еще милосерднее по требованию рассудка. Нет, победитель при Лоди, Кастильоне, Арколе, покоритель Италии не может предпочесть славе мишурную известность. Между тем вы теряете драгоценное время: мы можем обеспечить спокойствие Франции. Я говорю мы, ибо я нуждаюсь для этого в Бонапарте, который не мог бы без меня этого совершить. Генерал! на вас смотрит Европа, вас ожидает слава, а я с нетерпением желаю возвратить мир моему народу. Людовик». И подобных посланий Наполеон получил несколько. Долго Наполеон не отвечал на эти послания. Теперь наконец ответил: «Милостивый государь! Я получил ваше письмо. Благодарю вас за ваши милостивые слова. Вы не должны желать вашего возвращения во Францию. Вам пришлось бы пройти через 500 000 трупов. Пожертвуйте вашими личными интересами ради спокойствия и счастия Франции. История зачтет вам эту заслугу. С живым участием я отношусь к несчастиям вашего дома и с удовольствием буду способствовать спокойствию и миру вашего убежища. Бонапарт».

Наполеон – первый консул, Наполеон великий военный гений, Наполеон, умиротворивший Францию, Наполеон победитель Италии и Австрии, Наполеон, принесший мир с Австрией, Италией и Россией, – мог постепенно открывать свои карты.

А мир с Россией имел свои интересы для Наполеона. Император Павел не только вошел в мирный договор с Францией, но и проникся воззрением Наполеона на отношения к Англии. Он ей объявил вооруженный нейтралитет. Вместе с этим совместно вырабатывался проект похода на Индию. Предполагалось отправить туда две армии. Одна из них – русская, сосредоточившись на Дону и в низовьях Волги, должна была пройти через Хиву и Афганистан на Инд, а оттуда выйти в долину

Ганга; другая, франко-русская, двигаясь по Дунаю, Черному морю, Дону и Волге, должна была выйти в Каспийское море, высадиться в Персии, а затем войти в связь с первою армией и двинуться вместе в Индию. Планы были рассмотрены и одобрены самим Наполеоном.

Император Павел писал Наполеону собственноручное письмо, чтобы тот скорее принимал королевское звание, дабы скорее приступить к исполнению проекта похода в Индию.

При таком положении дела изолированной Англии оставалось одно – заключить с Францией мирный договор. Заключены были также мирные договоры с Испанией и Португалией. Вместе с этим в Италии были созданы новые республики и новые королевства. Наполеон и на этот раз являлся раздавателем милостей. Однажды, в бытность Наполеона в парижском театре, один из актеров произнес следующую строчку стиха:

Я возводил, сударыня, на престол царей, но сам не хотел царствовать.

При этом весь театр задрожал от рукоплесканий.

Доставив Франции полный мир, теперь оставалось упорядочить и упрочить ее благосостояние. Внутренняя жизнь Франции стала понемногу изменяться сама собою. Это прежде всего выразилось в смягчении нравов. Так, общепринятое при директории обращение со словами «гражданин» и «гражданка» заменилось при консульстве прежними monsieur и madame. В высшем обществе, с возвращением эмигрантов, постепенно стали восстанавливаться прежние нравы и обычаи. Утонченная вежливость, по-видимому, не грозила делу свободы. В гостиных первого консула незаметно положено было начало придворному этикету, который с течением времени проводился все строже и строже. В приемных Жозефины вращались люди уже с громкими аристократическими именами. Наша соотечественница, княжна Долгорукая, отзывается по этому поводу так: «Это нельзя сказать, чтобы был настоящий Двор, но уже и не лагерь».

Наполеон ежедневно трудился от двенадцати до пятнадцати часов. При таком количестве дела ему не было времени самому заняться полировкою собственного поведения, поэтому не удивительно, если в дамском обществе он являлся совершенно невыносимым. Общество людей, доводивших искусство нравиться и пользоваться наслаждениями жизни до степени художества, – людей, признававших удовольствие главной целью существования, производило в большинстве случаев раздражающее, неприятное впечатление на человека, смотревшего на молодую хорошенькую женщину как на орудие

для удовлетворения физической страсти. В качестве полководца Бонапарт в каждой женщине видел мать одного или нескольких солдат. С научной точки зрения, семья и дети представлялись ему, как политическому деятелю, простыми данными определенной математической задачи. Наконец, в качестве властного диктатора, он не выносил даже мысли о преобладании женщины в законной сфере его веления. Это не мешало ему относиться с уважением к женщинам, обладавшим развитым сознанием долга. Вообще Наполеон так серьезно был сосредоточен на своих делах, что был не чувствителен по отношению к женским чарам. Наполеон не чуждался общества приятелей своей жены, но он не дозволял друзьям своей жены вмешиваться в его дела, а также, по-видимому, не забыл и того, что ее собственная нежная и ревнивая преданность имела много основы в его славе и могуществе.

В это время Наполеон был много занят составлением свода законов. Лучшие юристы того времени, как Тронше, Биго де Преамене, Порталис, Адриаль, Берлье, Буле, Камбасерес и Лебрен, принимали самое деятельное участие в этом деле, но душой этого дела был сам Бонапарт. Простота, ясность, понятность и целесообразность, характеризовавшие способ мышления Наполеона, являются выдающимися чертами всего Наполеоновского кодекса. Кодекс Наполеона в некоторых странах Европы и до настоящего времени служит основным законом жизненных отношений.

Одновременно с этим Наполеон очень был занят улучшением народного образования, причем ему обязан существованием Парижский университет.

Наконец, Наполеон учредил орден Почетного легиона. Когда ему возражали, что это не больше как детская игрушка, то Наполеон совершенно основательно возразил: «Вы называете это детскою игрушкою! Пусть так, но с помощью этих именно игрушек легче всего управлять людьми».

По заключении Амьенского договора, с которым Франция вступала в полный мир и на путь внутреннего благоустройства и преуспевания, друзья Наполеона подняли пропаганду о вознаграждении первого консула за все благодеяния, доставленные им Франции.

Когда Амьенский договор был объявлен в трибунате, то председатель трибуната предложил выразить первому консулу, Бонапарту, какую-нибудь осязательную благодарность. Предложение было передано в комиссию. Своевременно комиссии были выражены желания Бонапарта, почему она скоро внесла в сенат свое предложение: в знак благодарности объявить

Наполеона Бонапарта пожизненным консулом и сделать эту должность наследственной в его семье. Это предложение сенату не понравилось и было отвергнуто большинством. Вместо этого сенат 11 мая 18 02 г. постановил: продлить консульство Наполеона еще на десять лет.

Наполеон страшно был взбешен нелепой щепетильностью собственных креатур и едва было не скомпрометировал себя; но успел удержаться и выразил признательность сенаторам, сообщившим ему о решении сената. На следующий день Наполеон явился в сенат и заявил, что он не может принять предложения полномочий, предоставленных ему сенатом, так как на это требуется народное голосование, почему он предлагает произвести плебисцит по вопросу: надлежит ли Наполеону Бонапарту быть пожизненным консулом; когда же один из сенаторов внес добавление «с правом назначать себе преемника», то генерал Бонапарт объявил, что это было бы посягательством на державные права народа, и собственноручно вычеркнул поправку. Результаты плебисцита были самые благоприятные: 3 568 000 за назначение и только 8374 против назначения.

Как только ясно и открыто определились замыслы Наполеона, как последовало множество покушений на его жизнь и заговоров с целью ниспровержения господствующего порядка. Наибольшее число покушений и заговоров принадлежит роялистам. Самым жестоким покушением была адская бомба в улице Сен-Некез, причем было убито несколько людей, около 60 ранено и 40 домов разрушено или сильно повреждено. Из заговоров был наиболее выдающимся заговор Кадудаля, из-за которого пострадали Моро и Пишегрю. Связанная с этим заговором казнь герцога Энгиенского является наиболее серьезным темным и неразгаданным пятном на личности гениального Наполеона.

В это же время начали постепенно раскрываться и внешние дела. Отношения к Англии начали постепенно ухудшаться и закончились полным разрывом. Смерть императора Павла и восшествие на престол Александра также много способствовали изменению положения дела. Уже с восшествия на престол Александр прекратил враждебные действия против Англии и предупреждал своего посла в Париже о нечистосердечии отношений Наполеона к русским интересам. После казни герцога Энгиенского император Александр прервал сношения с Францией и отозвал своего посла, это, впрочем, был единственный в Европе рыцарь, который решился протестовать против нарушения общепринятых международных отношений.

Между тем пожизненный консул настойчиво продолжал

заниматься внутренним благоустройством Франции. Гений Наполеона отличался не только всеобъемлемостью, проницательностью и необыкновенным блеском, но в такой же мере настойчивостью и упорным постоянством внимания. Редерер говорит, что «Наполеон мог провести восемнадцать часов за одной и той же работой или за многими занятиями одновременно. Я никогда не видал его умственно уставшим, никогда мысль его не находилась в бездействии, даже при самом большом физическом изнеможении. Никогда ни один человек не был до такой степени способным предаться всецело тому, чем он в данную минуту был занят, и никто не умел лучше распределять своего времени для разнообразных дел, которые ему предстояли». Сам Наполеон говорил о себе: «Когда я желаю прервать какое-нибудь занятие, я запираю ящик и отпираю другой. Поэтому все дела у меня не перепутываются между собою и не утомляют меня. Когда я хочу спать, я запираю все ящики и этого достаточно, чтобы немедленно заснуть». Наполеон действительно обладал способностью заснуть всегда и везде, когда сам вздумает.

В деловом отношении Наполеон знал состояние дел каждого департамента министерства не хуже самого министра. «Я всегда тружусь и постоянно размышляю, – говорил Наполеон. – Если у меня во всякое время на все как бы готов ответ, то это потому, что прежде, чем предпринять что-нибудь, я долго обдумываю и предусматриваю, что из этого может выйти, но дух тайно и внятно подсказывает мне, что мне в том или другом случае надо делать или сказать. Я работаю всегда, даже обедая, даже сидя в театре. Я часто просыпаюсь ночью и сажусь за работу». Пеле-деля-Ловер говорит: «Наполеон часто задерживал нас в Сен-Клу от 9 часов утр а до 5 вечер а, предоставляя нам отдых на четверть часа, когда он удалялся в свои покои, а нам в большой галерее приготовлялась закуска. В конце заседания он был так же свеж и бодр, как и в начале. Великий канцлер часто должен был объявлять, что за поздним часом заседание не может продолжать, и Бонапарт всегда шутил, уверяя, что находит его предупреждение преждевременным».

Кроме общих собраний, Наполеон председательствовал и на заседаниях частных советов разных секций, которые начинались с десяти часов вечера и часто длились до шести утра. Он иногда ночью совещался с министрами и, когда последние нередко засыпали от утомления, будил их словами: «Проснитесь, проснитесь, гражданин, всего два часа: надо заслужить жалованье, которое дает нам народ». После ночных заседаний он часто брал ванну, после которой находил возможным снова работать. «Час посидеть в ванне для меня то же, что четыре часа

сна», – говорил он.

Неутомимо работая сам, Наполеон того же требовал и от других, беря, однако, от каждого не больше того, что он мог дать.

> «Каждому человеку свое место», – говорил Наполеон. Никогда члены сената, законодательного корпуса или трибуната не уходили от Бонапарта, не получив каких-нибудь полезных советов; они встречали в нем, вместо спеси, которая так обычна в карьеристах, достигших власти, необыкновенную любознательность, источником которой была преданность общему благу и уважение к общественному мнению. Он большей частью сам вызывал те мысли и соображения, которые хотели ему представить, и охотно входил в обсуждение мнений, противоположных его собственным. Его разговоры были настоящими «государственными советами»
>
> *(Редерер)*.

Если в эпоху революции говорили очень много о свободе, то редко когда на деле пользовались такой свободой, как теперь. Наполеон с необыкновенным искусством, для достижения внутреннего мира и порядка, умел расположить к себе самые враждебные к новому режиму партии, проявляя тонкий такт, выходящие из ряда политическое чутье и необыкновенную деликатность. Он предоставил эмигрантам искать конфискованные, но непроданные имения, чем очень многих привлек на свою сторону. Многим якобинцам вернул занимаемые ими прежде должности. Наполеон отдавал должное народному чувству и в прошлом, выразив, например, одобрение национальному совету Орлеана за намерение воздвигнуть памятник Жанне д'Арк. Когда во время своей поездки по Нормандии Наполеон остановился в Иври, то, въезжая в город, воскликнул: «Слава лучшему из французов, восседавшему на престоле Франции», относя эти слова к Генриху IV.

Несмотря на присущее гениальной, полуварварской и полуцивилизованной натуре Бонапарта презрение ко всяческим установленным рамкам и ограничениям, он в глубине сердца обладал ясным сознанием, что добро порождается только добром, и задавался совершенно определенною целью сделать все, что может, для возрождения общества в добрых началах. У него лично не было отечества, так как все его патриотические стремления погибли в неудачной попытке корсиканцев возвратить себе самостоятельность. Быть может, именно поэтому он и придавал так мало значения территориальным границам и

оказывался не в состоянии понять могущества национальных уз. Не обладая в настоящем искренней верой и благочестием, он с детства не лишен был религиозного чувства и теперь сознавал его значение как для отдельного лица, так и для общества. Во время экспедиции в Сирию он велел служить обедню в церкви Назарета; когда ж он стал главой государства и когда ему пришлось рассматривать религию как один из элементов, необходимых для благоустроенного общества, и как орудие правления, он не замедлил воспользоваться удобным случаем и ярким образом высказать те чувства, которые всегда питал к религии.

Будучи в Милане, Наполеон обратился с следующей речью к духовенству: «Я желал вас видеть всех вместе, дабы высказать вам свои чувства по поводу религии, религии апостольской, римской, которая одна может принести истинное счастие благоустроенному обществу и укрепить основы разумного правления».

Наполеон не чужд был и суевериям. Он искренне верил в свою звезду. Он верил в предсказания и задумывался над их смыслом. Своих взглядов в этом отношении он не думал даже скрывать. Наблюдавшиеся у Наполеона припадки усиленной чувствительности многие объясняли истерическим темпераментом. В обществе зачастую он угрюмо молчал. Ему случалось иногда проливать слезы при таких обстоятельствах, когда это для мужчины могло считаться неприличным. В еще более редких *случаях у него обнаруживалось нечто вроде умственного расстройства* (Слоон).

Наполеон сам иногда сознавал нечто странное в себе. Однажды он сказал де Жирардену, стоя перед памятником Жан Жаку Руссо, следующее: «Лучше было бы, если бы этот человек никогда не существовал». – «Почему же это, гражданин консул?» – «Это он подготовил революцию». – «Я полагаю, что вам-то не следовало бы жаловаться на революцию». – «Посмотрим, будущее покажет, не лучше ли было бы для спокойствия страны, если бы ни Руссо, ни я никогда не появлялись на свет Божий».

Вместе с этим Наполеон был крайне обидчив и легко огорчался каждой оппозицией. Он считал все нападки на руководимое им правительство как лично направленные против него, как интриги, имевшие целью отнять у него власть.

Но будучи даже на высоте своей славы, Наполеон всегда был доступен и добр к маленьким людям и боевым своим товарищам. «Я получил твое письмо, любезный товарищ, – пишет он одному сержанту. – Знаю твои заслуги. Ты один из храбрых гренадеров нашей армии. Твое имя внесено в список ста храбрецов, которых я приказал наградить почетными саблями. Все солдаты твоей

полубригады находят тебя достойным этой награды. Мне очень бы хотелось с тобой свидеться. Военный министр пришлет тебе предписание явиться в Париж».

Вечером после битвы при Монтебелло, в которой простой новобранец Куанье, не умевший ни читать, ни писать, отличился выдающейся храбростью, он был представлен в десять часов вечера первому консулу. Наполеон шутя взял своего посетителя за ухо и держал таким образом в продолжение всей краткой с ним беседы… Не удивительно, что подобное обращение Наполеона с простым солдатом производило сильнейшее впечатление на умы французского народа и вызывало страстное ему поклонение.

Подводя итог настоящему положению дела во французской республике, с положительностью можно было сказать, что республика, в которой глава государства настойчиво твердил, что он управляет волею народа, de facto превращалась в либеральную империю под державою человека, неуклонно стремившегося к самой неограниченной власти. Здание французского государства от вершины до основания было переделано, обновлено и подведено под новый ход. Французский народ, достигший равноправности перед лицом закона, гордился своими учреждениями, хотел видеть плоды своего государственного переустройства и вовсе не имел в виду ставить преграды деятельности своего кумира. Французы были искренне убеждены, что пламенное их чувство патриотизма к обновленной Франции является, в сущности, тождественным с беззаветною преданностью человеку, который помогал ее возрождению и приписывал себе причину такового.

Поэтому весьма естественно было для французов обращение сената в марте 1804 г. к Наполеону, чтобы он принял меры к сохранению «сынам содеянного им для отцов». Предложение было внесено в трибунал и государственный совет и всюду прошло почти единогласно. Наполеон был избран волею народа императором Франции, причем он окружил себя надлежащим и соответствующим двором. Всем его сподвижникам досталось каждому по делам его.

Став императором, Наполеон, однако, понимал под империей нечто иное, чем весь остальной род человеческий. Империя для Наполеона – это не была Франция. Франция – это географическая единица, составлявшая только частицу того великого, рисовавшегося в фантазии Наполеона, целого, к которому он стремился. «Все сделанное мною до сих пор, собственно говоря, еще ничтожно, сравнительно с тем, что предстоит сделать. В Европе водворится мир только тогда, когда в ней установится единоначалие, когда в ней будет император, царствующий над

королями и распределяющий королевства между своими помощниками. Одного он назначит итальянским, другого – баварским королем, третьего – швейцарским ландманом, четвертого – голландским штатгальтером, и все они будут занимать соответственные должности при императорском дворе… Вы скажете, что это лишь подражание плану, по которому была построена Карлом Великим германская империя; но вспомните, что ничто не ново под луною, что политические учреждения описывают сомкнутые орбиты, в которых зачастую надо возвращаться к прежним комбинациям…» Мио де Мелито пишет: «Пред нами предстал новый монарх, и притом не заурядный монарх, а нечто вроде царя царей…»

Таким образом, идеалом Наполеона был Карл Великий и воссоздание всемирной монархии, в которой Франция играла бы главную роль и служила бы только главной резиденцией. Свои мечты Наполеон скоро проявил и на деле. Вполне мечтая повторить деяния Карла Великого, Наполеон устроил свой придворный штат и государственный строй по тому типу, как это было у Карла. Мало того, Наполеон решил провозгласить себя императором именно в том городе, который составлял главный центр деятельности Карла. С этой целью он отправился в Аахен. Последовал ряд блестящих празднеств и торжеств, на которые притекли все германские князья, герцоги и короли. Даже римско-германский император, австрийский Франц, прислал своих делегатов в Аахен с приветствием новой царственной четы, как бы не замечая того, что во всем этом высказывалось явное посягательство на его имперские права. Только русский император воздержался от приветствия и преклонения перед новым светилом.

Наполеону недоставало одного – признания его державных прав церковью и освящения их папским благословением. Вскоре совершилось и это. Папа – владетельный князь силою вещей становился соподчиненным агентом великого императора и потому папа – глава церкви должен был поступиться своим достоинством, чтобы спасти папу – главу мелкого государства. Поэтому Пий VII, при первых же предложениях со стороны Наполеона, согласился помазать его на царство. Мало того, Карл Великий для такого признания его церковью главою всемирной империи должен был прибыть в Рим; Наполеон же потребовал папу к себе в Париж. И папа прибыл.

Здесь раздавались великие милости, и он их рассчитывал получить, хотя и ошибся.

Коронование последовало 2 декабря 1804 г. в знаменитой Notre-Dame de Paris. Окруженный блестящей свитой, при громе

пальбы из орудий и неумолкаемых криках стотысячной толпы, Наполеон явился в собор Богоматери. Когда Наполеон стал на указанном месте, папа, сойдя с престола, при всеобщей тишине, провозгласил величественный гимн: veni Creator. Затем, держа перед собою библию, папа спросил на латинском языке императора: обещается ли он делать все зависящее для водворения законности, справедливости и мира в церкви и среди его подданных. Император возложил обе руки на библию и торжественно произнес «profiteer»! Началось молебствие. Во время обедни император должен был получить из рук папы перстень, мантию и корону. Первые две регалии император взял из рук папы, но в то самое мгновение, когда папа поднял уже корону, император крепко схватил ее руками и плотно надел на свою голову. Точно так же собственноручно Наполеон возложил корону и на Жозефину. Папа был озадачен, но не лишился самообладания. Он обратился к Наполеону и произнес: «Да утвердит вас Господь на этом престоле и да удостоит вас Христос править купно с ним в вечном его царствии…» Затем, дав ему лобызание мира, папа воскликнул: «Vivat imperator in aeternum!» Оглушительные крики несметной толпы подхватили восклицание папы и разнесли по всему Парижу… По окончании богослужения к Наполеону подошли президенты всех высших учреждений империи. Наполеон, возложив руки на библию, произнес: «Клянусь отстаивать принципы революции и целость французской территории; клянусь управлять в интересах благоденствия, счастья и славы французского народа!..» После принесенной присяги императора на служение народу старший герольд провозгласил: «Трижды августейший император Наполеон коронован и воссел на престоле! Многия лета императору!..» Ответом был гром пушек и неумолкаемые восклицания стотысячной толпы. Наполеон сказал Жозефине: «Я выиграл сражение». Да, Наполеон выиграл, а папа проиграл, так как уехал из Парижа, не добившись исполнения своих мечтаний. Естественно, не с добрым сердцем по отношению к Наполеону папа оставил Париж. Итак, ныне Наполеон стал императором волею народа и милостию Божиею.

Для полноты выполнения замыслов Наполеона о всемирной империи ему недоставало коронования короною Италии, дабы стать римским императором. Ожидать этого ему пришлось недолго.

Государства, находившиеся в зависимости от Франции, следуя примеру своей метрополии, меняли тоже свои конституции и переходили от директорий к консульствам. Теперь оставалось сделать следующий шаг и провозгласить империю.

Стараниями людей близких и умелых все дело обделалось скоро и гладко. 26 мая Наполеон, провозглашенный итальянским королем, собственноручно короновал себя в миланском соборе железною ломбардскою короною. Возложив корону на себя, Наполеон сказал: «Бог дал мне ее, пусть побережется тот, кто вздумает до нее коснуться!»

Когда данное лицо или общество преуспеет, то оно всегда порождает к себе во многих неудовольствие, недоброжелательство, вражду и ненависть. Да это и естественно. Успехи одного захватывают отрицательно соседей и, следовательно, пропорционально степени успехов и усиления положительных сторон жизни одного порождают отрицательные явления в другом. Так было и здесь. Успех и возвышение Наполеона и Франции вызвали неудовольствие и враждебные действия в соседних государствах. Стремления и планы Наполеона стали ясны для всех, и потому неудивительно, что против Франции составилась новая коалиция, в совокупности всех государств Европы.

Наполеон ясно понимал положение дела. Все это, однако, нисколько не смущало его. Одна Россия была не по душе Наполеону и ее вражда была ему неприятна. Вот что говорил Наполеон в государственном совете: «Он желает, чтобы дух Екатерины Великой руководил советом императора Александра. Он вспомнит тогда, что дружба Франции является для России необходимым противовесом в системе европейского равновесия… Россия, не сопредельная с Францией, не может затрагивать ее интересов и смущать ее спокойствия».

Началась новая война. На этот раз Наполеон впервые вел войну по собственному своему усмотрению, без всякой помехи и без необходимости давать кому бы то ни было отчет в своих действиях. Его армия состояла из молодых, хорошо обученных солдат, между которыми находилось также много старослужилых солдат, и, несомненно, была лучшею в Европе. Все генералы, несмотря на свою строгую боевую известность, были еще люди молодые, полные ума, энергии, знаний и жажды славы и добычи. Сам Наполеон забыл о своем императорском достоинстве и со всею силою ума и энергии проявил себя гениальным главнокомандующим и начальником штаба. Через три недели от начала похода Наполеон писал Жозефине: «Я уничтожил неприятеля без боя, одними только маршами». Это была правда. Вена увидела на своих улицах французскую армию. Вся Австрия была в руках Наполеона. Но решающим моментом был Аустерлицкий бой. После этого Австрия смирилась. Смирились и другие государства. Наполеон стал фактическим повелителем на

континенте Европы. Он предписывал условия мира. Он чертил новую карту Европы. Неудачи на море в борьбе с Англией не смущали Наполеона, так как, в свою очередь, он был неуязвим на суше, нанося, однако, существенный урон интересам торговой Англии.

Теперь Наполеон мог фактически осуществить создание новой римской империи под верховным владычеством французского императора, на развалинах старой римской империи с австрийским императором во главе.

Жозеф Бонапарт был назначен неаполитанским и сицилийским королем, приняв на себя роль союзника, вассала Франции и сохранив за собою французские титулы и звания. Элизе даны были, кроме Лукки, округа Масса-Каррарский и Горфоньянский, а княгиня Полина Боргезе получила княжество Гуастальское. В непосредственной зависимости от Наполеона было создано двадцать новых наследственных герцогств: Далматское, Истрийское, Фугульское, Кадорское, Беллуно, Конельяно, Тревизо, Фельтрское, Бассано, Виченцское, Падуанское, Ровиго, Пагузское, Гаэтское, Отранто, Тарентское, Реджио, Луккское, Пармское и Паченцское. Итальянскими титулами жаловались французские граждане. В Голландию королем назначен был Луи Бонапарт, и страна становилась в вассальную зависимость от Франции. Бавария, Вюртемберг и Баден, получив прибавления территории из рук Наполеона, вместе с тем становились его вассальными владениями. Эти, по внешности независимые, государи при первой же попытке к проявлению своей независимости получили из Парижа такие недвусмысленные замечания, после которых им оставалось только сидеть смирненько.

Вскоре после Аустерлица баварский курфюрст выдал свою дочь за итальянского вице-короля Евгения. Жером женился на Екатерине, дочери короля Вюртембергского. Были и другие браки лиц семьи Наполеона с лицами царствующих домов. Все это делалось с целью поднять вес и значение семьи Бонапартов. Наконец, из множества мелких прирейнских княжеств, герцогств и проч. составлен был обширный рейнский союз, который становился в вассальные отношения к Франции.

Сюда входили: Бавария, Вюртемберг, Баден, Нассау, Гессен-Дармштадт, Франкфурт, герцогство Клевско-Берское и др. Все эти государства в военное время обязаны были выставить известное число войска, а в мирное – быть в полном послушании Наполеона. Этим последним актом наносился тяжелый удар Пруссии и отчасти Англии. Таким образом карта Европы была совершенно видоизменена. Такое распределение в значительной

степени ослабляло влияние и могущество Австрии, Пруссии, Англии и даже России и de facto создавало могущественную западную империю Наполеона. Наполеон задумал принять титул римского императора и даже короноваться в Риме и только опасность серьезно поссориться с папою удержала его от этого рискованного шага.

Наполеон-император резко изменил свою внешнюю обстановку. Его дворец был наполнен людьми, уже вышлифованными; двор был организован и состоял из людей, которые умели себя держать с достоинством и ловкостью. Старинные его друзья не решались обнаруживать перед ним товарищеской короткости. Сама Жозефина почтительно обращалась с Наполеоном и называла «государь» или «ваше величество». Наполеона окружали его вассалы: короли, великие герцоги и другие государи, за ними следовали вновь назначенные князья и герцоги, далее шли маршалы и высшие придворные чины.

Все это не мешало, однако, Наполеону серьезно заниматься делами государства. С большей, чем когда-либо, неутомимостью и энергией он трудился и работал. Всеми мерами он старался оттянуть время от удовольствий и отдыха и отдать его государственным делам. На первом плане, разумеется, была армия, и он ничего для нее не жалел. Он не только заботился об ее обмундировке, но также и ее благополучии и благосостоянии. Не менее занимался также Наполеон финансами империи. А этим нужно было заняться, так как нашлись охотники, в отсутствие Наполеона, попользоваться казенным добром. Внутреннее управление и народное образование также не лишены были внимания Наполеона. К сожалению, на все это ему приходилось тратить не много времени. На горизонте возникала новая война, и Наполеон спешил туда.

До сих пор прусский король старался держаться нейтралитета. Напрасно его старались уговорить принять активное участие в войне Австрия и Россия, напрасно и Наполеон соблазнял Фридриха III принять его сторону. Прусский король оставался нейтральным, желая тем, с одной стороны, сохранить целыми войска, а с другой – оставить страну полную сил и могущества. Кончилось, однако, тем, что он должен был выйти из своего нейтралитета и вступить в борьбу с Наполеоном. Только теперь его положение было хуже, нежели раньше. Прежде Пруссия могла войти в коалицию против Наполеона с Австрией и Россией, теперь же только лишь с Россией, так как Австрия была разгромлена, бессильна и бездеятельна.

Несмотря на то что при войне с Пруссией французские войска

на пути не встречали ни труднопереходимых рек, ни неприступных скал, ни недоступных вершин, тем не менее, Наполеон готовился очень серьезно к этой войне. За прусской армией были хорошие традиции и с ними приходилось считаться. К сожалению, полководцы прусской армии были люди отсталые и мало научившиеся войнами Наполеона. Война эта была непродолжительна. Русская армия не успела прийти Фридриху на помощь, а прусская армия была быстро уничтожена. Берлин был взят, и королю пришлось скитаться в северных пределах своего королевства, доселе французами не занятых.

Французы не постеснялись и Пруссии, как Италии. Картинные галереи, музеи и дворцы были разграблены. Наполеон не постеснялся даже такими драгоценными предметами, как шпага, портупея и шляпа покойного Фридриха Великого, и послал их в Париж. Маршалы не уступали главнокомандующему. Особенно на этом поприще успешно действовали Массена и Даву. Французские солдаты не нуждались в примерах и поощрениях, дабы хозяйничать в завоеванном крае по-своему. Особенно сильно пострадал Любек, отданный Наполеоном солдатам на разграбление. Вообще требования победителей не отличались скромностью. Наполеон снисходительно относился ко всему этому, а потому солдаты могли проявлять самую безграничную алчность. Император полагал, что все такие мелкие отступления от кодекса общепризнанной нравственности должны увеличивать верноподданническую преданность к нему войск… Это же удерживало и маршалов в должном повиновении.

Уничтожив Пруссию, Наполеон обратился теперь к разрушению России и Англии. Первым серьезным шагом на этом пути было обещание восстановления Польши. Это была угроза в такой же мере России, как и Пруссии и Австрии. Поляки, всегда беспредельно любившие свою родину и свою нацию, готовы были отдать за это Наполеону все.

В лице поляков Наполеон имел против России союзника верного, преданного и воодушевленного ненавистью. Поэтому весьма естественно, что он заигрывал с поляками, льстил им и обнадеживал несбыточными надеждами. Представлявшейся ему в Берлине польской депутации Наполеон заявил, что Франция никогда не признавала раздела Польши и что поэтому он, в качестве императора французов, считает необходимым восстановить польскую независимость и снова организовать королевство, которое, будучи основано им, несомненно, окажется устойчивым на вечные времена (Слоон). Обещая полякам одно, Наполеон не стеснялся в то же время говорить представителям держав совершенно другое. Сами поляки не все одинаково были

обольщены Наполеоном: были между ними и такие, которые надеялись скорее получить свободу из рук неограниченного монарха Александра, нежели из рук императора Наполеона.

В настоящей войне Наполеон являлся фактически императором великой империи, а не только Франции. Это особенно отразилось на его армии. В ее состав входили не одни только французы, но там были и баварцы, и вюртембергцы, и голландцы, и итальянцы, и поляки и т. д. Таким образом, численность армии возрастала за счет вассальных государств, что, несомненно, облегчало Францию. Но вместе с этим важным преимуществом в армии можно было подметить и некоторые недостатки. Прежде всего Наполеон не был теперь так близок для армии, как прежде. Он был в армии, он любил ее, он все силы напрягал хорошо содержать ее, он даже допускал ей такие грешки, которые, быть может, были и непростительны; но эти были не те отношения к солдатам, какие существовали в Италии. Наполеон теперь был императором, прекрасный повелитель, но это уже не был солдат-товарищ. Маленький капрал стал великим главнокомандующим. Да и весьма естественно, что эти отношения Наполеона к солдатам изменились: армия стала разношерстной и изменилась в существе. В самом деле. Старые солдаты выбывали, а новые набирались из различных стран и народов. Далее, нельзя было не заметить в армии и того явления, что солдаты-французы пользовались некоторым предпочтением перед солдатами других национальностей. Наконец, солдаты-французы сражались за идею, за славу своей родины, за честь своего главнокомандующего, ну, а баварцы, вюртембергцы, голландцы и проч.?! Они несли свою жизнь на поле брани поневоле… или из-за добычи.

Война с русскими для французов имела и другую новизну. Им пришлось вести войну в стране малокультурной, редко заселенной, бедной, с народом, глубоко преданным вере, царю и отечеству. Наконец, сама армия русская, не так хорошо организованная, как французская, отличалась, однако, беспредельной храбростью, выносливостью, устойчивостью и беззаветной преданностью царю и родине. Сами полководцы были люди молодые, но опытные в бою и с традициями такого знаменитого полководца, как Суворов. Все это заставляло ожидать от данной войны иного исхода, чем это было раньше. И действительно, если под Пултусом французы нанесли урон русской армии, то русские воспользовались этим уроком и отплатили за него под Прейсиш-Эйлау. От этой войны французская армия не вынесла ни славы, ни добычи. Напротив, солдаты голодали. Интендантство осталось верно себе и безбожно

крало. Наполеон уже не был тем прозорливым, каким он был в Альпах. Армия роптала и впервые не постеснялась кричать императору в лицо нелестные эпитеты…

Война с Россией и Пруссией затянулась. Армия стала на зимовку, причем для русских эта зимовка не представляла ничего особенного, тогда как для изнеженных и привыкших к комфорту и роскоши французов это была каторга. Прибавим к этому, что неприятельская армия много страдала от набегов неуловимых и вездесущих казаков, которые не бесполезно для себя проводили зимнее время в соседстве французской армии. А Наполеон в это время веселился в увлеченной и опьяненной идеей освобождения Варшаве. Он проводил медовый месяц с Валевской, хотя дела армии обстояли далеко не так хорошо, как можно было бы думать. Видимо, гениальный дух Наполеона поддавался влиянию обычной человеческой плоти. И он был доступен страстям, подвержен утомлению и склонен к состарению… По мнению Слоона, Наполеон уже в это время стал заметно опускаться. В нем обнаружились две некрасивые черты: распутство и ослабление внимания к подробностям своей работы. Но в то время, когда поляки за спасение родины отдавали французам свое имущество, своих детей, своих жен, Наполеон заявляет и австрийскому императору, и прусскому королю, что он ничуть не интересуется Польшей.

В это же самое время Франция вела переговоры и подняла против России Турцию и Персию, но Россия вела свои дела в этих странах далеко успешнее, нежели Наполеон на поле своих военных действий.

Не имея надежды с успехом вести войну с Англией на море, Наполеон объявил ей беспощадную войну на суше. Англия – страна торговли. Благосостояние ее жителей стоит в тесной связи со сбытом вне страны продуктов ее производства и количеством ввозимого хлеба. Затрудните сбыт товаров и прекратите доставку на остров хлеба, и Англия погибла. Наполеон это понимал и принял все меры к тому, чтобы изолировать Англию от Европы, а Америка сама о себе позаботится. Поэтому, еще будучи в Берлине, Наполеон издал декрет: «Британские острова объявляются отныне в блокаде. Торговые сношения с ними воспрещаются. Письма и посылки, адресованные в Англию, конфискуются. Точно так же конфискуются и все склады английских товаров на материке Европы, в пределах Франции и союзных с нею держав. Все без исключения английские товары, английские суда, а равно также суда, нагруженные товарами из английских колоний, не допускаются в порты Франции и дружественных с нею, хотя бы даже нейтральных, государств».

Наполеон на этом, однако, не остановился. Он пошел далее и постановил, что каждый английский подданный, оказавшийся в упомянутых странах, признается военнопленным и частная собственность всех англичан подлежит законным образом захвату и конфискации.

Но все эти меры, на сколько были гибельны для англичан, на столько же оказались вредными и для самой Франции и всей Европы. Производство Англии и ее колоний стало уже для населения Европы жизненною потребностью, и лишение их вызвало сильное раздражение против Франции и ее императора, а в самой Франции – невероятную контрабанду, которая иногда была не без ведома самому Наполеону.

Далее, пока берега России, Пруссии, Дании, Швеции, Норвегии и проч. были открыты кораблям Англии, борьба Наполеона с Англией была бесплодна. Ему нужно было добиться во что бы то ни стало закрытия этих берегов. Ко всему этому Англия объявила, что она высадит свою армию на материке Европы.

В Пруссии началась весьма опасная партизанская война.

Народонаселение Франции, вследствие постоянных наборов для войск, сильно редело. Государственные ценности и финансы сильно понизились. Начало открыто проявляться раздражение и недовольство против императора и его непрерывных и не вполне удачных войн, вопреки его официальным реляциям. Требовалось присутствие Наполеона в Париже.

Все это Наполеон видел, понимал и очень хотел заключить мир. Мира хотели все, и мир был дан. Наполеон особенно интересовался миром с Россией, почему предложил очень выгодные условия для нее, именно: раздел Турции и присоединение к России пространства по Висле, до впадения ее в море. Заключение мира с Россией тем более могло совершиться удачно, что личных раздражений между Наполеоном и Александром не было. Наполеон, отзывавшийся обо всех царственных особах пренебрежительно и дерзко, по отношению к Александру всегда вел себя сдержанно и почтительно. Точно так же и русский государь не допускал по отношению к Наполеону ничего такого, что могло бы оскорбить его достоинство и самолюбие.

Для большого успеха мирных переговоров императоры назначили личное свидание, каковое и состоялось 25 июня 18 07 г. в Тильзите. Для этого посередине Немана французскими саперами был устроен павильон. Этот павильон изящно убрали флагами и гирляндами, расположенными с большим вкусом, вообще характеризующим французов. В павильоне имелись две

удобные комнаты: одна для монархов, другая для свиты. Русские и французские гвардейцы были выстроены лицом к лицу, одни по правую, другие по левую сторону реки. По сигналу, поданному пушечным выстрелом, отчалило от каждого берега по лодке, направлявшейся к павильону, причем восторженные русские «ура» сливались с французскими «да здравствует император!». В одной лодке находился император Александр в блестящем гвардейском мундире, в другой – император Наполеон в своем обычном костюме. Французский император первый причалил к плоту и встретил августейшего своего гостя с любезностью, которая у французов вне конкуренции. Свидание происходило наедине. Свита могла уловить только слова: «Государь, – заключил русский император, – я готов с вами действовать заодно против англичан», на что Наполеон отвечал: «В таком случае мы поладим друг с другом и мир между нами фактически заключен». Беседа продолжалась более двух часов.

Император Александр был очарован Наполеоном; видимо, и Наполеон остался под хорошим впечатлением от личности Александра. Император Александр вместе с рыцарской откровенностью обращения и самой романической восторженностью проявлял твердую настойчивость и значительную степень здравого ума.

После этого государи встречались ежедневно, причем следовал ряд торжеств. Переговоры велись большею частью императорами лично. Рядом с этим велись частные разговоры, преимущественно касавшиеся будущей переделки карты Европы. Император Александр часто восклицал: «Отчего мы не познакомились друг с другом раньше?» Приглашался иногда в общество и прусский король, но его положение было более чем плачевно. Русские и французские офицеры также очень быстро сдружились, тогда как пруссаки держались особняком. По желанию императора Александра Наполеон часто рассказывал о своих победах и средствах, коими он пользовался для их одержания, искренне и обстоятельно объяснял устройство и действие административного своего механизма, часто также говорил о своих душевных делах.

Вскоре на тильзитском горизонте появилась прусская королева Луиза. Она была в полном смысле слова красавица, умная женщина и горячая патриотка. Наполеон был с нею крайне мил, любезен, предупредителен и вежлив, но в политике ее влияние оказалось ничтожным. Поэтому договору Франция становилась посредницею между Россией и Турцией, а Россия – между Францией и Англией. В случае отказа Англии в перемирии Россия совместно с Францией, Данией, Швецией, Португалией и

Австрией должна была объявить Англии торговую войну, в случае отказа Турции от заключения мира на выгодных для России условиях все европейские владения султана, за исключением Румелии и Константинополя, предполагалось разделить между Россией и Францией, причем на долю России доставались: Бессарабия, Молдавия, Валахия и Болгария. Кроме того, Россия имела в виду занять Финляндию. Пруссию Наполеон хотел вовсе исключить с лица карты Европы, и если она сохранилась, то всецело была обязана заступничеству императора Александра.

Наконец, мир был заключен и Наполеон возвратился в Париж. Мы не будем описывать всех тех празднеств и торжеств, которые парижане устроили Наполеону. Все это было настолько же искренне, как и принужденно.

Государство требовало вновь внимания повелителя, и Наполеон очень усердно занялся государственными делами. Начались сооружения новых общественных зданий, богаделен, приютов, водопроводов, проведение дорог и каналов, проложение новых путей сообщения через горные цепи. Все это дало народу заработок и вместе с тем служило благосостоянием государства. Лучшим образом деятельности того времени служат: дороги через Симплон и Мон-Сенис, реставрация собора в Сен-Дени, главные каналы, соединяющие речные системы, сооружение набережных в Париже, большая триумфальная арка, Вандомская колонна, улицы Мира и Риволи, мосты Аустерлицкий, Иенский и т. д. Все эти предприятия имели в виду поднять экономическое благосостояние земледельческого населения, которое в некоторых округах значительно пострадало и находилось в бедственном положении. Это приписывалось многочисленности проживавших там евреев. Строгие законы прежнего режима отняли у злополучных евреев возможность заниматься чем-либо, за исключением мелкой торговли и ростовщичества. В обеих этих отраслях промышленной деятельности они считались знатоками. После эмансипации евреев они начали злоупотреблять свободой, которую доставила им революция. Вместо того чтобы расширить сферу своей деятельности, евреи продолжали заниматься мелким торгашеством и ростовщичеством и окончательно захватили в свои руки обе эти отрасли торгового посредничества. В 1791 г. поселилось на правом берегу Рейна значительное число польских и германских евреев. Оказывая энергичное содействие своим единоплеменникам на левом берегу этой реки, они общими силами так ловко обирали французских крестьян, скупая у них хлеб на корню и выдавая ссуды под лихвенные проценты, что через несколько лет сделались самыми крупными землевладельцами, причем сверх того у них числились за

крестьянами долги в общей сложности более двадцати трех миллионов франков. Питая отвращение к физическому труду, они не прикладывали к нему рук, и, благодаря отсутствию фамилий, безнаказанно уклонялись от исполнения воинских обязанностей; между тем судьи были обременены множеством предъявленных евреями тяжеб по взысканию долгов и продажам с публичного торга заложенных имений, причем во всех случаях сумма первоначального долга являлась исчезающей величиной сравнительно с наросшими на нее процентами.

Уже в предшествовавшем 1806 г. императорским декретом были временно приостановлены в некоторых округах судебные взыскания по долговым обязательствам, в которых заимодавцами являлись евреи. Наполеон обратился к выдающимся и просвещенным представителям еврейства с целью собрать совет для урегулирования данного дела… Синедрион издал декрет, в котором запрещалось многоженство и признавался принцип гражданского брака; вместе с этим предписывалось всем евреям относиться к людям верующим, как к своим братьям и согражданам. Евреям предписывалось также повиноваться гражданским и военным законам, не исключая закона о конскрипции. Они должны были обучать своих детей различным ремеслам и промыслам, их приглашали также посвящать себя научной карьере и обнаруживать свой патриотизм покупкою облигаций государственного долга. Лихоимство было категорически воспрещено. Евреям предписывалось во имя религии не дозволять себе в денежных сделках никакой разницы между единоверцами и христианами. Все мелочные подробности этих постановлений были предусмотрены и выработаны самим Наполеоном (Слоон). Вместе с тем Наполеон заботился об улучшении финансов страны и общего экономического благосостояния.

Наполеон был велик не только в военном деле, но и в устройстве внутреннего благосостояния Франции. Вскоре народные массы были обеспечены работой, а потому стали сыты, одеты, благодушны и даже могли откладывать копейку про черный день.

Совершая все как по мановению жезла, Наполеон не мог не возгордиться. И действительно, он стал слишком самоуверен, слишком величествен и слишком важен. Даже братья его не имели к нему свободного доступа. Мало того, они теперь именовались не Жозеф, Жером и Луи Бонапарты, а Жозеф, Жером и Луи Наполеон. Наполеон явился главою и родоначальником не только государства, но и собственной семьи. В правительственном органе было объявлено публично, что все они

должны помнить, что первая их обязанность служить верой и правдой прежде всего Наполеону, а затем Франции. «Что касается прочих обязанностей, даже по отношению к народу, управление которым вам вверено мною, то им должно придавать только второстепенное значение». Рапети говорит, что «в своих взглядах на образ правления он не разделял авторитета от свободы, но на практике он требовал безусловного подчинения и не терпел возражений… Хотя империя и не имела деспотического образа правления, все же она видела многие его признаки». О народе он сам говорил следующее: «Что касается народных масс, то они всюду нуждаются в отеческой опеке и чувствуют себя совершенно довольными до тех пор, пока им живется под нею хорошо», а Барбе-Марбоа Наполеон предписывает: «Пусть народ гибнет, но вы не имеете права выходить из границ предоставленной вам власти». Наполеон теперь становится настоящим деспотом. Он король над королями, и все остальные государи должны ему подчиняться, как вассалы. Напуганные государи теперь поняли, что нет более границ их унижения, потому что нет границ и честолюбию Наполеона. Будучи прежде вежливым и тактичным, он требует от других королей уважения и почтения, являясь своего рода Тамерланом. Он теперь ищет войны для войны. 4 апреля 18 07 г. он приказывает ввести катехизис, где предписывалось всем гражданам полное повиновение всякому императору, особенно же Наполеону, «тому, которого Бог поддерживал в трудные минуты в его заботах о восстановлении религии наших отцов, помазаннику Божию оказывать повиновение глубокое и деятельное».

Двор Наполеона блистал роскошью и величием. Блестящие парадные мундиры маршалов, изящные и богатые платья дам и девиц, расшитые золотом ливреи придворных лакеев, танцы, домашние спектакли, концерты и увеселительные прогулки – все это должно было бы оживлять и веселить придворную жизнь.

На деле же там царила натянутость, тоска и скука. Когда, наконец, Наполеон пожелал узнать правду, почему жизнь такова, то Талейран решился сказать эту правду, хотя она была и дерзка: «Если при дворе такая смертельная скука, то единственно лишь потому, что удовольствия не могут идти под барабанный бой. У вашего величества всегда такой вид, как если бы вы предполагали, что командуете войсками. Каждый ежеминутно ожидает услышать приказание: monsieurs et mesdames, вперед марш!».

А что же сам император? С самим императором, являвшимся средоточием этой жизни, творилось что-то неладное. Он зачастую впадал в дурное расположение духа, становился угрюмым,

неразговорчивым и раздражительным. *Иногда с ним случались даже истерические припадки.* Чтобы успокоить нервное возбуждение императора, придворный врач прописывал ему теплые ванны, на которые он и затрачивал несколько часов в день. В образе жизни Наполеона обнаруживалась крайняя беспорядочность. Днем он зачастую впадал в дремоту или даже засыпал, но зато в полночь часто вставал и принимался диктовать своим секретарям с такою поспешностью, что они едва успевали за ним записывать. Со старыми своими друзьями он обращался грубо и сурово… Среди всех маршалов в блестящих мундирах, звездах и лентах сам Наполеон расхаживал в сером походном сюртуке и треугольной шляпе с излюбленной грошовой кокардой (Слоон).

Положение дел в Европе таково: Италия составляла частицу Франции, Австрия была разбита и тиха, Пруссия почти не существовала, Россия направлена была на Финляндию, Швеция – занята Россией, Турция – покорная раба Франции, Англия – в самом жалком положении ввиду закрытия для нее почти всех европейских портов, мелкие государства – такое ничтожество, о котором не думают. Был еще, однако, уголок, который манил Наполеона, – это Испания и Португалия. Нужно было и оттуда удалить Бурбонов и заменить их наполеонидами. Испания была в дружественных отношениях с Францией. Но что для Наполеона значат дружественные отношения!.. Португалия стояла в несколько натянутых отношениях. Придравшись к ничтожному поводу, а может быть, и создав его, Наполеон посылает корпус, под предводительством Жюно, в Португалию. Португалия быстро занята. Королева бежала. Португальцы с восторгом принимают французов. Наполеон мечтает возвести на португальский престол кого-нибудь из своих близких. Но Жюно не зевает. Почему бы и ему не стать королем Португалии? Чем он хуже других!.. К сожалению, алчность Жюно, хищничество его солдат испортили все дело. По всей Португалии образовались воинственные хунты. Началась партизанская война, и французский король оказался в очень плачевном положении.

Еще непорядочнее поступлено было с Испанией. Агенты Наполеона сумели так поссорить короля с наследником престола, что волей-неволей Наполеон явился третейским судьей между ними. Кончилось тем, что Наполеон не считал возможным признать королем наследника, а король отказался от престола. Здесь же немедленно написано было и отречение от испанской короны в пользу Наполеона. Издано было воззвание к народу, в котором король Карл IV призывал народ обратиться к доброму сердцу Наполеона и выразить ему, что счастье Испании в мудрых

распоряжениях и могуществе ее нового повелителя. Однако здесь Наполеону еще больше не повезло. Дело в том, что присланный сюда с войсками Мюрат, подобно Жюно, тоже пожелал стать королем Испании. Между тем Мюрат более, чем кто-либо, доказал, что можно быть прекрасным кавалеристом и прескверным администратором. Он со своими войсками так сумел вооружить против себя испанцев, что не оставалось никаких надежд на то, чтобы французы без жестокого боя овладели расположением и подчинением Испании. Это видел и Наполеон. Но он был слишком самоуверен и дерзок, чтобы отказаться от добычи. Королем Испании он объявил своего брата Жозефа, прибавив, что если испанцы не будут ему подчиняться, то Испании наступит конец: он ее разделит на провинции и присоединит к Франции. Началась жестокая партизанская война, которая, как известно, окончилась очень печально для Франции.

Итак, дух великого и всемогущего владыки мира был помрачен. Народные восстания в Испании и Португалии показали, что с народом трудно бывает иногда управляться. Хотя эти государства до некоторой степени и сдерживались войсками Франции, но всемогуществу Наполеона нанесен был удар.

Не клеились дела Наполеона и дома. Правда, он всемогущ и всесилен. Весь мир может быть в его руках. Но что же дальше? Умри он, и что станется с империей?! У него нет даже наследников, кому бы он мог передать свое дело. И вот теперь впервые возникал вопрос о разводе с Жозефиной…

Между тем дела в Европе для Наполеона шли вовсе не так удачно, как бы он того хотел. Австрия оживала, усиливалась, увеличивала армию, а главное, умудренная уроками Наполеона, реорганизовала ее. В Пруссии произошел очень сильный подъем национального самосознания, поведший ее к обновлению и даже возрождению, что мало говорило в пользу Франции. Россия также была ненадежна. В последнем случае Наполеон сам много виновен. Как дипломат, Наполеон был столь же гениален, как и полководец, но только его дипломатия не всегда достигала желанных результатов. Он ласкал обещаниями, избегая строго определенных обязательств, изображал собственные свои поступки в самом лучшем свете, нисколько не стесняясь искажением истины, умышленно затягивал переговоры в надежде выиграть время и дождаться более благоприятных обстоятельств, говорил намеками, пользовался Россией, пока она послушно содействовала достижению его целей, а затем покидал ее без помощи и даже противодействовал ее стремлениям и планам. Русский посланник при дворе Наполеона, генерал Толстой, непрерывно извещал императора Александра, что Наполеону решительно ни в чем нельзя было доверять. Факты вскоре подтвердили эти донесения. Толкнув Россию на Турцию с надеждою на получение Молдавии, Валахии и проч., теперь Наполеон сошелся с Турцией и требовал выведения русских войск из Молдавии и Валахии. Указав на Финляндию, Наполеон обещал послать свой корпус на Швецию. И действительно, Бернадот двинулся было в поход, но почему-то скоро остановился, а остановился он по желанию Наполеона. Последний писал Талейрану: «Неужели воображают, что я стану легкомысленно посылать своих солдат в Швецию? Никаких барышей для меня от этого не получится!» На требование императора Александра, чтобы Наполеон, согласно своему обещанию, вывел войска из Силезии, Коленкур ответил: «Император Наполеон просит Ваше Величество не предъявлять ему таких настоятельных требований, с какими он не дерзает обращаться к вам». Одновременно с этим

французские войска сосредоточивались против русской границы и во вновь образованном варшавском герцогстве устраивали на русской границе крепость. Все это не могло не открыть глаза императору Александру. Было ясно, что сладкоречивая сирена хотела усыпить единственного опасного для него монарха, занять его собственными делами, пока он будет умиротворять Испанию и Португалию, насолить Англии и при помощи России, будет возможно, достигнуть Индии. А там… Едва ли бы смогли ужиться два медведя в одной берлоге. Во всяком случае, граф Толстой неукоснительно предупреждал императора Александра, что Наполеон, уничтожив Австрию, обязательно обрушится на Россию.

Наконец, Наполеон совершил еще один серьезный промах. Он поссорился с папой, лишив его владений и переселив в Гренобль. Папа на это отвечал отлучением от церкви насильников. Факт сам по себе не особенно важный, тем не менее, он имел не последнее значение в дальнейшей судьбе Наполеона. В пылу увлечения Наполеон в своем декрете 12 мая 18 09 г. писал, что «западный император (Наполеон) взял обратно от папства лен, пожалованный Карлом Великим, находя, что папа злоупотребляет этим леном». Однако на острове Св. Елены сам Наполеон говорил, что ссора его с папой являлась одним из самых неприятнейших эпизодов во всей его карьере; она значительно подорвала обаяние, созданное Наполеону конкордатом, так как лишила его симпатии верующих католиков не только в самой Франции, но и во всех других странах.

Все это не могло не омрачить духа Наполеона…

Нужно было исправить дело. И он нашел исход.

Таким исходом послужило новое свидание Наполеона с императором Александром в Эрфурте.

Император Александр был гостем Наполеона, и последний решил принять его во всем блеске и с величайшим почетом. Короли, герцоги, князья и маршалы составляли там свиту Наполеона. В личных отношениях Наполеон выражал императору Александру величайшее доверие и царственное великодушие. Наполеон и Александр ежедневно видались и почти все время проводили в дружной беседе. Вечером давались балы, концерты и представления. Однажды давали трагедию Вольтера «Эдип». Александр и Наполеон были в театре. При словах «дружба великого человека является даром богов» император Александр поднялся с места и, схватив Наполеона за руку, стоял несколько мгновений в позе, ясно свидетельствовавшей о чувствах и отношениях его к Наполеону. Театр гремел от рукоплесканий.

Условия договора не дали ничего нового. Да едва ли и могли

они дать что новое, так как Молдавия и Валахия уже были заняты русскими войсками, а в Финляндии русские дела тоже шли недурно.

Было, однако, нечто и новое. Между прочим, Наполеон провел мысль о возможности породниться браком с русским царствующим домом. На это император Александр дал очень уклончивый ответ, а по прибытии в Петербург поспешил выдать сестру за герцога Ольденбургского.

Александр и Наполеон расстались с выражением самых пламенных заверений в дружбе и преданности. На деле, однако, они едва ли уже доверяли друг другу.

В то время, когда Наполеон был в Эрфурте, дела французов в Испании были в очень не блестящем виде. Из Эрфурта Наполеон немедленно отправился в Испанию. Но трудно было сказать, где дела Наполеона обстояли хуже: в Испании или в самом Париже. Дело в том, что хотя Наполеон был и гений, однако и гений, как человек, живет во времени и пространстве; поэтому приближенные Наполеона серьезно задумывались о том, а что будет потом?… Тем более и назойливее эти мысли возникали, что Наполеон был бездетным и пока наследником престола считался усыновленный принц Евгений… А в числе недовольных смутьянов стояли такие умные и ловкие люди, как Талейран и Фуше. Эти люди не ограничивались внутренними заговорами и смутами, а вели свои дела с успехом и за границей. Так, Талейран уверял Австрию, что дела Франции и Наполеона далеко не так блестящи, как нужно думать. Народ истощен войнами материально. Государство обезлюжено. Недовольны Наполеоном все. И нужно маленькой искорки, чтобы вспыхнул пожар, который поглотит Наполеона и всю его систему. Австрия увлеклась идеей восстановить свое могущество и стала готовиться к войне. Император Александр, зная хорошо обязательства Наполеона, платил ему тою же монетой. Узнав о вооружениях Австрии, император Александр формально предупредил императора Франца, что он приглашает его разоружиться, иначе он должен выполнить обязательства, данные им Наполеону. Вместе с тем секретно было сообщено императору Францу, что Россия и не подумает активно препятствовать Австрии в случае войны последней с Францией.

Все эти обстоятельства стали известны Наполеону, и он поспешил в Париж. С внутренними своими врагами он разделался быстро. Нужно было приниматься за Австрию. Это была уже шестая война с нею. Еще из Испании Наполеон предписал вассальным государствам готовиться к военным действиям, так как он не знает, пьет ли венский кабинет воду реки Забвения –

Леты или же пробавляется дунайской водой. Встретив в Париже австрийского посланника, Наполеон очень грубо ему заявил: «Неужели Иосиф станет говорить, как англичанин, или же поступать, как Талейран? Я покрыл с ног до головы Талейрана почестями, богатством, брильянтами, а он пустил их в ход против меня самого и при первом же случае изменил мне настолько, насколько это оказалось возможным. В мое отсутствие он утверждал, будто умолял меня на коленях отказаться от вмешательства в испанские дела, тогда как в действительности целых два года приставал ко мне с проектами такого вмешательства… Совершенно так же поступил он со мною и в истории герцога Энгиенского… Я ровно ничего не знал про герцога, и сам Талейран заставил меня обратить на него внимание. Я не видал, где именно находится герцог, Талейран указал мне его местопребывание… Он посоветовал мне казнить герцога, а затем разыграл комедию, оплакивая перед всеми знакомыми его кончину…»

Сам Наполеон признает, что план его военных действий против Австрии был одним из лучших и выполнен им блестяще. И на этот раз Австрия потеряла и должна была смириться. Правда, обновленная австрийская армия дала Наполеону хороший урок под Асперном, но битва под Ваграмом показала, что австрийцы пока еще дети и Наполеон – все тот же великий гений, каким он был и раньше. При этом, однако, Наполеон понес величайшую потерю в лице своего маршала Ланна. Говорят, что на смертном одре Ланн решился сказать своему другу то, чего никто не считал возможным сказать: «Армия утомилась бесцельным кровопролитием, а французский народ более не расположен истощать свои последние силы. Он понимает, что проливает свою кровь и разоряется не ради принципа, а единственно только для удовлетворения ненасытного наполеоновского честолюбия…»

В самой армии Наполеона слышался ропот. Постоянные передвижения не позволяли войскам хорошо награбить и сохранить награбленное, и молодые воины оставались столь же неимущими, как и пришли. Это не могло не породить в них неудовольствия. Не менее были недовольны и маршалы. Они, напротив, слишком много награбили, но только все это для них было бесполезно, так как они не имели времени, за войною, воспользоваться благами своих богатств. Многомиллионное состояние Массены не избавляло его от необходимости подвергать себя на поле сражения серьезным лишениям и опасностям, хотя он открыто говорил, что предпочел бы приятную и покойную жизнь славной смерти.

Подобно своему полководцу, французские войска стали

слишком самонадеянными, а это черта в войсках часто ведет к дезорганизации и нарушению дисциплины. Так это и было. В отряде Бонапарта, например, обнаружено было открытое ослушание. Являясь превосходной машиной, армия билась в целом блестяще, но остальные ее части отдельных ее элементов утратили свою прежнюю суровую доблесть. Они считали теперь победу, грабеж и кутежи чем-то вроде законного вознаграждения за понесенные ими труды. Ко всему этому для Наполеона явилась еще одна неприятность. Хотя австрийские войска были и разбиты, однако император Франц не считал себя побежденным и решил вести войну до последней возможности. Это не входило в планы Наполеона, почему он искренне желал мира и стал его добиваться. К этому был еще и другой повод.

Наполеон уже давно решился развестись с Жозефиной, чтобы дать империи наследника и прочнее закрепить за наполеонидами приобретенное ими положение. Разумеется, не в духе Жозефины было без боя отказаться от своего положения. Слезы и сцены были ее орудием защиты. Однажды Жозефина на вопрос, поставленный Наполеоном прямо, отвечала: «Что же ты хочешь, чтобы я тебе сказала… Если твои братья, твои министры, весь мир против меня, а у меня лишь один защитник, который может меня отстоять, и этот защитник – это ты!» – «Я один у тебя защитник, – воскликнул Наполеон, – хорошо, я им и останусь!» Эта вспышка у Наполеона вскоре была, забыта, и теперь он очень настойчиво стремился к осуществлению своей мечты. Еще во время эрфуртского свидания Наполеон желал подготовить Александра к своему предложению. Теперь он повторил его формально. Александр не желал этого брака, но нужно было отказ облечь прилично. Было заявлено, что великая княжна еще слишком молода и что вообще брак есть дело чувства и симпатии, поэтому предложение не отстраняется, а только лишь исполнение его откладывается. Для Наполеона же промедление равнялось отказу, тем более, что он знал истинное положение дела. Поэтому, записав это в счет императору Александру, Наполеон обратил свои взоры на одну из принцесс австрийского царствующего дома. При таком положении дела Жозефине ничего не оставалось, как, для блага отечества, добровольно отказаться от брака, добровольно также отказался от всяких своих прав и усыновленный Евгений Богарне.

Мир с Австрией был заключен. Вместе с этим сделано было предложение эрцгерцогине Марии Луизе и предложение принято. Церковный брак был торжественно совершен в большой галерее Луврского дворца в присутствии блестящего собрания; но при этом не обошлось и без маленькой неприятности: все двадцать

семь кардиналов, живших в то время в Париже, блистали своим отсутствием при бракосочетании. Разумеется, все эти кардиналы были изгнаны из Парижа, лишены своих доходов и права носить красное кардинальское облачение – почему они и известны стали под именем черных кардиналов.

Несмотря на неимоверное число занятий, дела, неприятности и проч., Наполеон, еще будучи женихом, воспылал нежною страстью к Марии Луизе и, став мужем, окружил ее заботою, ласкою, любовью и роскошью. Особенно был нежен и ласков Наполеон, когда узнал, что ему скоро предстоит быть отцом. Все существо Наполеона, казалось, совершенно переменилось. До самого момента разрешения Марии Луизы он был для нее преданным, любящим и верным мужем. Рано утром 20 марта 18 11 г. Наполеону доложили, что императрица мучается родами и что, вследствие неправильного положения плода, приходится выбирать между смертью матери и плода. Наполеон ни на секунду не задумался приказать: заботиться исключительно только о матери. Роды окончились, однако, благополучно, и у Наполеона явился наследник. Теперь у Наполеона были смысл и цель к жизни. Теперь он знал, для кого и для чего он работал. Европа должна была готовиться к новой войне. Из уст Наполеона стало срываться выражение: «Император материка Европы». Уже в марте месяце было снаряжено две флотилии – в Сицилию и Египет и в Ирландию. Передают о следующих словах, сказанных при этом Наполеоном: «Спрашивают, куда именно мы идем и где поставлю я новые Геркулесовы столбы? Мы сперва покончим Европу, а затем, подобно разбойникам, отбивающим добычу у другой разбойничьей шайки, сравнительно менее храброй, ударим на Индию». Около этого времени баварский посланник говорил Наполеону о желании сохранить мир. На это он услышал в ответ: «Через каких-нибудь три года я буду властелином всего земного шара». Моллиен докладывает Наполеону о расстройстве финансов Франции и несвоевременности войны. На это Наполеон отвечает: «Напротив, расстройство финансов само по себе уже является побудительным поводом к войне».

Наполеон ясно сознавал, что с императором Александром ему придется столкнуться. Ему хотелось это столкновение устранить заключением брачного союза, причем, разумеется, он рассчитывал подчинить себе мягкого и уступчивого Александра. Но эти мечты не оправдались. Приходилось силою устранить препятствие, стоящее на пути его всемирного владычества. Разумеется, император Александр тоже видел и понимал Наполеона. Расставшись дружески в Эрфурте с Наполеоном, Александр немедленно же передает заверение Англии, что он

вовсе не намерен выступать против нее враждебно, тем более, что Финляндия вскоре была в русских руках. Точно так же и во время войны с Австрией Наполеон не имел никакой осязательной поддержки от России. Швеция, в которой главным действующим лицом был Бернадот, не только не представляла вассальных отношений к Франции, а, напротив, сблизилась с Россией и готова была ей помогать, имея в перспективе за это присоединение Норвегии. Наконец, Александр, не видя ничего от Наполеона, кроме враждебности и противодействия его предприятиям на благо России, издал указ, по которому воспрещается ввоз колониальных товаров под нейтральным флагом, а также ввоз предметов роскоши из всех стран, как-то: бронзы, шелковых товаров, лент, кружев и в особенности вина. Эта мера, примененная официально ко всем странам, на деле направлена была исключительно против Франции. Неудивительно, если, узнав об этом, Наполеон произнес: «Я предпочел бы пощечину». Разумеется, все еще это не могло служить достаточным поводом к войне для всякого человека, только не для Наполеона. Прежде всего, это наносило жестокую рану его самолюбию, во-вторых, Александр стоял на пути ко всемирной славе Наполеона и потому его нужно было уничтожить. И Наполеон принялся за это дело. Вскоре в голове Наполеона план кампании был готов, и теперь он был достоин своего гения. Стратегические комбинации Наполеона в это время были грандиознее, чем когда-либо, хотя в самой личности уже заметны были перемены. Человек не вечен, и время, несомненно, оставляет на нем свои следы. «Он сильно пополнел, и все его движения, утратив прежнюю живость и угловатость, сделались до чрезвычайности медленными. По временам у него обнаруживались проявления повышенной чувствительности, истолковывавшиеся компетентными людьми в смысле симптомов истерики, но, вообще говоря, преобладающее настроение оказалось вялым. У него уже начинали проявляться первые признаки мучительной болезни (затруднительного мочеиспускания), которая вскоре достигла полного своего развития. Быть может, поэтому император имел всегда утомленный вид. Ему случалось приходить также и в возбуждение, но оно зачастую вызывалось до смешного ничтожными причинами. „Вид у него остался в достаточной степени внушительным и величественным, но во взоре его не замечалось прежней живости и прежнего огня. Он производил впечатление больного, равнодушного ко всему окружающему“ (Слоон). Другой раз, напротив, Наполеон предается какому-то фатализму. „Судьба его должна совершиться. Ему кажется, что в

его жизни должна быть какая-нибудь развязка. Пятый акт его драмы должен разыграться в Москве, а затем можно отдохнуть! Западная цивилизация будет тогда упрочена…“ „Удивительный человек! – говорил Нарбонн после аудиенции у Наполеона. – Удивительный человек! Когда разговариваешь с ним, кажется, что находишься между Бедламом и Пантеоном!“ (Пеэр, 604). Военные специалисты считают важною ошибкою со стороны Наполеона прежде всего то, что он начал войну с Россией в конце июня, когда оставалось всего лишь три месяца до зимы. Далее, немалою ошибкою почитают и то, что он впереди всех войск пустил кавалерию. Она съела все пищевые запасы, и следующие партии не могли следовать своевременно и в надлежащем порядке. Подвоз пищевых продуктов сделался невозможным. Армии уже в начале похода пришлось голодать. А что было дальше, то показал исход кампании.

Мы не будем останавливаться на подробностях войны 12-го года. Она каждому русскому хорошо известна. Напрасно неуспех кампании приписывают суровой зиме и лютым морозам. Бегство и гибель начались гораздо раньше зимы, и зима только завершила неразумно начатое человеческим умом. Несомненно, во всей этой кампании Наполеон совершил ряд странных поступков, которые могут быть объяснены только его болезнью. Русская армия не желала немедленно, по вступлении французов, давать им сражение; напротив, она отступала и увлекла их в глубь страны. На своем пути она все разрушала и уничтожала, а чего не успевала сделать армия, то заканчивали крестьяне, не допускавшие мысли, чтобы можно было доставить продовольствие врагу царя и отечества. Следствием такого положения было то, что уже немедленно по вступлении в Россию французская армия стала ощущать недостаток в пище и должна была обратиться к грабежам и насилию. Но и грабеж и насилие дали не много. «Даже солдаты молодой гвардии умирали с голода, а многие посреди дороги приставляли дуло ружья ко лбу и раздробляли себе череп. Отсталые составляли уже целую армию, а между тем это было лишь начало кампании» (Пеэр, 609). Наполеон, по-видимому, мало понимал тактику императора Александра. Он сказал Нарбонну: «Итак, что же вы думаете относительно твердости императора Александра? Находите ли вы, что это согласуется с политикой и военным искусством – дать нам пройти такой путь без всякого сопротивления?» – «Государь, – отвечал Нарбонн, – с нами борются временем и пространством, как нам это и было обещано; вы, государь, можете судить, насколько это справедливо, потому что без малейшего почти сопротивления, которое если и делалось, то лишь для

уравнения движения линии войск, вы пребываете в настоящее время в Вильно». Несмотря на то что армия Наполеона слишком быстро таяла, несмотря на постоянное заявление Наполеону, что война эта во Франции не национальна, Наполеон решил достигнуть Москвы, и он стоял на своем.

Наконец, русская армия решила дать сражение под Бородино. Наполеон обрадовался. Он уже видел всю армию в плену. Но не так легко далось ему это дело. Русская армия должна была отступить. Но чего стоило, каких жертв это стоило французской армии, почти вдвое превосходившей числом русскую армию. Этого мало. Наполеон, создавший замечательный план атаки, не мог воспользоваться плодами его. «Наполеон оставался *мрачен и задумчив,* мучимый физическими страданиями, которых он уже не мог скрывать, еле отвечал на вопросы и, при известии о смерти своих генералов, только сокрушенно качал головой. Это уныние и нерешительность не дали возможности окончить сражение к одиннадцати часам утра или, по крайней мере, к двум…» На просьбу – двинуть гвардию Наполеон с боязливостью, которая в нем раньше не замечалась, отвечал: «Если придется дать новое сражение, с кем же я начну?» Мюрат и Ней были в отчаянии. Последний с обычной своей горячностью воскликнул: «Если император остается позади армии – он больше не генерал, и если он желает остаться императором, то пусть возвращается к себе в Тюильри и предоставит нам быть настоящими генералами». В десять часов вечера Мюрат, который дрался уже пятнадцать часов, высказывает желание вновь начать бой. Но Наполеон довольствуется лишь тем, что приказывает гвардии занять поле битвы (Пеэр, 622).

Наполеон ждал, что император Александр будет просить о мире; но ничего подобного не было. Наполеон двинулся на Москву. Хотя после Бородино русская армия и отступила, это отступление, однако, очень дорого стоило французам. Тем не менее, Наполеон стремился в Москву, ожидая там найти все и даже унижение Александра и России. Он нашел там свое падение… По пути от границы в глубь России Наполеон мечтал возбудить сепаратное национальное чувство у поляков, литовцев, малороссов и проч. против России, но ничего подобного и там он не увидел. Одни только евреи пользовались подачками за свои услуги, но и от этих услуг Наполеону непоздоровилось.

Итак, в Москву, в Москву!..

15 сентября французская армия под звуки марсельезы шумно и весело вошла в Москву. Наполеон был счастлив. «Вот он наконец, этот знаменитый город… Да, пора!»

Увы! Москва была пуста и безлюдна. Жители Москвы бросили

все и ушли. В ночь взвилась ракета, и Москва вспыхнула со всех сторон… Наполеон был удивлен, поражен и угнетен… Он послал офицера к Александру с предложением мира; но Александр не отвечал, как не отвечал на подобное предложение и раньше.

Быстро пожар разливается по всему пространству Москвы. Искры, вздымаемые ветром, долетают до Кремля. Наполеон подвергается опасности, так как вблизи его помещения пороховой погреб и артиллерийский склад. Гвардия охраняет императора. Наполеон просыпается от яркого пламени пожара. Уже пылают ставни его окон. «Какое ужасное зрелище! Сколько дворцов! Какое дикое упрямство! Что за люди!..»

Мюрат, принц Евгений и Бертье умоляют его на коленях уйти, но Наполеон стоит на своем и остается на месте. В это время раздается крик: «Кремль горит!» Император уходит. Он проходит по узкой улице, в дыму, среди искр и головешек, по земле, устланной горящими предметами и потрескавшейся от жара, под небом, заволокшимся дымом и пламенем. Всюду огонь, огонь и огонь!.. На другой день все тот же пожар, пожар и дальше. Наполеон невольно промолвил: «Это предсказывает нам большие бедствия…»

Чего же достиг Наполеон, заняв Москву? Ровно ничего. Он был в Москве и не видал москвичей. Он был в России и не видел русских. Все они куда-то ушли. Ему не с кем было вести даже переговоров. Кроме остатков от пожара, ему нечего было взять с Москвы и России. Положение более чем отчаянное. Что ему делать с Москвой и Россией? Он жил на земле, но не видел людей. Прийти за много тысяч верст, провести несметную армию и теперь остаться ни с чем… Положение почти глупое. Наполеон ждал неделю, другую, третью… Никого и ничего… С тоской он предался обжорству, кутежу и разврату… но это мало помогало его нравственному гнету. Явилась бессонница, и он целые ночи проводил в беседах с Дарго. «Отступить – значит признать себя побежденным. Возможно, что мой первый шаг назад может повлечь за собой целый ряд неудачных и гибельных войн. Раз сделал ошибку – нужно упорствовать, одно лишь это может ободрить».

Фантазируя в безделье, Наполеон издал декрет об уничтожении крепостного права, о восстановлении татарского царства на Волге, о провозглашении себя польским королем, отделении западной России, восстановлении смоленского княжества и т. д., и т. д. Груды фальшивых бумажных денег ввозятся в Россию, но и это не оказывает никакого влияния. Наполеон омрачен, угнетен и впадает в отчаяние.

Он пишет Александру: «Я хочу мира, – мне нужен мир, он

мне необходим, – спасите только честь». Но Кутузов не пропускает посланного к императору.

Однако пришлось возвращаться назад без всякого выигрыша, без всякой прибыли, со страшными потерями, полным расстройством, крайним унижением и невероятным позором. Трудно представить себе, как Наполеон пережил этот момент.

Но как отступать? Русская армия, отступая перед неприятелем, делала это не страха ради, а осмысленно, в порядке, с определенною целью, завлекая неприятеля и губя его бескормицею и собственною беспорядочностью. Вместе с тем она загораживала все пути, где бы неприятель мог воспользоваться плодами и дарами русской житницы. Волей-неволей приходилось возвращаться по старой дороге, усеянной уже десятками тысяч трупов, жертв голода, бескормицы и беспорядочности.

> «Наполеон созвал военный совет. Мюрат, как и всегда, предлагал начать бой, Бессиер отклонял от этого Наполеона, который и решился начать отступление. Даву полагал двинуться ближайшим путем через Медынь и Смоленск, в плодородную страну по новой дороге, благодатной, пищеобильной, в деревни еще спокойные». Но вследствие известия о небольшой стычке с казаками и благодаря полному разногласию своих генералов Наполеон решился двинуться по можайской дороге, т. е. по северной дороге, *и это решение было для него столь тяжело, что, отдавая это приказание, он упал в обморок»*
>
> *(Пеэр, 629).*

Ужасы отступления французской армии, а также гибель войск от голода, холода, на переправах, от нападения казаков и крестьян – не поддаются описанию. «Евреи, обогатившись при французской армии, оставив у себя больных и раненых, грабили их, выбрасывая голых и умирающих через окна на лютый мороз, на улицу, где жиденята били и толкали ногами победителей Европы… Этим путем они, должно быть, хотели загладить в глазах русских свое раболепство перед французами-победителями» (Пеэр, 643).

Сегюр говорит следующее: «Солдаты без пищи и теплой одежды шли дрожа от холода; если, изнемогая от усталости, они падали, то снег покрывал их моментально и только по маленькому бугорку можно было узнать их присутствие. Вся дорога была покрыта такими бугорками, как на кладбище. Самые хладнокровные и равнодушные с ужасом глядели на эти бугры и, отвернувшись, быстро проходили мимо. Но впереди них, вокруг

них – всюду снег, взгляд теряется в этой бесконечной равнине». Каждый шел сам по себе, говорит Соанье, ни малейшей человечности солдаты не выказывали друг к другу; никто не протянул бы руку помощи даже своему родному брату. За ночь снег настолько засыпал бивуаки, что место расположения их можно было узнать только по трупам солдат и лошадей…

С этими несчастными, голодными, оборванными, изнуренными и изможденными шел их император, угнетенный, подавленный и больной, неся на себе кару своей несчастной неосмотрительности. «Все обгоняли Наполеона, все видели, как он шел пешком с палкой в руках, видно было, что движение это было для него затруднительно, и он останавливался каждые четверть часа, казалось, он не в силах был покинуть своих несчастных товарищей по оружию» (Сепор).

Французская армия гибла беспощадно. Из полумиллионного состава теперь осталось всего 15–20 тысяч. Весть о гибели армии дошла до Парижа. Наполеону нечего было делать в армии. Ему нужно было спешить в Париж спасать себя и империю. В Сморгони Наполеон издал следующий бюллетень: «Лошади кавалерии, артиллерии и обоза падали тысячами». Об убыли людей не говорилось ничего, но многое могло быть читано между строк: «Те, кого природа создала более совершенными, сохранили свою обычную бодрость духа и энергию и в новых опасностях видели лишь повод к новой славе». Но лучше всего было окончание бюллетеня: «Состояние здоровья его величества, императора и короля, лучше, чем когда-либо…»

Шестого ноября Наполеон созвал маршалов, объявил им о своем отъезде в Париж и благодарил их за доблестную службу. Главнокомандующим он оставил Мюрата, а с собою взял Дюрана, Коленкура, Лобау и Рустана.

Во время отсутствия Наполеона в Париже произошло событие, которое едва не произвело государственного переворота. Генерал Мале решил воспользоваться отсутствием Наполеона, произвести замешательство и стать во главе правления. Генерал Мале был ярым республиканцем и вместе с тем душевнобольной, параноик, почему он содержался в заведении для душевнобольных. 23 ноября, пользуясь слабостью надзора, он бежал из больницы и направился к казармам Попинкур. Здесь, при помощи подложных документов, он убедил генерала Ламота в том, что Наполеон умер 7 октября в Москве и что сенат, собравшийся ночью, провозгласил республику. Вместе с Ламотом он отправился в крепость, где освободил генералов Лагория и Гидала, заключенных там за сношения с Англией. Рядом с этим они арестовали и заключили в тюрьму герцога де Ровиго и

префекта полиции. Только мужество и стойкость коменданта крепости генерала Гюлена спасает дело. Мале был арестован и казнен. Все это не могло не потревожить Наполеона и не заставить поспешить в Париж, что он и сделал.

Очутившись в Париже, Наполеон переродился. У него вновь явились энергия, мощь, неутомимость и страшно кипучая деятельность. Масса затруднений, явившихся в государственном механизме, только изощряли его находчивость и изобретательность. Обращаясь к сенату, он заявил, что в настоящий момент все малодушные должностные лица должны быть удалены, так как их присутствие на службе только подрывает авторитет закона. По отношению к государственному совету были пущены громы и молнии по адресу лиц, приписавших народу державные права, которыми на деле народные массы не могут пользоваться. Вместе с этим Наполеон строго порицал всех, мечтавших основать авторитет власти не на принципе справедливости, естественном порядке вещей или гражданских правах, а на капризе людей, не понимающих ничего в законодательстве и администрации. Все поняли то, что кому надлежало понять, и все притихли. Наполеон был еще Наполеоном.

Наполеон хотел мира, но мира достойного чести, славы и доблести имени Наполеона. Александр не хотел мира. Он не хотел никакого мира. Он прекрасно теперь понимал, что пока Наполеон будет на престоле, миру не бывать. Кроме того, Александр ясно сознавал, что он лично является миротворцем Европы и спасителем ее от ужасных бед войны; а это сознание для мечтательного Александра служило весьма важным стимулом для ведения войны до тех пор, пока он не даст мира Европе.

Наполеон знал, что ему придется воевать, и воевать не только с Россией, но и со всей Европой, поэтому он, прежде всего, позаботился найти себе союзников. Одними из многочисленнейших врагов его в Европе были католики, имевшие полное право быть озлобленными на него за плен папы сначала в Гренобле, а затем в Фонтенебло. Наполеон захотел исправить этот грех и исправил его. Он явился к Пию VII в Фонтенебло и, путем личных переговоров, успел заключить новый конкордат. Разумеется, этот мир был несколько искусственный, но все-таки лучше доброй ссоры.

Одновременно с этим Наполеон все силы своего гения направил на создание новой армии. Полный разгром его армии повел к тому, что теперь ему ожидать поддержки в армиях других державных владельцев было мало надежды. Главное ядро все-таки должны были составлять французы. А где их взять, если все, что

можно было набрать, он уже забрал для прежних войн. Довольно того, что уже в Испании над французскими войсками издевались, видя в них не солдат, а подростков и школьников. Тем не менее, Наполеон успел набрать новую, почти двухсоттысячную армию. Правда, этих солдатиков сами французы называли Мариями-Луизами, а все-таки это была славная французская армия, славная славою и подвигами прежних подвижников ее и предводительством великого гения – Наполеона. Однако сам Наполеон видел и сознавал, что это была армия-подростки. Старых ветеранов в ней было очень мало. Все они или лежали на полях необъятной России, или находились в плену, или были в госпиталях. Не было у Наполеона и артиллерии, – она тоже осталась в руках недавних победителей. Не было и кавалерии, ибо лошади пали в прежнем походе… Тем не менее, воевать было нужно.

Как и следовало ожидать, к одной беде присоединилась и другая. Прежние союзники и вассалы стали отпадать от своего повелителя и или старались стать в нейтральное положение, или даже перешли во враждебный лагерь. Естественно, что на помощь России пришла Англия; но вскоре к ним присоединились и Швеция, и Испания, и Турция, и Пруссия. Пруссия переживала в данный момент народное возрождение и вместе с сознанием своего национального достоинства и единства там возникала и стояла идея освобождения от гнета и рабства Наполеона и отмщения за все предыдущие невзгоды, принесенные ей под предлогом освобождения от гнета и рабства. Мало того, по виду искренне преданные дворы оказались далеко не столь верными Наполеону, как он мог того желать. Варшавское герцогство, созданное Наполеоном и слишком много ему давшее, было уже в руках Александра, к которому многие из поляков относились не хуже, чем к Наполеону. Наполеон взял от поляков очень многое; еще более он им обещал, на деле же сделал для них совершенные пустяки; тогда как ныне всемогущий Александр, всегда послушный советам Чарторыжского, мог сделать для Польши гораздо большее. Таким образом, расчеты теперь на Польшу у Наполеона были плохие. Еще хуже того было с Саксонией. Король Саксонии всегда был монархом, искренне преданным Наполеону; а между тем ныне появление русско-прусских войск у ворот Дрездена вызвало у жителей этой страны неописуемый восторг… Знамение времени!.. Немалым огорчением для Наполеона было и то, что среди его новых помощников и сподвижников, маршалов завелся дух строптивости и неповиновения. Бессознательно они почуяли, что слава Наполеона падает и могуществу его настает конец. Все это, естественно, заставило Наполеона встряхнуться и

сказать: «На время этой войны я стану опять генералом Бонапартом!» И он стал таковым, хотя обстоятельства уже становились против него.

Сражение под Боценом было Наполеоном блестяще выиграно, но, не имея кавалерии, он не мог воспользоваться плодами этой победы, дав возможность расстроенному неприятелю уйти и вновь сомкнуться. Мало того, в этом сражении Наполеон потерял дельных своих генералов и это на него подействовало потрясающе. «Он остановился и до поздней ночи пробыл в состоянии самого глубокого отчаяния. К нему обращались за приказаниями, но он был не в силах их отдавать и отвечал на все вопросы: „до завтра…“ Наполеон переживал в это время упадок духа…» (Слоон).

Победа под Боценом расстроила союзников, но не дала она много успокоения и Наполеону, напротив, именно теперь он понял, что для его армии не хватает многого, и всею силою своего гения он взялся за ее улучшение.

Между тем начались переговоры о мире или перемирии. Наполеон шел и на то и на другое, но его требования были требованиями прежнего властителя Европы, тогда как союзники считали себя господами положения дела и, следовательно, представляли Наполеону условия, на которые его самолюбие едва ли могло согласиться. Поэтому весьма естественно, что переговоры шли вперед с видимым призраком новой войны.

При этом произошел один очень комический инцидент, показывающий, что он далеко не заблуждался в понимании своего положения. Беньо, стоявший во главе французского регентства в великом герцогстве Бергском, был неожиданно приглашен исполнять у Наполеона должность секретаря. При этом Беньо дважды пытался сесть в кресло, предназначенное для императора. Заметив ошибку секретаря, Наполеон сказал: «Вы, как я вижу, решились сесть на мое место, но, признаться, выбрали не совсем удобный момент».

Во всяком случае, переговоры ни к чему не привели, и война должна была начаться с новыми силами. Особенно на этот раз огорчила Наполеона Австрия. Дело в том, что он имел право рассчитывать на ее содействие или, по меньшей мере, на ее нейтралитет. И действительно, Меттерних явился к Наполеону с своими предложениями, но с такими, на кои Наполеон никак не мог согласиться. «От вас зависит располагать нашими силами, – сказал Меттерних, – мы не можем оставаться нейтральными, мы будем или за вас, или против вас». При этом за помощь он требовал Иллирию, половину Италии, Польшу, Голландию, Швейцарию, возвращение папе Рима, Испании – прежнего короля

и уничтожение Рейнской федерации. «Как, – воскликнул Наполеон, – мне покинуть Европу, половину которой я теперь занимаю, увести свои легионы за Рейн, за Альпы, за Пиренеи!.. И это тогда, когда наши знамена развеваются в устье Вислы и на реке Одере, когда моя победоносная армия стоит у дверей Берлина и Бреславля, когда я нахожусь во главе 300 000 человек!.. Австрия без выстрела, не обнажая меча, осмеливается предлагать мне такие условия! И это выдумал такой проект мой же тесть! Это он вас сюда прислал!..» О, Меттерних! Признайтесь, сколько вам заплатила Англия за то, чтобы вы объявили мне войну!..» Меттерних указывает на могущие произойти от этой войны для народов несчастья. «Вы сами не солдат, – говорит Наполеон, – вы не знаете, что происходит в душе солдата. Я выдвинулся на поле битвы и такой человек, как я, не может беспокоиться о жизни даже миллиона людей!» Меттерних заметил, что Наполеон чем-то озабочен, *не так владеет собой, не так быстро схватывает общее положение дел,* он видел, что эта нравственная невоздержанность, которая уже не раз была причиною его ошибок, была теперь в нем сильнее, чем когда-либо (Пеэр).

Война продолжалась, и особенно счастливо опять-таки для Наполеона. Особенно блестящая победа досталась на его долю под Дрезденом. Уже с утра поднялся бурный ветер с дождем. Это для французов было выгодно, так как скрывало их движения и расположение. Бой шел весьма удачно. Между тем Наполеон весь день просидел перед костром в какой-то *странной апатии…* В шесть часов Наполеон убедился, что сражение кончено, и, сев на коня, *апатично* поехал рысью во дворец, причем дождь струился потоками по традиционной его шляпе и серому походному сюртуку (Слоон).

Неприятельская армия была разбита, и ее можно было совершенно уничтожить. «Между тем на другой день, лишь в четыре часа пополудни, Наполеон приказал одному корпусу Вандама преследовать неприятеля. Оставив затем Мортье предписание держаться в Пирне, он сел в карету и преспокойно уехал в Дрезден. Вообще, весь образ действий такого гениального полководца, как Наполеон, представлялся в данном случае до чрезвычайности странным. Он мог нанести во второй день боя страшный удар союзной армии, но вместо того ограничился разгромом одного только ее крыла и, после второго дня, не распорядился сколько-нибудь энергически преследовать отступавшего врага. Даже и на третий день преследование производилось только для вида. Наполеон, начав приводить свой план в исполнение, *впал тотчас же в состояние загадочной*

усталости и апатии. В продолжение всего боя он находился в таком состоянии, из которого слегка пробудился, лишь когда ему донесли, что Моро смертельно ранен… По словам Наполеона, у Пирны с ним сделался страшный приступ рвоты, заставивший его в этот роковой день положиться во всем на других (Слоон).

> «Несмотря на одерживаемые Наполеоном победы, дела его, однако, были таковы, что ему приходилось очистить Саксонию, и теперь он решил дать сражение под Лейпцигом; вместе с тем шли приготовления к отступлению. У Наполеона было все, как говорится, начеку, чтобы выполнить такое решение, которое окажется наиболее сообразным с обстоятельствами. Ночью император два раза принимал теплые ванны. Привычка пить крепкий кофе, чтобы разогнать сон, *вызывала у него нервные припадки,* которые еще более обострялись у него под бременем тяжких забот, лежавших теперь на императоре. Много было писано о таинственной болезни, которая будто бы все более усиливалась у Наполеона»
>
> *(Слоон).*

В это время стали приходить известия, что союзники Наполеона начали ему изменять. Ему изменила Бавария, а во время сражения под Лейпцигом 35 тысяч саксонцев также перешли на сторону неприятеля. Это страшно поразило Наполеона. Кто-то из приближенных императора пододвинул деревянный стул, на который он тяжело опустился и тотчас же *впал словно в оцепенение.* С полчаса просидел он на стуле в *бессознательном состоянии, напоминавшем по внешности глубокий сон.* Мрак все более сгущался. Французские маршалы и старшие генералы, столпившись вокруг соседних бивачных костров, угрюмо ожидали пробуждения императора. Очнувшись, Наполеон отдал последние приказания к отступлению… Все утро Наполеон бесцельно бродил по Лейпцигу, отдавая приказания, имевшие целью по возможности сохранить спокойствие и порядок в рядах отступавшей армии. *Вид у него был, однако, такой растерянный и одежда в таком беспорядке, что французские солдаты и офицеры зачастую его не узнавали и, вместо того, чтобы повиноваться, отвечали ему дерзостями…* Один из французских генералов, увидев человека, который совершенно безучастно смотрел на проходившие мимо войска, потихоньку насвистывая песенку: «Мальбрут в поход пустился…» обратился к нему с расспросами. В первую минуту он не узнал императора в

плохо одетом человеке, который стоял совершенно один, без свиты. В следующее затем мгновение генерал, заметив свой промах, страшно растерялся, но император, по-видимому, даже не слышал его расспросов. Очевидцам казалось, будто сердце его окаменело» (Слоон). На следующее утро Наполеон был вновь бодр, энергичен и деятелен.

Помимо уничтожения армии Наполеона в полях сражения и отпадения союзников, солдаты страдали от голода и холода, а под конец появился сыпной тиф, верный спутник воровского интендантства. Наполеон со своей армией все ближе и ближе отступал к Франции, а противники на него надвигались. Единственными верными союзниками его были раздоры и несогласие между противниками.

Наполеону пришлось вновь вернуться в Париж, добывать войска. На этот раз не хватало уже не только людей, но и оружия. Боевые припасы и артиллерийские принадлежности были разбросаны по всей Европе, и только во Франции их не было. Пришлось новобранцев вооружать всяким хламом и старьем, а нередко охотничьими ружьями и ножами или же старыми мушкетами, с которыми не умели даже управляться. Мундиров тоже не было, и новобранцы оставались в блузах. Эти молодые войска не только не были обучены, но даже не умели справляться с ружьями. Передают о следующем случае: один офицер спросил в бою новобранца, стоявшего безучастно под сильнейшим неприятельским огнем, почему он сам не стреляет; на это юнец очень простодушно ответил, что он сам стал бы стрелять не хуже кого другого, если бы только умел стрелять. Артиллерии не было. Лошадей не было ни для артиллерии, ни для кавалерии, ни для обоза. В народе сеялись смуты. Роялисты подняли голову. Предатели министры, вроде Талейрана, делали все, чтобы погубить императора и создать себе мостик для перехода к другому правительству. Тем не менее, Наполеон не падал духом. Он один ходил по Парижу, и народ его встречал очень радушно. Подготовив кое-какие войска, Наполеон решил оставить Париж и броситься вновь в борьбу с врагом, уже в пределах Франции. Защита Парижа, а значит, и императорской семьи, лежала на национальной гвардии. Офицеры национальной гвардии далеко не симпатично относились к Наполеону. Теперь, уезжая в армию, Наполеон оставлял свою семью на защиту этих людей. Перед отъездом он пригласил во дворец всех офицеров национальной гвардии. К ним вышел Наполеон, императрица и вынесли малютку сына. Наполеон объявил офицерам, что он отправляется в армию, рассчитывая, с помощью Божиею и храбростью доблестных войск, одержать победу над неприятелем и удалить

его из пределов Франции. Это заявление было встречено гробовым молчанием. Тогда император, взяв за руку императрицу и малютку сына, вновь обратился к офицерам: «Вверяю императрицу и римского короля мужеству национальной гвардии». Офицеры продолжали молчать. Спустя минуту, с трудом сдерживая волнение, Наполеон добавил: «Вверяю вам мою жену и сына». Раздались громкие крики: «Да здравствует император!» – и офицеры бросились к царственной семье с чувством полной преданности. У многих на глазах были слезы.

Наполеон в армии. Гений не оставляет его и в тяжкие минуты. Смелость его планов, быстрота движений, неожиданности, которые он приготовляет неприятелю, поддержка, которую ему удалось получить от истощенной Франции, преданность, которую он успел внушить своим плохо одетым и переутомленным войскам, находившимся в самом опасном положении среди союзных армий, многократно превышавших их своею численностью, – все это представляется столь необычным и могущественным, что вполне достойно гения Наполеона. Вместе с тем на поле военных действий Наполеон остался столь же сильным и храбрым, как это было при Арколе и в других местах Италии. К сожалению, его генералы были уже не те.

Самым непримиримым врагом Наполеона был Александр. Он решился не покидать оружия, пока Наполеон не покинет Францию. Все остальные союзники готовы были вести переговоры о мире, и переговоры эти велись. К сожалению, доброго исхода этим переговорам не было видно. Наполеон предъявил требования, как бы он de facto состоял повелителем Европы, он их понижал по мере неудач и повышал непомерно в случае победы. То же проделывали и союзники. Главное же было то, что союзники не допускали дальнейшего пребывания Наполеона на троне.

После неудачного сражения при Ла-Ротьер Коленкур просил Наполеона дать ему полномочия на какие угодно уступки, лишь бы заключен был мир. Наполеон в это время читал Монтескье «О причинах величия и упадка римлян». Море, подававший письмо Наполеону, выслушал от него следующее место: «Наиболее поразительный известный мне случай величия духа проявился в решении современного нам монарха – скорее погибнуть под развалинами своего трона, чем согласиться на предложения, унизительные для его царственного сана. Он обладал слишком возвышенною душою, для того чтобы спуститься ниже того уровня, на который его оттеснила неприязненная воля рока». – «Мне лично, государь, – возразил Море, – известна еще более

грандиозная комбинация. Вам представляется теперь возможность пожертвовать славой, дабы закрыть бездну, угрожающую в противном случае поглотить не только вас самих, но и Францию». – «Ну, что же, господа, если вы пришли к такому убеждению, заключите мир! – отвечал он. – Пусть Коленкур устраивается как хочет и подписывает, что ему заблагорассудится. Я могу вынести всякое бедствие, какое на меня обрушится, но, разумеется, не стану диктовать унизительные для себя условия мирного договора!»

Между тем союзники требовали, чтобы Франция отказалась от всех ее приобретений с 1792 г. и чтобы Наполеон не принимал никакого участия в международных соглашениях, которые могут иметь место по заключении мира. В последней фразе имелось в виду отречение Наполеона от престола. Можно себе представить бурю раздражения, вызванную у Наполеона этим предложением… Наполеон заявил: «Если нам нельзя будет положить оружие иначе, как на оскорбительных условиях, предлагаемых конгрессом, то гений Франции и Провидение, без сомнения, окажутся на нашей стороне». Гений был с ними, но судьба была против них. Не было войска, не было средств, полководцы переутомились, а в Париже и Франции начала царить враждебная интрига.

Неприятельское кольцо все больше и больше суживалось и все ближе подходило к Парижу. Маршалы Наполеона обессилевали и становились неспособными к службе. Часто вырывались резкости и проявлялось ослушание. Наполеон боролся, но и его гений не мог из ничего создать нечто. Наконец, неприятель овладел Парижем. Наполеон был в Фонтенебло. Узнав о занятии Парижа, Наполеон предался самому необузданному гневу. «Забывая свои собственные ошибки и промахи, он обвинял всех других с бешенством, которое граничило с умопомешательством, и не находил достаточно оскорбительных выражений, дабы заклеймить ими Кларка и брата Жозефа. Дойдя почти до состояния невменяемости, император потребовал себе карету и поехал по направлению к Парижу. Увидев, однако, нешуточную опасность, он возвратился обратно…» На другой день он был опять бодр, деятелен и энергичен, как бы с ним ничего не было. Но вот приехал Коленкур и привез условия мира, одним из которых было отречение Наполеона. Наполеон не в состоянии был спокойно выслушать доклад своего верного слуги. «Им овладевала, по-видимому, какая-то загадочная, ужасающая мысль…» (Слоон).

Сделав все распоряжения к сражению, Наполеон, по обыкновению, явился к смене караулов. Войска встретили его

восторженными возгласами. Между тем в нескольких шагах от императора, столпившись в кучу и не обращая внимания на его присутствие, о чем-то беседовали маршалы и генералы. Вдруг раздался громкий голос Нея: «Нас может избавить от этого лишь отречение от престола…» Наполеон невольно вздрогнул, но не подал и вида, что он слышал эти слова. Тем не менее, для него стало ясно, что его маршалы и генералы против него. Наполеон вошел в кабинет и занялся обычными делами. Вскоре явились к нему маршалы Ней, Лефевр, Удино и Макдональд. При этом Ней спросил: «Известно ли вашему величеству, что происходит в Париже?» Наполеон знал, но сказал: «Нет, не известно», – «Зато мне это известно», – и передал обо всем, что там делалось, с требованием от Наполеона отречения включительно. На примирительную речь Наполеона маршалы отвечали угрозами и предостережением. Тогда Наполеон в справедливом негодовании, однако сдержав свой гнев, повелительным движением руки заставил изменивших маршалов удалиться. После этого Наполеон приказал Коленкуру подготовить отречение от престола.

Вскоре Наполеон узнал об измене маршалов Мармона и Бертье. Это его страшно поразило. Уже давно Наполеон носил при себе яд, и вот в эту ужасную ночь он решился принять его. Но и яд изменил ему, доставив ему только мучения. Окружающие слышали вопли Наполеона: «Маршалы совсем меня доконали! Несчастный, я так его любил!.. Измена Бертье поразила меня в самое сердце!.. Вот каковы оказались мои старые друзья и товарищи по оружию!..» На другой день Коленкур описывает такое состояние Наполеона: «Глаза у него ввалились и потускнели. Он, кажется, с трудом лишь узнавал окружающие предметы. Все выражение лица красноречиво выражало страшную душевную муку. Видя, что все и вся против него, Наполеон подписал следующее отречение: „Ввиду заявления союзных держав, что император Наполеон является единственным препятствием к восстановлению европейского мира, император Наполеон, верный своей присяге, объявляет, что отказывается за себя и за своих наследников от престола Франции и Италии, так как нет таких личных жертв, пред которыми бы он отступил ради блага Франции“.

Наполеон был совершенно прав, говоря незадолго перед тем: «У меня в армии ведут честным образом игру только нижние чины и офицеры, не заслужившие себе еще графских, герцогских и княжеских титулов. Страшно сказать, но, тем не менее, это чистая правда! Знаете ли, что мне следовало бы сделать? Выслать всех этих бывших героев из армии. Пусть себе они спят на своих пуховиках и важничают в гордых своих замках. Надо было бы

освободиться от этих недовольных и начать войну опять с молодыми людьми, обладающими юношеской, не запятнанной еще доблестью!»

Еще Наполеон был на месте, как маршалы и генералы Журдан, Ожеро, Мезон, Лангранж, Уди-но, Келлерман, Нансути, Лефевр, Гюлен, Мило, Латур-Мобур, Сегюр, Бертье и Билляр присягнули Бурбонам. Поразительная поспешность!..

Наполеон оставался императором, но императором острова Эльбы, без права выезда из своих владений и под надзором своих заклятых врагов – англичан… Тяжело было положение Наполеона. «Меня порицают за то, – говорил он, – что я пережил свое падение. Это совершенно ошибочно… Необходимо гораздо более мужества, чтобы пережить незаслуженное несчастье…» Однажды лишь у него подметили упадок духа. Сидя за столом, он неожиданно ударил себя по лбу и, словно говоря с самим собою, воскликнул: «Праведный Боже, неужели это возможно!..»

Перед отъездом Наполеон не забыл никого из служащих и каждого очень щедро наградил. Императрица, долженствовавшая проводить эльбского императора, не явилась к отъезду. Это страшно огорчило Наполеона, и он воскликнул: «Прекрасно, я сдержу свои обещания, но если мне представится еще хотя один повод к жалобе, я буду считать себя от них совершенно свободным…»

Наступил день отъезда. С раннего утра стекались жители Фонтенебло и окрестностей и с душевной тоской взирали на двор. Старая гвардия выстроилась в два ряда. Наполеон выходит и молча тихо пожимает руку всем из свиты, явившимся его проводить. Не проронив ни одного слова, он выходит на крыльцо. Молчаливо, но со слезами на глазах встречает его армия. Слишком глубокое горе сжимает грудь и императора и провожающих. Одна лишь дробь барабанов, бьющих атаку, нарушает торжественную тишину. Желая говорить, император делает знак рукою и все умолкает.

> «Солдаты старой гвардии, я с вами прощаюсь! Двадцать лет я видел, как вы неустанно шли по пути к чести и славе. В эти последние дни, как и в дни моей славы, вы не переставали быть образцом храбрости и верности. С такими молодцами, как вы, я мог бы еще бороться; но война продолжалась бы нескончаемо. Это была бы война междоусобная, и положение Франции было бы еще печальнее. Я пожертвовал всеми моими интересами ради интересов страны. Я уезжаю, а вы, друзья мои, продолжайте верой и правдой служить

дорогой Франции. Ее счастье было единственной моей мыслью; и оно навсегда останется предметом моей мечты и пламенных желаний! Не печальтесь о моей судьбе. Если я решаюсь пережить события, то только для того, чтобы послужить на пользу вашей славе. Я опишу великие дела, которые мы совершили вместе с вами… Прощайте, мои дети, я всех вас хотел бы прижать к своему сердцу, как я обнимаю вашего генерала. Идите сюда, генерал Пти, дайте прижать вас к моему сердцу! Дайте сюда знамена, орлы, я хочу с ними проститься! О, дорогое знамя! Пусть этот поцелуй отзовется в потомстве! Прощайте, мои дети! Мои мысли, мои мечты будут всегда с вами… Не забывайте и вы меня…»

Император уехал. Его провожали всеобщие слезы.

Наполеона сопровождал взятый с собою на Эльбу батальон гвардии и очень ограниченная свита.

Император Александр, с обычным своим великодушием, откомандировал сопровождать Наполеона своего комиссара, генерала Шувалова, сказав ему: «Я поручаю вам важную миссию, и вы ответите мне собственной головой за каждый волос, который упадет с головы Наполеона…»

«В Э император сильно заболел. По-видимому, с ним сделался такой же *припадок,* как перед тем в Фонтенебло. Этот припадок, впрочем, скоро прошел, благодаря своевременно поданной медицинской помощи. Прусский комиссар утверждал, будто он обусловливался *дурной болезнью»*

(Слоон).

Прибыв на остров Эльбу, император Наполеон с первого же дня серьезно отнесся к своим обязанностям владельца, так как для него это был все-таки мир, хотя и маленький. Он правильно устроил администрацию, создал армию, улучшил пути сообщения, правильно распределил налоги, позаботился о благоустройстве солеварен и рудокопов, – словом, гений Наполеона теперь направлен к благоустройству Эльбы точно так же, как раньше к благоустройству мировой империи. При нем была мать и сестра Полина; вскоре также приехала к нему Валевская с сыном. Все говорило, что Наполеон на своем островке «отдохновения» действительно посвятит свою жизнь мирным занятиям, оставив в стороне Европу и ее интриги. Главным условием изоляции Наполеона было соблюдение полной

самостоятельности и государственной независимости на острове Эльбе и нарушение этого условия развязывало Наполеону руки и давало свободу действия. Это не мешало Англии иметь на острове своего агента под почетным именем посла при дворе императора. Разумеется, весь остров кишел шпионами, следившими за каждым шагом Наполеона.

Между тем в Европе не забывали о Наполеоне. На венском конгрессе уже с первых заседаний начали трактовать, что Наполеон слишком беспокойный сосед для Европы и будет безопаснее упрятать его подальше, например, на остров Св. Елены. Все это стало известно Наполеону, но он жил спокойно и тихо. Здоровье Наполеона стало поправляться. Он производил впечатление крепкого и сильного мужчины. Слегка отвисшие щеки и полная нижняя губа выказывали признаки чувственности, но это впечатление стушевывалось высоким лбом и открытыми висками. Движения его, несмотря на присущую ему нервность, казались спокойными. Глаза были ясные и проницательные. К эльбским крестьянам он относился ласково и доброжелательно. Посетители всегда в обращении видели в нем много такта и добродушного юмора. Желание Европы – переселить его куда-либо подальше – наводило на него ужас.

Дела Франции шли, однако, неблестяще. Возвратившееся правительство и аристократия вели себя нисколько не лучше прежнего и несчастье не послужило им уроком. Возвращающаяся армия подверглась оскорблениям и унижению. Офицеры изгонялись со службы, солдаты удалялись в отставку с такой пенсией и пособием, которые очень успешно вели их к голодной смерти. Порядки и учреждения Наполеона немилосердно уничтожались, а всегда ли к добру – этого нельзя сказать. Расходы на двор увеличились, а общее благосостояние государства понизилось. Общее недовольство существующим порядком возрастало быстро и повсюду. Лица, близкие Наполеону, следили за всем этим, поддерживали недовольство и подготовляли его возвращение. Вскоре по всей Франции циркулировала мысль о возврате Наполеона. Всюду были слышны условные лозунги: «мужайтесь и надейтесь», или «он был и будет», или «проснитесь, французы, император бодрствует» и т. д.

Все это Наполеон знал. Поводов к нарушению данного им отречения было достаточно: было несколько злодейских покушений на его жизнь, масса невыполненных его совершенно правильных и законных требований, наконец, неуплата обещанного ему содержания 2 000 000 франков в год, – все это давало ему полное право отказаться от своих слов отречения. Вместе с тем своим появлением во Францию Наполеон явился

освободителем ее от гнета, введенного новым правительством.

26 февраля 18 15 г. маленькая армия из 1600 человек с 80 лошадьми и несколькими пушками была посажена на суда и затем благополучно прибыла во Францию. 1 марта в 4 часа утр а вся эта армия успешно высадилась на берегу Жуанвильского залива.

Передают о следующем происшествии. В числе многих лиц, в этот момент ехавших по побережью и захваченных на пути, оказался и князь Монако. Наполеон спросил его: «Куда вы едете?» – «Возвращаюсь в свои владения». – «Клянусь Девой Марией, я делаю то же», – весело ему ответил Наполеон.

Весть о высадке Наполеона быстро разошлась по Франции и достигла Парижа. Против него немедленно высланы были войска. Понемногу и около Наполеона стали группироваться. Встреча с королевскими войсками произошла у Гренобля. Офицер, командовавший королевскими войсками, завидев Наполеона, приказал им готовиться к стрельбе. Наполеон подошел на пистолетный выстрел. Королевский офицер скомандовал: пли! Но солдаты, все бледные, дрожали, и никто не выстрелил. Наполеон был в своем сером сюртуке, дешевой треуголке с трехцветной кокардой. Подошедши еще на несколько шагов, Наполеон сказал: «Солдаты 5-го линейного полка, – узнаете ли вы меня?» – «Да, да», – раздалось со всех сторон. Затем, расстегнув сюртук и обнажив грудь, Наполеон произнес: «Я пред вами. Если здесь между вами найдется хоть один солдат, расположенный убить своего императора, он может это сделать беспрепятственно. Моя грудь к его услугам». – «Да здравствует император!» – крикнули все солдаты и бросились целовать его платье. «Солдаты, – воскликнул Наполеон, – я прибыл лишь с горстью храбрецов, именно рассчитывая на вас и на весь французский народ! Бурбоны царствуют незаконно, так как возведены на престол не народом…» Вместе с солдатами на сторону Наполеона стали переходить и офицеры. По мере движения его по направлению к Парижу, его армия все увеличивалась и увеличивалась.

Рассказывали, что один из предводителей отрядов, посланных против Наполеона, именно граф д'Артуа, сказал унтер-офицеру: «Ну, камарад, крикни: „да здравствует король“! – „Нет, ваше высочество, я этого сделать не могу, единственное, что я могу крикнуть, это «да здравствует император!“

Вскоре к Наполеону прибыли его маршалы. По мере приближения к Парижу Наполеона и газеты постепенно изменяли свои отзывы о нем: *«Бонапарт* высадился в Жуанском заливе»; «Гренобль раскрыл свои двери *генералу Бонапарту»; «Наполеон* вступил в Лион»; *«Его величество император* изволил прибыть в

Тюильрийский дворец».

Сам Наполеон о своем положении выразился так: «Вплоть до Гренобля я был еще искателем приключений, но в Гренобле стал уже государем». И действительно, все высылаемые против него королем войска немедленно переходили на его сторону. Однажды утром нашли на решетке, ограждавшей Вандомскую колонну, напечатанное большими буквами объявление:

> *«Наполеон Людовику XVIII* Дорогой кузен, незачем посылать мне более войска. У меня их и без этого довольно».

Наконец наступил день, когда Людовик XVIII уехал из Парижа, а Наполеон въехал в него.

Наполеон встречен был с энтузиазмом. Искренним ли? Были люди, которые искренне радовались его возвращению, – были индифферентные люди, – были и такие, которые с глубокой болью в сердце встречали его. В самом деле. Одно имя Наполеона вызывало неизбежные в будущем войну, потерю детей, разорение и несчастье… Понимал это и Наполеон. Взявшись, немедленно по прибытии в Париж, за благоустройство государства, он чувствовал возникновение новой войны, войны беспощадной, и готовился к ней, но готовился втихомолку, чтобы не устрашать Францию. Много труда, много усилий и много забот выпало теперь на долю Наполеона. И он их нес безропотно. Нес с прежней энергией и с прежней гениальностью. Но tempera mutantur et nos mutamur in illis. Не те теперь были люди, не те времена, не те средства, не те нравы и даже не тот Наполеон. В короткий срок, за какие-нибудь два месяца, Наполеон заметно изменился. Лицо сохраняло спокойное свое бесстрастное выражение, но сильно похудело и челюсти начали очень выдаваться вперед. Он похудел всюду, за исключением талии… Иногда у него вырывался тяжелый вздох… К тому же времени явилась у него привычка щуриться и глядеть в полуоткрытые веки, как если бы у него начала обнаруживаться чрезмерная дальнозоркость. Миганье левым глазом и подергивание уха стали проявляться с большею, чем когда-либо, силой. По мере накопления трудностей и неприятностей общее состояние здоровья императора значительно ухудшилось. У него начались серьезные страдания желудка и уринальных путей, к которым присоединился также упорный сухой кашель… Ввиду быстрых изменений душевного настроения, перемежающегося возбуждения и упадка духа, усиленной чувствительности и грубой резкости, находили возможным объяснить состояние французского императора особою формой истерической

апоплексии (Слоон).

Как и следовало ожидать, война началась, и притом с многочисленными и отборными войсками Пруссии и Англии пока, а на подмогу им шли и войска других государств. Несмотря на проявление гения Наполеона и удачи в войне, удачи были уже не те, что прежде. Много усилий, много напряжения и много крови стоили эти удачи Наполеону. Да и сам он стал утомляться, поддаваться болезни. Так, под Катр-Бра, сделав надлежащие распоряжения, Наполеон погрузился как бы в *летаргическое состояние*… Под его командою находились главные силы, и он должен был произвести главный натиск, «но его гениальные способности были отуманены или болезнью, или же чрезмерной самоуверенностью» (Слоон).

Ватерлоо было решающим моментом в судьбе Наполеона. Диспозиция сражения была составлена самим Наполеоном достойно его гения; тем не менее, он чувствовал себя во время сражения так плохо, что вынужден был сойти с коня. Сидя у стола, на котором разложена была карта, император то и дело впадал в дремоту и мгновенно из нее опять пробуждался. Энергия и деятельность английского главнокомандующего представляли собою резкий контраст с постоянно возраставшей апатией Наполеона.

Сражение при Ватерлоо было проиграно. Проиграно было и дело Наполеона. К концу сражения «у Наполеона обнаружился полнейший упадок сил, так что на него жалко было смотреть. Глаза его неподвижно уставились вдаль, голова качалась из стороны в сторону, и сам он находился почти в бессознательном состоянии. Ментион и Бертран усадили его на лошадь и поддерживали его с обеих сторон» (Слоон).

Наполеон поспешил в Париж. Но было поздно. Париж знал о поражении, и палата представителей решила предложить Наполеону добровольно отречься от престола. Можно себе представить нравственные страдания великого человека. Наконец, он подписал и вторичное отречение.

> *«Французы!*
>
> Начиная войну, чтобы поддержать национальную независимость, я рассчитывал на соединение всех усилий и стремлений народа; на этом я основал успех и не боялся воззваний государств, направленных против меня. Я вижу, обстоятельства переменились. Я предаю себя в жертву ненависти врагов Франции. Моя политическая жизнь окончилась, и я объявляю своего сына, под именем Наполеона II, императором Франции.

Соединитесь все для всеобщего приветствия и для удержания национальной независимости.

Наполеон».

«Сто дней» показали, что силы Наполеона были уже подорваны. В первые дни он проявил свой гений во всем блеске, но с каждым днем все более и более выражалась медленность, препятствовавшая немедленному и точному выполнению его планов. Слабость его бывала иногда так велика, что «произношение слов утратило у него обычную ясность».

Не желая попасть в руки неприятелей или Людовика XVIII, Наполеон поспешил в Рошфор, чтобы оттуда направиться в Англию, а может быть, и в Америку. На пути следования народ всюду встречал Наполеона с выражением преданности и глубокого уважения. Между тем Наполеон хорошо делал, что спешил к морю, так как Блюхер отправил в погоню за Наполеоном отряд пруссаков с приказанием схватить и расстрелять бывшего французского императора там же на месте.

Наполеон рассчитывал найти покровительство в Англии, надеясь на великодушие принца-регента. Вот текст его обращения: «Ваше королевское высочество! Вследствие борьбы партий, которая постоянно тревожит мою страну, и неприязненного ко мне отношения великих европейских держав, я кончаю свою политическую карьеру и желаю, как Фемистокл, приютиться у очага великобританского народа; я отдаю себя под защиту его законов, о чем и прошу ваше королевское высочество, как самого могущественного, постоянного и самого благородного из моих врагов. Наполеон». Наполеон очень ошибся в расчете. Великодушие у англичан – предмет едва ли доступный. Англия дает приют убийце и разбойнику, но Наполеону… напрасно.

В ожидании ответа Наполеон отправился на одном из английских кораблей к берегам Англии. Во время этого переезда августейший пассажир казался сильно утомленным и *зачастую впадал в дремоту,* но очень благосклонно относился к офицерам, в особенности же к капитану Майтланду. Вскоре выяснилось, что Наполеон ссылается на остров Св. Елены… Мы имеем следующий протест Наполеона против этого насилия над ним: «Я торжественно протестую пред лицом неба и людьми против насилия, которому я подвергся, против нарушения моих самых священных прав, когда, при помощи силы, располагают моей особой и моей судьбой. Я свободным человеком вступал на борт Bellerephone, я не пленник, а гость Англии… Если правительство, поручая капитану Bellerephone меня, а также мою свиту, имело в виду устроить лишь сети, ловушку, то оно обесчестило себя и

запятнало свой национальный флаг… Я взываю к истории. Она скажет за меня, что противник, воевавший двадцать лет с английским народом, теперь обездоленный, является к нему добровольно, отдается под защиту его законов; какое же иное, более веское, мог он привести доказательство своего уважения и доверия? И как же ответила Англия на подобное великодушие? Она лицемерно протянула ему свою гостеприимную руку и, когда он преисполнился верой и доверием к ней, – она его умертвила. Наполеон».

Удивительно, как Наполеон мог забыть о великодушии англичан по отношению к Жанне д'Арк и проч.

Абелль, встретившая Наполеона на острове Св. Елены еще 14-летней девочкой и бывшая его любимицей, так в своих записках описывает этот остров: «Это крутой утес, почти вертикально выходящий из воды. Удлиненная форма острова, однообразный, совсем темный колорит наводят на мысль, что его можно скорее назвать плавающим гробом, чем землей, созданною носить и кормить живых существ».

Граф Бельмен так описывает остров Св. Елены: это место самое печальное, самое неприступное, самое удобное для защиты, самое трудное для атаки и самое годное для своего настоящего назначения. Прибавим, что эта одиночная тюрьма тщательно охранялась английской эскадрой.

> «Приехав на место своей ссылки, Наполеон был очень бледен. Черты лица его, несмотря на всю его холодность, бесстрастность и что-то грубое, казались мне необыкновенной красоты. Как только он заговорил, его очаровательная улыбка и мягкость манер мгновенно уничтожали даже всякий признак страха, который я до того испытывала»
>
> *(Абелль).*

Находясь в этом заключении, Наполеон был под строгим надзором стражи; он не смел никуда один ходить, ни с кем без позволения говорить. Такое стеснение страшно раздражало Наполеона. Ему оставалось читать и писать, что он и делал. Насколько губернатор острова, англичанин, был к нему придирчив, доказывается тем, что он удалил от Наполеона даже доктора О'Меага, который, по его мнению, слишком сильно привязался к Наполеону. В редких случаях остров посещали иностранцы, которые просили позволения видеть Наполеона; Наполеон их принимал и был с ними любезен и обходителен.

Во время прогулок Наполеон любил разговаривать с

жителями острова и ласкал детей, которые напоминали его сына, хотя жителям острова было запрещено поддерживать разговор с знаменитым пленником.

Несомненно, Наполеону неоднократно предлагали бегство, но он решительно отвергал его как проявление трусости и слабости. В своем мученичестве он видел искупление прошлого и залог благополучия своей династии. В величии своего несчастья он видел освящение своей славы. «Для моего сына лучше, что я здесь. Если он будет жив, мое мученичество возвратит ему корону». Мысль о неизбежности мученичества всецело наполняла Наполеона. Он перестал противиться судьбе. Он полюбил свои страдания.

> «Иисус Христос не был бы Богом, если бы не умер на кресте…»

Папа Пий VII ходатайствовал о смягчении участи пленника на острове Св. Елены. «Наполеон несчастлив, очень несчастлив, мы забыли его заблуждения… Он сделал для церкви столько, сколько, быть может, никто не осмелился бы в его положении сделать… Знать, что этот несчастный страдает через нас, это одно уже для нас большое горе… Мы не желаем, мы не можем, мы не должны, наконец, быть причиною тех страданий, которые он претерпевает; напротив, мы глубоко, от всего сердца, желаем, чтобы его участь была облегчена; испросите этой милости от нашего имени…»

Однако измученный Наполеон иногда прорывался и, в раздражительности, говорил англичанам слишком нелестную для них правду. Вот что он раз приказал перевести по-английски Арноту: «Я прибыл, чтобы приютиться у очага английского народа; я искал законного гостеприимства. Вы мне надели кандалы… Это ваше министерство выискало эти ужасные скалы, где каждый месяц сокращает жизнь европейца на три года, чтобы убить меня медленной смертью… Не было такой гнусности и подлости, которые бы вы не сделали со мной, доставляя себе этим удовольствие. Вы мне не позволяли вести даже самую обыкновенную семейную переписку, которая никому не возбраняется. Вы не допустили до меня ни одного извещения, ни одной бумаги из Европы; моя жена, мой сын даже не существуют для меня больше… На этом негостеприимном острове вы заставили меня жить в месте, менее всего удобном для жилья, в месте, где убийственный тропический климат дает себя знать всего чувствительнее. Заточение меня в четырех стенах, в нездоровом климате, меня, который объехал верхом всю Европу… Умирая на этой проклятой скале, отторгнутый от всех и

лишенный всего, я завещаю честь и бесчестие моей смерти царствующему дому Англии…» После этих слов император впал в обморок.

В апреле 1821 г. явилась комета. «Комета! – она была предвестницей смерти Цезаря!»

15 апреля Наполеон написал завещание.

> «Вот мои сборы, – к чему иллюзии! Я знаю, что меня ожидает, и свыкся с этой мыслью».

Через несколько дней Наполеону стало лучше. Его поздравили.

> «Не обманывайте себя, – это конец мой приближается. Когда я умру, каждый из вас получит приятное утешение в том, что может вернуться в Европу; вы увидите ваших родных и друзей, Францию… А я, я встречу моих храбрецов на полях Елисейских… Клебер, Дезэ, Бессиер, Дю-рок, Ней, Мюрат, Массена, Бертье – все выйдут мне навстречу… Мы будем беседовать о наших войнах со Сципионом, Аннибалом, Цезарем, Фридрихом… Хорошо еще, что там без страха можно встретиться со всеми этими полководцами…»

Великий человек и в предсмертном состоянии был велик, хотя, несомненно, бесконечно был несчастен…

В ночь на 5 мая 18 21 г. над островом Св. Елены разразилась страшная буря. В эту ночь, в 5 часов, отошла душа великого человека. В предсмертые минуты он шептал отдельные бессвязные слова, из которых можно было разобрать: «Голова… армия… Боже мой!»

В 5 часов 40 минут глаза его покрылись легкой дымкой… он скончался.

Скончался не только гений, но великий гений…

Слова английского поэта как нельзя более приличествуют этому моменту:

> «Среди рева и завывания бури, казалось, гений грозы, несомый на крыльях ветра, спешил оповестить всему миру, что могучая душа собиралась уйти в мрачные бездны природы и смерти!»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
НАПОЛЕОН КАК ЧЕЛОВЕК

До сих пор мы рассматривали Наполеона как общественного, государственного и мирового деятеля. Несомненно, что во всех этих родах деятельности Наполеон явился гением, и притом гением первой степени. А каков был Наполеон как человек?

Наполеон был по рождению итальянец и корсиканец, а потому обязательно воспитан в духе религии. В дальнейшем, под влиянием духа времени, воспитания и окружающей обстановки, он становится атеистом; мало того, он пишет неудачный, но возмутительный в религиозном отношении трактат, это, однако, не лишает его надлежащего понимания значения религии в политическом и государственном отношениях, когда Наполеон становится политическим и государственным деятелем. Наполеон – главнокомандующий итальянской армией заводит сношения с Римом, удостаивается любезностей папы, заключает с ним союз, получает от кардиналов подарки и название защитника церкви, а от папы – «любезного сына». Наполеон – первый консул восстанавливает конкордат в добрых сношениях с Римом, восстанавливает права священникам, лишенным оных, допускает и освящает церковные обряды. Наполеон – император признает все права церкви, заключает с нею полный союз, торжественно венчается на царство, строго выполняет церковные обряды и ведет себя так, как любой религиозный человек. Это не мешает Наполеону, как мировому деятелю, обижать папу, лишать его положения, подвергать заключению и т. д., но религию он всегда поддерживал. Трудно допустить, чтобы Наполеон, воспитанный в детстве в духе религии, на склоне дней не вернулся вновь к тому, что оставило известные следы в детстве. Это было бы не жизненно.

С детства Наполеон был страстный корсиканец. Он безгранично любил свою родину и готов был для нее жертвовать всем. Он торжественно, несмотря на насмешки и издевательства в школе, публично величает генерала Паоли, причисляет себя к его последователям и терпит наказание за оскорбление портрета врага родины. Мало-помалу это чувство любви к родине начинает принимать другой оттенок: бескорыстие сменяется жаждой карьеры и служение родине превращается в создание карьеры, неудачи же в устройстве себя доводят его до того, что он не только охлаждается к Корсике, но не прочь предпринять против нее враждебные шаги. Во всяком случае, став императором

Франции, Наполеон ничем не показал, что он корсиканец, и Корсика ни в чем не увидела, что это ее сын.

Любил ли Наполеон Францию? В начале своей деятельности – нет, в конце – да. Франция для Наполеона была ареной его деятельности, карьеры, славы, успеха и т. д. Мало-помалу вся жизнь Наполеона была отдана Франции, потому что эта Франция стала его собственностью. Желая возможно больше себя прославить, стать сильнее и выше всех, он мог это сделать только при помощи Франции и для Франции. Честь, могущество и слава Франции были таковыми же и для Наполеона. Честь, слава и могущество Наполеона лежали в таковых Франции и честь, слава и могущество Франции заключались в Наполеоне. Это были дух и тело. Дух – Наполеон, тело – Франция. Они были нераздельны и неразлучны. Любя себя, Наполеон должен был любить Францию. Он должен был любить Францию потому, что в ней он видел самого себя и не мог не любить своего гения. Таким образом, Наполеон не был узкий патриот, потому что гений стоял выше этого чувства. Это не был человек идеи: Ubi bene, ibi patria. Эта идея людей слишком мелких и ничтожных. Наполеон был слишком мощен, чтобы пробавляться подобной гадостью. Сила его гения создавала государства и делала их ему дорогими. Очевидно, что его слава в Италии, Египте, Швейцарии, Австрии и т. д. делала эти страны для Наполеона столь же дорогими, как и Франция, но под конец жизни и в Наполеоне заговорил человек. Умирая, он вспоминал Корсику и был очень рад, что при нем был доктор земляк. В этой любви к Корсике усматривается любовь к счастливым дням детства.

Отец Наполеона не был чиновником выдающимся. Антомарки, со слов Наполеона, говорит, что он *выпивал*. Он не был человеком с характером, не выдавался особенною устойчивостью политических взглядов и не представлял ничего такого, что бы его выдвигало из общей среды людей; но он любил свою семью и для этого не поступался ничем. Наполеон любил отца и был искренне огорчен его смертью. Совершенно иного характера была мать Наполеона. Это была женщина твердых убеждений, неутомимой деятельности, неуклонной настойчивости, железной воли и непреклонного характера. Она любила Наполеона, и Наполеон всегда относился к ней с полным почтением. В дни славы Наполеона она не пользовалась для себя его славою, но в дни печали она явилась к Наполеону разделять с ним тоску и одиночество. Ни к кому Наполеон не относился с таким доверием, как к матери. Император Эльбы одной только матери решил доверить о своей попытке вернуться во Францию. Это страшно поразило Летицию Бонапарт. «Дай мне забыть на

время, что я твоя мать! – сказала она и затем, подумав, добавила: – Небо не допустит, чтобы ты умер спокойно в своей постели или чтобы ты погиб от тайного врага. Ты должен встретить смерть с мечом в руке, как тебе подобает…»

Но вот прошло сто дней, и Наполеон последний раз прощается со своей матерью, удаляясь в заточение. Коротко и грустно было это последнее прости. «Прощай, мой сын», – сказала мать. «Прощай, матушка», – ответил сын. Летиция свалилась. Находясь на острове Св. Елены, Наполеон очень часто вспоминал о матери, беспрерывно говоря о ней, и хвалил ее, как прекрасную мать. В последние дни жизни как часто Наполеон восклицал: «Ах, мама Летиция, мама Летиция!»

Все члены семьи Наполеона носили какие-нибудь черты, характерные для данной семьи. Так, Иосиф отличался непомерным властолюбием, Люсьен был очень странный человек и отличался адвокатским непостоянством, Луи – смелостью и честолюбием, Иероним – расточительностью, легкомыслием, напыщенностью и чувственностью, Элиза – гордостью и гениальностью, напоминающею Наполеона, Каролина напоминала Элизу, но в более слабой степени, Полина была легкомысленна и глупа. Среди потомков Наполеона встречаются натуралисты, философы, историки, механики, литераторы, музыканты, генералы, и все они резко отпечатлевали в себе те или другие черты наполеонидов (Tebaldi).

Наполеон искренно и нелицемерно любил свою семью и помогал ей всеми силами в течение всей жизни. После смерти отца Наполеон, второй сын, берет на себя долг старшего в семье и исполняет его вполне добросовестно. Он берет младшего брата, Луи, к себе, делит с ним трапезу, часто сам голодает, а брату стремится доставить все необходимое. От членов семьи, которых Наполеон вывел в люди и посадил на престолы, он требовал одного – безусловного послушания и исполнения его требований; о благодарности не было и речи. Но он не видел от них ни благодарности, ни послушания.

Отношения к женщинам у Наполеона не были особенно любезны и изысканны. Наполеон был влюблен в девушку Коломб. Но эта любовь длилась недолго и не была особенно сильна. Он в это время не имел ни времени, ни достаточно средств, чтобы любить. Более сильная, страстная и горячая любовь его была к Жозефине. Он ее любил страстно, дико и настолько пылко, насколько могла сделать это необыкновенная душа Наполеона. Достаточно ознакомиться с его письмами к Жозефине, чтобы в этом убедиться. Горько и тяжело было разочарование Наполеона, когда он узнал о неверности Жозефины. «Это был сильный

нравственный толчок в жизни Наполеона, которого нельзя не принять в расчет, наблюдая после этого поворот в его характере, отмеченный историками», – говорит проф. Афанасьев. Но и после этого он продолжал относиться к ней с любовью. Когда, по политическим целям, потребовался развод с Жозефиной, то он это сделал с большой неохотою. *«В день развода с ним был сильный истерический припадок»* (Афанасьев, 30). После развода Наполеон не прерывал добрых отношений к Жозефине.

Еще более нежные, ласковые и любовные отношения Наполеона были к Марии Луизе. Меттерних, не имеющий никаких поводов скрывать правду, говорит, что Наполеон употреблял все усилия, чтобы сделать жену счастливою, и что он был чрезвычайно внимателен и ласков по отношению к ней. Chaptal говорит: «Наполеон искренне уважал Марию Луизу».

Говорят, что Наполеон во время походов много увлекался женщинами, однако на это едва ли существуют несомненные доказательства. Из попавших в историю в этом отношении лиц фигурирует только Валевская. Если и были в этом отношении погрешения у Наполеона, то слишком ничтожные и не важные. Вообще отношение Наполеона к женщинам было несколько грубоватое и презрительное.

Наполеон очень любил детей; часто играл с ними и выслушивал от них самые резкие замечания. Что он любил своего сына – это весьма естественно и ничего нет в этом удивительного. Каждый день во время завтрака к нему приносили сына, и он с ним все время забавлялся, приводя в ужас приставленную к ребенку статс-даму.

Наполеон очень любил также своих племянников. Существовало обыкновение, чтобы во время завтрака к Наполеону приводили племянников, особенно детей брата Луи. Наполеон «ласкал и детей своих слуг, как, например, сына Рустама, также вызывая их фамильярность и на „ты“ с собою и также теребя их за уши… Он так любил детей, что в своих законах прежде всего позаботился о них, и если он редко отказывал в чем-нибудь женщинам, то почти не было примера, чтобы он отказал ребенку, которого подослали к нему с просьбой» (Массой).

Наполеон никогда не забывал своих друзей и оказывал им всегда и во всякое время всякую поддержку. Правда, Наполеон-император стал несколько дальше от друзей и учредил строгий этикет; но ведь он был император, и притом в первой линии, и потому ему, более чем кому другому, нужно было охранять императорское достоинство от друзей, из которых некоторые вышли из трактирщиков. Наполеон был прав, говоря Chaptal: «Нет генерала, который не признавал бы за собою таких же прав, как и

мои. Я должен быть строг с этими людьми». Принимая во внимание все вышеизложенное, нельзя не признать, что Наполеон был таким же человеком, как и все остальные люди. Мнение Taine1, что он никого не любил и не ненавидел, что для него никто не существовал на свете, кроме него самого, а остальные существа были только цифры, – едва ли справедливо.

В детстве, находясь в школе, Наполеон отличался склонностью к уединению, скрытности, замкнутости, некоторыми своеобразными проявлениями характера и резкой нервностью. Marco Saint-Hilaire рассказывает, что еще в детстве Наполеон производил *жевательные движения,* сопровождавшиеся *гримасничаньем,* эти движения проявлялись во время занятий и в возбуждении.

В состоянии раздражения у Наполеона развивался *тик* правого плеча и *конвульсивные движения в губах.* Однажды, когда Наполеон был наказан в школе, это так подействовало на его самолюбие, что с ним произошел *судорожный припадок,* почему его должны были освободить от наказания. Наполеон часто страдал приступами *мигрени.*

В дальнейшей жизни оказывается, что у Наполеона существовала прекрасная почва и для судорожных припадков, и для мигрени в виде *подагры* и *герпетизма.*

В характере Наполеона резко выделялась крайняя *строгость* по отношению к окружающим и к самому себе. Он всегда был образцом для других, но, к сожалению, недосягаемым. Его отношения к окружающим, в случаях взыскания, отличались *грубостью* и *резкостью.* Он был очень *впечатлителен* и *вспыльчив,* часто он впадал также *в гнев,* причем появлялось *резкое подергивание в ноге.* Бывали, однако, случаи, когда он симулировал гнев, но как при появлении настоящего гнева, так и искусственного Наполеон отличался безграничным *властолюбием* и *честолюбием* и для осуществления и удовлетворения этих качеств не стеснялся в средствах. *Сила воли* Наполеона вполне соответствовала величине и всеобъемлемости его гения, поэтому не поразительно, что она никогда и ни перед чем не склонялась.

В школе Наполеон отличался любовью к труду, настойчивостью и своенравным поведением. Проявления его умственной деятельности были не одинаковы: в математике он отличался, а учитель немецкого языка полагал, что «ученик Наполеон Бонапарт совершенный болван». *Память* у Наполеона была колоссальная, особенно же память цифр и топографии.

От матери Наполеон унаследовал склонность к *экономии, расчету, контролю, бережливости* и *порядку.* Наполеон отличается крайней *непоседливостью:* он постоянно в движении,

ездит и переезжает с места на место; сидя на месте, он режет ручки кресел, рисует, пишет глупости, но непременно в какой-нибудь деятельности. В характере Наполеона часто проявляется грустный оттенок, особенно это резко было выражено в молодые годы, при жизненных неудачах. Наполеон-офицер пишет следующее: «Всегда одинокий, лишь только вхожу к себе, как мысли, одна мрачнее другой, овладевают мною. Куда же они устремляются сегодня? К смерти! Вот почти 6 или 7 лет, как я на чужбине. Через четыре месяца мне предстоит радостная встреча с соотечественниками, с родными. Да разве одних тех отрадных чувств, от которых начинает биться мое сердце при одном лишь воспоминании детства, не достаточно, чтобы я мог сознать всю пользу счастья, ждущего меня на родине? И между тем какая-то темная сила заставляет меня желать саморазрушения! Да, что делать в этом мире? Ведь все равно вечно жить не будешь; а потому не лучше ли покончить с собою теперь же? Будь мне лет за шестьдесят, я, быть может, и был бы готов, из уважения к предрассудкам моих современников, смиренно ожидать часа, когда сама природа положит конец моим дням, но так как, кроме несчастий и горя, жизнь пока не дала мне ничего, то для чего же я стану беречь ее. И для чего люди удалились от природы, до чего они трусливы, презренны и низки!..»

M-me Remusat говорит, что Наполеон просыпался обыкновенно в *грустном настроении* и *казался удрученным,* так как у него довольно часто бывали *спазмы желудка,* вызывавшие иногда рвоту.

Наполеон *спал* очень мало, 4–6 часов, причем ложился спать в 10 часов, но, кроме того, в свободные минуты он обладал способностью спать когда угодно и где угодно в течение нескольких минут. Просыпаясь, он моментально приходил в сознание. В этот момент он любил выслушивать сплетни обо всех и обо всем, чтобы знать, что делают и что делается. Наполеон уважал медицину, доверял ей и часто прибегал к ней. Вообще он был страшно зябок, любил тепло, нередко заставлял топить камин даже летом, очень сильно реагировал на барометрические колебания и страстно любил горячие ванны. Быть может, к тому побуждали его и частые приступы *дизурии,* бывшей у него с детства. В ванне он просиживал часы и температуру воды доводил до крайних пределов. Иногда он проводил в ванной ночи. Ванна была для него и успокоением, и укреплением, и наслаждением. Наполеон любил также растирание кожи щеткой, растирание грубое и резкое, как «осла». Эти приемы избавляли Наполеона от *приступов кашля* и дизурии. В *пище* Наполеон был неприхотлив, – ел быстро и без разбору, причем после сладкого

нередко переходил к супу и т. д. Определенного часа для еды у него не было; он властвовал над желудком или, скорее, забывал о его существовании и ел, когда подставляли ему пищу, и ел рассеянно, думая об оставленной работе и спеша вернуться к ней. Наполеон никак не мог мириться, даже в торжественных случаях, с бесконечным числом блюд; где бы он ни был, после первых же блюд он требовал мороженого и выходил из-за стола. Мороженое он любил. За быстротой еды он плохо пережевывал куски пищи. По отношению к алкоголю он был необыкновенно воздержан и любил только шамбертен, да и тем не слишком злоупотреблял.

Наполеон был неутомим. Он мог целые дни просиживать на лошади, как и в кресле кабинета. Его ум был всеобъемлющ. Его ум не только обнимал все в целом, но и входил в мельчайшие подробности, и, можно сказать, что в течение 14 лет мысль Наполеона работала за восемьдесят миллионов людей. Замечательно то, что Наполеон писал безграмотно как по-французски, так и по-корсикански Но зато выражаемая им мысль отличалась меткостью, ясностью, точностью, краткостью и простотою изложения. Массой говорит: «Его мысль всеща оригинальна и самостоятельна. Идея, зародившаяся в его уме, не терялась из виду, среди хаоса самых разнообразных проектов, среди массы писем и депеш, которые ежедневно прилетали в курьерских сумках и заваливали его стол, и вынашивалась до полной зрелости». От одной умственной работы к другой Наполеон переходил столь же легко и свободно, как от предмета физического одного к другому. Почти всю государственную работу он брал на себя и все обнимал своим умом. Он работал рано утром, в полдень, вечером и ночью. Часто заснувши час-два, Наполеон вставал и прорабатывал всю ночь. Его секретари уставали и сменялись, – он же был несменяем. Наполеон бывал на балах, вечерах в театре и проч., но делал это только ex officio, любил же он только музыку, особенно вокальную. Наполеон нюхал табак, но по этому поводу можно сказать, что он скорее рассыпал его, нежели действительно нюхал.

К болезненным проявлениям Наполеона должно отнести также какие-то припадки, неоднократно у него наблюдавшиеся. Первый такой припадок наблюдался еще в бытность его в Бриэнской школе. Талейран, наблюдавший один из таких припадков в 1805 году, при путешествии Наполеона в Страсбург, описывает его так: «Наполеон встал из-за стола и направился к покоям императрицы, но вскоре быстро возвратился в свою комнату, позвав меня с собою, вместе с нами в комнату вошел и камердинер. Наполеон успел приказать запереть дверь комнаты и повалился на пол без чувств. При этом были судороги и изо рта

выделялась пена. Спустя минут 15 Наполеон пришел в себя и начал сам одеваться. Во время припадка Наполеон стонал и задыхался, но рвоты не было. Наполеон запретил рассказывать о происшедшем. Вскоре он скакал на коне вдоль рядов армии».

Это описание представляет картину типичнейшего случая классической соматической эпилепсии и выясняет дело бесповоротно. Но кроме этих приступов классической эпилепсии у Наполеона бывали приступы неполные и измененные, во всяком случае отличные от типических. Так, 18 брюмера Наполеон имел приступ бессознательного состояния, а затем проявил типичный бред эпилептика в своих речах к совету и войску. Его поступки в это время можно признать вполне бессознательными и даже бессмысленными. Своими дикими поступками в течение нескольких минут он едва не разрушил составленного им грандиозного плана государственного переворота. Судорожные припадки, почему-то называемые истерическими, наблюдались у Наполеона и в дальнейшей жизни, против которых его лейб-медик назначал теплые продолжительные ванны. Подозрительный припадок у Наполеона произошел в день объявления развода с Жозефиной. Понесши полное поражение в России и вынужденный сделать распоряжение возвращаться армии по прежней дороге, Наполеон так был всем этим потрясен, что, отдавая это приказание, он впал в обморок. Еще раньше, под Бородино, Наполеон тоже имел какой-то приступ, после которого он перепутал и совершенно испортил составленный им прекрасно план сражения. То же явление повторяется в сражении под Дрезденом, где он своим замешательством губит свою армию и себя. Под Лейпцигом Наполеон впадает в оцепенение и совершает целый ряд чисто автоматических бессознательных действий. Не меньшему оцепенению подвергся Наполеон и в Фонтенебло, в ночь, предшествующую отречению от престола.

Таким образом, несомненно и бесспорно то, что Наполеон имел приступы, и эти приступы были эпилептические, в одних случаях судорожные, в других в виде absence, каталепсии, автоматизма и т. п.

Все почти историки говорят, что в последние годы жизни Наполеона, особенно по возвращении его из России, гениальная его умственная деятельность стала тускнеть. В нем недоставало прежней быстроты, энергии, неутомимости, широты и силы ума и предусмотрительности; он стал неподвижней, тусклей и ограниченней. Chaptal, близко стоявший к Наполеону, говорит, что он к этому времени стал *вырождаться* (11 etait degenere). Особенно такое понижение наступило после Москвы: «Я утверждаю, что со времени этой печальной эпохи я не видел в

нем ни той последовательности идей, ни той силы характера… ни того расположения, ни той способности к труду, как прежде».

Иначе и не могло быть. Приступы эпилепсии в той поре жизни у Наполеона усилились, а такие приступы не остаются бесследными для умственной деятельности. Поэтому весьма естественно, что даже гений Наполеона, под ударами этого небесного бича, должен был ослабеть и тускнеть. Это не значит, что гений Наполеона опускался до слабоумия. Да и припадки, с устранением резких жизненных потрясений, ослабели. Но важно то обстоятельство, что под влиянием приступов падучей даже гений, если он не принимает скоро борьбы с этой тяжкой болезнью, подвергается некоторой диссоциации.

Признание Наполеона эпилептиком – не новость. Лучшие современные невропатологи почти все того мнения. Если же не все современники считали Наполеона эпилептиком, а особенно его врачи, то это обусловливается недостатком надлежащих знаний об эпилепсии в то время и значительным успехом по этому отделу в настоящий момент. Будет достаточным сказать, что в то время эпилепсия считалась решительно неизлечимой болезнью, тогда как мы смотрим на эту болезнь далеко более светлыми глазами и встречаем немало случаев излечения от нее.

Страданию Наполеона эпилепсией Lombroso посвятил целую статью. Доводы, на основании которых Lombroso признает Наполеона эпилептиком, следующие: отец Наполеона алкоголик, Наполеон был мал ростом, имел большую нижнюю челюсть, выдающиеся скулы, глубокие впадины глаз, асимметрию лица, редкую бороду, слишком короткие ноги, сгорбленную спину, любил тепло, слишком чувствителен был к пахучим веществам и метеорологическим колебаниям, страдал мигренями, имел тик лица, плеча и правой руки, судороги в левой ноге при гневе, жевательные движения челюсти, чудовищное самолюбие, эгоизм, вспыльчивость и импульсивность, склонность к суеверию, противоречия характера, бессердечность, отсутствие нравственного чувства, недостаток этического чувства и даже недостатки в мышлении. «Из всего этого, – говорит Lombroso, – мы усматриваем, что в этом великом человеке произошло полное слияние гения с эпилепсией не только судорожной, мышечной, но и психической, выражавшейся в импульсивных действиях, затемнении умственных способностей, цинизме, чрезмерном эгоизме и мегаломании (бред величия)».

«Из этого примера, являющегося в природе не единственным, мы можем вывести заключение, что *эпилепсия может быть одним из составных элементов гениальности…»* Дальнейший вывод Lombroso еще более поразительный: *«Гениальность есть форма*

психоза на почве вырождения с признаками специального или эпилептического характера…»

В другом месте я касался несостоятельности и безнадежности взгляда Lombroso, что гениальность есть психоз. Единственный пункт, по которому я мог бы сколько-нибудь согласиться с Lombroso в этом отношении, это тот, что и гениальность, и душевная болезнь суть необыкновенные жизненные явления, причем гениальность, однако, не есть болезнь, а особый дар природы и величина положительная, тогда как душевная болезнь есть прежде всего болезнь, и притом величина отрицательная.

Какие же доказательства Lombroso имеет за то, что гениальность есть эпилепсия? Прежде всего то, что многие гениальные люди, как Магомет, Цезарь, Петр Великий, Петрарка и проч., были эпилептики. Что же в этом особенного? По всему вероятию, они страдали и лихорадкой. Значит ли это, что гениальность есть лихорадка? Страдали эти люди и другими болезнями, но это все-таки не значит, что гениальность есть проявление этих болезней… Совпадение двух состояний вовсе не означает их сродства, а в огромнейшем числе случаев только лишь простую случайность. Уже это потому так, что гениальность – явление прирожденное, а эпилепсия может быть приобретенной. Приобрести эпилепсию весьма легко, но дает ли эта эпилепсия такому страдальцу хоть каплю гениальности? Нет. Это фальшь. Появившаяся эпилепсия не только не способствует развитию умственных способностей и расширению их деятельности, а, напротив, их угнетает, подавляет и уничтожает. Я не буду останавливаться на этом вопросе, так как я его касался в другом месте. Во всяком случае, факт не подлежит никакому сомнению, что ни приобретенная, ни прирожденная эпилепсия *никогда* не дают улучшения умственных способностей и характера, а, напротив, идиотизм, тупоумие и слабоумие, и счастливы те эпилептики, которые в течение всей жизни удерживают свои умственные способности и характер в добром и благоприятном состоянии. А между тем мы знаем, что между гениальными эпилептиками можно указать таких, у которых эпилепсия произошла от случайных причин, как: непомерное пьянство, распутная жизнь, чрезмерные потрясения и проч. Такие люди были гениальными и раньше, чем они стали эпилептиками, и приписывать их гениальность эпилептическому неврозу – нелогично, неосновательно и неразумно.

Но этого мало. Если гениальность есть эпилептический невроз, то отсюда следует, что все гениальные люди должны быть эпилептиками. Однако это несчастье, к великому счастью, минует весьма многих гениальных людей. Гениальных людей

эпилептиков так мало, что они все наперечет; гениальных людей неэпилептиков так много, что их всех перечесть нет физической возможности. Отсюда естественный вывод – гениальность никоим образом не является эпилептическим неврозом. Те проявления легкой дегенерации, которые наблюдались у Наполеона, правда, могут иметь генетическую связь с эпилепсией, но они не имеют никакой связи и никакого отношения к гениальности. Это есть простое совпадение, простая случайность.

Многие настаивают на том, что Наполеон имел *эпилептический характер*. Он был бессердечен, кровожаден, эгоист, необычайно самолюбив, человеческие жизни для него не имели никакого значения и т. д. Если бы даже это было и так: Наполеон имел эпилептический характер. Что же тут особенного? Наполеон был эпилептик, а потому и проявлял эпилептический характер. Правда, не все эпилептики проявляют эпилептический характер; но что же странного и удивительного в том, что тот или другой эпилептик проявит эпилептический характер! Вот если бы было доказано, что эпилептический характер именно всегда сопровождается гениальностью или что все гении обладают эпилептическим характером, – это другое дело. На деле же это вовсе не так: эпилептический характер никоим образом не сопровождается гениальностью и совершенно неверно то, чтобы все или многие гении проявляли эпилептический характер.

Но если бы даже и так, что эпилептический характер имел сродство с гениальностью, то действительно ли у Наполеона был эпилептический характер? Прежде всего должно отличать Наполеона государственного деятеля и Наполеона человека. Кровопролитие войны, разорение государств, лишение миллионов людей благосостояния в течение военного времени – все это одно, а убийство, грабеж, мошенничество – другое. В силу тяжелых и жалких стечений обстоятельств жизни первое – добродетель, второе – преступление. Знаменитый полководец – герой, и тем больший герой, чем он больше истребит людей, разорит городов и государств и пустит по миру вдов и сирот голодных и раздетых… Разбойник, убивший людей, разоряющий города, оставляющий вдов и сирот, награждается виселицей. Такова мораль жизни…

Наполеон, безусловно, был истребителем людей, государств, городов, деревень и т. д. Но был ли он в жизни таким же бессердечным убийцей… Хирурги тоже режут многих, но это им ставится в добродетель… И терапевты направо и налево расточают яды, но это опять не эпилепсия.

Еще и то должно иметь в виду: можем ли мы нашей меркой, меркой среднего человека, мерить гения! Quod licet Jovi, non licet

bovi… Этот вопрос имеет весьма важное практическое значение, ибо мы в жизни видим уже на деле проведение мысли надеть узду на деятельность людей выдающихся в угоду и для выгоды ограниченной толпы. Преимущества труда и ума выдающегося стремятся подчинить для средней толпы. Примеры этому мы могли бы в жизни заимствовать в весьма множественном числе. Но так как это вопрос слишком жизненный и реальный, то лучше мы его оставим в стороне.

Если у Наполеона отделить то, что принадлежит ему, как полководцу, главнокомандующему, воину и государственному реорганизатору, то в характере Наполеона-человека мы найдем все то, что и у каждого человека, и ничего общего с эпилептическим характером.

Общий наш вывод тот: Наполеон был высший, первоклассный гений. Он страдал эпилепсией. Эта эпилепсия в последние годы его политической жизни усилилась и повлияла даже на его умственную деятельность, что, вероятно, не оставалось без влияния и на проявлении его мировой деятельности; когда же его жизнь стала спокойнее, то припадки прекратились и умственная деятельность несколько возвратилась. Его гениальность, как и всякая гениальность, не имела ничего общего с его болезнью, и одновременное существование гения и эпилепсии у Наполеона есть только лишь простая случайность. Гениальность не имеет ничего общего с эпилепсией и тем менее служит ее проявлением.

ЛЮДВИГ, КОРОЛЬ БАВАРСКИЙ

Не подлежит никакому сомнению то обстоятельство, что в жизни, развитии, совершенствовании и падении народов и государств играют важную роль географические, климатические, геологические и другие явления природы. Но не подлежит сомнению также и то, что весьма часто судьба народа или государства зависит от воли, характера и направления деятельности лица, стоящего во главе данного народа или государства. В последнем случае гениальный ум, мощный характер и широкая государственная деятельность выдвигали государства и народы, делали ему историю и составляли славу, могущество и господство. Но очень нередки случаи и другого рода: когда слабые, неспособные, узкие и слишком себялюбивые правители губили государства и лишали их достигнутых уже и установившихся могущества и господства.

Гений, ум, характер, душевная мощь государя составляют одно из важных начал государственной жизни этого народа, но это начало, а следовательно, частью и судьба народа, подвержены различным колебаниям в зависимости от наследственных качеств, воспитания, образования, окружающих людей и обстановки, здоровья и болезни и т. д. Правители как люди, точно так же, как и все мы, не ограждены и не застрахованы ни от смерти, ни от болезни. И эти болезни могут касаться как тела, так и души человека. История приводит нам много примеров сумасшествия и душевных болезней царей. Припомним Навуходоносора, который скитался по лесам в скотоподобном состоянии, Камбиза – жестокого тирана и лютейшего из государей своего времени, Саула, страдавшего приступами тоски, доводившей его до покушения на убийство своего любимца, отрока Давида, и т. д. История императоров Римской империи дает нам целый ряд сумасшедших лиц. Новейшее время тоже недалеко ушло от давнего, давая целый ряд тяжких нервных заболеваний коронованных лиц, каковы: король нидерландский, королева румынская, султан турецкий, король Баварский Отгон и некоторые другие лица, ныне еще действующие, господствующие и могущие принести ужасное несчастье многим десяткам миллионов людей.

На наших глазах развилась и окончилась, весьма плачевно окончилась душевная болезнь привлекательнейшего из государей, Людвига II короля Баварского.

На его истории и судьбе мы остановим в настоящем случае наше внимание.

Людвиг II происходит из рода Виттельсбахов. Как во времена цезарей некоторые из царственных семейств и патрициев отличались длинными носами, большими ушами и проч., так и род Виттельсбахов искони отличался дарованиями в области архитектуры и художеств. Правда, воинские доблести им тоже не были чужды, но главную славу Виттельсбахов составляют искусства. В тридцатилетнюю войну герцог баварский был представителем Германской империи. Когда Густав Шведский в 1632 г. занял Мюнхен, то он поражен был величием, изяществом и художеством отделки дворца бежавшего курфюрста.

– Какой архитектор строил этот дворец? – спросил Густав.

– Сам курфюрст, – был ему ответ.

– Я бы хотел его видеть, чтобы пригласить в Стокгольм.

Обращаясь к ближайшим предкам Людвига II, мы видим, что во времена Наполеона I, в награду за помощь и союз ему, Максимилиан Иосиф I был назначен королем Баварским с присоединением к Баварии части Тироля. Этот король был страстный любитель живописи и скульптуры, почему много миллионов он затратил на приобретение мраморных изваяний и обогащение картинной галереи. Сын его (дед Людвига II) тратил также миллионы на постройку великолепнейших зданий то в греческом, то в итальянском стиле, послуживших лучшим украшением Мюнхену. Тот же король страстно любил живопись и был покровителем Каульбаха и Карнелиуса. Революция 48 г., а также многие неосторожности и промахи в жизни были причиною тому, что он лишился престола.

У Людвига I были сыновья: Максимилиан II, отец Людовика II, Отгон, бывший король греческий, Адальберт и Луитпольд, нынешний регент Баварии, Максимилиан II женат был на Марии Гогенцоллернской, дочери принца прусского Фридриха Вильгельма. Полагают, что эта принцесса внесла сумасшествие в дом Виттельсбахов. Хотя это едва ли имеет вероятие, так как уже до нее Виттельсбахи не чужды были этой болезни. Говорят, что тегка Людвига II София страдала душевной болезнью и лечилась в доме умалишенных в Illenau. Главною болезненною мыслью было то, что она проглотила стеклянную софу.

Максимилиан II имел двух сыновей: старшего Людвига и младшего Оттона.

Оттон родился в 1848 г. Живой, резвый, очень подвижной и впечатлительный, он обнаруживал большую страсть и вместе с тем большие успехи в науках. Получив прочную общеобразовательную подготовку, он поступил в университет, где с увлечением слушал лучших мюнхенских профессоров. Во время прусско-французской войны Отгон принимал в ней горячее

участие и получил железный крест. Страсть к наукам скоро сменилась страстью к театру, но к театру легкому и фривольному. Обожание опереток скоро превратилось в обожание опереточных певиц. Слабое здоровье не выдержало кутежей, увлечений и разгула с женщинами, и будущий король быстро пошел по пути к полному слабоумию. Назначенный королем на место умершего своего несчастного брага, Оттон вначале очень тешился титулом «Ваше Величество», но затем и эта искра скоро в нем погасла.

Людвиг II, старший сын Максимилиана I, родился в 1845 г. 25 августа. Физически он представлялся очень крепким и сильным ребенком. Его воспитание было вполне надлежаще: для развитая физических сил он проходил строгую гимнастику, его познания обогащались лучшими учителями Мюнхена, его эстетическая сторона воспитывалась едва ли не на лучших в свете образцах художественного мира, сосредоточенных предками Людвига в Мюнхене. К 19 годам эго был высокий, стройный, одаренный большой силой и обширными знаниями юноша, невольно поражавший окружающих как своею физическою красотою, гак и своим блестящим умом. Особенно поражали окружающих своим необыкновенным выражением глаза Людвига II. Дед его Людвиг I обожал своего внука. Знаменитый психиатр французский Morel, бывший около того времени в Мюнхене, также был поражен внешностью Людвига II. Дед короля видел в его глазах огонь божества, Morel усматривал в них сумасшествие. «Это страстные глаза Адониса», – сказал Людвиг I. «Эго глаза, в которых горит будущее сумасшествие», – сказал Morel, и он был прав.

19 лег Людвиг II унаследовал баварский престол. Никто не думал, чтобы такой блестящий восход закончился таким темным и мрачным закатом. Очень любивший своего брата Отто, Людвиг резко отличался от него по характеру. Он был необщителен, замкнут, скрытен, горд и мечтателен. Оставаясь более одиноким, он предпочитал проводить время в фантастических картинах своей мечты. Будучи очень впечатлительным и экзальтированным, он являлся весьма неустойчивым во взглядах, убеждениях и поступках, быстро набрасываясь на дела и быстро их покидая. Перескакивая от дела к делу, он не способен был ни на чем долго сосредоточиваться. Живущий постоянно фантазиями, Людвиг и на весь окружающий мир смотрел сквозь очки своей мечты, придавая предметам и мечтам несуществующие оттенки и черты. Эти особенности характера короля не могли не поражать окружающих и серьезные государственные люди с невольным сжатием сердца взирали на этого статного красавца, но странного юношу.

В противоположность своему брату Отто Людвиг II был ненавистником женщин. Особенно резко повлиял на него несостоявшийся брак с принцессою Софиею. Крайне эксцентричный, мечтатель и фантазер, Людвиг увлекся и женщиною соответствующего характера, в лице принцессы Софии. Она походила на лесную нимфу и была страстною любительницею охоты, собак, лошадей и всевозможных приключений. Жила она на берегу озера, каталась одинокою в лодочке и окружила себя романическою обстановкою. Фантазии, мечты, увлечения и вечный вихрь неожиданностей – это ее внутренний мир. Однажды Людвиг II, будучи женихом Софии, хотел ей доставить неожиданное удовольствие. Набрав хор странствующих музыкантов, он направился в замок невесты, чтобы врасплох исполнить серенаду. Опередив своих спутников, Людвиг уже почти достиг намеченной цели, но был страшно наказан за свое желание доставить невесте удовольствие без предупреждения: в просеке парка он увидел, как его возлюбленная играла локонами волос своего грума, сидевшего на скале… Едва не произошло двойное убийство. Принцесса и грум, а по другим – аббат принцессы, были спасены подоспевшими охотниками, София была возвращена отцу. Она заявила, что Людвиг одержим галлюцинациями и это была одна из них.

С этих пор Людвиг возненавидел женщин и отказался от всех навязываемых ему браков. Передается несколько рассказов, подтверждающих это отвращение Людвига к женскому полу.

Одной знаменитой актрисе красавице Людвиг приказал читать ему вслух. Эти чтения происходили в спальной короля и денно и нощно. Король лежал в постели, а чтица сидела рядом на кресле. Однажды актриса, увлекшись чтением, во время декламации присела на край кровати короля. Это вызвало страшный гнев короля. В 24 часа она выслана была из Баварии за оскорбление величества, несмотря на то, что была любимицей Мюнхена.

Секретарь короля жил вблизи королевского замка. Однажды, прогуливаясь в парке, Людвиг встретил жену секретаря. На следующий день он заявил секретарю: «Я видел лицо вашей жены». Секретарь стоял в недоумении. «Я видел лицо вашей жены», – повторил резко и грубо король. Тогда секретарь вспомнил нетерпимость женщин королем и поспешил заявить, что вперед эта неосторожность не повторится.

Единственная женщина, которую Людвиг II выносил и даже ласкал, была принцесса Гизела, жена принца Леопольда. Принцесса Гизела по своим странностям и эксцентричности не только походила на Людвига II, но даже превосходила его;

поэтому неудивительно, если король был милостив к человеку, который его понимал. Однако принцессе Гизеле нелегко давалось благорасположение короля. Людвиг часто посылал букеты и другие подарки принцессе днем и ночью. Посол должен был лично вручить принцессе подарки. И случалось нередко, что принцесса Гизела должна была вставать в 2–3 часа ночи, парадно одеваться и принимать королевского посла.

Восшествие на баварский престол Людвига II совпало с австрийско-прусской войной. Все были убеждены, что Пруссия будет побеждена, хотя и не одобряли союза Баварии с Австрией. Вдруг получился необыкновенно быстрый и решительный разгром Австрии. Бавария за свой союз с Австрией при этом потеряла весьма немного. С этих пор Людвиг становится страстным поклонником Бисмарка… Скоро наступила франко-прусская война. Пруссия, самое большее, рассчитывала на нейтралитет Баварии. Но Людвиг, увлекаемый мыслью о единстве немецкой народности, деятельно помогал пруссакам в войне с Францией. Баварский корпус сделал много неприятности Франции и значительно облегчил победу пруссакам. Ненавистник войны вообще, Людвиг не принимал личного участия в ней. Зато он первый выступил с предложением венчания героя и победителя – прусского короля германскою императорскою короною. В этом деянии он принял личное участие. Трудно сказать, что более интересовало короля: политические соображения или величие и торжественность церемонии коронования Вильгельма I.

Способствуя, однако, возвышению Пруссии, Людвиг успел отстоять почти полную неприкосновенность самостоятельности собственных владений. Бавария оставила за собою несравненно большую независимость, чем все остальные государства, вошедшие в союз Германской империи. И в дальнейшем Людвиг многократно отражал поползновения ставленников Бисмарка, желавших наложить свою руку на баварские порядки и независимость.

Вскоре, однако, Людвиг покинул политическое поприще и всецело отдался двум своим страстям: музыке и архитектуре.

Унаследовав наклонности, любовь и стремление ко всему изящному от длинного ряда своих предков, выросши окруженный памятниками необыкновенно художественного творчества, наконец, воспитанный преимущественно в этом же направлении, неудивительно, если Людвиг всеми силами своей неуравновешенной и неустойчивой души отдался увлечению прекрасным – музыкою и архитектурой.

Король особенно предался музыке Вагнера, и скоро Вагнер стал его первым другом. Увлекшись свободою полета фантазии и

шумом музыки Вагнера, Людвиг не щадил средств роскошнейше обставить представления его опер. Он способствовал устройству театра в Байрейте, он же поставил оперу в Мюнхене на завидную высоту. Неспособный, однако, долго останавливаться ни на чем, Людвиг скоро порвал и свою личную дружбу с Вагнером, хотя не переставал от времени до времени переписываться с ним до смерти последнего.

Король вообще часто проявлял дружбу ко всем артистам и актерам и часто находился в переписке с ними. Однако эти дружеские отношения почти всегда обрывались очень резко. Всем этим симпатиям король придавал лишь настолько значения, насколько они удовлетворяли его хотению и капризам, до других же людей ему не было никакого дела.

Существует интересный рассказ касательно отношений Людвига II к Захер-Мазоху. Известно, что этот симпатичный писатель сам не без странности и его герои дали основание психиатру Krafft-Ebing'у установить особый вид болезненного состояния – мазохизма. Увлеченный рассказами Захер-Мазоха, Людвиг вступил с ним в безымянную переписку. Письма за письмами все более сближали их. Наконец, Людвиг назначил в скалах Тироля свидание Захер-Мазоху. Свидание это состоялось; но то ли нашел Захер-Мазох, что ожидал, – покрыто мраком неизвестности.

Второю страстью короля, несравненно худшею, так как она стоила много миллионов и разоряла финансы двора, была страсть к постройкам новых дворцов. Он выстроил на скале, над пропастью, громадный замок Неишванштейн, против старого замка Гогеншвангау. Он построил другой дворец в форме летнего дворца китайского императора. Он выстроил миниатюру Версаля и еще много других дворцов. Внутреннее устройство дворцов, роскошь, величие и изящество превосходят всякое описание. Эти затраты на постройки ставили нередко министерства государства в весьма затруднительное положение и подвергали их грубой и резкой немилости короля. Тем хуже все это было, что добрая половина расточаемых денег шла не на постройки короля, а в карманы исполнителей его воли. Лейб-медик короля, доктор Шлейс, отзывается так об окружающих: «Эти продажные, мелкие, лживые, рабские натуры только поджигали его и вталкивали его в безумные затраты».

Несмотря на уединенную, замкнутую и отшельническую жизнь Людвига, общество стало замечать в короле много странностей, которые скоро установили мысль о ненормальности его умственных способностей. Личные выгоды приближенных, эгоистические похвалы художников и архитекторов, расточаемые

королю, нежелание вызвать громадный скандал, а также опасение расстроить те или другие отношения были причиною тому, что истинное положение умственных и душевных способностей короля долгое время было известно только немногим. Высокая и эстетическая склонность короля к покровительству искусствам восхищала и пленяла его подданных и была причиною тому, что Бавария охотно мирилась с неопасными причудами своего короля.

Сумасшествие короля развилось у него не сразу, а постепенно и мало-помалу. Он получил его по наследству от родителей. Людвиг родился с сумасшествием и все носил его в себе. Поэтому неудивительно, что его сумасшествие явилось постепенно и незаметно, тем более, что оно служило продолжением и развитием до крайности основных черт и свойств характера короля. Развитию и усилению болезни короля много способствовало еще и то, что в его симпатиях и антипатиях, вкусах и капризах он не встречал себе противодействия. Увлекаясь образами и представлениями своей фантазии, король больше и больше падал в умственном отношении, что, в свою очередь, еще больше способствовало усилению мечтательности и игре фантазии.

Теперь почти постоянно у короля днем была ночь, а ночью день. Днем он спал, а ночью бодрствовал.

Проснувшись, первым его делом было просмотреть кипу газет и интересовавшие его места отметить красным карандашом. Затем он играл на биллиарде или путешествовал по залитым светом залам… Вдруг ему приходило желание выслушать одну из своих любимых опер. Летит дежурный ординарец за придворным артистом. Тот встает в 2–3 часа ночи и играет королю оперу, играет до тех пор, пока король скажет «довольно»… А то вдруг Людвигу угодно послать принцессе Гизеле букет и опять начинается всеобщая тревога.

Король с детства стеснялся общества, был нелюдим и избегал людей. Теперь эта особенность характера усилилась и превратилась в отшельничество. Король заперся в замке и допускал к себе только самых близких людей. Любя музыку и оперу, сначала король помещался в ложе так, чтобы его никто не видел. Затем он приказал играть оперы только лишь для одного себя, а затем и при этих условиях театр только полуосвещался и король сидел в темноте. Однажды во время представления в придворном театре король заснул. Опера прекратилась и по просыпании началась с того такта, на котором остановилась при засыпании короля.

На придворных обедах устраивали сервировку стола так,

чтобы сидящие за столом были скрыты вазами и цветами, дабы король не мог видеть присутствующих. Последние годы жизни Людвиг сидел в государственном совете заслоненный экраном и последний секретарь совета никогда не видел короля в совете в лицо. В его дворце в столовой произведены были такие приспособления, что стол вполне сервированный и с готовыми кушаньями, по желанию короля, являлся через пол, причем король не нуждался в прислуге и не имел неудовольствия лицезреть кого-либо из окружающих. Министрам стоило большого труда добиться свидания и доклада у Людвига, причем король нередко вскакивал и прерывал доклад из-за пустяка, как, например, повторение стиха и проч. Иногда министрами производились доклады и получались приказания короля через прислугу. С величайшим трудом можно было устроить прием посланников иностранных дворов у короля Людвига, причем последним в этот момент для храбрости истреблялось очень много шампанского.

В молодости воздержанный, умеренный и вполне трезвый, Людвиг II начал объедаться и много пить вина. Любимым его напитком было шампанское, смешанное с рейнвейном и с каплями фиалкового эфирного масла.

В последнее время Людвиг переносил только низшую прислугу. Однажды у короля явилась особенная привязанность и расположение к кавалеристам его охоты. Они введены были во дворец и служили ему. Но этот каприз длился недолго, и кавалеристы скоро были изгнаны. Один из приближенных короля должен был в течение нескольких недель являться к королю с маской на лице, так как повелитель не выносил его лица. Другой служитель должен был являться к королю с черной печатью на лбу, как знак его глупости, ибо, по мнению короля, в его голове было не все в порядке. Многие приказания король издавал сквозь двери, и подчиненные, в знак понимания и готовности исполнения воли повелителя, должны были ответить стуком в дверь…

Если Людвигу приходила в голову какая-нибудь мысль, он немедленно должен был выполнить ее. Так, вычитав что-либо о какой-нибудь замечательной постройке, он немедленно снаряжал поезд и отправлялся туда. Однажды он узнал, что в Вене давалась опера, в которой выведена была madame de Pompadour. Людвиг приказал послу доставить партитуру оперы во что бы то ни стало, хотя ни автор, ни директор театра не желали ему дать ее. Пришлось нанять стенографа для представления и таким образом добыть партитуру.

Король любил очень путешествовать в Париж, Вену и проч.

Часто он совершал эти путешествия, не выходя из дворца. Для этого он спускался в манеж и садился на коня. После получасовой езды появлялся переодетый кондуктором конюх и объявлял о приезде на ту или другую станцию.

Наряду с этим Людвиг II страдал страшными головными болями, особенно в затылке, и часто прибегал к помощи льда. Много также проглотил король хлоралгидрата, желая избавиться от упорных бессонниц. Бывали случаи, что у Людвига наступали приступы мускульного бешенства: он скакал, плясал, прыгал, рвал на себе волосы и бороду; другой раз он, напротив, оцепеневал и стоял часами неподвижно на месте. К этому присоединялись иллюзии и галлюцинации. Король слышал голоса и видел видения. Во время снега и мороза ему казалось, что он стоит у берега моря. Король кланялся деревьям и кустам; снимал шляпу перед кустарником и заставлял приближенных преклоняться перед статуей, принимая ее за Марию Антуанетту. Король часто видел пред собою ножи и другие устрашающие предметы; иногда ему казались на полу предметы, и он заставлял прислугу поднимать их. Полная невозможность для прислуги исполнить приказание короля принималась последним за обман, нежелание исполнить его волю и злоумышленность. Все это нередко весьма возбуждало короля и вызывало с его стороны бурные приступы гнева, выражавшиеся в резком и жестоком обращении с подданными.

Такие же фантазии были и в области архитектуры. Людвиг II имел особенную страсть к роскошнейшим постройкам, а особенно к необыкновенно богатой и блестящей обстановке и убранству. Целый ряд изящнейших дворцов, выстроенных Людвигом, служат лучшим тому доказательством. Особенною роскошью отличался Химский дворец, представлявший в миниатюре Версаль. Для точного воспроизведения этого богатейшего дворца Людвиг неоднократно, под строжайшим инкогнито, ездил в Париж. Богатейшие, роскошнейшие и изящнейшие залы дворцов были залиты массою света, и в этих-то залах, в обществе образов своей фантазии, разгуливал Людвиг II.

Неоднократные напоминания министров о том, что денег на постройки нет, что государство входит в долги, что государство может пострадать, нисколько не удерживали короля от дальнейших затрат и построек. Когда же министр уже слишком приставал к королю, то король лично изыскивал средства к покрытию расходов на свои фантазии. Нельзя сказать, чтобы эти изыскания были слишком глубокомысленны, а средства к их исполнению очень разборчивы. Не имея денег, он обращался за удовлетворением к займам у различных правительств. Так, он

обращался с просьбою в Бразилию, Стокгольм, Константинополь, Тегеран и проч. Носились настойчивые утверждения, что Людвиг II обращался за ссудами и к французскому правительству, обеспечивая за это, в свою очередь, нейтралитет на случай войны Франции с Германией. Естественно, эта весть не могла не обеспокоить Берлин и не усилить надзор со стороны последнего за тем, что делается на Химском озере.

В поисках денег король обращался не к одному только министру финансов «немедленно достать ему денег без обычных возражений», но также и к другим лицам, например, жандармскому солдату и проч. Когда и это не удовлетворяло короля, он поручил одному из приближенных составить из дворцовой прислуги шайки и обворовать банки Вены, Берлина и Штутгарта.

В юности гордый и надменный Людвиг II доходил до того, что считал за вольность и непочтение, когда брал его за руку врач для исследования пульса во время болезни. Проснувшись, король обыкновенно звонил камердинера. Последний входил к его королевскому величеству, низко согнувшись. Став на колено и положив на другое записную книжку, камердинер записывал целый ряд вопросов короля, иногда до 20. Затем, после приказания короля «теперь отвечай», камердинер должен был давать ответы. По окончании опроса камердинер низко кланялся и спиной уходил из комнаты короля. Однажды королю показалось, что камердинер недостаточно низко поклонился. «Ниже кланяться», – закричал на него король. Камердинер поклонился до земли, причем получил удар в лицо. Из официальных данных известно, что 32 его прислужника были королем биты, оскорблены действием, получили толчки и проч. Часто он также наказывал свой служащий штат арапником. Оружие короля было убрано и далеко спрятано. Многократно король приказывал своих подданных заковывать в цепи и сажать на хлеб и воду в воображаемую Бастилию. Других он приказывал казнить и тело бросать в озеро. Об исполнении приказаний короля его величеству докладывалось, хотя можно благодарить Бога, что королю не угодно было присутствовать при исполнении казни.

Раз Людвиг послал в Мюнхен кавалерийского офицера с таким письмом: «Посланный вчера обедал со мною, а теперь посадить его в тюрьму». Когда министр финансов заявил королю, что денег у государства на его постройки нет и что государство и без того вошло в значительные долги, то Людвиг II дал такой приказ в королевскую комиссию относительно дерзкого министра: «Высечь его, собаку, и потом выколоть ему глаза».

Кроме этого, было еще издано три приказа за подписью короля о наказании розгами министров. Однажды Людвиг приказал заключить в тюрьму государственного секретаря von Ziegler, и королю ежедневно производились ложные доклады о том, что von Ziegler сидит.

Одно время министр финансов Ridel был осужден на смерть, а за ним были осуждены на смерть и все остальные министры. Существуют данные, из которых видно, что король произносил ужасные слова против отца и матери, против германского императора и других государей.

Способствовавший созданию мощи и величия единой Германской империи, Людвиг Баварский умел отстаивать независимость собственного государства и неприкосновенность баварской армии. Несколько раз он не позволял приводить в исполнение приказы о преобразованиях в баварской армии, идущие из Берлина. Скоро это, однако, превратилось в ненависть ко всему идущему из Берлина, особенно же к инспектировавшему войска германскому кронпринцу Фридриху. Несколько раз Людвиг приказывал схватить Фридриха, засадить его в каземат и извести голодом и жаждой. Такие же приказы издавались и по отношению ко многим баварским принцам и министрам.

Страсть к вагнеровской музыке скоро перешла у Людвига в обожание самого Вагнера и в воплощение в себе героев его опер. Следующее письмо Людвига характеризует его отношение к Вагнеру.

Приводим это послание:

> «Высочайший, божественный друг!
>
> С трудом могу дождаться завтрашнего вечера, до такой степени истомился после второго представления («Тристан и Изольда»). Вы писали Пфистермейстеру (интимный секретарь короля), что вы надеетесь, что моя любовь к вашему произведению не уменьшится, вследствие действительно довольно плохого понимания Миттервургерта роли Курвеналя.
>
> О, нежно любимый! Каким только образом могла зародиться в вас подобная мысль? Я в восторге. Я желаю дальнейших представлений.
>
> Это возвышенное и священное произведение.
>
> Твой гений создал наш!
>
> Кто бы, могущий понять его, не стал расточать похвал?
>
> Произведение, столь великолепное, столь приятное, столь возвышенное должно было укрепить мою душу!

Привет его творцу, мы преклоняемся перед ним!

Друг мой, будьте добры и скажите превосходной артистической чете, что истолкование ими ролей привело меня в восхищение и восторг, объявите обоим мою сердечную благодарность. Прошу вас, доставьте мне радость вашим следующим письмом!

Не правда ли, мой дорогой друг, вас никогда не покинет мужество к созданию новых произведений? Прошу вас не падать духом, прошу вас от имени тех, которых вы наделяете наслаждениями, которые мог бы даровать один лишь Бог.

Вы и Бог!

До смерти, до перехода в иной мир, в царство ночи миров, пребываю верным вам

Людвиг».

Берг, 12 июня 1865 г.

Очень часто Людвиг одевался в одежды пилигрима и воображал себя пилигримом из «Тангейзера». Нередко также он изображал из себя рыцаря Тристана. Но самым большим любимцем его был Лоэнгрин. Старая баварская легенда с ее героем сыном короля Лоэнгрином наэлектризовали болезненное воображение короля до крайних пределов. Он не только хотел быть Лоэнгрином, но хотел даже жить Лоэнгрином. Для этого он одевался в костюм Лоэнгрина и плавал в лодочке по озеру Штанберг в сопутствии лебедя. Но это показалось королю слишком скучным, и он приказал устроить резервуар с водой на крыше замка, где он и катался в лодочке в сопровождении лебедя. Небо и солнце, луна и звезды взирали на причудливые затеи короля-мечтателя. Эти прогулки в лодочке под покровом небесного свода были омрачаемы тем, что вся вода была бесцветна. Недоставало лазуревой воды с отблесками в ней голубого неба. Пришлось удовлетворить невинное желание короля. В воду пущен был медный купорос. Вода была лазурная. Король счастлив и доволен. А купорос проел металлический резервуар и вся вода ушла в кабинет короля.

Пришлось измышлять новый способ окраски воды. Ее окрасили оптическими способами, путем известного преломления световых лучей в стеклах и воде. Король счастлив и доволен. Но счастье никогда не бывает продолжительно. Вода была слишком тиха и покойна. Нужно, чтобы она волновалась и бурлила. Тогда устроили приспособления для волнений на этом искусственном озере. Машины поставлены. Но, видимо, волнение было очень

большое. Солдаты переусердствовали. Лодочку волнением перевернуло. Лоэнгрин принял холодную ванну и на этом покончил свои поднебесные прогулки.

Король стал горным духом. Он таинственно бродил по пустым залам дворца, освещенным бесчисленным количеством свечей. То в лунную ночь король бродил вокруг замка. Зимою он часто по ночам предпринимал поездки в горы на санях, освещенных электрическим светом, одетый в фантастический костюм духа. Масса народа содержалась для того, чтобы держать дорогу в порядке. Часто крестьяне видели, как дивное видение мчалось по дороге в санях, запряженных четверней лошадей, украшенных перьями.

Король начал увлекаться Версалем. Устроил его миниатюру до мельчайших подробностей. Людвиг преклонялся пред Людовиком XIV и под конец воплотил его в себе. Одетый в костюм этого короля, он разгуливал по комнатам дворца и повторял все то, что считал достойным из жизни короля.

Король заказывал обеды на 20 и более сотрапезников. Обедал он один, но пища подавалась всем тем невидимым лицам, для которых поставлены были приборы за королевским столом. Кого именно приглашал король – это вскоре обнаруживали таинственные разговоры, которые он вел с пустыми приборами. В его воображении за этими приборами сидели знаменитые личности времен Людовика XIV. Он обсуждал события того времени и всего охотнее разговаривал о версальских постройках и дворцах, которые он начал строить. Подобные разговоры иногда продолжались по нескольку часов, и никто не дерзал прерывать их. Иногда места за столами обозначались билетами, на которых были начертаны имена маршалов Людовика XIV или архитекторов и художников того же времени.

Наскучив постоянными приставаниями министров, король собирался продать Баварию и купить себе необитаемый остров, где его не стесняли бы ни конституция, ни совет министров. Это желание короля оказалось неосуществимым. Людвиг II приказал директору государственных архивов отправиться в глубь Гималайских гор, чтобы найти там такую страну, где Людвиг мог бы царствовать неограниченным монархом. Этот подданный объездил Канаду, Кипр, Крит и даже Крым, чтобы отыскать такой укромный уголок, где бы его монарх мог прожить покойно несколько лет. При этом ему даны были указания для ведения переговоров с местными властями относительно того, может ли король пользоваться в своем новом местопребывании всеми принадлежащими ему верховными правами или же одною только личною независимостью. Посланный отовсюду привез королю

разочарование и посоветовал ему бросить свои фантазии.

Все эти поступки, чрезмерные траты, бессмысленные постройки, страшные и небезопасные выходки политического характера не могли не обратить на Людвига внимания как в Берлине, так и особенно в Мюнхене, где быть министром финансов было не вполне приятно и безопасно.

Назначена была комиссия из четырех выдающихся психиатров, которая 9 июня 18 86 г. дала следующее заключение:

> 1. Его величество страдает резко развитой формой душевного расстройства известной под именем paranoia.
> 2. Вследствие слишком большой давности и запущенности болезни в течение многих лет болезнь его величества должно считать неизлечимой, причем исходом болезни может быть только слабоумие.
> 3. Такая болезнь уничтожает свободу воли и дальнейшее вмешательство короля в государственные дела будет только мешать управлению королевством. Это состояние душевной деятельности короля является пожизненным.
>
> *Gudden, Hagen, Grashey, Hubrech.*

Такое заключение специалистов было, однако, не последним актом в жизненной трагедии короля. Нужно было объявить это решение королю, а равно и решение государственного совета о назначении опеки. Для этого к королю послана была особая комиссия. Комиссия состояла из министра иностранных дел и двора, профессора Gudden'a, Dr Muller'a, советника Rumper'a, назначенного состоять при Людвиге полковника и необходимого медицинского служебного персонала. Король находился в замке Шванштейн. Стража, состоявшая при короле, не получила приказания ни о признании короля больным, ни о назначении регентства. Поэтому, когда комиссия явилась в Шванштейн, то была встречена весьма грозно и отослана в замок Гогеншвангау, где она состояла под строжайшим надзором. Спустя некоторое время в Шванштейн потребовали из комиссии министра двора, а чрез некоторое время и остальных членов комиссии, «которые утром хотели ворваться туда силою», причем король издал приказ: «Выколоть членам комиссии глаза и содрать шкуру живьем». Дело обстояло для комиссии не вполне благополучно и могло окончиться весьма плачевно, прежде чем подоспеет разъяснение из Мюнхена. К счастью комиссии, через два часа начальник получил точные приказания из Мюнхена и члены комиссии были выпущены на свободу. Не будет удивительным,

если мы добавим, что эти члены бежали из Шванштейна, бросив там даже свои вещи, и возможно скорее поспешили в Мюнхен.

Оборотная сторона этого дела состояла в следующем: комиссия, посланная к королю, не прямо направилась в Шванштейн, а предварительно занялась надлежащим приспособлением дворца, куда должен был быть перевезен Людвиг II. Весть об этом быстро достигла Шванштейна. Впервые об этом король узнал от своего кучера. Возвратившись домой, Людвиг собрал жандармерию и пожарных из соседних деревень, вызвал полк егерей и издал воззвание к армии, отдавая себя под ее защиту. Армия и егери были уже осведомлены о положении дела, почему не двинулись с места; зато жандармы и пожарные вооружились в защиту короля и встретили комиссию с оружием в руках.

11 июня комиссия явилась в замок вновь, причем король встретил ее вполне спокойно. Говорят, что он покушался выброситься из башни замка, но его от этого охранили приближенные. Находясь под надзором жандармов, принявших присягу на верность регенту, король держал себя спокойно, ровно и разумно. Он отказался от всякой попытки к бегству, хотя для этого приближенными все было приготовлено. «Я признаю за лучшее подчиниться судьбе, – говорил он. – Мой дядя не мог бы устранить меня от правления, если бы мой народ не был на это согласен». Несколько позже Людвиг заявил: «Мне было бы очень легко освободиться, – стоило бы только выпрыгнуть из этого окна и всему позору конец. Что меня лишают правления – это ничего, но я не могу пережить того, что меня делают сумасшедшим».

Вечером король принимал советника Muller'a и говорил с ним несколько времени спокойно и разумно. На рассвете король ходил взад и вперед по комнате, посетил домовую церковь и концертный зал и заметил при этом камердинеру: «Я предчувствую, что вижу тебя в последний раз». Комиссия беспрепятственно увезла короля в приготовленный для него замок Берг. Окрестные жители очень жалели короля, многие плакали и дело могло бы окончиться кровопролитием, если бы король изъявил на то свое согласие.

В Берге король был спокоен, милостиво беседовал с докторами Gudden'ом и Muller'ом и высказал удовольствие, что все было устроено согласно его вкусам. 12 июня прошло вполне благополучно. 13-го утром Людвиг гулял с Gudden'ом и ласково с ним беседовал. Вечером, в начале седьмого, Людвиг пожелал вновь прогуляться, для чего и отправился вместе с Gudden'ом. Сзади их шли два служителя. Заметив служителей, король просил их удалить, что и было исполнено. В 8 часов король не вернулся с

Gudden'ом с прогулки. Поднялась общая тревога. Начались поиски, и тела спутников были найдены в озере Штарнберг. Часы короля, залитые водою, остановились на 7 часах без шести минут.

О несчастье на озере газеты передают следующее:

> «Отправившись на прогулку, король некоторое время шел рядом с Gudden'ом. Дорога от берега озера, в том самом месте, где случилось несчастье, отстоит на 10–15 шагов. Судя по положению трупов в озере, а также по направлению следов на дне его, событие произошло так: король шел справа, а Gudden слева. Подойдя к тому месту, где они утром сидели на скамье, Людвиг ускорил шаги и зашел несколько вперед; потом он, бросив дождевой зонтик, побежал по каменистому берегу к озеру. Gudden, также бросив дождевой зонтик, побежал за ним. Но так как Людвиг его опередил, то Gudden'у пришлось бежать наперерез водою. У воды Gudden схватил короля за сюртук. Людвиг быстро сбросил пальто и сюртук, и эти вещи были найдены на берегу. Оба бросились в воду. Завязалась борьба не на живот, а на смерть. Бой происходил в 10–15 шагах от берега. Боролся молодой, сильный и крепкий человек, спасающий свою честь, с 62-летним стариком, душевно преданным своему королю и верным своему долгу даже до последней минуты жизни. Король губил свою жизнь. Преданный врач спасал чужую жизнь ценою своей жизни. Король победил. Знаменитый ученый, профессор Gudden, поплатился жизнью. Его труп был найден в полусогнутом положении; его голова была под водою, тогда как спина выдавалась из воды. Лицо Gudden'а было исцарапано. Утопивши Gudden'а на мелком месте, Людвиг пошел в глубь озера, где нашел и свою смерть.»

Так безвременно погибли два человека: один молодой, сильный, мощный и властный король, другой – почтенный старец, знаменитый ученый и примерный верноподданный.

Изложив, однако, вышеприведенные факты, мы должны сделать следующую оговорку: наш больной – король, т. е. лицо, по своему общественному положению стоящее вне общества. Его жизнь скрыта от глаз простых смертных. Достоянием общества стали только отдельные случаи, остальная же жизнь сокрыта в душах его приближенных. Приведенные нами факты разбросаны по всей его жизни в течение многих лет, едва ли не 20. Если приведенные случаи слишком ярко и резко обрисовывают болезненное состояние короля, то только потому, что они

соединены нами в единое целое; будучи же разбросанными на много лет, они несравненно меньше оттеняют болезненность данного лица. С другой стороны, мы должны добавить, что положение короля, т. е. пребывание его вне и выше общества, лишает нас возможности иметь побольше обстоятельств, указывающих на болезненное состояние короля, так как его жизнь стояла вне ведения простых смертных. Очевидно, болезненных явлений было несчетно больше, но они остались для нас неизвестными. Наконец, принимая во внимание особенное положение нашего больного, мы не можем отрицать и того, что некоторые из приведенных нами фактов есть плоды фантазии и праздного воображения людского. Может и это быть. Мы привели только то, что появилось в газетах о жизни короля, и на основании этого делаем свои заключения.

Невольно напрашивается вопрос: каким образом, однако, при такой массе примеров, ясно указывающих на очень давнее расстройство умственных способностей короля, он не только мог оставаться королем, но и заслуживать любовь приближенных, расположение окрестных жителей, уважение всех граждан и почтение от иностранных правителей? На это мы ответим: король жил крайне уединенно и одиноко. Его жизнь была известна лицам, только близко к нему стоящим. Кроме того, министры свидетельствуют, что в государственных делах Людвиг отличался замечательным знанием дела, ясностью понимания и необыкновенною проницательностью. Наконец, самые его болезненные увлечения художеством, музыкой и архитектурой могли в его подданных возбуждать только беспредельное уважение и восхищение.

Но чтобы лучше понять это странное положение дела, мы на минуту оставим короля и обратимся к его болезни.

Знаменитый ученый проф. Gudden, не менее знаменитый психиатр Grascheу клятвенно заявили государству, что король Людвиг II страдал душевным расстройством, известным в науке под именем паранойи.

Что же такое это за болезнь?

Под именем паранойи, или первичного помешательства, разумеется такое расстройство умственных способностей, при котором в обычный круг мышления, в обычное сочетание представлений, в обычный, признаваемый нами за правильный, образ жизни и действий врывается круг безумных идей в виде ограниченного бреда. Таким образом, при этом происходит раздвоение сознания в человеке: с одной стороны, он живет здоровою жизнью, ее интересами, делами и обстоятельствами, с другой стороны, внутри себя такой больной таит болезненные

мысли, бредовые идеи и целый ряд безумных представлений. Так, например, невинный чиновник, всю жизнь свою проведший в канцелярии в обществе бумаги, всю жизнь занимавшийся писательством, вдруг вообразит себе, что он социалист и что его преследует за это правительство. Он по-прежнему продолжает составлять и строчить бумаги за No, он прежний семьянин, товарищ и служака; только в нем начинают замечаться странности. Он стал слишком наблюдателен ко всему окружающему; очень подозрителен и чрезвычайно скрытен. Такой человек сторонится людей. В обычных их действиях и поступках он видит нечто необыкновенное, что-то против него направленное. Сторож Федор не сторож уже, а агент тайной полиции, приставленный исключительно для того, чтобы следить за ним. Его товарищи, тоже только «так себе товарищи», а в сущности, и они его враги. Начальство тоже «себе на уме», все «они» образуют между собою общество, которое к нему весьма враждебно, которое за ним следит и по пятам его преследует.

К этому бреду скоро на помощь присоединяются иллюзии и галлюцинации. Больной во всех действиях и поступках окружающих видит особенный таинственный оттенок. Входя в канцелярию, больной услышал, как Федор кашлянул. Понятно. Это он дал знать, что иду я… При входе больного Иван Федорович громко произнес: «Какой тон… Какой оттенок…» Этим он дал понять «им», что иду я…

А между тем дома жена, дети. Со службы могут выгнать. Уже теперь они подозревают его. Издеваются над ним. Подают на его счет какие-то знаки… и скрипит несчастный больной, скрипит день и ночь над бумагами. Старается не сделать ничего такого, чтобы послужило указанием на его неисправность. «Они за спиной следят… Бог с ними… буду чуждаться их…» И он сторонится. Уклоняется. Не договаривает и тем все больше и больше возбуждает действительную уже подозрительность и действительный надзор над несчастным больным.

А тут новая беда приключается. Сосредоточенный на «них», обуреваемый страхом и ужасом пред своим положением, раздраженный и озлобленный, утомленный работою и разбитый бессонницей, больной начинает делать в бумагах пропуски, ошибки, бессмыслицы. Следуют замечания, выговоры, а равно и мысли о преследовании и несправедливости.

К сожалению, и дома уже больной не находит покоя. Жена и дети тоже уже не те, что были прежде. И они стали к нему присматриваться, следить и преследовать. Больной начинает принимать меры к предупреждению и пресечению преступления. Он тщательно по ночам запирает окна и двери. Запасается

заряженным револьвером, вешает над постелью сабли, кинжалы, топор и проч. Десятки раз на ночь он обходит дом, чтобы осведомиться, не забрались ли воры.

К жене и детям он становится во враждебные отношения, так как видит в них врагов. Часто в разговоре их оскорбляет, а иногда ночью, под влиянием безумных идей и галлюцинаций, он нападает на них с топором и совершает ужаснейшие преступления.

А между тем поговорите с этим Иваном Ивановичем о делах, и он прекрасно излагает все обстоятельства дела. Помнит все подробности всех прежних дел. Отлично излагает механику производства дела. Все обстоятельства обычной жизни точно так же вполне отчетливо в нем существуют и все отношения вполне правильно поддерживаются. Одним словом, это прежний Иван Иванович, но только несколько странный, скрытный, подозрительный, сосредоточенный и несколько причудливый.

Количество и степень его причуд стоят в прямой зависимости от того, насколько в тот или другой момент жизни данного больного преобладает здоровое миросозерцание над больным или больное над здоровым.

Но вот проходит некоторое время. Больной измучен своею двойственностью. Больной исстрадался. Больной приходит в отчаяние.

Невольно у него является мысль: за что мне все сие? Почему меня преследуют? Где кроется тому причина?

В дальнейшем болезнь развивается вполне естественным и логическим путем.

Людей посредственных, ничем не выдающихся, обыкновенно никто не преследует. Преследуют тех, кто по своим правам, дарованиям или способностям чем-нибудь выдается над другими. Итак, я?… Некоторое время человек остается в недоумении – кто он? Решению вопроса часто способствуют совершенно случайные обстоятельства. Из Болгарии был изгнан принц Баттенбергский. Болгарский престол освободился. Итак, я король болгарский.

При этом больной вспоминает, как еще в детстве бабушка в сказке ему говорила, что царского сына украли и отдали на воспитание рыбакам. Теперь он прозрел. Теперь он ясно понимает, что рыбаки эти были не рыбаки, а его бедные родители. Царский сын – это он. Его бедные родители вовсе не родители, а только лишь воспитатели; он и есть царский сын, а его родители царь и царица. Теперь он ясно помнит, как в детстве к ним приходили цыгане. Это были вовсе не цыгане, а царские соглядатаи, хотевшие разведать о его житье-бытье. Теперь только он понимает, что и в книжках, что он читал, говорилось все о нем.

Ясно и понятно, почему его сослуживцы так неверотерпимы к нему. Они узнали о его царском происхождении, о его правах на престол. Им завидно. Они ненавидят его. А быть может, они все и подкуплены, чтобы уничтожить его, извести его. Недаром они объявили его социалистом. А семья… семья тоже знает истину и боится за свое существование.

На помощь к этому бреду являются галлюцинации и образы фантазии. Больной начинает пренебрегать службой. Он уединяется. Он замыкается в себе. Он живет образами своей фантазии. Он представляет себе дворец, свою жену, не эту настоящую, а другую, королевскую. Богатство и роскошь убранства. Масса разодетых слуг. К нему приходят с докладом министры. Он делает войскам смотр. Музыка играет. Всюду неимоверный шум и крик «ура». Он величествен. Он могуществен. Дни и ночи он проводит в этом фантастическом мире.

Посмотрите на этого человека издали, не давая заметить своего внимания. Какая у него мимика лица, какая у него жестикуляция. Часто он схватывается, быстро бегает по комнате, машет руками, иногда даже кричит. Это он командует войсками. А вот иная картина. Он величественно стоит. Лицо спокойное, но торжественное и величественное. Поза величия и могущества. Рука делает честь величия и снисходительности. Это он принимает иноземных послов.

А подойдите вы к нему и вы увидите вновь прежнего Ивана Ивановича, отлично знающего отношение за No таким-то и могущего вновь составить новое отношение за No следующим…

Содержание бреда таких больных может быть весьма разнообразно, в зависимости от политических и общественных обстоятельств данного времени и от данных свойств, симпатий и антипатий человека, воспитания и увлечений.

Во время войны мы имеем бред военного характера. Во время усиленного движения социализма у нас была масса больных с бредом социалистического характера. Во время усиленного развития спиритизма больные бредили о преследовании их посредством спиритических приемов. Ныне большое значение имеют гипнотизм, телефон и магнетизм.

Не менее, если не более важную роль в содержании и развитии болезни играют и личные особенности человека. Болезнь эта в огромном большинстве случаев развивается на наследственной болезненной почве. Зачатки нервной неустойчивости, зачатки болезненных проявлений характера, влечений и проч. в дальнейшем возрастают и в зрелом возрасте дают уже готовый созревший болезненный плод. Особенно хорошо обработанным и выкристаллизованным этот плод

является в тех случаях, когда унаследованные качества и свойства характера и душевной деятельности находят себе поддержку и укрепление в воспитании и обстоятельствах дальнейшей жизни данного лица.

Изложив коротко некоторые части учения о паранойе, нам легко теперь будет понять болезненное состояние Людвига II, короля Баварского.

Людвиг II имел ряд предков с несомненным отягощением центральной нервной системы. Естественно, что и на свет Людвиг явился уже с неустойчивой и подорванной нервной системой. Что это предположение верно, мы находим подтверждение в том обстоятельстве, что заболеванию подвергался не один он, а и другие члены его семейства, как брат его Оттон, нынешний король Баварии.

Одаренный от природы прекрасными умственными способностями, Людвиг, однако, воспитывался так, что не получил отвлечения от своих болезненных задатков; напротив, в дальнейшей жизни он нашел только поддержку и укрепление своим болезненным особенностям. Имея по природе крайнее влечение к уединению, одиночеству и устранению от общества, он и в силу своего положения, как будущего короля, должен был стоять несколько особо, несколько дальше от подданных. Такое положение дела не отвлекло его природного сосредоточия, не привязало к обычной человеческой жизни, не заинтересовало нуждами простого человека. В этом отношении он не получил отвлечения, не получил широкого развития и не проникся потребностями нужд и забот простых людей. Не найдя отвлечений в столь широком жизненном призвании, Людвиг II еще больше сосредоточивался на своих болезненных влечениях, чувствах, инстинктах и потребностях.

В роде Виттельсбахов веками поддерживалось стремление ко всему прекрасному: изваяниям, живописи, особенно же к музыке и архитектуре. Получив по наследству особенное влечение, болезненную страсть к музыке и архитектуре, а вместе с сим и особенное, необыкновенное развитие фантазии, болезненно преобладающее над действием чистого рассудка, Людвиг нашел еще большую поддержку своей болезненной фантазии в воспитании. Юношу окружили лучшими артистами и художниками, – этого требовали предания рода Виттельсбахов, – и таким образом подлили в огонь масла. Но кроме воспитания насильственного, воспитания назначенного ему родителями, Людвиг воспитывался преданиями и памятниками, стоящими вокруг него в виде замечательных архитектурных построек, созданных его предками Виттельсбахами, в виде знаменитых

картинных галерей, прекрасных собраний изваяний и проч. Все это Людвиг видел, все это изучал, все это говорило ему, как завет предков, об их достоинствах и все это поощряло его на дальнейшее продолжение и совершенствование. При таких сочетаниях обстоятельств диво ли, если у Людвига явилась особенная страсть к постройкам, страсть, побеждающая доводы рассудка и порицающая представления министров…

На горе Людвигу, при его блестящих, но болезненных природных художественных дарованиях в это время явилась музыка Вагнера. Музыка Вагнера, по отзывам многих знатоков дела, это наркотическое создание, действующее на мозг человека так же опьяняюще, как опий, гашиш, морфий и проч. И вот на этот-то наркотик всеми фибрами своей больной души нападает Людвиг II. Его увлекающаяся, мечтательная и фантазирующая душа целиком отдается этой музыке и не отличает созданий от создателя, героев от себя лично и образов фантазии от действительной обстановки. Это тот запой, который наиболее расслабил рассудок и погубил короля.

Несчастные обстоятельства жизни оттолкнули молодого короля от его невесты, создали отвращение к женскому полу и тем самым парализовали в нем чувства, инстинкты, страсти, заботы, стремления и действия мужа и отца. Это отклонение еще более бросило его в область фантазий и породило подозрительность к окружающим, мысли о надзоре за ним, идеи о преследовании и целый ряд поступков, указывающих на боязнь не только женщин, но и вообще людей.

От природы вообще гордый и высокомерный, Людвиг и в болезни своей проявлял болезненно небрежное и высокомерное отношение к окружающим в виде грубостей и наказаний.

Удалившись от людей, Людвиг жил образами фантазии. Не испытывая горестей и радостей обычной жизни, он жил жизнью, созданною его мечтами. Не имея повышений и отличий обычной жизни, он превращал себя в фантастической жизни то в Людовика, то в Лоэнгрина, то в горного духа.

Масса фактов, собранных нами, ни на одну секунду не оставляет сомнения в болезни короля. Но все эти факты говорят нам, что в жизни этого человека не было ничего нового, ничего необыкновенного, ничего неожиданного. Все болезненные проявления суть только естественное развитие природных его дарований. Уже от природы он унаследовал болезненную, мечтательную и фантазирующую натуру, дарования, в которых блестящие умственные способности заглушались гениальными созданиями воображения. Воспитание, образование, обстановка, обстоятельства жизни и случайности сделали то, что не рассудок

взял перевес над образами фантазии, а воображение и фантазия одержали победу над рассудком. Рассудок подломился, создалась душевная болезнь.

Но мы знаем, что душевная болезнь, поразившая короля, такого свойства, что она представляется государством в государстве. Она представляет болезненный остров в живом и здоровом море жизни. У такого больного является двойственность сознания: с одной стороны, вся обычная жизнь с ее нуждами, требованиями и делами, с другой стороны, жизнь личная, жизнь воображений и фантазий. Первая жизнь дозволяет человеку быть обычным человеком, исполнять государственные и общественные обязанности, быть мужем, отцом и гражданином, вторая – делает его сумасшедшим. До тех пор пока эти две жизни могут существовать совместно, при подчинении второй жизни требованиям первой, до тех пор такой больной мыслим в обществе; но когда требования второй жизни начинают тяготеть и преобладать над требованиями первой – этот человек неправоспособен.

Людвиг II при всех его болезненных проявлениях почти до конца жизни являлся умным, находчивым, сообразительным и настойчиво отстаивающим интересы королевства королем. Диво ли, что при его правильном управлении как короля, при его уединенной и замкнутой жизни его подданные знали его как мудрого короля и настойчивого охранителя государственной самостоятельности даже пред лицом железного человека. С этой точки зрения Людвиг II по праву пользовался преданностью и любовью баварцев.

Но этого мало. Его болезненные страсти – страсти в высокой степени благородные и возвышенные. Он тратил десятки миллионов на постройки дворцов. Страсть в высочайшей степени благородная и заслуживающая полного сочувствия и одобрения. Людвиг тратил на эти дворцы не государственные деньги, а свои личные, те деньги, которые государство отпускало ему на его личные потребности. Он тратил их на высокохудожественные произведения и тем украсил государство, развивал в нем возвышенные вкусы и потребности и этим привлек тысячи путешественников в Баварию и создал ей славу и обогащение. Наконец, он тратил деньги в своем государстве и тем обогатил десятки тысяч подданных.

Еще больше сделал Людвиг по отношению к театру. Опера Мюнхена была высшею в мире. Множество путешественников стекалось в Мюнхен исключительно для оперы. Народ был в восторге. Диво ли, что баварцы боготворили своего короля!..